

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume fifteen

THE TERRAN EMPIRE

A CIRCUS OF HELLS

THE REBEL WORLDS

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том пятнадцатый

ТЕРРАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

**ВСЕ КРУГИ АДА
МЯТЕЖНЫЕ МИРЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

Миры Пола Андерсона. Т. 15 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1997. — 351 с.

В очередной том собрания сочинений известного американского фантаста вошли продолжающийся цикл «Терранская Империя» романы «Все круги ада» и «Мятёжные миры».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

A Circus of Hells
Copyright © 1970 by Poul Anderson
The Rebel Worlds
Copyright © 1969 by Poul Anderson

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1997

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-268-1

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам
и поздравляет с удачным вложением денег.

В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.

Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...

Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Rīga, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
5	«Враждебные звезды» «После судебного дня» «Ушелец»	«Звездные нивы»	20
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция «Хаос»» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственников»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	«Аватара»	28
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

В пятнадцатый том собрания сочинений знаменитого американского фантаста Пола Андерсона вошли его романы «Все крути ада» и «Мятежные миры» из цикла «Терранская Империя».

Продолжаются приключения великолепного агента Доминика Флэндри. В первом из двух романов молодой лейтенант Флэндри проходит службу на заштатной пограничной планете Ирумкло. Империя готовится свернуть свою деятельность в этом секторе, по сути дела, добровольно уйти со сцены. Но есть люди, которым это не по нраву. Разные цели заставляют работать вместе главаря местной преступности Леона Аммона и верного слугу Императора Доминика Флэндри.

Но разведывательная экспедиция на мертвую планету Велунд оборачивается невероятными приключениями, с похищениями и погонями, с невероятными инопланетянами и, конечно, прекрасными девушками. От командующего секретной военной базой Мерсейи — державы, давно противостоящей Терранской Империи, — Флэндри впервые слышит имя Айхарайха, могущественного телепата и психолога, последнего представителя исчезнувшей цивилизации с планеты Херейон. Впоследствии двое суперагентов столкнутся еще не раз, пока долгая борьба не закончится окончательным поражением одного из них. И даже тогда у Айхарайха найдутся на Мерсейе достойные ученики, способные подчинить себе разум доверчивых...

А во втором романе — «Мятежные миры» — Империи угрожает не внешний враг, но внутренний. Слабовольный император Джосип назначает на один из ключевых постов беспринципного карьериста, своего любовника Снелунда, чья политика террора и наглости приводит к мятежу на Флоте. Для расследования в сектор альфы Южного Креста прибывает один из лучших агентов имперской секретной службы Доминик Флэндри. Но на чью сторону встанет он сам — на сторону законной власти, которую олицетворяет будто списанный с римских императоров Нерона и Калигулы Снелунд?

На сторону мятежного адмирала Мак-Кормака, вознамерившегося железной рукой навести порядок в декадентской Империи? На сторону невероятных аборигенов Дидоны, которые только пострадают от войны между терранами?.. Или на сторону женщины, в которую Флэндри влюбляется безнадежно и которой никогда не сможет обладать?..

Флэндри выбирает свой путь — путь одного из тех невоспетых героев, кто, несмотря ни на что, закрывает мир собой, удерживая приход Долгой Ночи, которая накроет Галактику после падения Империи...

ВСЕ КРУГИ АДА

THE END

Глава 1

Перед вами история о таинственном сокровище, которое охраняют странные чудовища, о муках плена на окраине вселенной и об отчаянной гонке среди рифов и отмелей с риском разбить корабль. В ней будет прекрасная девушка, волшебник, один или два шпиона и, конечно, борьба империй. Поэтому, как позднее любил говаривать Флэндри, она не может не начаться с совпадения.

Впрочем, некоторая доля вероятности того, что он встретит Тахвира Темного, все же была. В силу своей профессии они могли бывать в одних и тех же местах, и, кроме того, им, как и всем молодым людям, был присущ дух авантюризма. С тех пор как империализм вышел на межзвездный уровень, военный флот разросся настолько, что случайно столкнуться друг с другом двум случайно взятым звездоплавателям было почти невозможно. И все же такое бывало. Было так и в тот день, когда мерсейский боевой корабль нанес визит планете терран. Воистину жизнь, которая исключает невероятные события, статистически невозможна.

Планета звалась Ирумкло и находилась на расстоянии примерно двухсот световых лет от Солнца в приграничном районе той части Терранской Империи, которая обращена к Бетельгейзе. Лейтенант Доминик Флэндри был прислан сюда недавно. Вначале он горько сетовал на судьбу, но вскоре понял, что даже у жалкого комка глины могут быть свои достоинства. Мерсейское судно называлось «Бритиох». Этому крейсеру пришлось пересечь буферный регион безымянных, по большей части неисследованных звезд, расположенный между двумя пространствами, одно из которых управлялось от имени императора, а другое — от имени ройдхуна. Центральное правительство никогда бы не позволило вражескому кораблю, да еще с ядерными зарядами на борту, приблизиться к своей территории. А вот местные власти могли иной раз решиться на «визит доброй воли». Таким образом

они нарушали однообразное течение жизни и получали слабую надежду подсмотреть некоторые мелочи, которые, собранные вместе, иной раз высвечивали то, что противная сторона предпочла бы держать в секрете.

На сей раз в выгоде оказалась Мерсейя. По крайней мере, вначале.

Церемония началась с официального обмена приветствиями. Пока исполнялись принятые в таких случаях формальности, терране, может быть сами того не сознавая, испытывали приятное напряжение от факта встречи с теми, кого считали своими врагами. Дипломатическая вежливость никого не могла обмануть, в том числе и Флэндри. Дожив до двадцати одного года, этот юноша был опытнее большинства сверстников. Он прекрасно знал, что в известных случаях на вольных вечеринках в Старом Городе можно и выпить, и поразвлечься.

А, собственно, почему бы и нет? Эти парни и так слишком долго пробыли в глубоком космосе. Им еще предстоит преодолеть сто сорок световых лет, прежде чем впереди замаячит дальняя граница миров, которые они называют своими собственными. При максимальной гиперскорости весь путь займет не более десяти стандартных дней, но каких дней! Полет через враждебную, безграничную бездну способен измотать и самого опытного пилота. Мерсейскому кораблю придется сделать остановку, даже если хозяева окажутся сушими зверями.

«Впрочем, какие мы звери, — думал Флэндри. — Большинство из нас давно потеряло последние капли враждебности, в том числе и я», — усмехнулся он.

Он бы с удовольствием присоединился к предстоящему веселью, если бы имел такую возможность. Младшие офицеры с базы Ирумкло собирались устроить неофициальный прием в честь равных им по рангу гостей. (Старшие в это время развлекались в отдельном здании. Подобное преувеличенное почитание субординации удивило мерсейцев, некоторые были даже шокированы. Однако привычка уважать обычаи и традиции, в том числе и чужие, сделала свое дело, и они безропотно согласились разделиться.) Несколько офицеров с корабля могли говорить на английском, а вот эрио на всей планете знал один Флэндри. Кают-компания не имела выхода к лингвокомпьютеру, а на то, чтобы подключить временное устройство, не хватало времени. Потому-то начальству и понадобилось его присутствие, вернее его способности переводчика.

«Что ж, не беда», — рассеянно размышлял юноша. Он был высок и строен, носил форменный мундир, украшенный плюмажем шлем, и все девушки в округе сходили по нему с ума.

Несмотря на это, ему удалось остаться в добрых отношениях если не с командным составом, то, по крайней мере, со своими сверстниками.

В назначенный час лейтенант Флэндри переступил порог кают-компаний и отсалютовал портрету императора. Под пристальным взглядом капитана Абдуллы его рука проявила непривычную резвость, так что чуть не вылетела из плечевого сустава. «И каблуками шелкнуть не забудь», — скомандовал он сам себе. Поскольку впереди стояло несколько человек, у него появилась минутка, чтобы осмотреться.

Все столы, за исключением одного, на котором стояли закуски, вынесли вон. Из уважения к гостям вынесли также и стулья. Пустая комната стала выглядеть мрачновато. Висящие на стенах фотографии старших офицеров, трофеи и приказы о награждениях, казалось, только усугубляли тягостное впечатление. Одну из стен занимал телеэкран, на котором жил своей жизнью терранский парк, клонились под ветром деревья, вдали темнела башня богатого особняка, а висевшие в воздухе летательные аппараты сверкали как алмазная пыль. Картина не достигала своей цели. При взгляде на нее человек слишком хорошо понимал, как далек от него весь этот домашний уютный мирок. Флэндри предпочитал реальную темень за реальным окном. Широко распахнутое, оно позволило теплomu ветерку наполнить помещение чужеземными ароматами.

Мерсейцы являли собой как бы доказательство того, что за пределами Ирумкло жизнь не кончается. Сорок из них стояло сейчас в строю, выдерживая церемонию представления со стоицизмом, достойным расы воинов.

Внешне они напоминали необычайно крупных мужчин. Ценители резких, угловатых форм нашли бы их лица вполне привлекательными. На каждой руке у них было по пять пальцев, а пропорции основных частей тела сильно походили на человеческие. Однако туловище мерсейца было наклонено вперед, и от падения его удерживал тяжелый хвост. Сандалии на ногах не могли скрыть сплюснутых, перепончатых ступней с длинными когтями. Кожа, лишенная волосяного покрова, казалось, была покрыта едва заметными чешуйками. Цвет кожи разнился от светло-зеленого, самого распространенного среди этих существ, до золотисто-коричневого и от золотисто-коричневого до ярко-черного. На голове, там, где у людей мы привыкли видеть уши, располагались два гладких конических отверстия. Общую картину завершал зубчатый хребет, который сбегал с затылка по всей спине и до кончика хвоста.

Большая часть этого странного тела скрывалась за униформой, которая состояла из мешковатого мундира и ладно пригнанных брюк, отделанных серебряной ниткой. Знаки отличия располагались на брюках. Глядя на них, можно было определить семейную принадлежность мерсейца, его звание и род войск. Гости любезно позаботились о том, чтобы не иметь при себе оружия. Привычные для них пистолеты на широком ремне на сей раз отсутствовали. Терране в свою очередь воздержались от требования убрать большие боевые ножи с ручкой-кастетом.

• Флэндри понимал, что терране и мерсейцы не в состоянии жить в мире совсем не потому, что слишком не похожи друг на друга. Общие черты — вот что вело к распрям. Их объединял одинаковый тип родных планет, были сходны и планеты, которые они желали получить, едиными были агрессивная энергия теплокровных животных, охотничьи инстинкты предков, гордость и воинственный дух...

— *Афал* Имен, позвольте представить лейтенанта Флэндри, — произнес Абдулла. Молодой человек поклонился огромной фигуре, обладатель которой носил звание, примерно равное званию капитана терранского флота, и в ответ получил кивок радостной физиономии, украшенной гребнем. Процедура знакомства продолжилась. Двигаясь вдоль строя, Доминик называл свое имя, отвечивал поклон и неизменно задавался вопросом, когда же закончится этот фарс и можно будет выпить. То же самое, вероятно, интересовало и мерсейцев.

— Лейтенант Флэндри.

— *Меи* Тахвир.

Они остановились и замерли с открытыми ртами. Флэндри первым пришел в себя, поскольку заметил, что слишком долго стоит по стойке «смирно».

— Какая приятная неожиданность, — пробормотал он на английском и затем, слегка придя в себя, произнес на эрио: — Приветствую тебя, Тахвир из ваха Руэт.

— Желаю тебе силы и здоровья, Доминик Флэндри с Терры, — ответил мерсеец.

На короткое мгновение их взгляды задержались друг на друге, после чего юноша перешел к следующему офицеру.

Спустя мгновение ему уже удалось справиться с изумлением. Конечно, новая встреча с Тахвиром явилась полной неожиданностью, однако на первый взгляд в ней не было ничего важного. Тем не менее он никак не мог справиться со своей ролью светского человека и переводчика: внимание то и дело рассеивалось, взгляд выискивал среди собравшихся старого знакомого.

Да и сам Тахвир был слишком молод, чтобы скрыть беспокойство по поводу происшедшего.

Лишь через два часа им удалось сойтись вместе. Оба в одно время избавились от своих собеседников и подошли к столу с закусками. Флэндри первым сделал шаг к сближению:

— Что вам налить? Боюсь, что все напитки с вашей планеты закончились. Остался один теллох.

— Ну нет, это отвратительное пойло. Мне вот нравится ваш... как его?... скотч, кажется?

— Хороший выбор, — Флэндри наполнил стакан.

В продолжение вечера он успел уже принять изрядное количество виски, поэтому новую порцию предпочел бы выпить со льдом. Однако рядом стоял мерсеец, перед которым нельзя показаться слабаком.

— Ваше здоровье, — не стал медлить Тахвир. В его устах привычные слова звучали с акцентом, своеобразие которого нельзя передать на английском.

Терранин усвоил мерсейскую речь гораздо лучше, почти в совершенстве.

— *Тор ихвелл.*

Обеими руками он протянул стакан так, чтобы позволить своему визави сделать первый глоток.

Вслед за первым глотком Тахвир сделал второй, уже из своего стакана, и вдвое уменьшил его содержимое. Он слегка расслабился, поднял голову и улыбнулся. Однако глаза, смотревшие исподлобья, оставались внимательными и строгими.

— Как вас занесло в эти края? — спросил мерсеец.

— Приказ. Меня направили сюда на год. Терранский год. Что поделаешь, не повезло. Ну а вы?

— Та же история. Получил назначение на корабль. Я смотрю, вы теперь в разведке?

— Да и вы тоже.

Тахвир Темный — зеленый цвет его кожи имел более темный оттенок, чем это обычно бывает у жителей побережья океана Вилвид — не смог сдержать ухмылки.

— Решил попробовать себя в этой области. А вы на Мерсейе, помнится, были пилотом, — он сделал паузу. — Разве нет?

— Точно так, — ответил Флэндри. — Я перевелся позднее.

— По совету капитана Абрамса?

— В общем-то, да. Он, кстати, получил повышение.

— Знаю. У нас имеется к нему некоторый интерес.

«Неудивительно, — подумал Флэндри, — после той истории на Старкаде. Сказать по правде, мы с Максом Абрамсом нарушили

тогда схему, которую создал не кто иной, как Брехдан Железный Рок, глава Великого Совета Ройдхуната.

Что тебе известно об этом, Тахвир? Когда Абрамс и я прибыли в твой мир в составе миссии Хауксберга, тебя приставили ко мне в качестве гида и, одновременно, негласного шпиона. Общественность так и не узнала правду о Старкаде. Никто из причастных к этому делу никогда бы не решился передать информацию постороннему лицу.

Конечно, ты нас помнишь, Тахвир. В одном у тебя не должно быть сомнений: с нашей помощью Мерсейя получила массу неприятностей. Представляю, сколько беспокойства доставила тебе наша встреча.

Лучше бы переменить тему разговора».

— Завтра вы еще будете здесь? Конечно, Ирумкло не так интересна, как Мерсейя, но мне бы хотелось, в память о нашей первой встрече, показать вам местные достопримечательности.

Ответ последовал далеко не сразу.

— Спасибо, но это невозможно. Я уже договорился проехать по планете вместе с товарищами по кораблю.

На эрио фраза подразумевала тип договоренности, которую нельзя нарушить без ущерба для своей чести.

Флэндри удивило, что мерсеец связал себя таким серьезным обещанием по столь незначительному поводу.

В чем дело? Неужели и они заразились знаменитым терранским декадансом? В этом случае понятно, что ему не хочется показывать, как ослабла их хваленая мерсейская добродетель.

— Не отделяйтесь от группы, — предупредил он. — Некоторые из здешних баров так же опасны, как и напитки, которые в них подают.

Тахвир издал характерный горловой смешок, расставил ноги, уперся сзади хвостом и принялся рассказывать о своих приключениях. Флэндри не собирался уступать. Так они развлекались до тех пор, пока терранина не позволили переводить скучнейший разговор двух военных инженеров.

Глава 2

Такова была предыстория. Впрочем, ее никто и не вспомнил, когда однажды ночью, восемь месяцев спустя, началось самое главное.

Едва зашло красно-оранжевое солнце, Флэндри вышел за территорию базы и направился вниз по склону холма. Никто не обратил на него никакого внимания. Прежний командующий

попытался было отбить у своих подчиненных охоту искать приключений — иной раз смертельно опасных приключений — в Старом Городе. Он объявил запрет на большую часть этого подозрительного места и решил даже построить на базе центр отдыха, вложив в него значительную сумму из собственных средств. Предполагалось, что в распоряжение офицеров будут предоставлены все возможности для занятий спортом, искусством и ремеслами, разрешенные азартные игры, а также прошедшие медицинский осмотр девицы. Однако городские боссы знали, как использовать влияние и деньги. Строптивец был переведен в более отдаленное и не столь значительное место. Новый командующий быстро демонтировал то, что было уже построено, и благодушно заявил, что его совершенно не интересует, чем занимаются пилоты в свободное от службы время. Поговаривали, что он получает не только должностной оклад.

Флэндри выглядел элегантно. Судя по новым, сиявшим на плечах кометам, его можно было принять за новичка. Однако берет, игриво надетый набекрень и нарушавший особенно строгие на этот счет правила, говорил об обратном. Фигуру юноши обтягивал мундир, который горел золотом и оттого казался каким-то нереальным. Белоснежные брюки ниспадали на полуботинки из великолепно выделанной кожи. Сзади развевался плащ, украшенный ярким рисунком, который фосфоресцировал в морозных сумерках. На ходу молодой искатель приключений напевал народную балладу о шотландце-лудильщике.

Неплохая маскировка для того, кто отнюдь не собирался развлекаться.

По дороге то и дело встречались заброшенные особняки, стоявшие посреди обширных парков. Флэндри подумал, что на этом клочке земли в каком-то смысле повторяется история человечества. Новые поселения растут и развиваются, получают некоторый вес в империи и затем начинают притягивать не только коммерсантов, но и аристократов. В Старом Городе кипела деловая и культурная жизнь. Провинциальная, конечно, жизнь, если принять во внимание отдаленность от центра. И все же в ней была настоящая энергия, вызывавшая чувство зависти у автохтонов.

Той ночью Ирумкло напоминала обломок кораблекрушения, выброшенный на берег волной империи. Часть оставленных зданий резко выделялась среди своих несчастных собратьев. Это означало, что они заняты дикарями. (Дикарей нельзя было сбрасывать со счета. Некоторые из них управляли большими организациями, которые занимались охотой на людей, не разбирая, кто прилетел сюда лишь на время, а кто находился здесь постоянно,

обслуживая летное оборудование.) За границами торгового порта варварство цвело пышным цветом, поскольку местные жители относились к цивилизации с нескрываемым и, возможно, вполне оправданным презрением.

Центральный район, с потушенными витринами мастерских и магазинов, остался позади. Флэндри стал двигаться осторожнее, держа руку на рукоятке пистолета. Здесь часто случались ограбления и убийства. Полиция была бессильна. Командующий, чувствуя себя обязанным что-либо делать, ограничился тем, что посоветовал офицерам не ходить по опасным местам в одиночку.

Флэндри был поражен, услышав о циничной рекомендации начальства некоторое время спустя после своего приезда.

— Мы бы могли все сделать сами. Нужно только организовать постоянные патрули. Почему он не отдал приказ? Ему что, все равно? Ну и командир нам попался.

Свое недоумение он выразил в частной беседе другому новобранцу, капитану-лейтенанту Айзеншмидту. Но тот, пробыв на планете чуть дольше и успев осмотреться, лишь пожал плечами:

— Командир как командир. Наша дыра другого и не заслуживает. Мы не представляем никакого интереса для Космофлота, потому сюда и присылают всяких проходимцев, мошенников и дураков. Хороший старший офицер всюду нарасхват. Даже если нам повезет и на планете случайно появится приличный человек, долго он здесь не протянет.

— Проклятье, мы же на границе, — Флэндри указал на окно, за которым уже стемнело. На фоне темного неба, в окружении мириад других звезд, красноватым светом сияла Бетельгейзе. — Вон там Мерсейя.

— Точно. Эти крокохвосты пролезут во все щели, если только их не остановить. Однако жить на краю света все равно что нигде не жить. По крайней мере так считает имперское правительство, которое дальше своего носа не видит. Да что я говорю, Дом. Ты же сам еще недавно был на Терре и знаешь, как выглядит оттуда мир. Думаю, уже в следующем поколении нам придется убираться с Ирумкло.

— Ну нет. Совершенно исключено. В этом случае оголяется весь фланг на расстоянии шести парсеков. Под удар будет поставлена торговля и... в общем, мы потеряем всякое влияние...

— Потеряем, — кивнул Айзеншмидт. — Но с другой стороны, местная коммерция перестала приносить существенный доход. С каждым годом прибыли становится все меньше и меньше. Кроме того, подумай, какую выгоду получит имперское казначейство, если прекратится финансирование наших операций.

У императора появится возможность получить дюжину новых дворцов с гаремами в придачу.

В то время Флэндри был еще не готов согласиться с ним. Слишком свежими оставались воспоминания о службе в боевом отряде. Да и школа, в которой ему пришлось учиться позднее, приучила уважать старших по званию. Однако прошли месяцы, он присмотрелся к жизни и смог сделать свои собственные, неутешительные, выводы.

Поначалу, во время походов в город, его привлекала мысль о встрече с бандитами, но случай так и не представился. Вот и в эту ночь все обошлось без происшествий.

Наконец Флэндри очутился у цели своего путешествия. Старый Город — это беспорядочное нагромождение зданий, возведенных в дни первых поселенцев. Большинство из них почти в точности повторяло ульеобразные жилища местных жителей, разве что несколько видоизмененные, приспособленные к удобствам иной формы существования. Двигаясь пешком в лабиринте узких, кривых улочек, освещенных огнями реклам, человек совершенно терялся от грохота, лязга, звона, шарканья ног, стука копыт, сиплых звуков музыки, в которые иной раз вплетался сдавленный крик о помощи или дикий вопль ярости. Под стать шуму были и запахи, где смешались запах пота и табачный дым, аромат духов и вонь, ладан и опиум. Запрудившая улицы толпа по большей части состояла из людей, хотя среди них то и дело мелькали автохтоны, разбавленные космическими пришельцами всевозможных видов.

Снаружи одного из увеселительных заведений, иначе никак не выделявшегося среди остальных, предприимчивый ирумклоец привесил транслятор, из которого лилась призывная речь на английском:

— Смелее! Заходите все! Никакой наценки! Никаких билетов! Все виды удовольствий! Хотите — развлекайтесь, хотите — расслабляйтесь, хотите — возбуждайтесь! Любые, даже самые экзотические, игры! Какие уютно ставки! Непрерывная череда немислимых наслаждений. Великолепная еда и выпивка, стимуляторы, наркотики, галлюциногены, в любое время, на любой вкус, каждому по средствам! Сексуальная техника семнадцати, да-да, семнадцати разумных рас. Добавьте сюда всевозможные видовые различия и биологические мутации, и вы поймете, что ни одно из ваших желаний не останется неудовлетворенным. Смелее! Заходите все!

Флэндри с трудом протиснулся сквозь толпу у входа и открыл дверь. Ее голубая обивка показалась очень холодной в морозном воздухе.

В прихожей было жарко и душно. Швейцар-терранин в крикливой униформе спросил:

— Добро пожаловать, сэр. Что желаете?

Внимательные глаза швейцара напоминали кусочки обсидиана.

— Вы Лем? — в свою очередь спросил Флэндри.

— Да. А вы?

— Меня ждут.

— В таком случае поднимайтесь на лифте до конца, это будет шестой этаж, затем пройдите по холлу налево до двери с номером 666. Встаньте напротив сканера и ждите. Когда вам откроют, идите вверх по лестнице.

— Шесть-шесть-шесть? — пробормотал Флэндри, чья начитанность превышала средний уровень его коллег. — Похоже, гражданин Аммон любит пошутить.

— Никаких имен, — Лем положил руку на висевшую у бедра электрическую дубинку. — Двигай вперед, парень.

Флэндри покорно выполнил все формальности, позволил себя обыскать и оставил пистолет на пропускном пункте. Он испытал большое облегчение, когда дверь 666 наконец открылась, поскольку шестой уровень был предназначен для любителей садомазохизма, и кой-какие детали поневоле бросились в глаза.

Офис, куда ему пришлось войти, своим размером и роскошью напоминал терранские апартаменты. Это ощущение усиливалось объемным изображением розового сада, украшавшим одну из стен. Впрочем, первое впечатление значительно ослабло, когда, при более внимательном рассмотрении, выяснилось, что антикварная мебель сильно потрепана, а новая — кричаще безвкусна. Кроме неодушевленных предметов в помещении находился терранин Леон Аммон и горзунианский наемник, который стоял в углу словно статуя, обросшая волосами. Даже когда Флэндри повернулся к горзуни спиной, характерный мускусный запах продолжал напоминать, что при первом неверном шаге бдительное чудовище разорвет гостя на куски.

— Добрый вечер, — процедил сквозь зубы человек за столом. Это был жирный, потный мужчина, с совершенно лысой головой, одетый в шикарный, хоть и не совсем свежий комбинезон. Говорил он высоким, резким голосом. — Ты знаешь, кто я такой, да? Садись. Сигару? Бренди?

Флэндри не стал отказываться, тем более что и то и другое было высшего качества.

— Неплохой напиток.

— Держись меня и получишь кое-что получше, — ответил Аммон, улыбаясь одними губами. — Ты никому не сказал о приглашении, которое принес мой человек прошлой ночью?

— Конечно, нет, сэр.

— А если б и сказал, мне какое дело? Нет ничего противозаконного в том, чтобы пригласить своего молодого приятеля выпить и немного поболтать. Верно ведь? Но у тебя могли бы быть большие неприятности. Очень большие. И ты ошибаешься, если думаешь, что дело тут в капитане.

У Флэндри имелись кой-какие соображения насчет происхождения некоторых субъектов с шестого этажа. Промывание мозгов... Пластические операции... Внимательно рассматривая кончик своей сигары, он сказал:

— Думаю, вы пригласили меня не затем, чтобы попугать.

— Конечно, нет. Мне нравится твое поведение, Доминик, — ответил Аммон. — Особенно с тех пор, как ты стал появляться в Старом Городе. На первый взгляд ничего особенного. Веселые, озорные проделки, а присмотришься: все организовано как на военных маневрах. В тебе чувствуется твердость, хладнокровие, даже скрытность. Мне захотелось узнать, откуда мог появиться такой парень.

Флэндри стало не по себе. Многочисленные случаи, когда на него пытались тем или иным образом надавить, стали выглядеть как точно запланированные действия для проверки его реакции.

— Не много же вам удалось выяснить. Какие сведения можно получить о лейтенанте, который и звание получил совсем недавно? В прошлом пилот, переведен в разведку, послан на Терру для переподготовки. Затем прибыл сюда для выполнения наблюдательных работ.

— Это-то как раз и непонятно. Если тебя хотели сделать шпионом, почему ты вот уже год как прозябаешь в такой дыре, как наша планета, практически выключенный из системы?

— Мне необходима практика разведывательной работы, особенно на плохо известных планетах. Нельзя оставлять без внимания не занятую людьми территорию. Того и гляди, наши мерсейские приятели расположат там военную базу или устроят какой-нибудь подвох. Корабли разведки должны постоянно патрулировать неосвоенное пространство. Впрочем, вряд ли это поможет.

— Разумный ответ. Думаю, ты зря растрачиваешь свой талант. Тем не менее факт остается фактом: тебе пришлось оказаться на этой планете, я тебя заметил и решил познакомиться.

Мне известно гораздо больше, чем стоит в официальных документах, малыш. Ловко вы тогда провернули ту операцию на Старкаде.

Флэндри испытал настоящее потрясение. Как далеко, должно быть, зашло разложение, если агент второстепенного воротилы криминального бизнеса, да еще на этой забытой Богом планете, смог добыть такого рода информацию.

— Несомненно, твое положение скоро поправится, — сказал Аммон. — Тебе даже не придется ничего для этого делать. Ну а как насчет того, чтобы заработать до отъезда? Неплохо заработать, можешь положиться на мое слово, — он потер руки. — Очень неплохо.

— Трудно сказать, — ответил Флэндри. Если его биографию действительно изучили так тщательно, как это кажется со стороны, бессмысленно делать вид, что он обладает каким-либо капиталом или не нуждается в средствах. Для серьезного продвижения по службе необходимо иметь немалые деньги. — Не забывайте, что я приносил присягу.

— Конечно, конечно. Я бы не стал просить тебя ни о чем, что могло бы повредить его величеству. Мы ведь лояльные граждане, верно? Я бы мог рассказать, что от тебя потребуется, но ты должен мне пообещать держать язык за зубами.

— Вы вполне доходчиво объяснили, почему мне вредно много болтать.

Аммон захихикал.

— Верно, верно. Ты умный парень, Доминик. И к тому же довольно красивый, — добавил он, внимательно рассматривая своего собеседника.

— Что умный, не спору. А красоту оставим, — возразил Флэндри. Сам он считал свое лицо слишком худым и длинным и планировал, когда появятся деньги, избавиться от этого недостатка.

Аммон вздохнул и вернулся к делу.

— Все, что я хочу, — это чтобы ты обследовал для меня одну планету, когда в следующий раз полетишь в разведывательный рейс. Возвращайся с рапортом, который мы, конечно, будем держать в секрете, и получай свой миллион, в мелких купюрах или в любой другой форме — как пожелаешь. — Он залез в стол и вынул оттуда пакет. — Если согласен, вот задаток: сто тысяч долларов.

«Миллион! Мать честная!» Флэндри пытался не поддаваться эмоциям. *«В принципе это не такая уж большая сумма. Однако ее вполне достаточно, чтобы встать на ноги: специальное снаряжение, нужные знакомства. Можно будет избавиться от необходимости экономить деньги на отпуск».* Отстраненная часть его

«я» с одобрением отметила холодный тон, с которым он произнес:

— Я должен буду выполнить задание.

— Знаю, знаю. Тебе не придется никого обманывать. Повторяю, мы лояльные граждане. Однако ты бы мог сделать небольшой крюк. Какие-нибудь две лишние недели...

— С меня скальп снимут, если кто-нибудь узнает.

Аммон кивнул:

— Вот потому-то я так уверен, что могу надеяться на твое молчание. А ты в свою очередь можешь надеяться на мое, потому что дача взятки имперскому офицеру — тяжкое преступление. Вообще в делах такого рода не принято ставить в известность власти или налоговую службу.

— А почему вы не пошлете свой собственный корабль?

Толстяк не стал лукавить:

— У меня нет корабля. А нанять гражданского пилота я не могу, потому что его трудно контролировать. Особенно типов из Старого Города. Если там прослышат о моем деле, мне скорее всего перережут горло. Смешно сказать, но у старого Леона не хватает влияния даже на такой жалкий шарик, как эта планета.

Он перегнулся через стол.

— Но у меня будет влияние. — При этих словах его глаза затауманились, а в голосе послышалась дрожь. — Как только ты мне скажешь, что овчинка стоит выделки, я заложу все свое имущество, соберу надежных людей, куплю оборудование. Первые несколько лет мы будем работать в тайне. Продавать по секретным каналам, а прибыль помещать в надежные тайники. А потом настанет время, когда я выйду на поверхность, подчищу свою биографию, начну платить налоги, перееду на Терру. Может быть, куплю себе дворянство, может быть, займусь политической. Но главное: у меня появится влияние! Понимаешь? Влияние!

«Еще бы не понять», — подумал Флэндри.

Аммон вытер пот со лба.

— Ты бы, наверно, хотел занять влиятельного друга, — улыбнулся он. — Верно?

«Компаньона, — поправил его мысленно Флэндри. — И только в самом крайнем случае. О друге и речи быть не может».

Вслух же он сказал:

— Положим, я смогу подкорректировать судовой журнал, внести несколько записей о неисправностях, которые стали причиной задержки. У меня довольно быстрая машина, но ей уже много лет, так что ремонты мало помогают. Но вы не сказали,

сэр, что же это за таинственное задание, которое мне предстоит выполнить.

— Скажу, скажу. — Аммон справился наконец со своими эмоциями. — Речь идет о затерянном сокровище. Слушай. Пятьсот лет назад здесь была база Торгово-технической Лиги. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Флэндри, который также овладел своими чувствами, серьезно кивнул. Он бы не раздумывая предпочел нынешнему золотому веку те светлые, просторные дни, когда ни одно дело не казалось слишком сложным для человека и ни одно расстояние — слишком большим.

— Она, кажется, была уничтожена во время налетов, — сказал он.

— Точно. Однако несколько подземных сооружений уцелело. Все там в очень плохом состоянии — страшно войти. Туннели то и дело обваливаются, зверье всякое бегает — да ты знаешь. Я подумал, что эти катакомбы могут быть полезны. Приказал, чтобы их исследовали — и что ты думаешь? Получил микро пленку. На пленке записаны координаты и галактическая орбита некой планетарной системы за пределами принадлежащего Терре пространства. Компания «Марсианские минералы» разрабатывала месторождения в одном из миров этой системы. Они никогда не сообщали о своей работе. Ты же помнишь, какая разгорелась конкуренция в конце эры Лиги. Вот почему информация о системе оказалась полностью утраченной. Однако в былое время там неплохо развернулись.

— Тяжелые металлы, — обронил Флэндри.

Аммон недоуменно посмотрел на него:

— Как ты догадался?

— А что еще может добывать рудная компания на таком расстоянии от центров цивилизации? Да! — Флэндри понесло. — Молодая, богатая металлами звезда, не менее богатые планеты, на одной из них полностью роботизированная база... Она ведь была роботизирована, верно? Центральный компьютер первого уровня — могу поспорить, он моделировал человеческое сознание, — аппараты, которые ищут месторождения, добывают, обогащают, складывают, загружают прибывающие корабли; может быть, изготавливают для них запасные части и производят текущий ремонт. И вдобавок постоянно расширяют свои собственные возможности. Люди, конечно, полностью отсутствуют. Не думаю, чтобы на планету с такой концентрацией радиоактивных металлов можно было заполучить хоть одного человека. Легче да и дешевле иметь полностью автоматизированное производство.

— Совершенно верно, — закивал Аммон, отчего его второй подбородок задрожал мелкой дрожью. — В действительности речь идет не о планете, а о луне. Сама планета больше Юпитера. Вернее массивнее — примерно в тысячу масс Терры, при сравнительно небольшом размере. Луна — Велунд ее название — имеет массу в тридцать раз меньше массы Терры, а силу тяжести всего в два раза меньше. Такая вот штучка.

«Что дает удельную плотность 11,0, — немедленно вычислил Флэндри. — Уран, торий, может быть, немного нептуния и плутония, осмий, платина. Редкие металлы ждут не дождутся, когда их выкопают. Боже мой, ну и богатство...»

Не забывая о том, чтобы внешне оставаться хладнокровным, лениво растягивая слова, он произнес:

— Миллион теперь уже не кажется слишком большой суммой. Учитывая, какие вы получаете возможности.

— Этого вполне достаточно за работу наблюдателя. Ведь от тебя требуется только отчет о Велунде. Весь риск лежит на мне. Во-первых, есть риск, что ты пойдешь и передашь кому следует наш сегодняшний разговор, в надежде на скорое вознаграждение и быстрый перевод в другое место. Положим, это не так страшно. Ты слишком амбициозен и слишком хорошо узнал изменчивость здешних правил, чтобы приспособливаться. Да к тому же, кажется, и не глуп. Во всяком случае способен понять, каким образом я могу отвести от себя любые обвинения. Затем, даже если ты станешь играть честно, есть опасность, что планета не имеет никакой ценности. Целый миллион вылетит в трубу. Да где там миллион — гораздо больше. Нужно нанять партнера — надежного партнера, а такие стоят недешево. Плюс снаряжение для него, плюс транспортировка в то место, где бы он мог сесть на твой корабль. Нет, парень, ты зря жалуешься, скупым меня не назовешь.

— Минутку, — изумился Флэндри. — Что еще за партнер?

Аммон ухмыльнулся:

— А ты думал, я тебе позволю лететь одному? Держи карман шире. Где гарантия, что в случае успеха ты не сообщишь мне ложные сведения, а сам наведаешься туда как гражданское лицо?

— Я полагал, что при отрицательном результате вы... потребуете... меня подвергнут допросу под наркозом. А если никакого отчета вовсе не будет, значит, дело выгорело.

— А вдруг ты все же решишь получить вознаграждение и заявишь начальству, что случайно сбился с курса и набрел на интересную систему? Поверь, тебя ждет большое разочарование. Бюрократам новая планета не даст ничего, кроме лишних

хлопот. Ставлю сто против одного: они объявят твоё «открытие» государственной тайной и запретят под страхом судебного разбирательства даже упоминать об этом деле. Пойми, Доминик, в моем плане нет ничего оскорбительного. Просто я хочу подстраховаться, вот и все. Договорились? Мой агент полетит вместе с тобой. Навигационные координаты ты получишь от него, но не раньше, чем вы окажетесь далеко в космосе. Тебе придется терпеть его присутствие до тех пор, пока я не получу полный отчет. А в дальнейшем, как свидетель твоего поведения во время несения службы, свидетель, который подтвердит свои показания даже под гипнозом, он будет отличной страховкой от любых неожиданностей.

Флэндри выпустил изо рта большое кольцо дыма.

— Что ж, согласен, — процедил он. — Комета достаточно просторна для двоих. Придется только устроить лишнюю койку и... Впрочем, это мы обсудим позднее. Думаю, я смогу согласиться на ваше предложение, если будут выполнены некоторые условия.

Если бы Аммон не был лыс, волосы у него сейчас встали бы дыбом. Горзуни, почувствовав раздражение хозяина, угрожающе зарычал.

— Условия? Ты! ставишь! мне! условия?!

Молодой нахал успокаивающе замахал сигарой:

— Ничего невыполнимого, сэр, — беззаботно произнес он. — По большей части это предосторожности, которые вы, я уверен, признаете вполне разумными и о которых наверняка сами уже подумывали. Что касается агента, пожалуйста, не нанимайте мужчину. Боюсь, что жизнь плечом к плечу с каким-нибудь неумным головорезом может стать совершенно невыносимой. Найдите мне симпатичную девушку, такую, чтобы у нее и в голове что-то было. Как, не слишком большая просьба?

Доминик прикладывал громадные усилия, чтобы выглядеть в глазах Аммона спокойным и хладнокровным, но сердце его готово было выскочить из груди. И дело здесь не только в деньгах, риске и предвкушении авантюры. Он согласился сюда прийти, повинувшись неосознанному инстинкту, движимый одновременно любопытством и скукой. У него и впрямь мелькала мысль, что, если проект окажется слишком сумасбродным, стоит наколоть этого старого мошенника и улизнуть на какое-нибудь длительное задание, чтобы оказаться вне досягаемости рук убийц.

Но вдруг перед ним возникло смутное, бесформенное, но вместе с тем грандиозное видение.

Глава 3

Джана была не из тех людей, кого можно легко смутить. Однако когда дверь позади захлопнулась и она увидела, что ее ожидает, резкое «нет» вырвалось из груди девушки и прозвучало как крик о помощи.

— Не нужно пугаться, — произнесло нечто, похожее на чудаковатого коротышку. Транслятор преобразовывал шипение и свист, исходящие из нижнего клюва странного существа, в привычные звуки англика. — Никто не причинит вам вреда. Скорее наоборот, вам желают помочь.

— Вы... со мной говорил человек.

— Подставное лицо. Не хочется, чтобы Аммон прознал о нашей встрече, а уж он, конечно, постарался установить за вами наблюдение.

Джана незаметно ошупала дверь за спиной. Как и следовало ожидать, замок закрылся автоматически. Девушка схватилась за свою яркую объемистую сумку. На свет появился пистолет. Очаровательной пленнице и прежде приходилось выдывать всякие виды.

Собравшись с духом, облизнув высохшие губы, она произнесла:

— Ну нет, только не с чужаком. — И тут же, боясь, что ее собеседник может обидеться, поправилась: — Я просто не могу с нелюдьми.

— Думаю, изрядная сумма денег легко могла бы изменить ваши правила, — ответил тот, кого только что назвали чужаком. — О вашей жадности ходят слухи. Впрочем, у меня совсем другое предложение. — Грузное серое туловище на четырех тонких ногах придвинулось ближе к девушке. Голова существа сидела посередине того, что у терранских животных называлось бы спиной, и едва доставала до груди терранки. Имелось также двое щупальцев, одно из которых каким-то сложным движением расправило попону — единственное одеяние, покрывавшее тело, а другое держало в бескостных пальцах транслятор. Оно управлялось с инструментом с поразительным мастерством и сумело придать чужеземным звукам чарующие ноты:

— Вы, должно быть, слышали обо мне. Меня зовут Ракс, старый добрый Ракс, единственный представитель своей расы в данном мире. Могу вас уверить, что мои органы оплодотворения существенно отличаются от терранских, так что ваше предположение довольно комично.

Джане стало несколько легче. За три года, что она пробыла на Ирумкло, ей и вправду приходилось слышать об этом странном создании. Девушка порылась в памяти и вспомнила, что

Ракс торговал наркотиками, как разрешенными, так и запрещенными, и прибыл сюда из... Откуда же он прибыл? Никто не знал и не интересовался этим. Была наверняка какая-нибудь планета с непроизносимым названием в отдаленной части вселенной. Должно быть, Раксу пришлось бежать оттуда, чтобы спасти свою шкуру. А дальше, по всей видимости, произошла самая обыкновенная история: долго странствовал по разным местам империи и наконец осел в этой обители, которая готова принять любого постояльца.

Да кто может перечислить все расы в пределах Терранской Империи? Нет таких. И откуда им быть, если диаметр империи, по самым скромным подсчетам, составляет 400 световых лет. К тому же границы этого немыслимого пространства четко не определены. Здесь содержится около четырех миллионов звезд, по большей части со спутниками. Положим, половину из них хотя бы раз посетил терранский корабль и увез с собой несколько местных рекрутов. Добавим сюда сотню тысяч миров, которые могут похвастаться постоянной связью с центром империи — чаще всего спорадической связью — и гордо называющих себя союзниками — чаще всего чисто номинальными союзниками. В результате мы получим такое количество разновидностей разумных существ, которое не способен вместить ни один мозг.

Джана успокоилась настолько, что смогла осмотреться. Квартира, в которой она находилась, была обставлена руками человека, причем человека с очень дурным вкусом. Должно быть, здесь жил тот самый мерзавец, который и зазвал ее сюда. Теперь он, конечно, ушел. Хотя внутренняя дверь была заперта, девушка не сомневалась, что кроме нее и Ракса в квартире никого нет. Тишина угнетала. Приглушенный гул автомобильного движения, доносившийся с улицы, был так же бессилен разрядить обстановку, как слабый свет уличных фонарей был бессилен осветить помещение. Неожиданно Джана почувствовала запах собственных духов. «Черт дернул так надушиться», — подумала она.

— Присядьте, — Ракс придвинулся еще ближе. Судя по неловкости, с какой он это сделал, сила тяжести на его родной планете была значительно ниже 0,96 g. (Гравитация на Ирумкло соответствовала именно такому значению.) Интересно, держит чужак у себя дома генератор гравитационного поля?.. Если, конечно, у него вообще есть дом.

Девушка глубоко вздохнула, мотнула головой, так что волосы рассыпались по плечам, и капризно сморщилась:

— Мне, вообще-то, деньги надо зарабатывать.

— Конечно, конечно, — левое щупальце Ракса скользнуло в карман и вынуло купюру. — Здесь вдвое больше того, что вы

берете за час. Я специально справлялся о вашей таксе. Все, что вам нужно, — это слушать. Слушать и мотать на ус, потому что дело идет о приличных деньгах.

— Ну ла-а-адно, — Джана опустила купюру в сумку, нашла себе стул, села, вынула сигарету и закурила. Свои внутренние ощущения она оценила как смесь страха и возбуждения: страха, потому что речь, по всей видимости, шла о заговоре против Аммона, который умел отплатить за предательство; и возбуждения, потому что у нее появился реальный шанс составить некоторый капитал и, может быть, даже покончить с бесконечной суетой.

Ракс расположился напротив. Понять выражение лица существа, не имеющего ничего общего с человеком, не было никакой возможности.

— Послушайте сначала, какой информацией располагают те, кого мне поручено здесь представлять, — раздалось из транслятора. Голос, который вылетал из импульсного повторителя и в точности копировал грамматику, словарный запас и произношение англика, звучал довольно мрачно. — Младший лейтенант Флэндри был замечен в том, что несколько раз тайно встречался с Леоном Аммоном.

«А им-то какое дело», — подумала было Джана, но немедленно оставила все размышления и сосредоточила внимание на словах Ракса.

— Расследование показало, что люди Аммона в результате раскопок в окрестностях города наткнулись на некоторые интересные вещи. Какова природа этих вещей, известно лишь самому Аммону и нескольким его особенно близким помощникам. Мы подозреваем, что те, кто видел находку, получили крупное вознаграждение за согласие подвергнуться операции по уничтожению участка памяти, в котором хранилась интересующая нас информация. Кроме, быть может, одного человека, чей труп недавно обнаружили на улице Матушки Чикенфут. Вы в свою очередь находились в близких отношениях сначала с Аммоном, а затем с Флэндри.

— Ну он... — произнесла было Джана.

— Совпадение исключено, — оборвал ее Ракс. — Тем более что на свою зарплату младший лейтенант не в состоянии позволить себе такого рода удовольствия. Известно также, что Аммон тайно приобрел космическое снаряжение и нанял межпланетный грузовой корабль, пользующийся дурной репутацией, с тем чтобы перевезти купленное на самую дальнюю планету нашей системы. Там оборудована специальная пещера, снабженная небольшим радиомаяком, который автоматически начинает действовать, как только поблизости появляется космический корабль.

Неожиданно Джана поняла, по какой причине шкипер Орсини был так необычайно щедр вскоре после своего возвращения. Ракс подкупил его.

— Никак не могу понять, о чем вы говорите, — произнесла она, глубоко затянувшись.

— Лукавите, — возразил Ракс. — Доминик Флэндри — пилот-наблюдатель. Вскоре он должен отправиться в регулярный рейс. Похоже, Аммон попросил парня сделать что-то помимо задания. Поскольку груз, отправляемый на планету Восемь, состоит из топлива и исследовательского оборудования, работа, очевидно, будет заключаться в изучении некоей планеты где-то на неосвоенной территории. Отсюда вывод: Аммон нашел старинную запись о существовании мира, представляющего, по-видимому, большую ценность. Вам поручили следить за ним. Зная склонности Флэндри, можно не удивляться, что он настоял на такого рода попутчице. Естественно, вас решили познакомить, чтобы посмотреть, сможете ли вы ужиться друг с другом во время многодневного полета. С помощью Орсини вы попадете на планету Восемь. Флэндри тайно там приземлится, заберет вас вместе с оборудованием и продолжит полет. Затем этот процесс повторится, но в обратном направлении, и Аммон получит два независимых отчета.

Джана молчала.

— Мне не требуется от вас ни подтверждения, ни опровержения моих слов, — продолжал Ракс. — Моя организация знает об этом все. Но где находится пропавшая планета? Почему она имеет такую большую ценность?

— На кого вы работаете? — едва слышно спросила девушка.

— Это вас не касается. — Ракс произнес свои слова довольно мягко, так что Джана не обиделась. Главари мафии на Ирумкло в случае надобности легко шли на убийство.

— Вы ничем не обязаны Аммону, — настаивал чужак. — Скорее наоборот, должны не любить его. Ведь любой, кто предпочитает работать независимо и составляет таким образом конкуренцию увеселительным заведениям, обязан платить за так называемое покровительство.

Девушка вздохнула:

— Не он, так другой — какая разница.

Ракс вынул пачку банкнот и потряс ими в воздухе. Раздался характерный хрустящий звук. Джана на глаз оценила сумму: с ума сойти, не менее десяти тысяч!

— Получите, если ответите на некоторые мои вопросы, — пояснил космический урод. — Может статься, это только начало.

Терранка нервно затянулась, чтобы выиграть время и подумать. *«Если дело окажется слишком рискованным, я всегда смогу пойти к Аммону и сказать, что меня обманули. Конечно, четырехногий мерзавец тут же узнает, что его выдали, и тогда придется бежать».* Приступ бессильной ярости: *«Ну нет, больше меня никто не заставит бежать!»*

Тщательно подбирая слова, она произнесла:

— Они объяснили лишь самое необходимое. Вы же понимаете, что им выгодно держать главную информацию в тайне вплоть до момента вылета. Ваши догадки в принципе справедливы, но я мало что могу к ним добавить.

— А Флэндри ничего не говорил?

Джана наконец решилась:

— Ну хорошо, давайте сюда деньги.

Забрав пачку, она пересказала то, что открыл ей пилот. (Они провели две на удивление приятных ночи. Однако сейчас лучше об этом не вспоминать.)

— Он пока не знает ни координат, ни типа звезды. Известен только состав металлов. Планета должна быть где-то недалеко от заданного маршрута. Однако, по его словам, возможны тысячи вариантов.

— Значительно больше. — Ракс потерял контроль над интонацией. Звуки, которые вылетали из транслятора и служили эквивалентом испуганного шепота пришельца, можно было сравнить разве что со скрежетом пилы. — Великое множество звезд... сотни миллиардов в одной только нашей галактике... и мы, на краю гигантской спирали, там, где звезд уже почти нет — одна пустота... что мы можем знать?... на что повлиять?

Голос пришельца снова стал монотонным и деловым.

— Однако наша цель стоит любых усилий. За свой отчет вы получите довольно крупную сумму. При некоторых обстоятельствах, миллион.

«Столько же, сколько обещают заплатить Ники. Плюс сто тысяч от Леона», — Джана покачала головой:

— За мной будут следить, Ракс. Если окажется, что Велунд действительно набит редкими металлами, с меня глаз не спустят. Зачем человеку деньги после того, как его пристрелят? — Она поежилась. — А ведь есть еще промывка мозгов. Представляете, что случится, если эту банду по-настоящему разозлить? — Девушка сунула в пепельницу окурков, который жег ей пальцы, и вынула новую сигарету.

«Миллион! Миллион пачек сигарет! Ну нет, только без глупостей. Первое, что нужно сделать, — это положить деньги в банк, а тратить проценты. Не слишком шикарная получится жизнь, но

зато вполне обеспеченная и совершенно безопасная. И главное: я буду свободна. Свободна!»

— Потом вам придется скрыться, — сказал Ракс. — Что же, исчезновение также входит в план операции.

— Значит, мы... наш корабль... не вернется назад?

— Именно так. Военные организуют поиски. Естественно, безрезультатные. Пройдет довольно большой срок, прежде чем Аммон найдет нового разведчика. А за длительное время планы любого человека могут измениться... или сам человек исчезнет. Вам же мы предоставляем полную свободу выбора. Хотите — летите на Терру, хотите — в любое другое место.

Джана закурила. У сигареты появился неприятный привкус.

— А что будет с ним?

— С младшим лейтенантом Флэндри? При грамотной организации дела нам не понадобится причинять ему большого вреда. Учитывая, какие суммы вовлечены в операцию, можно легко позволить себе нанять опытных специалистов с хорошим оборудованием, чтобы удалить из его памяти последние по времени воспоминания, не нарушив целостности сознания. Парня оставят в каком-нибудь легкодоступном месте, где он вскоре будет найден. Все, конечно, подумают, что корабль захватили мерсейцы, которые и обработали беднягу с помощью гипноза.

Ракс подался вперед.

— Позвольте мне дать вам один личный совет, — продолжил он. — Если окажется, что Велунд ничего не стоит, делайте все так, как требует Аммон. Когда же о нашей истории немного позабудут, найдите меня и расскажите подробности. Больше всего нас интересует Флэндри. Постарайтесь как можно больше выудить из вашего приятеля. Любопытно было бы узнать, каковы его планы относительно полученного задания. Как-то не верится, что он собирается честно отрабатывать обещанные деньги. Видите ли, моя организация нуждается в покладистых офицерах. Поскольку подобная просьба не влечет за собой ни дополнительного усилия, ни большого риска, ваш гонорар в этом случае составит сто тысяч.

«Плюс то, что уже лежит в сумке, — восторженно сосчитала девушка, — плюс деньги от Леона!»

— А что, если Велунд все же имеет ценность? — еле слышно спросила она.

— Тогда вам придется захватить корабль. Это не составит большого труда. Флэндри вряд ли что-нибудь заподозрит. К тому же наши агенты позаботятся о том, чтобы контейнеры, содержащие микродвигатели, оказались пустыми. Не думаю, что вам

встретятся серьезные препятствия. Предназначенная для склада пещера никем не охраняется.

Джана нахмурилась:

— Это еще зачем? Как он сможет выполнить задание, если у него не будет возможности выйти в открытый космос?

— Не волнуйтесь. Ваш гонорар никоим образом не пострадает, если конечные результаты в силу той или иной причины окажутся ошибочными. Впрочем, он должен справиться. Речь ведь идет всего-навсего об исследовании месторождения. Лишая Флэндри возможности передвижения, мы преследуем лишь одну цель: оградить вас, лицо, представляющее для нас определенную ценность, от возможной опасности, которую в любой момент способен создать молодой и беспокойный пилот.

— Благодарю, я польщена, — усмехнулась Джана.

— После того как корабль окажется в ваших руках, вы направитесь в заранее условленное место. Вас возьмут на борт и выплатят вознаграждение — миллион кредиток, — закончил Ракс.

— Да-а...

«Проверь каждое слово, девочка. Если не будешь осмотрительной, обязательно попадешь в ловушку». Джана вздрогнула, вспомнив некие чудовищные челюсти, которые кусали ее за неповиновение одной влиятельной персоне. Собравшись с духом, она спросила:

— Почему бы вам просто не проследить за кораблем?

— Колебания пространства, вызванные работой гипердвигателя, обнаруживаются на расстоянии одного светового года, — спокойно объяснил Ракс, проявляя снисхождение к технической неграмотности девушки. — Именно такое расстояние является предельной границей для сообщения физических объектов. Если наше судно способно обнаружить местонахождение Флэндри, то он в свою очередь имеет точно такую же возможность. Не сомневаюсь, что ему удастся найти эффективные средства защиты.

— Понятно, — Джана посидела некоторое время молча, обдумывая свое положение, затем подняла голову. — Все, вы меня соблазнили. Но если говорить честно, я страшно напугана. С тех пор как я согласилась на эту работу, за мной следят днем и ночью. Вдруг Леону придет в голову устроить допрос под наркозом — что тогда?

— Мы позаботились и об этом, — ответил Ракс. — Вон там за дверью стоит гипнозод, подготовленный для амнезии. Мне приходилось производить такие операции. Если вы согласны на предложенные условия, вам введут в память координаты встречи, после чего все воспоминания о нашем разговоре будут удалены.

— Что? — сердце девушки сжалось от страха. Она осела в кресле. Сигарета выпала из ослабевших пальцев.

— Не нужно пугаться, — успокаивающе заговорил космический урод. — Мы не собираемся делать из вас зомби. Процедура ни к чему вас не принудит. Вы будете испытывать вполне естественное желание проникнуть в потаенные мысли Флэндри и научиться управлять кораблем. Вряд ли это можно назвать гипнотическим внушением. Все произойдет очень просто. Завтра вы проснетесь в крайне разбитом состоянии, которое, однако, скоро пройдет, и только воспоминания о прошедшей ночи по-прежнему останутся смутными. Внушение убедит вашу память, что вам пришлось принимать наркотики, а деньги в сумке укажут на бесполезность потраченного времени. Беспокойство по поводу происшедшего быстро улетучится, тем более что скоро вы отправитесь в космический рейс.

— Ну, не знаю... Я не принимаю сильно действующих наркотиков, Ракс.

— Возможно, клиент подмешал что-нибудь в выпивку. Однако продолжим. Ваши истинные воспоминания будут скрыты на глубине, не доступной допросу под наркозом. Стимулировать их выход на поверхность способны две возможные ситуации: во-первых, если Флэндри доложит Аммону, что Велунд не представляет никакой ценности, и, во-вторых, если он скажет вам, на месте проведения исследований, что результат положительный. В каждом из перечисленных случаев ваша память полностью восстановится и вы сможете принять необходимое решение.

Джана покачала головой.

— Мне приходилось видеть людей... с очищенным мозгом... с сожженным мозгом. Нет, — больше она не могла говорить. Каждая деталь обстановки: столик с шахматной доской вместо крышки, подвижная морщинка на лице Ракса, пульт управления на внутренней двери — выступила из темноты с отчетливостью ночного кошмара. — Нет, так не годится.

— Речь не идет о порабощении мозга, — продолжал уговаривать настойчивый чужак. — Такие операции лишают человека гибкости. Кроме того, в нашем распоряжении всего около часа — слишком мало для длительной процедуры. Мне нужно от вас добровольное согласие на совершенно безвредную амнезию с последующим восстановлением памяти.

Джана поднялась. Колени ее дрожали.

— Вы... Вы можете сделать ошибку. Нет. Пустите, я ухожу. — Она полезла в сумку.

Слишком поздно. Пистолет утавил на нее свою отвратительную морду.

— Попробуйте отказаться, — проговорил Ракс, — и вы мертвы. Не лишайте себя шанса заработать миллион. С такими деньгами можно начать новую жизнь.

Глава 4

Следующий этап нашей истории начался месяц спустя. Именно тогда участие в ней стало смертельно опасным.

Звезда, которую люди называли Мимир, горит в четыре раза интенсивнее, чем Сол. Однако на расстоянии в пять астрономических единиц это светило представляет собой безобидный бледно-голубой шар, разве что слишком яркий для незащищенного глаза. Прикрыв светящийся диск пальцем, можно увидеть, что со всех сторон он окутан дымкой: газ, пыль, скопления метеоритов — одним словом, туманность, миниатюрная по размеру, но вместе с тем такая же плотная, как и везде во вселенной. Туманную оболочку то и дело пронзают вспышки света — результат отражений внутри газообразного вещества. В остальной части неба царит тьма, разбавленная мерцанием отдаленных звезд и пенистой линией Млечного Пути.

Примерно за четыре миллиона километров от разведывательного корабля виден массивный шар планеты Регин, по диаметру в два с половиной раза превышающий размеры Луны, если смотреть на нее с Терры. Дневная сторона гигантской планеты светится отраженным светом, который едва пробивается сквозь облачный покров плотной атмосферы. Ночная сторона испускает слабое багрово-красное сияние: то ли там занимается заря, то ли несколько лун отражают лучи Мимира.

В число этих лун входит и Велунд*. Несмотря на свой малый размер, спутник занимает собой главный смотровой экран. Из этого следует, что корабль сошел с орбиты и напрямик направляется к Велунду. Тонкая воздушная оболочка не в состоянии смягчить пугающей картины голых пиков, ледяных полей, пустынных равнин и кратеров — старых, изъеденных эрозией, и новых, с более ровными краями.

Пальцы Флэндри танцевали по панели управления. Судно, хотя и принадлежало классу «комета», давно устарело. За

* Небесные тела в системе Мимира названы по персонажам скандинавских мифов: Мимир — великан, хранящий источник мудрости, Регин — гном, спутник Сигурда, убийцы дракона Фафнира из «Саги о Вельсунгах», Велунд — хромой кузнец, герой одноименной саги. (Примеч. ред.)

отсутствием хорошего бортового компьютера, пилоту приходилось вручную управлять посадкой. Впрочем, задача особых трудностей не представляла. Получив во время свободного падения вокруг Регина все необходимые данные, Флэндри оставалось только внимательно следить за приборами и направлять соответствующим образом гравитационный ускоритель. Корабль был его партнером, вместе они исполняли космический танец, а вселенная аккомпанировала им. За работой Доминик и вправду насвистывал мелодию вальса.

Но бдительности не терял. Слабая вибрация энергетического поля, шум и острый, химический запах вентиляции, величина искусственной силы тяжести постоянно находились в центре его внимания. От напряжения начало шуметь в ушах.

Пристегнутая на соседнем сиденье, Джана громко произнесла:

— Смотри, где центр! Ты отклонился в сторону.

Флэндри посмотрел на девушку. Даже в этот напряженный момент ей удавалось выглядеть привлекательной.

— Конечно, отклонился.

— Почему?

— Разве не понятно? Внизу происходит что-то очень странное. Мне бы не хотелось влипнуть. Лучше мы слегка посторо-нимся. — Он усмехнулся. — Впрочем, я не прочь продолжить наши игры...

Лицо Джаны посерьезнело:

— Если ты собираешься выкинуть какую-нибудь шутку...

— О-о, только, пожалуйста, без бабьего визга. — Флэндри снова вернулся к пульту управления и приборам. Его голос, однако, продолжал объяснения. — Я тебе удивляюсь. Seriously. Ты же не только красивая женщина, но еще и опытная протистутка. Должна понимать, что в любом деле самое главное — разведка. Думаю, нам лучше сесть вон в тот кратер — видишь? Там наверняка твердая почва, хотя, прежде чем выключить двигатель, нужно будет сделать лучевую проверку. Если повезет, те странные штуки, что летают над головой, примут нас за метеорит. Кто знает, может, это мини-планеты, а может, что-нибудь поопаснее. В любом случае лучше с ними не связываться. Я собираюсь оставить тебя на борту и хорошенько осмотреться. Если никакой опасности нет, мы подлетим поближе. Интересно, какому высоколобому типу, чтоб ему пусто было, понадобилось заменить микродвигатели на бутылки с кислородом?

Флэндри обнаружил подмену только на подлете к Регину, когда обследовал собранное Аммоном оборудование. В обычном разведывательном полете у пилота нет необходимости в личных

летательных средствах. Вынужденная посадка не принимается в расчет даже как последнее средство спасения. Поэтому микродвигателей нет в аварийном снаряжении: если уж ты нарвался на неприятность, вряд ли они помогут тебе выпутаться.

«Нужно было все тщательно проверить еще при погрузке на планете Восемь, — подумал он. — Никогда нельзя полагаться на слово. Макс Абрамс бы за такое с меня три шкуры спустил... Что ж, похоже, сотрудники разведки, подобно остальным смертным, должны учиться на собственных ошибках».

Вогнав своими насмешливыми замечаниями Джану в краску, Флэндри начал серьезно подумывать о том, чтобы прервать экспедицию на Велунд. Но предпринять вторую попытку слишком сложно. Как объяснить начальству, что корабль задержали две поломки подряд? И разве можно ждать большой опасности от куска голого камня?

Как им странно, таинственные процессы, которые ему пришлось наблюдать с орбиты, только увеличили его решимость подлететь к планете. Впрочем, возможно, в этом не было ничего странного. Ему страстно хотелось действовать. Нельзя забывать, что он был в том возрасте, когда больше всего на свете боишься показаться испуганным сидящей рядом девушке.

Обостренные чувства подсказали Флэндри, что в первый раз с начала путешествия его спутница дрожит от испуга. Не удивительно для создания, которое всю жизнь провело в комфортабельных городах и не имело возможности познакомиться с Глубоким Космосом.

Теперь же им предстояло столкнуться с настоящей тайной: целая страна роботов, которые в течение многих веков находились в пассивном ожидании; линии электропередач, протянувшиеся во всех направлениях на сотни квадратных километров, старинные здания, странные, никем не виданные машины, напоминающие монстров из дурных снов. Путающая картина — ничего не скажешь. Будь экспедиция законной, Флэндри бы следовало вернуться за подкреплением. Но в данных обстоятельствах приходилось действовать на свой страх и риск.

Попросту говоря, он испытывал жалость к Джане. Хотя по способности к любви, нежности и состраданию его спутница находилась на уровне отбойного молотка, она была красива (тоненькая, миниатюрная, с правильными чертами лица; голубые глаза размером походили на блюдца, а золотистые волосы по цвету напоминали мед), а красота в глазах любого мужчины может сойти за нравственное достоинство. За исключением спора о том, кто должен готовить пищу — тут, вне всякого сомнения, Доминик проявлял куда больше умения, — Джана выносила лишения

корабельной жизни с неизменным добродушием. В течение трех недель полета начинающая космическая путешественница щедро одаривала компаньона своим искусством, которое принесло ей на Ирумкло заслуженное признание. Несмотря на скудное образование, у нее хватало живости занять Флэндри веселой болтовней. Тот в свою очередь позволил себе роскошь слегка влюбиться в очаровательную девушку, совсем позабыв о том, что она вполне могла оказаться врагом. Он чувствовал себя в долгу перед этой женщиной: никогда еще разведывательный рейс не доставлял ему столько удовольствия.

Но сейчас Джана очутилась лицом к лицу с истиной, которая рано или поздно открывается каждому, кто попадает в открытый космос: единственный достоверный факт, известный нам о вселенной, состоит в том, что она безжалостна. Доминику захотелось утешить свою подружку.

Однако судно уже входило в атмосферу. Сильный гул начал проникать сквозь вибрирующую оболочку.

— Давай, Джеки, — умолял Флэндри. — Будь хорошей девочкой.

— Почему ты всегда называешь корабль «Джеки»? — спросила Джана, явно стараясь отвлечь себя от вида надвигавшихся горных кряжей.

— «Якобини-Циммер» звучит слишком длинно, а из начальных букв мне не удалось составить ничего непристойного, — ответил он, а про себя подумал: «Я бы предпочел не спрашивать о том, как тебя звали в детстве. Боюсь услышать рассказ о каком-нибудь, скажем, Эрминтруде Баглвейте, который вложил деньги в такую-то компанию, а также финансировал разработку пластических операций...»

— Помолчи, пожалуйста. Мне предстоит ювелирная работа: разреженный воздух означает ветры высоких скоростей.

Двигатель выбивался из сил. Внутренняя центрифуга не успевала компенсировать наклон — кабину начало покачивать. Флэндри молниеносно двигал руками, нажимал на педали, время от времени произносил приказания центральному компьютеру, полному, надо сказать, идиоту. Такого рода работу ему приходилось делать и раньше, чаще в более сложных условиях. Он бы спокойно посадил корабль...

И тогда прилетели птицы.

Стая неожиданно выскочила из-за серой, быстро движущейся тучи. Джана завизжала. Металлические существа ярко сверкали в лучах Мимира и серпа Регина, видневшегося на горизонте. На широких рифленых крыльях неслись продолговатые туловища, гротескные хвосты, клювы и лапы. Каждая птица была

значительно меньше корабля, однако вместе их было поболее двух десятков.

Стая пошла в атаку. Птицы не могли причинить судну прямых повреждений. Их тельца били и царапали обшивку, отчего та нещадно гудела. Но хоть и хрупкая по стандартам космических кораблей, «Комета» была построена с расчетом на гораздо более сильные удары.

И все же судну пришлось очень плохо. Кружась вокруг корабля, птицы закрыли обзор. Они, что еще хуже, испортили радар, лучеиспускатель, датчики приборов. Флэндри был вынужден пилотировать вслепую. Летательный аппарат сильно крепил от ветра.

Доминик пытался отстреливаться из единственной, расположенной на носу пушки. Одна металлическая тварь разлетелась на куски, другая, с разорванным крылом, вошла в штопор и разбилась. Птиц, однако, от этого не стало меньше, и они действовали стремительно.

— Нужно сматываться отсюда — и побыстрее, — услышал Флэндри свой собственный крик и увеличил тягу.

«Комету» сильно качнуло. Раздался металлический скрежет. Мир на экранах пошел колесом. На мгновение пилоту удалось увидеть, что произошло. Лишившись показаний датчиков, в сутолоке воздушного боя, он спустился значительно ниже, чем предполагал. Направление ускорения отклонилось от вертикали. И судно ударилось одним бортом о вершину горы.

Ругаться не было времени. Флэндри слился с кораблем в единое существо. Неповрежденными остались лишь два сопла: маловато для того, чтобы улететь из этого проклятого места, но, может быть, достаточно, чтобы сесть, не разбившись вдребезги. Перестав обращать внимание на птиц, Доминик попытался управлять крайне разбалансированным гравитационным ускорителем. Если резко подать назад, сила тяги отразит нападение. В его распоряжении появится исправный кормовой сканер, сигнал которого можно будет передать на один из экранов пульта управления для поиска небольшой посадочной площадки. Конечно, все это будет возможно только в том случае, если ему удастся выровнять «Комету».

Если нет, пора прощаться с жизнью.

Гул стих настолько, что в нем стали различимы вой ветра, сбивчивая речь двигателя и громовые удары металлических клювов. Сквозь путаницу звуков таинственным образом пробился голосок Джаны. Флэндри мельком взглянул на девушку. Ее глаза были закрыты, руки молитвенно сложены ладонь к ладони, с губ

снова и снова слетали древние слова: «Пресвятая Дева, Благодатная Мария...»

Неужели это она? А он-то думал, что хорошо знает свою спутницу.

Глава 5

При посадке так трянуло, что головы чуть не оторвались. Плохо закрепленные предметы внутри корабля послетали со своих мест. Но корабль все же сел.

Первым делом Флэндри склонился к прицелу пушки. В небе, в том месте, где кружилась атакующая стая, стали появляться голубые вспышки. Одна крылатая тварь резко пошла на снижение и упала на краю кратера, в который села «Комета»; две другие получили серьезные повреждения и полетели прочь. Остальные птицы последовали за ними. Через несколько минут последняя черная точка исчезла из виду.

Нет... погоди-ка... что это блесит среди серых туч, высоко, вне поля досягаемости корабельного орудия? Флэндри навел смотровой экран на резкость и включил увеличение.

— Так и есть, — кивнул он. — Один из наших приятелей решил остаться и присмотреть за нами.

— О-о-о, — застонала Джана.

— Давай-ка соберись, — оборвал ее Доминик. — Сама знаешь как. Вставь деталь А в паз В, присоедини к секции С и так далее. В том случае, если тебя этому не научили, положение безнадежно.

Освободившись от креплений, Флэндри первым делом занялся тем, что проверил внутренние датчики. В результате падения судно потеряло часть воздуха. Пришлось компенсировать нехватку из аварийных запасов. К счастью, дальнейшей утечки не наблюдалось. По всей видимости, образовавшаяся в момент удара трещина оказалась не очень большой, и произошло самозакупоривание оболочки. И все же оставались сомнения, сможет ли корабль выйти в космос без серьезного ремонта. На борту дело обстояло гораздо хуже: искусственная сила тяжести напроочь отсутствовала. Флэндри двигался в поле гравитации Веллунда, которая равнялась половине терранского g, легкой подпрыгивающей походкой, не вызывавшей в нем ни малейшего энтузиазма. Как и ожидалось, случилось самое худшее: атомный реактор был мертв. Свет, отопление, очистка воды и воздуха — все это работало на аккумуляторах.

— Держи ухо востро, — предупредил Доминик. — Если заметишь что-нибудь необычное, не стесняйся, ори погромче.

Мимо хаоса носовой части судна и камбуза, мимо относительно уцелевших приборного отсека и отсека жизнеобеспечения он прошел в машинное отделение. Осмотр, продолжавшийся в течение часа, не подтвердил ни самых розовых надежд, ни самых худших ожиданий. Возможность отремонтировать «Джеки» оставалась, и в довольно короткий срок, но для этого понадобилось бы притащить на Велунд целую верфь.

— Чем-то нас еще порадуют? — спросил он самого себя и вернулся к пульту управления.

Джана хлопотала. Она собрала все оружие, какое только находилось на борту, и сложила его на сиденье за спиной. Исключение составила электрическая дубинка, которую девушка решила оставить при себе и которая сейчас висела у нее на бедре. Рука новоявленной амазонки покоилась на иридиевой рукоятке этого на вид вполне безобидного предмета.

— Какая муха тебя укусила? — воскликнул Флэндри. — Я бы даже сказал: не муха, а слон.

Он двинулся было к девушке, но та подняла дубинку:

— Стой, — звонкий в другое время голосок Джаны на сей раз звучал глухо.

Флэндри повиновался. Здесь, в тесной кабине управления, где совершенно не оставалось места для маневра, сумасшедшей девчонке ничего не стоило одним разрядом повалить его на пол и связать, прежде чем к нему вернется сознание. Конечно, он легко сможет развязать любой узел, завязанный ее неумелой рукой, но... Флэндри подавил в себе испуг и внимательно взглянул на девушку: отчаяния двухчасовой давности как не бывало. Только бледность лица и искривленная линия губ говорили о пережитом ужасе.

— Что случилось? — мягко спросил Доминик. — Мои намерения мало чем отличаются от прежних.

— Может быть, ничего не случилось, Ники, — Джана попыталась улыбнуться. — Элементарные меры предосторожности. Сам посуди: ты — имперский офицер, а я — агент Леона Аммона. Впрочем, не исключено, что мы сможем работать вместе. Что происходит на судне?

Флэндри попытался собраться с мыслями.

— Интересный вопрос, — сказал он. — Если ты думаешь, что это ловушка, то... Подумай хорошенько, милая. Разве нужно устраивать тебе западню таким сложным образом? Я не меньше тебя сбит с толку... и расстроен, если мои чувства могут кого-нибудь утешить. В данный момент мне ничего не нужно — лишь бы вернуться целым и невредимым к доброму вину, изысканной пище, теплой беседе, хорошей музыке, книгам, табаку,

к обществу очаровательных женщин — одним словом, ко всему, что только способна предложить цивилизация.

Молодой сибарит на девяносто девять процентов говорил правду. Оставшийся процент содержал в себе желание положить в карман обещанный миллион. Впрочем, не только...

Девушка не проявляла признаков дружелюбия.

— Ну и каковы наши шансы?

Флэндри описал состояние корабля.

Джана кивнула, отчего заколыхались длинные локоны янтарного цвета, обрамлявшие ее нежное, с высокими скулами лицо.

— Я примерно так и представляла себе ситуацию. Что ты собираешься делать?

Флэндри переступил с ноги на ногу и почесал затылок.

— Еще один интересный вопрос. Как ты понимаешь, очень долго мы здесь не протянем. Принимая во внимание температуру за бортом и другие факторы, можно сказать, что, если свести работу всех систем к минимуму и не стрелять больше из пушки, энергии аккумуляторов хватит месяца на три. Пищи значительно больше. Впрочем, когда температура на корабле упадет до минус ста, сэндвичи можно будет использовать только в качестве холодной грелки. Не знаю, правда, зачем нам в таком случае понадобится грелка.

Его грозная спутница топнула ногой.

— Брось свои дурацкие шутки.

— А я-то думал, у меня получается, — небрежно ответил Флэндри. — Кстати, это твое движение в плотно облегающем свитере производит потрясающее впечатление. Ну-ка повтори!

Джана с трудом сдержала раздражение.

— Мы нуждаемся в помощи, — сказала она.

— Нет смысла пытаться послать сигнал по радио. В здешнем разреженном воздухе слишком тонкий слой ионосферы, чтобы радиоволна могла перемещаться на большие расстояния. Тем более что солнце, хоть и яркое, находится так далеко. Есть еще вариант отразить сигнал от Регина или какой-нибудь другой луны, но для подобной операции необходимо радиолокационное оборудование, о котором моя «Джеки» может только мечтать.

Девушка посмотрела на него с изумлением:

— Радио?

— Пора связаться с главным компьютером горнодобывающего центра. Обычно в таких заведениях держат машину высшего уровня. Будем надеяться, с ней ничего не случилось. В подчинении компьютера находятся ремонтные и грузовые механизмы.

Если нам удастся получить положительный ответ, уже через несколько часов здесь будут роботы, а через несколько дней я продолжу свое задание. — Флэндри криво усмехнулся. — Мне бы надо было радировать в центр с орбиты. А теперь, после тех летающих железзяк, остается только двигать туда пешком и на месте смотреть, что можно сделать.

Джана снова встала в стойку.

— Так я и думала, что ты это предложишь, — сказала она. Поваяло лютым холодом. — Ничего не выйдет, дружок. Слишком много риска.

— А что еще...

— Не считай меня дурой. Прежде чем согласиться лететь с тобой, я изучила, насколько смогла, ситуацию. В том числе выяснила, какое оборудование стоит на корабле. У тебя есть несколько автономных курьеров. Любой из них уже через пару недель доставит на Ирумкло послание о том, где мы находимся и что с нами случилось.

— Но послушай, — запротестовал Доминик. — Вполне возможно, что нападение повторится. Нет никакой гарантии, что нам снова удастся выстоять. Лучше остаться здесь, зарывшись среди холмов.

— Лучше или нет — обсудим, когда дойдет до дела. Я не собираюсь упускать главный шанс на спасение. Нужно во что бы то ни стало вызвать сюда военный корабль.

Джана рассмеялась жалобным смехом, который больше походил на истерический визг.

— Я знаю, — продолжала она, — ты думаешь: корабль прилетит и обнаружит здесь меня. Сколько законов будет нарушено? А ведь власти не станут останавливаться на полдороге. Они непременно узнают о полученной от Аммона взятке. Частное поручение во время официального задания — какой будет разговор? Пожизненная каторга, не меньше.

— А как насчет тебя? — возразил Флэндри.

Она опустила ресницы, сжала губки и пошевелила бедрами.

— Я жертва обстоятельств. Мне было страшно отказаться, когда несколько здоровенных мужиков начали ставить свои условия... Зато, как только представился удобный случай, я постаралась исправить положение. Думаю, что смогу убедить командующего взглянуть на случившееся именно таким образом и даровать мне свое высочайшее прощение. А может быть, и награду. Мы ведь с ним большие друзья, с адмиралом Юлиусом.

— Ты не сможешь дожить до прилета корабля без моей помощи. Особенно если птицы снова начнут атаку, — сказал Доминик.

— Может, да, а может, нет, — ответила Джана. Выражение ее лица потеплело. — Ники, милый, зачем нам ссориться? У нас будет время составить план действий. Выдумать какую-нибудь историю или найти место, где бы ты мог спрятаться вместе с припасами, а я бы потом прилетела за тобой. Клянусь, мне очень хочется... — Она чуть было не бросилась к нему в объятия. — Клянусь, мне очень хочется тебя спасти. Ты такой чудесный. Я ни за что не позволю тебе пропасть.

— Тем не менее ты настаиваешь на том, чтобы послать курьера.

— Да.

— А что, если я откажусь тебе помогать? Сможешь справиться без меня?

— Тогда я разряжу в тебя дубинку, свяжу и стану пытаться, пока ты не согласишься, — ответила девушка, немедленно подавив все эмоции. — Мне хорошо известно, как это делается.

Внезапно ее прорвало:

— Ты представить себе не можешь, как хорошо я умею пытаться. Ты умрешь раньше, чем я закончу. Помнишь, ты хвастался трудностями, стоявшими на твоем пути: бедный мальчик, который пытается продвинуться по службе, не имея ничего, кроме способностей. Я целовала тебя, а внутренне давилась от смеха. Потому что сама я прошла через рабство. В черной дыре Джиганната мне приходилось видеть вещи, после которых самые страшные фантазии жителей Старого Города покажутся детскими играми. Никому не заставить меня вернуться в этот ад! Бог свидетель, никому не заставить!

Джана перевела дыхание. Ее лицо снова превратилось в каменную маску. Из кармана она достала листок бумаги.

— Вот послание.

У Флэндри появился хороший шанс. Если он будет достаточно расторопным и удача проявит свою благосклонность, ему почти наверняка удастся схватить девушку...

Но внезапно пришло понимание, что рисковать не стоит. Юноша облегченно вздохнул.

— В чем дело? — Судя по голосу, состояние Джаны было близко к истерике.

Он покачал головой:

— Все в порядке. Твоя взяла, пошли отправлять послание.

Автономно пилотируемые курьеры располагались возле главной шлюзовой камеры. Доминик шагнул впереди. Девушка, хотя и знала расположение отсеков на корабле, решила, что безопаснее остаться сзади. Самое удивительное состояло в том, что она легко смогла бы запустить курьера и без посторонней помощи.

После того как Флэндри согласился, из соображений предосторожности, дать некоторые инструкции, космическая амазонка довольно быстро разобралась, каким образом задать кораблю курс по направлению к дому: загрузить координаты пункта назначения в автопилот, отключить ручное управление и так далее. Работа с курьерами-автоматами, которых на судне было четыре, представляла еще меньше трудностей.

Курьер имел форму торпеды длиной 120 сантиметров и весил сравнительно немного: любой здоровый мужчина в условиях терранской гравитации мог бы поднять подобную тяжесть без особых усилий. Внутри каждой торпеды находилось небольшое количество реактивных и гравитационных механизмов, навигационный компьютер с датчиками для отслеживания заданного курса, радио для подачи сигнала при приближении к цели, аккумуляторы энергии и крохотный отсек для груза. Грузом обычно служило письмо, или пленка, или какой-нибудь другой предмет подходящих размеров.

Нарочито покорный, Флэндри открыл один из аппаратов и отступил в сторону, ожидая, пока Джана положит послание и закроет крышку. Для удобства пользователя координаты Ирумкло были нанесены краской на корпусе машины, поэтому девушка получила возможность проверить, верно ли ее пленник поворачивает ручку наведения. Доминик выкатил аппарат на стартовую позицию. Помедлив, он сказал:

— Если не возражаешь, я поставлю в программу шестидесятисекундную задержку.

— Зачем?

— Тогда у нас останется время вернуться к пульту управления и понаблюдать за стартом. Нужно удостовериться, что курьер улетел.

— Разумно, — Джана подняла дубинку. — Но пока дело не закончено, я буду держать тебя под прицелом.

— Логично. Однако после мы можем отпраздновать наше воссоединение?

— Успокойся.

Флэндри запустил двигатель, они вернулись в кабину и принялись смотреть.

Представший с экрана вид производил тягостное впечатление. «Джеки» лежала на дне кратера рядом со стеной, которая уходила вверх и заканчивалась лишь на высоте трех километров. Диаметр кратера был так велик, что край противоположной стены терялся за линией горизонта. Темный камень во многих местах имел белый налет: диоксид углерода и аммиачный снег. Занималось утро. Теперь солнце будет в течение шестнадцати

терранских дней поднимать к небу клубы пара. Повсюду были видны сгустки тумана и белые полосы дымки на фоне голубоватого свечения вечного льда.

Над головой висело темно-фиолетовое, почти черное небо. Неясно светили звезды. В столь ранний час Мимир только начинал свое безжалостное дело там, где стена кратера уходила за горизонт. Одна часть Регина представляла собой бледный полумесяц, испещренный замысловатыми узорами облаков, а другая горела как раскаленная сталь.

Сквозь оболочку корабля проникал слабый вой ветра.

Позади Флэндри раздался неожиданно просительный голос Джаны:

— Когда курьер улетит, ты обнимешь меня, Ники? Ты будешь добр ко мне?

Тот не ответил. Его напряжение дошло до крайней точки.

Торпеда покинула наконец корабль. Некоторое время она висела в ожидании, пока бортовой идиот-компьютер распознает, что судно стоит на твердой почве, и сообразит, в какой стороне находится верх, а затем начала подниматься. Выйдя за пределы атмосферы, аппарат сумеет сориентироваться по неподвижным светилам, таким, как Бетельгейзе, и лечь на курс по направлению к Ирумкло.

Помешать ему может только... Да! Джана застонала с досады. Флэндри ликовал.

Яркая точка высоко в небе пошла в атаку. Выстроившись в одну светящуюся линию, к ней на помощь спешили другие птицы.

Доминик подошел к экрану и включил увеличение. Торпедой было нечем защищаться. Острые птичьи клювы быстро разодрали ее тонкую алюминиевую оболочку, в то время как когти крепко держали свою жертву.

Курьер обладал достаточной силой, чтобы стряхнуть с себя нападавших, но для этого ему не хватало сообразительности. К тому же полученная встряска непоправимо испортила его устройство. Долго такой подъем продолжаться не мог. Крылатым тварям удалось наконец повредить какой-то существенный элемент механизма, несчастный курьер замер и камнем полетел вниз.

— Я знал, что так случится, — прошептал Флэндри.

Птица-наблюдатель заняла исходную позицию. На этот раз к ней присоединились три новые подружки.

— Они, должно быть, учуяли торпеду или получили вызов, — предположил Доминик. — Больше нет смысла пытаться — правда? Энергетические заряды курьеров могут нам еще пригодиться.

Джана, которая до сих пор не произнесла ни слова, отбросила дубинку и со слезами на глазах бросилась в объятия своему пленнику. Тот гладил ее по волосам и шептал на ухо успокаивающие слова.

Наконец девушка немного пришла в себя, взглянула на Доминика и, по-прежнему всхлипывая, произнесла:

— Ты рад, да?

— Не могу отрицать, — согласился он.

— Т-ты бы предпочел умереть, лишь бы...

— Лишь бы не быть рабом? Да, боюсь, что так.

Она долго смотрела ему в лицо, а затем, совсем уже ровным голосом, прошептала:

— В этом мы с тобой похожи.

Глава 6

Жуки обнаружили Флэндри, едва он выбрался на край стены.

Джана задержалась на корабле, чтобы собрать припасы для длительного перехода. Доминик решил тем временем осмотреть птицу, упавшую на внешний склон горы. Конечно, парящие в воздухе твари могли обнаружить его и броситься в атаку, но это было не самым страшным из того, что ожидало впереди. Скорее всего ему удастся найти на шероховатой кромке кратера какую-нибудь яму, расселину, — одним словом, укрытие, недоступное для крылатых монстров. Если подпустить птиц поближе, можно пустить в ход бластер. По поражающей силе это оружие мало чем уступит корабельной пушке. Конечно, если мерзкие животные вызовут подмогу, на всех не хватит зарядов.

Ничего не случилось. Покрутив ручку переносной радиостанции, Флэндри отыскал частоту, на которой велась передача: щелчок и пауза, щелчок и пауза. Шифр барабанил с такой скоростью, что звучал в ушах как непрерывное завывание. Флэндри хотелось вставить несколько реплик в этот неестественно высокий писк, но он решил не привлекать к своей персоне излишнего внимания. Он надеялся, что на такой высоте птицы не заметят притаившуюся человеческую фигуру.

В остальной части спектра, если не считать бессмысленного треска помех, радио молчало. Молчал и Велунд. Только ветер стонал над головой, под ногами скрипел снег и громыхали камни, из груди Доминика вырывалось шумное дыхание, а сердце громко стучало. Каменное дно кратера было покрыто льдом, пятнами снега, полосами тумана и издавало слабое свечение,

которое тем не менее сожгло бы терранину лицо, не надень он защитного экрана. На фоне неизвестных созвездий и беспокойного диска Регина высоко в небе бежали растерзанные ключья облаков. Флэндри предстояло взобраться по почти отвесной стене.

Подъем оказался на удивление легким делом. Эрозия предоставила ему широкий выбор впадин — можно было ухватиться рукой или поставить ногу. Кроме того, при здешней силе тяжести человек в скафандре весил меньше, чем на Ирумкло без скафандра. Доминик сам не заметил, как приспособился к изменившемуся соотношению веса и инерции. Он не обратил бы на этот факт никакого внимания, но его беспокоило, что Джана не сумеет справиться со своим полегчавшим телом и таким образом замедлит их движение. К необходимости постоянно поглядывать на небо прибавилась новая неприятность: начали барахлить системы терморегуляции и обновления воздуха. Прошло совсем немного времени, и телу в скафандре стало невыносимо жарко. Флэндри покрылся потом и почувствовал неприятный запах.

«Обязательно надо будет исправить скафандры, прежде чем мы отправимся в путь, — думал он. — Когда я вернусь — если вернусь, — техническая служба получит хорошую взбучку. Однако уже в следующее мгновение его настроение резко упало. Что толку сердиться? Люди давно работают спустя рукава — ближние боссы ничего не понимают, дальние — далеко, а самой Империи просто наплевать, удержим мы эту часть границы или не удержим... Во времена наших дедов Терра была еще в состоянии отстаивать свои владения. Во времена отцов появился термин “мирное урегулирование”, который на деле означал не что иное, как отступление. В наши дни, то есть, иными словами, в отведенное мне и моим сверстникам короткое мгновение света между двумя темными вечностями, это самое мгновение так и норовит превратиться в беспросветную ночь».

«Ну нет, — горячился он, скрипя зубами и крепче цепляясь за камни, — если от меня хоть что-нибудь зависит, этому не бывать».

Вот тут-то и появились жуки.

Они выпрыгивали из-за камней и льдин — двадцать—двадцать пять крупных насекомых длиной сантиметров тридцать — и летели по направлению к своей жертве. Каждая тварь имела десять когтистых ножек, раздвигающийся хвост и полдюжины шевелящихся антенн. В лучах Мимира их заключенные в панцири тельца горели пурпурным светом.

На несколько секунд Флэндри показалось, что он сошел с ума. Старые записи утверждали, что Велунд необитаем — и всегда был необитаем. Странно было бы ожидать чего-то другого. На

планете, где царит вечный холод, где воздух разрежен, а почва перегружена металлами, где уровень радиации превышает все мыслимые нормы, ни о какой жизни не может быть и речи. Но даже если не принимать в расчет местных условий существования, остается последнее: Мимир был слишком молод. Его планетарная система образовалась всего несколько сотен мегалет назад из туманности, обогащенной тяжелыми металлами более ранних поколений звезд. Процесс конденсации еще не закончен, о чем свидетельствует туманная дымка, обволакивающая солнце, и высокая скорость движения гигантских метеоритов. Должно пройти немало времени, прежде чем здесь могла бы начаться жизнь.

Удивляться Флэндри пришлось недолго. Смертоносные твари достигли наконец цели.

Две из них сели на шлем. Доминик услышал звон и почувствовал на удивление сильный толчок. Другие насекомые цеплялись за грудь, лезли на плечи, ползали по ногам. Челюсти грызли, когти царапали. Жуки отыскивали места соединений в скафандре и принялись за дело.

Считалось, что ни одно живое существо, если оно меньше, чем слоновый волк с Ллинатавра, не в состоянии оставить даже царапину на стали и пластике, которые служили защитой Флэндри. На глазах у ничего не понимающего пилота от поверхности скафандра начала отделяться и опадать блестящим дождем металлическая стружка. Белый клуб водяного пара вырвался из первого отверстия возле левой щиколотки. Трудолюбивое создание, проделавшее эту микроскопическую дырку, прилежно продолжало свою работу.

Флэндри грязно выругался. Ему удалось стряхнуть с себя одно из насекомых и наподдать паршивцу ногой. В результате этой удачно проведенной операции пострадали пальцы человека. Жук отлетел на незначительное расстояние, оправился и снова полез в драку. Доминик попытался было стряхнуть еще одного забияку, но тот лишь крепче уцепился за скафандр.

Пришлось вынимать бластер. Установив наименьший диаметр и наименьшую интенсивность луча, Флэндри установил дуло напротив первого попавшегося панциря и нажал на курок.

Мерзкая тварь и не подумала задымиться, или взорваться, или сделать какое-либо другое подобающее нормальному организму действие. Однако прошло две или три секунды, насекомое ослабило хватку, скатилось на землю и осталось лежать неподвижно.

Остальные продолжали свою яростную атаку. Флэндри обработал всех по очереди, а затем серией энергетических разрядов

обезвредил тех жуков, которые не успели добраться до лакомой добычи. Несмотря на довольно крупный размер, немалую мощь и крепкий панцирь, его противники оказались на редкость уязвимы для коротких, экономных выстрелов бластера.

Двух последних, продолжавших трудиться на спине, никак нельзя было достать. Доминик увеличил диаметр луча и пустил разряд поверх системы обновления воздуха. Настырные создания упали на землю. Жар выстрела резко повысил температуру в скафандре, отчего газ начал быстрее вытекать из полученных в схватке пробойн. У Флэндри заложило уши, шумело в голове. Мысли путались.

На помощь пришла тренировка. Едва осознавая, что делает, он заклеил заплатами отверстия, восполнил недостаток воздуха из резервного баллона и лишь затем сел, глубоко вздохнул, содрогнулся от отвращения и наконец смочил пересохшие губы водой из трубки.

Придя в себя, Доминик положил пару экземпляров жуков в сумку и продолжил подъем. Добравшись до кромки кратера, он заметил останки упавшей птицы и заспешил вниз, оскальзываясь на осыпях и оледенениях. От удара о камни тело металлического хищника разлетелось на куски. Не теряя времени, терранин подобрал разбросанные части и снова полез в гору.

Обратный путь Флэндри проделал в мрачном расположении духа. Привычный вид корабля не смог улучшить его настроения. Подавленная неопределенностью и одиночеством, Джана поспешила навстречу своему спутнику, но тот, едва поцеловав ее и прыгубив горячего кофе, прямо прошел в мастерскую.

Глава 7

Им предстояло пройти 200 километров. Такое расстояние, согласно картам, сделанным еще на орбите, отделяло корабль от вершины, служившей пунктом назначения. Флэндри решил, что на вершине их передатчик окажется в зоне прямого действия радиоантенн центрального компьютера.

— Совсем не обязательно подходить слишком близко, — объяснил он девушке. — Если выяснится, что центр захвачен какой-нибудь гадостью, которая поедает людей, понадобится фора, чтобы унести ноги.

Джана помертвела.

— Куда бежать?

— Хороший вопрос. Но лежать и ждать смерти я не собираюсь. Я слишком труслив для этого.

Она не ответила на его шутку. Флэндри надеялся, что бедняжка не станет принимать его слова буквально. Впрочем, в них содержалась значительная доля правды.

Кратчайшая дорога шла по открытой равнине, но идти по ней Флэндри наотрез отказался.

— Лучше бы нам не высовываться, — сказал он, прокладывая кружной маршрут через горную гряду: в таких местах всегда есть где укрыться. Сильно пересеченная местность, неопытность и нетренированность Джаны, скафандры и оборудование, которое пришлось тащить на себе, — все это обещало сильно затруднить движение. Тем не менее Флэндри надеялся проходить тридцать, а если повезет, то и сорок километров в сутки. Положение пусть и немного, но все же облегчалось некоторыми положительными качествами планеты. Во-первых, сила тяжести на Велунде была существенно меньше, чем на Ирумкло. Во-вторых, отсутствовали реки, которые пришлось бы переходить вброд, и леса, через которые всегда так трудно пробираться. И наконец, здешняя погода, по всей вероятности, мало менялась. Поскольку Велунд был обращен к Регину всегда одной и той же стороной, появлялась возможность совершать переходы при постоянном дневном свете, за исключением короткого промежутка около полудня, когда планета закрывала Мимир от своего спутника. В распоряжении путников находилось большое количество стимуляторов. «Но лучший наш стимул, — размышлял Доминик, — это страх».

Прежде чем отправиться в путь, Флэндри объявил вечер отдыха, который включал в себя хороший ужин, музыку и любовные игры, а также крепкий, здоровый сон. Тем временем судовые датчики внимательно следили за обстановкой. Вечеринка не удалась. Джана никак не могла избавиться от мысли, что все это, может быть, в последний раз. Флэндри ничем не упрекнул ее. Он уже не надеялся, что им удастся долго пробыть вместе.

Они взвалили на себя снаряжение и зашагали прочь от корабля. Точнее сказать, принялись карабкаться, сначала на стену кратера, а затем по склонам островерхих холмов и скользких, отполированных ветром ледников. Флэндри положил за правило отдыхать десять минут после каждого часа пути. Большую часть драгоценной передышки он тратил на работу с картой, гироскопом и секстантом, чтобы удостовериться в верности выбранного направления. Когда Джана заявила, что больше не может идти, Доминик задумчиво произнес:

— Понимаю. Ты можешь работать только лежа на спине.

Вне себя от ярости, девушка тут же вскочила на ноги.

«Как бы мне не загнать ее, — думал Флэндри. — Постепенная тренировка принесет больше пользы, чем чрезмерное усилие. Не дело, если она сломается на полдороге».

«Это для тебя так важно?»

«Очень важно. Я не могу бросить девушку».

«Почему нет? С тобой она поступила бы именно так».

«Почему?.. Сам толком не знаю почему... Скажем, потому что, несмотря на сложные обстоятельства, она остается женщиной. Глядишь, на что-нибудь сгодится».

Когда бедняжку начало пошатывать, ее неумолимый спутник смилостивился и разрешил устроить привал. Он даже взял на себя почти всю работу по устройству лагеря.

Первым делом было найдено укромное место под отвесной скалой.

— Чтобы спрятаться от наших крылатых приятелей, — посмеиваясь, объяснил Флэндри. — А то гляди, капнут на нас тем, чем капают обыкновенные пернатые, — не обрадуешься. Кстати, ты заметила, что, если к нам нагрянут наземные гости, мы легко можем забраться на эту скалу. Оттуда очень удобно стрелять, бросать камни, ругаться. Как ты думаешь, этого будет достаточно, чтобы объяснить нахам, что их не очень-то здесь ждали?

Девушка неподвижно сидела, привалившись к большому камню. Она не нашла в себе сил улыбнуться в ответ.

Юноша наполнил воздухом пол герметичной палатки и поставил каркас. Затем, еле справляясь с напором сильного ветра, натянул материю. Поскольку температура атмосферы поднялась почти до минус пятидесяти градусов, Доминик решил ограничиться одним слоем — только наполнил его ячейки воздухом.

Заряд аккумуляторов нужно было беречь, поэтому Флэндри работал ручной помпой. Также вручную он выкачал воздух из палатки. Полной декомпрессии не понадобилось, поскольку атмосфера на Велунде состояла в основном из азота и других инертных газов. Доминик поставил внутри своего хрупкого жилища переносную систему обновления воздуха и обогреватель, проверил остаточное содержание ядовитых испарений и концентрацию углекислого газа и наконец наполнил палатку кислородом. (Оборудование для подобной процедуры весило немало, но оно было необходимо, по крайней мере до тех пор, пока Джана не придет в форму и перестанет нуждаться в частом и основательном отдыхе. Надо бы ей поспешить: тех припасов, что они смогли унести, хватит ровно на пятнадцать остановок.) Пока палатка готовилась, Флэндри наколол водяного льда. Теперь у них было что пить и на чем готовить.

Внутри жилища измотанные путники вошли через шлюзовую камеру, сделанную из пластика. Доминик показал Джане, каким образом выпустить часть воздуха, чтобы уравнять давление внутри и снаружи скафандра. Едва освободившись от защитной оболочки, девушка упала на пол и взглянула на своего путника глазами, покрытыми пеленой усталости. Флэндри собрал дистиллятор, наполнил его льдом и поставил поверх нагревателя.

— Это еще зачем? — еле слышно пробормотала Джана.

— Чтобы избавиться от неприятных добавок. Газы типа аммиака испаряются в первую очередь и захватываются активными коллоидами в этой бутылке. Нельзя позволить ядовитым веществам отравить воздух: наша единственная система обновления едва справляется с тем, что мы выдыхаем; кроме того, когда придет время сниматься с места, мне нужно будет загнать, насколько возможно, воздух обратно в баллон. Едва начнется кипение, я прикрою выход в сосуд с ядовитыми отходами и солью воду. Иначе в нее попадут соли тяжелых металлов — на планете их великое множество. Достаточно микроскопического количества, скажем, плутония, чтобы человек умер в страшных мучениях. Вдали от медицинской помощи такие отравления не лечатся. Кстати, надеюсь, ты не собираешься здесь курить. Было бы жаль нашей чистой кислородной атмосферы.

Девушка поехала и постаралась отвлечься от мрачного пейзажа за окнами.

Ужин несколько привел ее в чувство. Поев, она подобрала под себя ноги, положила подбородок на колени и стала смотреть, как Доминик моет посуду. В ограниченном пространстве ему приходилось двигаться очень экономно.

— Ты был прав, — серьезно сказала девушка. — Без твоей помощи мне бы не выжить.

— Горячая пища, хоть и несколько пережаренная, с трудом пробилась сквозь перегородку твоего шлюзового отсека и объявила себя ужином!

— Ты знаешь, что я имею в виду, Ники. Чем мне тебе помочь?

— Последи за монстрами, — последовал немедленный ответ. Джана вздрогнула:

— Ты действительно думаешь...

— Нет, не думаю. У нас слишком мало оснований для подобных предположений. К несчастью, кое-что мы можем знать наверняка: на планете существует по крайней мере два вида тварей, чье поведение так же опасно, как и необъяснимо.

— Это же машины.

— Ты полагаешь?

Девушка вопросительно взглянула на Флэндри из-под очаровательной рыжеватой челки. Не отрываясь от работы, он продолжал:

— Где кончается понятие «робот» и начинается понятие «организм»? Уже несколько сотен лет прошло с тех пор, как появились первые сенсорные компьютерные системы, которые по своим возможностям и сложности устройства превосходят многие виды органической жизни. Они функционируют, собирают и обрабатывают информацию, исправляют повреждения и обладают способностью к репродуцированию. Они гомеостатируют, если это жуткое слово означает именно то, что я имею в виду; некоторые даже мыслят. Несмотря на то что ни один механизм не может повторить работу живого организма или разумного существа, роботы действуют и стремятся к целям, не чуждым и человеку.

Те жуки, что меня атаковали, имели под своей пурпурной эмалью металлическую оболочку, а за ней электронную начинку. Вот почему они не выдерживали разрядов бластера: высокая температура чрезмерно расплавила компоненты, рассчитанные на естественную среду Велунда. Однако мне никогда еще не приходилось иметь дело с такими замысловатыми устройствами, как эти проклятые насекомые. Я не смог как следует покопаться в их внутренностях, но самый поверхностный осмотр показал, что работают эти твари от аккумуляторов. Органами чувств им служат изумительно точные датчики: магнитные, электрические, волновые, термические и т. д. Имеются также оптическая и аудиосистемы. Воистину эти металлические жуки — правда, за одним исключением — настолько совершенный плод инженерной мысли, что ум замирает в нерешительности: называть их роботами или искусственными животными.

Это касается и птиц, которых, кстати, лучше бы назвать летающими драконами. В воздух их поднимают крылья и реактивный турбодвигатель. Когти и клыки они используют для того, чтобы рвать металл; датчики и компьютеры птиц вполне схожи с теми, что имеют жуки. Вдобавок они обладают широкой свободой действий, которая заставляет подозревать в них высокий интеллект.

Флэндри вымыл последнюю тарелку, лег на спину, и ему страстно захотелось курить.

— Что ты имел в виду, когда говорил об «одном исключении»? — спросила Джана.

— Легко представить роботизированную среду, основанную на самовоспроизводящихся солнечных элементах, в точности повторяющих процесс фотосинтеза, — ответил Доминик. — Подобные эксперименты уже проводились. Но у встретившихся

нам существ нет ничего, что было бы похоже на устройства питания, ремонта или воспроизводства. Несомненно, где-то должно существовать место, которое время от времени посещают все механизмы, чтобы заменить неисправные детали или пополнить запас энергии. Там же, по всей вероятности, создаются новые аппараты. Естественно предположить, что такой центр расположен где-то рядом с главным компьютером. Но что делать тем роботам, которые полностью вышли из строя? Кажется, никто не принимает участия ни в них самих, ни в их удивительных деталях. Даже металл, из которого они сделаны, никому не нужен. Выходит, эта среда открыта, у нее нет никакой цели, кроме разрушения.

Юноша перевел дыхание.

— Я не верю, — продолжал он, — что наши новые знакомцы предназначены для охраны этого мира или какой-либо другой подобной работы. Кто станет строить боевые, но безоружные машины?

Скорее всего Велунд заражен какой-то техногенной проказой. До тех пор пока обстановка не прояснится, мы должны придерживаться предположения, что всякий встретившийся нам на пути аппарат хочет нас уничтожить.

В течение следующих переходов терранам пришлось несколько раз прятаться, когда какая-либо механическая тварь проходила или пролетала мимо. Иногда это были птицы, кружащие высоко в небе. Однажды крылатый хищник спикировал на неизвестную жертву, скрытую за гребнем холма. Встретилась им также пара охотников размером с собаку, с огромными челюстями и длинной щетиной датчиков. Электронные псы ловко перебирали своими шестью ногами в поисках добычи. Затем появилось более крупное существо на гусеничном ходу, которое двигалось по дну ложины. Кроме гусениц у экзотического трактора имелся рог и длинный раздвоенный хвост. Дважды Флэндри посчастливилось быть свидетелем схватки: сначала жуки облепили шагающий шар красного цвета с ракообразными клешнями, а затем нечто, напоминающее удава, сцепилось с самодвигающимся стенобитным оружием. Исход обеих побоищ подтвердил умозаключения Доминика. Проигравшие остались лежать там, где их застигла смерть, а победители продолжили поиски новых врагов. Останки прежних сражений указывали, что таким же образом заканчивались и другие встречи.

В остальном путешествие представляло собой тяжелую, нудную работу. Трудности переходов не оставляли ни возможности, ни сил подумать о смысле всего увиденного за последние дни. Флэндри давно перестала волновать мысль о встрече с машиной-

убийцей. Пусть случится то, что должно случиться. В нем жила уверенность, что беспокоиться, в сущности, не о чем... Пока не о чем. В этом просторном, холмистом краю всегда найдется место, где спрятаться. При известной доле осторожности ему с Джаной удастся достичь намеченной цели. Дальше начнется совсем другая история.

От него не укрылся факт, что радиопередача на нестандартной частоте, которую использовали роботы, постепенно становилась все более интенсивной. Не удивительно. Путники приближались к той точке, которая в былые дни являлась центром всех операций. Она и сейчас оставалась центром — центром происходившего на планете кошмара.

«Воистину кошмар, — мысль Флэндри едва пробивалась сквозь пелену крайней усталости. — Что же случилось на Велунде? Чья злая воля построила фабрику по производству хищных машин? Быть может, произошел несчастный случай? Невдалеке отсюда велись военные действия. Сильный взрыв вполне мог повредить центральный компьютер».

Оба объяснения имели свои недостатки. Электронные звери не могли составить серьезной конкуренции современному оружию. Их стальные челюсти и клювы способны угрожать лишь жизни двух незащищенных людей — один-единственный хорошо вооруженный корабль, снабженный системой обнаружения, с командой в состоянии боевой готовности, расправился бы с хищниками в мгновение ока. Гипотеза о намеренном вредительстве на проверку выходила полным абсурдом. Что же касается второго предположения, о повреждениях в управляющем центре, то, во-первых, главный компьютер должен быть защищен массивным экраном и обладать достаточными средствами для саморемонта, тем более что на этой планете так велика вероятность попадания метеоритов; а во-вторых, даже если предположить, что в центре произошла непоправимая поломка, неисправный компьютер, с несколькими вышедшими из строя компонентами, не мог бы создать высокотехнологичные аппараты, подобные тем, что обитают на Велунде.

Флэндри оставил попытки объяснить происшедшее.

Наконец наступил момент, когда он и Джана оказались всего в часе ходьбы от вершины служившей им целью горы. Они отыскиали пещеру, скрытую за высокими остроконечными скалами, и разбили палатку.

— Палатка останется здесь, — сказал Доминик. — Слишком много времени уходит на то, чтобы разбирать ее, а затем снова ставить. Кроме того, нельзя позволить, чтобы каждый раз, как мы разбиваем лагерь, терялось такое количество драгоценного

кислорода. Если нам не удастся получить помощь или, чего доброго, за нашими шкурами начнется охота, придется бросить свой груз. Думаю, палатке будет уютно в этом милом, укромном месте.

— Когда подадим сигнал? — спросила девушка.

— Не раньше, чем проспим по крайней мере двенадцать часов. Я хочу как следует отдохнуть.

Джана и сама так устала, что немедленно провалилась в глубокий сон.

«Утром» Флэндри несколько воспрянул духом. Он насвистывал, когда лез вверх по склону, а на вершине объявил:

— Я назову тебя горой Девы.

Тем не менее во время подъема его внимание было сосредоточено на лежащей перед ним местности.

Сзади и по обеим сторонам от путников царило ставшее уже привычным нагромождение валунов, ледяных глыб и иссиня-черных теней. Сверху мрачно нависало небо, бежали редкие облака, мерцали звезды. Мимир теперь изливал свое сияние совсем рядом от тусклого в центре и яркого по краям диска Регина. Был ветер. Доминику приятно было находиться внутри теплого, пусть даже дурно пахнувшего, скафандра.

Впереди, как показывали топографические карты, начинался крутой обрыв. Подобная крутизна была бы непреодолима на планете с большей силой тяжести. На горизонте ландшафт разглаживался. Вероятно, там и лежала равнина, на которой располагался центр. Флэндри заметил, что часть открытого пространства разбита на квадраты. С помощью бинокля ему удалось разглядеть несколько объектов неизвестного назначения и крестообразные верхушки четырех радиоантенн. Одни из них возвели люди до того, как покинули Велунд. Другие были поставлены позднее на неосвоенных землях. Еще на орбите датчики корабля обнаружили, что установка радиопередающих мачт продолжается. Строительство вели рабочие роботы. Доминик решил было двигаться к одной из строительных площадок, но затем передумал. Тамошные машины выполняли слишком специализированную работу. Их мозг не был способен понять его проблему. Кроме того, ближайшая площадка находилась слишком далеко от «Джеки».

Флэндри установил передатчик на легкий тренажник. Подключил вспомогательный аппарат со штепселем для радиоприемника, встроенного в шлем скафандра. Присев на корточки, привел в действие поворотный механизм и направил луч передающего устройства на одну из мачт. Джана молча ждала. Ее лицо было еще более мрачно и напряжено, чем лицо Доминика. Глаза светились нездоровым блеском.

— Начали, — произнес Флэндри.

— Боже милосердный, помоги нам, — услышал он шепот в наушниках. На секунду пришла в голову мысль, что, возможно, именно в религии заключена причина беспокойства, которое гонит девушку по свету в течение всей жизни, начиная с кошмарного детства. Но сейчас не время для молитв: нужно было сохранять тишину.

Передачик работал на стандартной частоте: «Два терранина. Пожерпели аварию. Необходима помощь. Отвечайте». И снова. И снова. Никакого ответа, кроме потрескивания космических помех.

Доминик попытался переключиться на частоту роботов. Цифровой код продолжал таранить без всяких видимых изменений.

На других частотах повторилось то же самое.

После бесплодных попыток, продолжавшихся более часа, Флэндри выключил передачик и поднялся. Мускулы болели, во рту пересохло, из глотки вместо голоса вылетал какой-то хрип.

— Боюсь, ничего не вышло.

Джана сидела на переносном унитазе, который, помимо своего прямого назначения, использовался как стул, предохраняющий от лютого холода почвы. Она была в отчаянии.

— Значит, все кончено.

Ее спутник вздохнул.

— Обстоятельства могли бы сложиться более благоприятно. Исправный компьютер отозвался бы немедленно на сигнал о помощи. — Он замолчал. Ветер хохотал над ними. Звезды насмешливо подмигивали. Флэндри расправил плечи. — Придется самому все проверить.

— Ты собираешься идти по открытой равнине? — Джана быстро встала. Перчатки ее скафандра впились в руку юноши. — Тебе не выжить. На тебя набросится целая стая этих монстров.

— Может, набросится, а может, и нет. Как мы видели с корабля, в тех местах, где села «Джеки», роботы существенно отличаются от своих собратьев. Например, если бы война происходила и здесь, повсюду бы валялись обломки испорченных машин, тогда как на деле их нет. В любом случае это наша последняя надежда.

Он погладил девушку по голове. Жест вышел покровительственным, отеческим, что, впрочем, в сложившихся обстоятельствах не так уж далеко отстояло от правды.

— Ты останешься в палатке и будешь ждать.

Джана облизнула губы и произнесла:

— Нет, я пойду с тобой.

— Ого! Смотри, не сломай себе шею.

— Лучше сломать себе шею, чем медленно подыхать от голода. А это непременно произойдет, если я останусь одна. Я не буду тебе обузой, Ники. Я теперь стала сильнее. Если нам не придется тащить прежний груз, я от тебя не отстану. Всегда лучше иметь лишнюю пару глаз и рук.

Флэндри задумался.

— Ну хорошо, раз ты настаиваешь.

«Эта женщина умеет цепляться за жизнь. Думаю, от нее будет прок, — размышлял он. — Тем более что у нее столько причин держаться рядом со мной. Например, страх, что я, не дай Бог, найду что-нибудь ценное, а она останется в стороне».

Глава 8

Едва они приблизились к равнине, наступило затмение.

Тонкий сияющий серп — все, что осталось от Мимира после того, как его закрыл Регин, — сузился, а затем и вовсе исчез. Появился черный матовый диск, покрытый блеклыми мерцающими красноватыми огоньками и окаймленный зловещей багровой полосой.

Флэндри предполагал, что так и случится. Звезды, сразу же усыпавшие все небо, и два маленьких серпа соседних лун хорошо освещали дорогу осторожным путникам. Они могли воспользоваться своими фонарями, но предпочитали пока не рисковать и не привлекать к себе внимания.

Они забыли предусмотреть резкое падение температуры. Сгустился туман, и через несколько минут мир погрузился в густой текучий мрак. Некоторое время спустя хлесткий, пронзительный ветер принес снег. «По большей части, углекислый газ, — догадался Флэндри. — Может быть, немного аммиака». Он согнулся от резкого порыва ветра, мельком взглянул на гирокомпас и прибавил ходу.

Джана схватила его за руку.

— Разве мы не переждем бурю? — ее голос был едва различим в окружающем вое.

Он покачал головой, а затем, поняв, что представляет сейчас для девушки едва различимую тень, произнес:

— Нет. У нас появился хороший шанс проделать часть пути без страха быть замеченными.

— Первая удача за последнее время.

Флэндри не стал говорить, что, когда шторм утихнет, они окажутся в неведомой, враждебной местности и обратной дороги уже не будет. Но что им теперь терять?

Путешествие продолжалось. Затем Доминику почудилось, что в его наушниках появился шум, напоминающий грохот движущейся машины. Ему показалось даже, что ноги ощутили дрожание почвы. Он изменил направление, но девушке не сказал ничего.

Затмение должно было длиться около двух часов. Станция на другом краю равнины, по-видимому, оставалась вне зоны полной темноты, лишившись при этом удовольствия лицезреть Регин в ночном небе. Полный диск планеты изливал на свой спутник мягкий свет невероятной красоты.

«Сомневаюсь, чтобы роботы могли ценить такого рода пейзажи, — думал Флэндри, аккуратно ставя ноги мимо булыжников и сугробов. — Разве что центральный компьютер... Возможно. Имперская промышленность теперь мало выпускает машин, полностью моделирующих сознание. Какая от них польза, если освоение новых областей вселенной практически прекратилось. Приходится признать, что я знаю о подобных аппаратах гораздо меньше, чем мои предки. Однако легко догадаться, что “мозг”, обладающий такой мощью, обязательно будет развиваться в направлениях, не связанных с повседневной работой. Его основная функция — помогать людям-специалистам. С этим связано и его основное желание: стать похожим на человека. Но в промежутках между поисками месторождений, строительством, погрузкой кораблей — привычными однообразными обязанностями, которые занимают незначительную часть возможностей компьютера, — не случается ли так, что в этих промежутках он направляет свои сенсорные датчики в ночное небо и созерцает?»

Сквозь падающий снег начали пробиваться лучи дневного света. От прежнего пронзительного ветра осталось только легкое дуновение. Холмистая местность под ногами путников быстро разглаживалась. Спуск в равнину еще не закончился, а туман уже отступил: сгустившийся от холода газ снова растворился, согретый теплом Мимира.

Стараясь приглушить голос, Флэндри сказал:

— Соблюдаем радиомолчание. Двигайся как можно тише.

Вряд ли была необходимость в подобном приказе: в наушниках терран пищал цифровой код, а впереди раздавался металлический грохот.

Но Велунд вновь преподнес сюрприз опытному пилоту. Доминик рассчитывал, что туман будет подниматься постепенно, по мере того как сами они будут спускаться вниз, так что и он, и Джана успеют оценить обстановку, прежде чем выйдут на открытое пространство. Наблюдения, сделанные на орбите, подтвержда-

ли это предположение. В течение нескольких минут мгла скрывала терран. На расстоянии двух метров мокрые камни и льдины, быстрые ручьи, дымящиеся лужи скрывались за белой пеленой.

Развиднелось в одно мгновение. Сначала появились просветы, сквозь которые стала видна равнина, кишашая машинами. Просветы расширялись с удручающей быстротой. Туман сгушался в небольшие облачка, которые некоторое время парили в воздухе и затем исчезали.

Джана закричала.

Флэндри осенило внезапное прозрение. *«Как же я сразу не догадался. Велунд долго прогревается после ночи, длящейся полмесяца. После двухчасового затмения все происходит гораздо быстрее. Кроме того, при низком давлении испарение происходит гораздо интенсивнее. То, что я видел из космоса и принял за наземные туманы, было на самом деле облаками вроде тех, которые бегут сейчас высоко в небе».*

Он отбросил запоздалые догадки. Все внимание сосредоточилось на том, что происходило вокруг. В руке Доминика появился бластер.

Хотя рядом за спиной нависала гора, путники уже вышли на равнину. Равнины на Велунде не были идеально плоскими. Они бугрились, топорщились остроконечными скалами, устраивали ловушки в виде узких расщелин. Морщинистая поверхность была усыпана крупными булыжниками. Кое-где попадались ледяные поля. Терране вошли в район, разбитый на квадраты. Линии располагались на расстоянии километра друг от друга и бежали с севера на юг и с запада на восток, строго сохраняя перпендикулярность. Где кончалась размеченная область, нельзя было определить: последние клетки исчезали за горизонтом. Им случилось пройти мимо одной из таких линий. Она представляла собой широкую полосу, засыпанную черными гранулами неизвестного происхождения, которые постепенно спекались в единую массу.

Но по-настоящему их занимало только одно: роботы.

Метрах в ста справа от них бежали три шестиногих пса. Чуть подальше слева катился однорогий гусеничный гигант. Впереди на довольно приличном расстоянии, хотя и не таком большом, чтобы путники надеялись остаться незамеченными, перемещалось с полдюжины различных монструозных тварей. Под ногами в несчетном количестве прыгали и ползали жуки. В небе парили птицы. Флэндри обернулся и увидел, что путь к отступлению был отрезан многоножкой, которая несла на себе циркулярную пилу.

Джана опустилась на колени. Доминик скрючился рядом, ожидая первой атаки.

Ничего не случилось.

Убийцы пренебрегали своей жертвой.

Они и друг на друга не обращали никакого внимания.

Нельзя сказать, что такой исход дела явился для Флэндри полной неожиданностью. И все же он испытал громадное облегчение. Даже голова закружилась. Потом ясно увидел: все машины движутся к одной точке. Цель скрывалась за линией горизонта, но не трудно было догадаться, что это за цель: металлические монстры направлялись к главному компьютеру.

Джана начала смеяться, громче и громче. Испугавшись истерики, Доминик толкнул девушку так, что та села на землю.

— Прекрати! Не то я вытрясу из тебя эти глупости.

Слова не произвели на нее никакого впечатления. Он взял бедняжку за лодыжки, перевернул вниз головой и хорошенько потряс.

Пока она всхлипывала и шмыгала носом, пытаясь совладать с собой, Флэндри нежно обнял девушку. Но поверх ее плеч он продолжал наблюдать за роботами. Большинство из них имело крайне потрепанный вид, с дырами на шкурах и оторванными конечностями. Немудрено, что в тумане раздавался такой лязг и грохот. Некоторые, однако, выглядели вполне целыми — только вмятины да царапины. Вероятно, у этих заканчивался заряд аккумуляторов.

Наконец Джана пришла в себя, и Доминик смог объяснить:

— Я всегда предполагал, что те аппараты, которым посчастливилось уцелеть в битвах, должны заправляться и проходить ремонт где-то в этом районе. Гм... один центр не в состоянии обслуживать весь Велунд... Скорее всего монстры не отваживаются удаляться слишком далеко от точки заправки... Вдобавок мы обнаружили, что на планете ведутся строительные работы, сеть передающих антенн расширяется, возможно, планируются новые центры... Одно ясно: на этих квадратах царит перемирие. В любом другом месте металлические твари запрограммированы атаковать все, что движется, за исключением особей их собственного вида. А здесь они сущие агнцы. По крайней мере, мне так кажется.

— Значит, мы в безопасности?

— Не знаю, не уверен. В чем причина их сумасшествия? И все же попытаемся дойти.

— Дойти куда?

— До центра, конечно. Только надо держаться подальше от этих приятелей. Ими кто-то или что-то управляет. Вероятно,

заправочная и ремонтная станция находится недалеко от старого места расположения главного компьютера.

— Старого?

— Неизвестно, существует ли он теперь, — напомнил Флэндри.

Несмотря на все передраги, он испытывал радость: он был жив. Какое это чудо, что руки сгибаются, каблук вдавливается в почву, легкие вдыхают, немая голова чешется.

Регин начал прибывать. Тоненький серп стал удаляться от ослепительного пятна Мимира и увеличиваться в размере. В небе горели звезды. Джана, утомленная недавней нервной вспышкой, шла молча. Она вполне пришла в себя, и, если Флэндри положит ее на спину внутри палатки...

Путники пересекли очередную линию. Доминик насвистывал. Через мгновение он тронул девушку за руку и показал:

— Смотри.

Из глубины квадрата, в который они только что вступили, на них надвигалось новое, прежде невиданное чудовище. Размером оно было со взрослого мужчину. Шкура монстра горела золотом. Громадные крылья, какие бывают у летучей мыши, отливали всеми лучами радуги. Крылья помогали роботу прыгать на длинных ногах с копытами и шпорами. Туловище напоминало горизонтально положенный бочонок. Сзади тащился хвост, впереди торчали шея и голова. Нелепое существо пучило оптические сенсоры, топорщило звуковые датчики (в голове, по всей видимости, располагался компьютер). Вместе с гривой дыбом стоящих антенн, эта голова напоминала мрачную карикатуру на лошадь. Из передней, закрепленной на шарнирах, части торчало копые.

— Не правда ли, это милое создание напоминает детскую лошадку с крыльями? — произнес Флэндри. — К нему бы добавить маленькую девочку с бантом... — Его острота оборвалась на полуслове.

Джана пронзительно завизжала. Крылатое чудовище повернулось и огромными прыжками начало приближаться. Его копые было нацелено на терран.

Глава 9

Точнее говоря, на Джану. От испуга та не могла сдвинуться с места.

— Беги! — заорал Флэндри и бросился наперерез машине-убийце, стреляя из бластера. Луч, ударяясь о металлическую оболочку, разбрызгивал искры.

Джана пустилась наутек. Робот последовал за своей жертвой, не обращая на Флэндри ни малейшего внимания. Разряды бластера были дракону нипочем.

«Должно быть, эта тварь защищена от энергетических лучей. Раньше такого не было». Доминик до предела увеличил мощность разряда. Огненные брызги отскакивали от металла. Монстр как ни в чем не бывало продолжал преследовать девушку.

— Давай ко мне, — крикнул Флэндри.

Она услышала. Но в этот же миг копье попало ей в спину. По счастью, удар пришелся в кислородный баллон, который был прочнее оболочки скафандра. Джана упала лицом вниз, перевернулась и снова вскочила на ноги. Машина захлопала крыльями, затанцевала вокруг своей жертвы, пытаясь напасть на нее спереди.

Флэндри прыгнул и ухватился руками за лошадиную шею, а ногами сжал тело чудовища. Металлические крылья ударились друг о друга чуть выше того места, где сидел бесстрашный наездник.

Несмотря на нахальство терранина, дракон продолжал охотиться только за Джаной. Однако Флэндри своей массой придал его к земле. Монстр начал спотыкаться. Ловко извернувшись, Доминик выстрелил в правое крыло. На этот раз луч пробил листовой металл и покорежил основу оболочки. Раненое чудовище, трясаясь и брыкаясь, свалилось на бок. Немыслимым образом Флэндри удалось не свалиться на землю. Он приставил дуло бластера к голове убийцы и нажал на курок. Защитный экран скафандра потемнел: таким ярким оказалось отражение. Жар невыносимо жег лицо.

Неожиданно все успокоилось. Флэндри все-таки нашел уязвимое место.

Хватая открытым ртом горячий после выстрела бластера воздух, ощущая, что нижнее белье пропиталось потом, а мускулы болят от полученных ушибов, полумертвый победитель неуклюже перелез через неподвижную тушу и попытался подняться на ноги. Попытка удалась лишь после того, как к нему подошла Джана.

Глоток воды и таблетка стимулятора вернули Доминику часть утраченных сил. Он взглянул на поверженную машину и подивился ее своеобразной красоте. Она отдаленно напоминала какого-то сказочного рыцаря... Рука Флэндри словно сама по себе поднялась в салюте, и его голос прошептал:

— Слава тебе, храбрый воин.

— Что? — также шепотом спросила Джана.

— Так, ничего, — Флэндри усилием воли заставил мозг позабыть о боли, а тело — перестать дрожать. — Что ж, пошли.

— Пошли. — Пережитый страх сильно подействовал на девушку, совершенно ее опустошил. Бедняжка повернулась и на негнувшихся ногах зашагала в сторону горы.

— Минутку, — Флэндри схватил беглянку за плечо, — куда это ты направилась?

— Обрато, — равнодушным голосом ответила та. — Пока нас кто-нибудь не сожрал.

— Сидеть в палатке или, в лучшем случае, на корабле, и ждать смерти? Нет уж, спасибо. — Доминик развернул свою спутницу на сто восемьдесят градусов. Джана слишком устала, чтобы сопротивляться. — На-ка проглоти таблетку.

Как он ни храбрился, но у него самого едва ли осталась хоть капля надежды. Центр находился на противоположной стороне разлинованного поля. Им оставалось идти еще километров десять. Что, если здесь, вблизи от главного компьютера, роботы были запрограммированы атаковать антропоморфных существ? *«Что же, вскоре мы выясним это. Почему бы и нет?»*

Появилась новая машина. Сперва терране увидели яркую точку на горизонте: металл отражал лучи Мимира. Уже через несколько минут точка обрела форму. Двигалась она точно по направлению к затравленным путникам. Размеры движущегося объекта пугающе увеличивались. Флэндри выругался.

Схватив Джану за руку, он побежал к огромному, размером с дом, камню. Может быть, с вершины валуна удастся отбиться от монстра.

Но тот прошел мимо.

Джана со слезами на глазах шептала благодарственные молитвы. Прошло несколько секунд, прежде чем Флэндри смог прийти в себя после неожиданного избавления. Он крепко сжимал в объятиях девушку и наблюдал за происходящим.

Машина не собиралась драться. Это была всего-навсего самодвижущаяся платформа с парой хватательных приспособлений.

Безобидное создание погрузило останки копыеносца и отправилось восвояси.

— Ремонтник, — выдохнул Флэндри. — Не удивительно, что мы не нашли в этой местности никаких обломков.

Джана пожала плечами.

Тщательно подбирая слова, Флэндри произнес:

— Перед нами два вида роботов-убийц. Один из них свободно перемещается по планете, сражается с каждым, кто встанет на его пути, а сюда приходит — если, конечно, в состоянии прийти — только для ремонта. В маркированной области строго соблюдает перемирие.

Другой вид машин постоянно находится здесь, не вступая, однако, в схватку с первым видом. В случае поражения его останки аккуратно убираются.

Доминик озадаченно покачал головой:

— Не могу понять, хорошо это для нас или плохо.

Взглянув на Джану, он произнес:

— Как ты себя чувствуешь?

Наркотик, который приняла девушка, начал оказывать свое действие, но он не мог сотворить чуда. Невозможно стимулировать ресурсы, если они давно исчерпаны. Тем не менее на некоторое время и Флэндри, и Джане достанет сил, чтобы быть бдительными, трезвыми, хладнокровными, сильными и быстрыми. «Нам просто необходимо дойти до цели раньше, чем кончится действие метаболита», — подстегивал себя Доминик.

Губы девушки искривились в подобие улыбки.

— Кажется, мне лучше, — сказала она. — Ты уверен, что нужно идти дальше?

— Не уверен. Но мы все равно пойдем.

Следующие два квадрата оказались пусты. Машина стояла в соседней клетке слева. Минувя опасное место, терране не спускали с нее глаз. Цилиндр на гусеничном ходу, повыше и пошире человека, имел две руки с огромными кувалдами на концах. Его голову, если верхнюю часть этого странного создания, в которой находились датчики, можно назвать головой, увенчивал ряд зубцов, напоминавший крепостную стену старинного замка. Нелепая фигура гусеничного молотобойца что-то смутно напоминала Флэндри, но воспоминание тут же исчезло, едва успев появиться. В напряженной, чреватой любыми неожиданностями обстановке не хватало времени на размышления.

Джана отвлекла его внимание:

— Ники, может быть, каждый из них перемещается внутри одного квадрата?

— И охраняет только собственную территорию? — Флэндри осенило. Он впечатал кулак в ладонь другой руки. — Точно. Перед нами схема охраны центра... от роботов, которые не выполняют правил поведения на размеченной равнине... система защиты... но в таком случае весь Велунд — единая система защиты. Именно так. Встречавшихся нам диких роботов, ремонтную машину и прочие механизмы стражи считают безвредными и оставляют в покое. Мы же не укладываемся в их программу, потому-то за нами и охотятся.

— Но охраняются далеко не все квадраты, — возразила девушка.

Доминик пожал плечами.

— Может быть, некоторые патрульные роботы находятся сейчас в ремонте. — Радость сделанного открытия несколько поутихла. — Главное, мы выяснили, что есть возможность пройти равнину. Или напрямую, пересекая линии, или вдоль границы размеченной территории. Достаточно избегать клеток с машинами. Конечно, придется внимательно смотреть, чтобы какая-нибудь тварь не спряталась за камнем или в яме. — Он толкнул свою спутницу плечом. — Не тушуйся, милая, как-нибудь прорвемся.

Его слова воодушевили Джану. Ободренные вновь появившейся надеждой, они быстро пошли вперед.

Через два километра пути, когда они обогнули небольшой холм, в поле их зрения появилась новая фигура. Джана пронзительно закричала:

— Ники, человек!

Флэндри резко остановился и трясущимися руками приставил к глазам бинокль. Объект и вправду имел довольно неприятное сходство с мужчиной, облаченным в широкий скафандр. Однако некоторые детали выдавали подмену, да и стоял он неестественно неподвижно: не человек, а сторожевая башня. Кроме того, антропоморфная фигура была вооружена щитом и мечом. Вернее сказать, руки воина оканчивались этим доисторическим оружием. Доминик опустил бинокль.

— Нет, нам повезло значительно меньше, — сказал он. — В сущности, нам вовсе не повезло. Не сомневаюсь, что любой, кто несет здесь караульную службу, готов нас уничтожить. К сожалению, мы видим еще одну разновидность робота-охранника. — Флэндри сделал жалкую попытку пошутить. — Выходит, опять идти в обход. Сдается мне, что я слишком много занимаюсь спортом.

— Ты бы мог уничтожить его.

— Трудно сказать. Если этот робот похож на нашего прежнего приятеля-рыцаря, в чем я мало сомневаюсь, значит, он хорошо защищен от энергетических лучей. Кроме того, мне бы не хотелось расходовать заряд бластера. Я и так сильно потратился в предыдущей схватке. Еще одна стычка, и мы останемся без оружия, — Флэндри изменил направление движения. — Мы пройдем по диагонали мимо владений вон того безобидного на первый взгляд парня.

Джана посмотрела туда, куда указывал палец Доминика, и увидела три новые сверкающие фигуры: нелепая копия лошади и пара антропоморфных механизмов. Еще несколько их собратьев, по всей видимости, были скрыты за неровностями ландшафта. Машина, которую имел в виду Флэндри, находилась ближе

всех, слева от выбранного маршрута. Снова на пути терран оказался цилиндр, на этот раз более высокий и узкий, чем его предшественник-молотобоец. На гладкой поверхности робота не было заметно никаких конечностей. Коническая голова охранника раздвигалась посередине, и над ней торчал частокол антенн.

— Должно быть, наблюдатель, — выдвинул предположение Доминик.

Они уже прошли неподвижную долговязую фигуру, когда Джана неожиданно закричала.

Флэндри повернулся. Робот покинул свой квадрат и двинулся к ним. Основание цилиндра на метр возвышалось над почвой. В промежутке клубилась пыль и яркие кристаллики льда. «Воздушная подушка», — немедленно сообразил пилот. Он лихорадочно осматривал местность в поисках убежища. Ничего подходящего. В этом квадрате было лишь базальтовое плато да ледяные поля.

— Беги! — закричал Доминик, отступая спиной и доставая бластер. Сердце бешено колотилось, дыхание стало прерывистым. Воздух в скафандре не успел остыть после последней схватки.

Белый огненный луч тянулся к нему. Робот промахнулся лишь самую малость. Флэндри почувствовал жар горячего газа, а оттуда, куда угодил энергетический разряд, поднимались клубы пара. Следом громыхнул взрыв.

«Этот парень вооружен!»

Флэндри рефлекторно ответил выстрелом на выстрел. Луч бластера отскочил от стальной skóry. Машина продолжала свое движение. Прямое попадание с более близкого расстояния оставило бы дыру и в скафандре, и в теле Флэндри. Пилот выстрелил еще раз и приготовился бежать.

«Только бы запутать этого жестяного ублюдка». Доминик бросился бежать в другую, нежели Джана, сторону. Его длинные сильные ноги давали ему слабую надежду обогнать свою смерть, достичь какой-нибудь естественной баррикады, занять оборону...

Каждую секунду он ждал выстрела. Он почти добежал до следующей линии, когда неожиданно осознал, что в него никто не стреляет. Флэндри остановился и обернулся назад.

Робот, похоже, остановился в тот же момент, когда цель раздвоилась. Его голова, словно в недоумении, поворачивалась из стороны в сторону. Именно в недоумении, потому что потерять из виду Джану или Флэндри он никак не мог.

Наконец машина двинулась в сторону девушки. Флэндри выругался и побежал ей на выручку. Терранка имела хорошую фору, но цилиндр двигался гораздо быстрее. Тем более что если долговязый охранник пересек одну линию, он с тем же успехом мог пересечь и другую. Ноги пилота спотыкались о камни. От недостатка кислорода кружилась голова, в глазах мелькали черные пятна. Подбежав ближе, юноша выстрелил — промах. Он прибавил ходу. Еще один выстрел — на этот раз точно в цель.

Робот замедлил движение, повернулся, словно намереваясь рассмотреть объект, от которого исходила опасность, затем возобновил преследование девушки. Флэндри с силой надавил на спусковой крючок — страж оказался обжат сверху донизу пламенем. Джана пересекла границу квадрата. Самодвижущийся цилиндр остановился как вкопанный.

«Ну... Ну...» — билось в мозгу Доминика.

Робот пошевелился, приподнялся над землей и медленно, слегка покачиваясь поплыл к Флэндри. Казалось, что он не ранен, а — как бы сказать? — растерян.

«Я не должен был иметь бластер, — неожиданно прозвучало в голове Флэндри. — С моей формой мне бы следовало носить щит и меч».

Это же очевидно.

На проверку гипотезы времени не было. Он знал лишь, что должен попасть в квадрат, где находилась Джана. Антропoid с громоздким вооружением вместо рук не должен хорошо ползать — Доминик встал на четвереньки и трусливо попятился назад. Долговязый детина двинулся за ним, но не слишком быстро. Его ограниченный компьютер — слабоумный мозг маньяка — отказывался понять, что за странное существо тут ползает и что с ним нужно делать.

Терранин пересек линию. Робот опустился на землю.

Флэндри поднялся на ноги и поплелся к Джане. Та свалилась в нескольких метрах от границы квадрата. Доминик лег рядом, его сознание тут же окутал мрак.

Через несколько минут, после того как система обновления воздуха очистила атмосферу и ожившие клетки напились кислорода, Доминик пришел в себя и сел. Охотившаяся за ними машина убралась на середину соседней клетки и теперь выглядела ярким пятном в ряду других пятен на фоне темного неба. Индикатор заряда бластера показывал значение, близкое к нулю. Можно, конечно, заправить оружие из переносного аккумулятора, но тогда обделенными останутся системы жизнеобеспечения, что еще хуже.

Джана также поднялась с земли, уткнула голову в колени и заплакала.

— Нет никакой надежды, Ники. Нам ни за что не дойти. Нас убьют, обязательно убьют. А если и дойдем — что нас там ожидает? Существо, которое создаст механизмы-убийцы. Давай вернемся. Ведь мы можем вернуться тем же самым путем, верно? У нас так мало времени. Давай проведем его вместе...

Доминик утешал отчаявшуюся девушку до тех пор, пока холод и неровности камня, на котором он сидел, не проникли сквозь оболочку скафандра. Юноша поднялся, с трудом разгибая онемевшие члены, и помог своей спутнице встать на ноги. Когда Флэндри заговорил, его голос прозвучал странно даже для него самого:

— Еще совсем недавно я был готов с тобой согласиться, дорогая. Но теперь, кажется, мне стало понятно, как работает эта система. Ты обратила внимание на поведение слона?

— Слона?

— Смотри. Раньше шахматный конь, а теперь слон атаковали только в том случае, если нарушены границы отведенного им квадрата. Мне думается, что движение фигур по доске зависит от того, какое вслед за тем последует сражение. Например, слон может передвигаться с целью нападения только по диагонали. Каждая фигура запрограммирована таким образом, чтобы вступать в сражение только с одним противником, причем противником определенного вида. — Флэндри обратил свой взор в сторону скрытой за горизонтом цели. — Похоже, что антропоидам отведена роль пешек. Почему? Пешки — самые многочисленные фигуры на доске, а компьютер тоскует без людей.

— Компьютер? — девушка прижалась к своему защитнику.

— Несомненно. Никто другой не смог бы сотворить такое. Он использовал все имеющиеся в наличии инженерные средства, а может быть, выстроил несколько дополнительных заводов. Одинокому мозгу нет нужды раскрашивать клетки в разные цвета, ему и так известно, где какой квадрат. Если б не однообразие расцветки, я бы давно понял, что мы находимся на гигантской шахматной доске. — Юноша поморщился. — Впрочем, если б я это понял, мы бы сейчас сидели в палатке и готовились к смерти. Что ж, в путь. — Он подтолкнул девушку в спину.

— Куда мы пойдем? — заныла та. — Давай уж лучше останемся, где стоим.

— Не трусь. Нам бы только изучить позицию и выбрать те клетки, на которые ни одна фигура не может попасть.

Некоторое время они шли молча.

— Думаю, компьютер разделит свое внимание на три части. Одна часть следит за движением диких роботов. Две другие, никак не сообщаясь между собой, являются игроками. Возможно, в их соперничестве и заключена причина того, что компьютер не заметил странных событий сегодняшнего дня. Не удивлюсь, если он вообще уже не способен ничего заметить без хорошего пинка.

Двигаясь зигзагами, Флэндри вывел Джану на благословенную неразмеченную землю и направился вдоль границы внешних квадратов. По дороге они увидели робота, который, по всей видимости, играл роль короля. Человекообразная фигура высотой в четыре метра, облаченная в домашнее платье давно ушедших веков, была украшена сверкающей бриллиантами короной. Оружия при нем не наблюдалось.

Позже Доминик узнал, что король является пленником божественной справедливости.

Путники достигли старинных построек. Суетившиеся вокруг рабочие механизмы держали здания в хорошем состоянии. Флэндри остановился перед главным сооружением. Настроил радио на стандартную частоту.

— На таком расстоянии, — обратился он к тому, что находилось за толстыми стенами, — ты должен принять мою передачу.

Вначале в наушниках слышался только писк кода. Затем медленно, глухо, но вместе с тем приобретая уверенность с каждым следующим словом, как обычно бывает с людьми, пробудившимися от долгого и глубокого сна, неизвестный голос произнес:

— Это... ты?.. Человек... вернулся наконец?.. Нет, два человека...

— Более или менее, — ответил Флэндри.

На всей равнине механические животные и шахматные фигуры прекратили всякое движение.

— Входите. Шлюзовая камера... снимите скафандры внутри. В помещении терранские условия жизни и... оборудованные всем необходимым комнаты. Проверка показала большое количество неиспорченной пищи и воды... Надеюсь, вы найдете все в полном порядке. Хотя возможны некоторые нарушения. Время было длинным и пустым.

Глава 10

Джана свалилась в постель и проспала часов тридцать. Флэндри нуждался в менее продолжительном отдыхе. После завтрака он занялся осмотром помещения, сначала вяло, а потом со все

более возрастающей энергией. Увиденное оказалось захватывающе интересным. Доминик пожалел, что не смог раньше выбрать время и изучить историю тех пяти веков, когда разрабатывался Велунд.

Юноша сидел в комнате главного пульта управления и вел техническую беседу с первичным компьютером. Неожиданно громкоговоритель, встроенный в необычного вида приборную панель, произнес на странноватом английском:

— Как было приказано, я продолжаю вести наблюдение за вашей спутницей. Ее веки дрогнули.

Флэндри поднялся.

— Благодарю, — машинально ответил он. Нормальному человеку трудно привыкнуть, что за мозаикой приборных досок и экранов ничто живое не скрыто. Сознание есть, а мыслящего существа, пусть даже и отдаленно не напоминающего человека, — нет. Данная разновидность искусственного интеллекта в одних аспектах казалась более естественной, в других — менее.

— Нужно ее навестить. Кстати, прикажите доставить горячего бульону и чаю с тостами. побыстрее, пожалуйста.

Чтобы попасть в комнату Джаны, Доминику пришлось пройти несколько пустых коридоров, мимо апартаментов, в которых по-прежнему находились полуистлевшие вещи, некогда принадлежавшие давно умершим людям. Если б не гул работающих машин, в здании стояла бы мертвая тишина.

— Ники... — Взглянув на Флэндри затуманенным взглядом, девушка протянула к нему дрожащую руку. Какая она стала бледная и худая, бедная девочка. Поцеловав Джану, Доминик почувствовал, что губы ее остались вялыми и безвольными.

— Ники... все... в порядке? — раздался еле слышный щепот.

— В порядке. — Он погладил бледную щеку. — Все под контролем.

— Как там... снаружи?

— Безопасно, как дома. Хотя я знаю немало домов, где не так безопасно, как здесь. — Флэндри поднялся. — Не беспокойся. Скоро мы начнем наращивать мясо на эти милые косточки. К дню отлета ты снова будешь в форме.

Девушка нахмурилась, озадаченно покачала головой и попыталась сесть.

— Нет, пока рано. — Доминик положил руки на голые худенькие плечи. — Тебе предписан постельный режим. Когда ты поправишься настолько, что тебе станет скучно лежать, я прикажу начать показывать развлекательные фильмы. Компьютер сказал, что здесь осталось несколько лент. Любопытно посмотреть, чем смешили народ в давние времена.

И все же Джана пыталась подняться. Химический воздух помещения с шумом вылетал из ее легких. Флэндри почувствовал беспокойство.

— Что случилось?

— Я... не знаю. Голова кружится.

— Не удивительно после всего, что нам пришлось пережить.

Холодные пальцы вцепились в руку юноши.

— Ники... Эта луна... Она... стоит... что-нибудь?

— Что?

— Деньги! — неестественно высоко пропищала девушка. — Может она приносить деньги?!

«Почему она думает только об этом? Да еще в такой момент! Должно быть, прошлая жизнь сделала бедняжку помешанной на деньгах».

— Конечно.

— Ты уверен? — выдохнула Джана.

— Милая моя, — сказал Флэндри. — Леону Аммону придется много потрудиться, если он не захочет стать одним из самых богатых людей империи.

Глаза несчастной закатились, так что стали видны одни белки. Девушка рухнула в объятия Доминика.

— Обморок, — пробормотал тот и положил обмякшее тело на постель. Выпрямившись, он почесал затылок.

— Компьютер, у тебя есть какие-нибудь познания в области медицины?

Придя в себя, Джана много плакала. Она бы ни за что не призналась напарнику в причине своих слез. Она была близка к истерике, только общая слабость уберегала от нее. Компьютер отыскал успокоительное. Флэндри немедленно пустил его в ход.

Пробудившись от сна в очередной раз, девушка стала спокойней, по крайней мере внешне, но как-то отдалилась от своего спутника. На каждый вопрос она отвечала предельно кратко, так что становилось ясно: больная не желает разговаривать. Впрочем, Джана исправно принимала пищу. В остальное время она лежала, бездумно уставившись в потолок. Руки, которые больная протянула вдоль туловища, были сжаты в кулаки. Флэндри решил оставить ее в покое. Однако уже при следующем осмотре девушка стала выглядеть гораздо бодрей и постепенно вернулась в прежнее состояние.

Тем не менее до тех пор пока путешественники не оказались в космосе — на корабле, направлявшемся к прежней траектории, которая должна была кончиться там же, где и началась: на Ирумкло, — они редко виделись друг с другом. Джана проводила большую часть оставшегося до отлета времени в постели, благо

что роботы были готовы исполнить любое ее приказание. Доминик, к которому силы вернулись гораздо быстрее, разобрался с ситуацией, сложившейся на Велунде, и руководил ремонтом «Джеки». Работа по приведению корабля в рабочее состояние осложнялась необходимостью стереть все следы происшедших событий. Флэндри должен был сделать так, чтобы записям в бортовом журнале о поломке осциллятора гипердвигателя, на исправление которой ушло ровно три недели, поверили на базе.

Пустынный Велунд остался позади, равно как и громадный Регин, и ослепительный Мимир. Корабль летел среди холодного великолепия молчаливых звезд. Флэндри и Джана сидели в кабине, поскольку кабина являлась единственным уютным местом на судне. Отдохнувший, чистый, тщательно выбритый, сытый и слегка пьяный, в новеньком комбинезоне, полной грудью вдыхающий свежий воздух, наслаждающийся полной гравитацией в одно терранское *g* и легким подрагиванием двигателя, который тянул «Джеки» к родной гавани, Доминик затягивался сигаретой, поглаживал руку девушки, и любовался ее вновь расцветшей красотой.

— Задание выполнено, — говорил он, — и я считаю себя вправе ожидать благодарности в наиболее естественной для особей твоего пола форме.

— Хор-рошо, — промурлыкала Джана и немного погода добавила: — Расскажи мне все снова, Ники.

— Что именно?

— Я до сих пор не могу понять, что же случилось на Велунде. Ты уже пытался один раз объяснить, но в тот момент мне было трудно соображать.

— Нет ничего проще, — ответил польщенный Ники, обрадованный удобным случаем блеснуть сообразительностью. — Как только я понял, что мы оказались втянутыми в шахматную партию, все стало на свои места. Например, я вспомнил радиантенны, возведенные в неосвоенных районах. Такую работу нельзя выполнить, если не оградить роботов-исполнителей от нападения. Следовательно, агрессивность бродячих машин должна распространяться только на механизмы того же самого типа. Здесь перед нами предстает новая игра, с большими возможностями и с меньшей предсказуемостью, чем шахматы: шахматная куча мала, которая стала развиваться, когда традиционная игра набилась оскомину. Через определенные промежутки времени компьютер производил новые типы убийц и посылал их в бой, чтобы посмотреть, как они справятся с более ранними моделями. Наш корабль, а позднее и мы сами, были приняты за

новичков. Роботы не обладают информацией о терранах. К тому же, поскольку связь с аппаратами поддерживается через передающие устройства прямого наведения, бродячие воины частенько выходят из-под контроля главного компьютера.

— Почему же, когда мы пытались вызвать помощь...

— С пика Девы? По всей видимости, дикие машины не способны распознать наш сигнал на их собственной частоте. Что же касается той части внимания компьютера, которая слушает переговоры своих задиристых подопечных, она попросту отфильтровала мой голос, подобно тому как человек, занятый важным делом, перестает слышать посторонние звуки. Тем более что эфир на Велунде забит радиопомехами.

Виденные нами мачты были поставлены исключительно для связи с роботами — связи на высоких частотах, на каких только и способен работать цифровой передатчик. Вот почему никто не мог откликнуться на мой вызов в других диапазонах. Компьютер, конечно, всегда держал небольшую часть своего сознания в состоянии готовности услышать человеческий голос на стандартной частоте. Но он исходил из предположения, что, возвращаясь обратно, терране начнут опускаться из точки зенита и сядут рядом с приготовленными для них зданиями. Поэтому умная машина не сделала никаких распоряжений, чтобы обнаруживать терранское радио в каком-либо другом направлении.

— Возможно, в теории все бы так и произошло, — продолжал Доминик. — Однако после стольких веков, проведенных в одиночестве, электронный бедняга немного сбрендил. В сущности, все, что он сделал: организовал шахматную игру, затем усложнил правила, затем произвел бойцовые механизмы, которые вообще не подчиняются никаким правилам, и, наконец, заполонил всю планету сражающимися машинами самых разнообразных видов, — преследовало только одну цель: сохранить здравый рассудок.

— Что? — удивленно спросила Джана.

— Конечно. Только представь, как должен чувствовать себя интеллект с неограниченными возможностями, который десятилетие за десятилетием вынужден исполнять однообразную работу, не получая никакой новой информации. — Флэндри поешлился. — Ужас. Это, вероятно, напоминает эмоциональную недостаточность у человека. Наш компьютер спас себя тем, что начал создавать сложные механизмы с непредсказуемым поведением. — Юноша помедлил немного и лукаво добавил: — Не могу удержаться от сравнения с Создателем, в которого ты так самозабвенно веришь.

Он крепко пожалел о сказанном, когда девушка, вне себя от возмущения, резко произнесла:

— Я требую полного отчета о том, как тебе удалось выйти из положения.

— Нет ничего проще. Это оказалось не таким уж сложным делом. Как только я разбудил белого короля, мир, который он видел во сне, пришел к своему концу. — Метафора не достигла цели, поэтому Флэндри продолжил в более деловом стиле: — Компьютер с нетерпением ожидает момента, когда он сможет вернуться к прежней работе. Братец Аммон уже с первым кораблем увезет огромное количество металлов.

Думаю, исходя из моральных соображений, ты просто обязан рекомендовать Леону заплатить мне добавочное вознаграждение.

— Моральных? — Горькая обида, накопившаяся за годы тяжелой жизни — жизни, которая никогда не позволяла девушке принимать во внимание подобные вопросы, — выплеснулась теперь наружу. Впрочем, Доминику показалось, что его очаровательная подруга несколько преувеличивает свой гнев, словно пытаясь найти оправдание для собственных обвинений:

— Да кто ты такой, чтобы болтать о морали? Разве передо мной не тот самый Доминик Флэндри, который вначале принес присягу в верности Империи, а затем принял взятку от Леона Аммона?

Флэндри оскорбленно ответил:

— А что я мог сделать?

— Отказаться. — Джана смягчила свой гнев, покачала головой, обрамленной янтарного цвета локонами, грустно улыбнулась и сжала руку Флэндри. — Прости. В наши дни требовать от людей подобного бескорыстия было бы слишком жестоко. Что ж, милый, давай продаваться вместе. И пока не расстанемся, постараемся быть добрыми друг к другу.

Доминик долго смотрел на девушку, затем на звезды и наконец сказал:

— Думаю, ты способна меня понять... Я не стану отказываться от вознаграждения, потому что мне нужны деньги. Кроме того, чем-то нужно возместить страх, который будет преследовать меня всю жизнь, — страх, что о сделке станет известно и моя карьера будет погублена. Согласись, это не слишком большая цена за возможность удержать границу.

Джана раскрыла глаза от удивления.

— Не понимаю.

— Ни для кого не секрет, что Ирумкло в скором времени будет оставлена, — объяснил он. — Все это знают — и всегда знали. Дурные пророчества уже сами по себе обладают силой. Поэтому гарнизон терял свою выучку, богатые жители потихоньку

оставляли насиженные места, забирая с собой весь капитал. Обороноспособность и экономическое состояние вошли в штопор и достигли той точки, когда дальнейшее пребывание на планете потеряло всякий смысл. В конце концов Империя будет вынуждена бросить Ирумкло на произвол судьбы. В результате эта часть границы отодвинется на несколько парсеков. Мерсейя и Вечная Ночь сделают большой шаг вперед.

Флэндри вздохнул:

— Леон Аммон — отвратительный, презренный тип. В других обстоятельствах я бы не задумываясь взял тупой нож и выпустил ему кишки. Но он обладает энергией, решительностью, немалой отвагой и даже своего рода даром предвидения.

Я пришел в его офис, чтобы выяснить, что у него на уме. Когда он рассказал мне о планете, я согласился, потому что... как тебе объяснить...

Если предложить Велунд государственным чиновникам, они бы не знали, что с ним делать. Скорее всего эти ловкие парни засекретили бы полученную информацию, чтобы избежать необходимости принимать какое-либо решение и совершать дополнительное усилие. В лучшем случае наша находка чуть-чуть затормозит процесс «мирного урегулирования».

Напротив, Аммон имеет в этом деле личный интерес. Он останется на Ирумкло и организует предприятие — терранское предприятие. Получив прибыль и подняв свой экономический, а следом и политический престиж, Леон сумеет надавить на правительство и сохранить планету. Мы будем крепко держать старушку Ирумкло, а значит, и границу. Возможно даже, что правительство пожелает увеличить имперское влияние в районе Бетельгейзе.

Одним словом, — заключил Флэндри, — может быть, Аммон и сукин сын, но он наш сукин сын.

Доминик с силой вдавил окуроч в пепельницу и попытался обнять девушку, ища более забвения, чем удовольствий.

Удивительно, но, несмотря на дружеские чувства, которые она совсем еще недавно так красноречиво выражала, Джана не ответила своему спутнику взаимностью. Ее руки оттолкнули его. Голубые глаза смотрели с тревогой.

— Ники, пожалуйста. Я должна подумать... о том, что услышала.

Флэндри уважал чувства дамы, поэтому спокойно развалился в кресле, положив ногу на ногу.

— Думаю, что смогу сдержать себя на некоторое время. — Очарование девушки смягчило поднимающийся в Доминике

гнев. Он усмехнулся. — Только учти, что долго я не выдержу. Слишком уж ты восхитительна.

Ее рот искривился, но отнюдь не в улыбке.

— Я никогда не думала, что тебя могут интересовать подобные вещи, — неуверенно сказала она.

Тот пожал плечами:

— А почему нет? Я живу в Терранской Империи.

— Но если... — Джана подалась вперед. — Ники, ты серьезно думаешь, что Велунд способен существенно изменить ситуацию?

— Мне хочется в это верить. А почему ты спрашиваешь? Не могу поверить, чтобы тебя интересовала судьба будущих поколений.

— Напрасно. Предположим... Ники, предположим, случится так, что Леон не сможет разрабатывать Велунд. И никто не сможет. Как это повлияет на нас с тобой?

— Думаю, немаловажную роль здесь играет продолжительность наших жизней. Возможно, мы не увидим никаких изменений. Возможно, лет через двадцать—тридцать Империя начнет отступление, о котором я говорил.

— Но ведь локальное отступление не означает гибели всей империи.

— Конечно, нет. По крайней мере, немедленной гибели. Можно надеяться, что мы проведем остаток жизни в привычном для нас стиле. Впрочем, кто знает? Политические изменения в правительстве... Неуверенность, которая всегда влечет за собой социальные перевороты... Кто знает?

— Мы всегда можем найти укромное место. Милая колониальная планета где-нибудь на окраине. Конечно, не слишком примитивная, но...

— Не исключено, — ухмыльнулся Флэндри. — Не понимаю, о чем ты беспокоишься. Мы отчитаемся перед Аммоном, и на этом наша роль будет закончена. Не забывай, что у него осталась большая часть гонора.

Джана кивнула. Некоторое время они молчали. Звезды на смотровом экране образовали ореол вокруг золотистой головы девушки.

Наконец обычное женское лукавство взяло свое. Джана улыбнулась и побормотала:

— Наверное, не имеет большого значения, кто именно получит Велунд: Аммон или другой житель Ирумкю.

— Думаю, не имеет, если этим жителем будет кто-нибудь из предпринимателей-терран. — Флэндри почувствовал настоящее беспокойство. — Что ты замышляешь? Пытаешься подать секрет

конкуренту? Я бы не рекомендовал тебе даже думать о подобных вещах. Можно здорово влипнуть.

— Ты...

— При чем тут я? Для меня главное — получить свои деньги. Ты представить себе не можешь, каким примерным мальчиком я тогда стану. Больше никаких авантур в Старом Городе. Респектабельный отдых на базе и штудирование учебников по навигации. Тем более что срок моей командировки на Ирумкло скоро кончается.

Флэндри взял ее руки в свои.

— Я даже с тобой перестану видаться, чтобы избежать лишнего риска. Кстати, ты тоже должна перестать появляться в поле моего зрения. Вселенная без тебя значительно обеднеет, но что поделаешь...

Джана обиженно поджала губки.

— Вот как ты повернул...

— Ага, — ухмыльнулся Доминик. — К счастью, впереди у нас еще целая вечность. Давай-ка, пока не прилетели, не тратить зря времени.

Невинная скромница стыдливо опустила ресницы, затем подняла их снова и... в следующий момент она уже сидела на коленях у своего спутника, страстная, нежная, улыбающаяся, с расширившимися от возбуждения зрачками.

— Давай, — прошептал воркующий голосок.

Неожиданный грохот прервал эту очаровательную сцену. Мир погрузился в темноту.

Очнувшись, Флэндри пожалел, что пришел в себя. Кто-то вынул из его черепа мозги, чтобы поставить на их место ядерный генератор.

Нет... Доминик попытался перевернуться — и не смог.

Тогда он застонал. Чья-то рука подняла его голову. Прохладная жидкость коснулась высохших губ.

— Выпей, — раздался откуда-то издалека знакомый женский голос.

Флэндри выпил вместе с водой пару таблеток и смог наконец осмотреться. Девушка стояла возле койки, на которой он лежал, и не сводила с него взгляда. Стимуляторы начали свое действие — боль отступила. Образ Джаны стал проясняться. Доминика поразила суровость, застывшая на ее лице. Вытянув шею, незадачливый кавалер исхитрился увидеть, что его ноги и руки привязаны — и крепко привязаны — к каркасу кровати.

— Тебе лучше? — холодным тоном спросила безжалостная сиделка.

— Судя по всему, едва я уснул, ты разрядила в меня электрическую дубинку.

— Извини, Ники. — На мгновение Флэндри почудилось, что бесстрастная маска дала трещину.

— Зачем?

Девушка рассказала о Раксе и добавила:

— Мы уже договорились о встрече. Если я правильно усвоила твои уроки, лететь нам осталось сорок—пятьдесят световых лет. К счастью, ты сам научил меня, как запрограммировать автопилот на наибольшую крейсерскую скорость.

Флэндри был в состоянии «гroggi». Из всех чувств в нем осталось только отчаяние, и оно прошло сквозь него словно тупой гвоздь.

— Четыре или пять дней полета. И все это время я останусь привязанным?

— Извини, — повторила Джана. — Я не могу позволить, чтобы ты схватил меня и... Ну, в общем, сам понимаешь. — Она помедлила. — Я буду о тебе заботиться. Хорошо заботиться. Пойми, у меня нет к тебе личной обиды. Все дело в деньгах. Миллион кредиток.

— Почему ты так уверена, что твои неизвестные друзья сдержат обещание?

— Если Велунд действительно богат металлами, миллион покажется им ничего не стоящей суммой. Кроме того, я и после полета могу оказаться бесполезной. Конечно, только до тех пор, пока не улечу куда-нибудь подальше. — И жестко, словно не говорила, а резала острой бритвой, девушка добавила: — Эти деньги принесут мне независимость.

Флэндри погрузился в полуобморочное состояние.

Теперь он был лишен возможности выполнять большинство изометрических упражнений: веревки врезались в кожу. Бесполезный пленник часами разминал те немногие мускулы, которыми он мог двигать в своем стесненном положении. По счастью, Джана оказалась так добра, что массировала его онемевшее тело.

Джана сдержала обещание и относилась к своему пленнику с сестринской заботой. Ее уход нельзя было назвать идеальным — сказывалось отсутствие тренировки и необходимого оборудования, — но он сильно помог несчастному страдалцу. По часу в день девушка читала Флэндри микропленки, которые имелись на корабле, пользуясь для этого селекторной связью. Милосердная надзирательница была настолько добра, что даже предложила своему подопечному заняться любовью. На третьи сутки Доминик согласился.

В остальном они почти не общались: положение заключенного мало располагает к задушевным разговорам. Большую часть времени спутники проводили в одиночестве, усугубляя тем самым трудности полета. Испытав сильный шок в самом начале и сумев совладать с собой, Флэндри в первые дни легко переносил изоляцию. Не имея систематического образования, он тем не менее немало повидал, кое-что читал и многое успел пере-думать. Теперь все это служило ему пищей для размышлений. Но шло время, полет близился к концу, и Доминик стал испыты-вать сильный недостаток внешних впечатлений. Каждый час казался несчастному пленнику пустынным столетием. Когда за-работали датчики, пилоту стоило немалых усилий, чтобы выйти из легкого транса и понять значение этих звуков.

Корабли уравнили свои скорости и сблизились. Стыковоч-ные отсеки соединились друг с другом. Когда команда второго корабля взошла на борт «Джеки», Джана завизжала — и отнюдь не от радости.

Глава 11

Мерсейцы обращались с пленниками холодно, но корректно. Флэндри был освобожден от пут, отведен на корабль своих захватчиков и осмотрен врачом, имеющим опыт лечения разум-ных существ иных видов.

После осмотра ему была предоставлена возможность вы-мыться и прийти в себя. Вернули личные вещи, за исключением оружия. Для терран нашелся уютный уголок, отгороженный занавеской. Им принесли пищу. Девушке предоставили туалет-ную комнату на другом конце коридора. Возле импровизирован-ного жилища поставили охрану, которая, впрочем, ничем не досаждала заключенным. Незадачливые путешественники вряд ли могли чувствовать себя в большей безопасности на военном корабле. Тем более что в космосе им предстояло пробыть совсем недолго.

Джана не переставала причитать:

— Я думала, это люди. Я думала, это люди. Просто какая-нибудь другая банда. — Она бросилась к Флэндри. — Что они с нами сделают?

— Трудно сказать, — ответил он без всякой симпатии в голо-се. — Вряд ли они собираются отпустить нас домой, чтобы мы рассказали там нашу историю.

«Историю о разведывательной сети на Ирумкло, возглавля-емой неким Раксом, чья родная планета, вне всякого сомнения, находится в пределах Ройдхуната, а не Империи. Не исключено,

что с этой сетью сотрудничают члены местных синдикатов. Вдобавок на неосвоенной территории в непосредственной близости от границ Империи расположилась мерсейская военная база. — Мурашки побежали по спине младшего лейтенанта. — В таком случае, как только новость о нашем захвате дойдет до руководства базы, кто-нибудь из старших офицеров обязательно захочет поговорить со мной лично».

Мерсейский эсминец прикрепил к себе «Джеки» и пустился в путь. Флэндри попытался было втянуть стражей в беседу, но те получили приказ молчать. Однако солдат, который принес терранам обед, согласился передать своему начальству его просьбу. Доминик хотел, чтобы ему разрешили наблюдать посадку корабля. Вопреки всем ожиданиям, просьба была удовлетворена.

«Впрочем, почему бы и нет? Они ведь не собираются меня отпустить, чтобы я выболтал все увиденное».

По всей видимости, координаты пункта назначения, которые Ракс дал Джане, должны были привести корабль терран в поле обнаружения мерсейского патрульного эсминца. Патрульные суда редко когда далеко удаляются от базы. Уже через три или четыре часа за Домиником пришли. Он попрощался с девушкой, которая не переставала сетовать на судьбу, и ушел в сопровождении вооруженной охраны. Планировка судна мало чем отличалась от терранской. Детали, конечно, разнились, как разнились формы, размеры, языки и культуры двух цивилизаций, но атмосфера корабля оставалась той же самой: узенькие металлические коридоры, монотонное жужжание и вибрация судовых машин, теплые потоки пропахшего маслом воздуха из вентиляционных решеток, ежедневные однообразные обязанности.

Только вот команда состояла из громадных, гладких, зеленокожих существ с хвостами и костистыми гребнями. Они были одеты в черную форму необычного покроя, сшитую из неизвестного материала. У пояса висели боевые ножи. Мерсейцы выполняли традиционные ритуалы и знаки почтения: слово, жест, шаг в сторону — с автоматизмом, отработанным многовековой практикой. Немногие личные вещи: картинка на стене или сувенир — выдавали вкус, который отличался от терранского большей строгостью и абстрактностью. Физиологические выделения, наполнявшие спертый воздух эсминца, были острее и, если можно так выразиться, суше, чем у людей. Черные глаза, внимательно следящие за проходившим терранином, не имели белков.

Брах — что примерно соответствовало второму помощнику капитана — Тринтаф Длинный встретил Флэндри в навигационном отсеке.

— С вами будут обращаться почтительно, лейтенант. Хотя вы и находитесь под арестом за незаконное вторжение на суверенную территорию Ройдхуната, наши государства больше не воюют друг с другом.

— Я благодарен *броху*, — старательно произнес Флэндри на эрио и довершил свои слова соответствующим жестом. Он не стал добавлять, что, помимо других пунктов, Альфзарский договор обязывает обе стороны воздерживаться от притязаний на территории буферного региона. Конечно, на многих планетах — например на Старкаде — практикуются так называемые пакты взаимного содействия, которые вынуждают к сотрудничеству стоворчивых, или, точнее сказать, запуганных, автохтонов.

Доминика гораздо больше интересовало то, что происходило на экране. Вполне вероятно, что он наблюдал сейчас место, где ему предстояло упокоиться навек.

Смотровой экран демонстрировал обычную картину звездного неба, густо усыпанную светящимися точками; нетренированный глаз должен был неминуемо заблудиться в хаосе неопознанных светил. Но Флэндри обладал навыками хорошего навигатора: мысленно отбросил наименее яркие звезды, нашел опорные созвездия, видимые из любой точки вселенной, вроде Магеллановых Облаков, определил по размерам светила расстояние до ближайшего гиганта — Бетельгейзе. Вскоре он обнаружил, что и без этих данных местоположение корабля ему хорошо известно. В самом начале своего пленения Доминик вынудил Джану называть заданные координаты и крепко их запомнил. Кроме того, тип солнца, к которому они подлетали, был достаточно необычен, особенно если учесть, что большую часть данного района вселенной занимали красные карлики. Собственно говоря, на многие сотни световых лет таких звезд можно было встретить только одну или две.

Светило по своей природе напоминало Мимир. Менее массивное и не такое яркое, оно тем не менее отличалось той же самой режущей глаза белизной, бурлящими пятнами и громадными протуберанцами. По-видимому, это солнце было значительно старше своего собрата, поскольку вокруг него не наблюдалось никакой туманности. Наблюдателям на корабле его диаметр казался примерно в три раза меньше углового диаметра Сола, если смотреть на него с Терры.

— Спектральный класс F5, — сказал Тринтаф, — масса 1,34, яркость 3,06, радиус 1,25. — Значения были даны в долях родного светила мерсейца, Кориha, однако Флэндри легко пересчитал все параметры в терминах Сола. — Мы дали ему имя Сикх.

Планета, которая является целью нашего полета, называется Талвин.

— Понятно, — кивнул Доминик. — Так звали героя ваших гражданских войн. Сколько еще героев вы запечатлели в названиях планет?

Тринтаф быстро взглянул на терранина. *«Проклятье! Как я все время забываю, что его нельзя недооценивать».*

— Я поражен вашими познаниями в области истории Ройдхуната, — произнес мерсеец. — Впрочем, если всем патрульным эсминцам дано специальное задание следить за появлением разведывательного корабля терран, нужно ли удивляться, что пилот окажется необычной фигурой.

— Вы мне льстите, — скромно возразил Флэндри.

— Что же касается вашего вопроса, то небесных тел, достойных носить собственное имя, здесь крайне мало. Вокруг солнца вращается несколько скоплений астероидов, а вот настоящих планет всего четыре. Считается, что наименьшая из них в прошлом являлась спутником. Орбиты, по которым вращаются тела, сильно смещены и перекошены. Наши астрономы выдвинули гипотезу, что на ранней стадии жизни Солнечной системы сквозь нее прошла другая звезда, которая и нарушила нормальную конфигурацию.

Доминик не отрываясь смотрел на растущий перед ним мир. Корабль переключился с гипердвигателя на нормальную тягу. Резкое снижение скорости наводило на мысль о наличии большого количества крупных метеоритов. (Они не представляли никакой реальной опасности для корабля, который был в состоянии издали обнаружить летящий объект и уклониться в сторону или, на крайний случай, отразить удар с помощью силового поля. Однако подобные столкновения могли сильно подмочить репутацию шкипера, так бездарно расходующего энергию.) Ослепительно белый серп Талвина имел нечеткие очертания. Это означало, что, подобно Венере, данная планета была окружена сплошной пеленой облаков. Сквозь облачность тем не менее пробивались красные пятна и полосы.

— Не слишком обнадеживающее зрелище, — заметил Флэндри. — Кажется, мы чересчур близко приблизились к солнцу.

— Что поделать, — последовал ответ Тринтафа. — На планете стоит позднее лето — на всей планете, поскольку она полностью лишена осевого наклона. Жара неимоверная. Когда сойдете с корабля, одевайтесь полегче, лейтенант. В периастре Талвин подходит к Сикху на 0,87 астрономических единиц. Зато в апоастре расстояние увеличивается до 2,62 а. е.

Доминик присвистнул.

— Такого эксцентриситета, насколько я помню, нет ни у одной планеты. Сколько же получается?.. ноль целых пять десятых. Правильно? — Молодой гений почувствовал возможность сойти с заоблачных высот и перевел разговор на более житейскую тему. — Как вам удастся выживать в таких условиях? Хорошо бы еще существовал осевой наклон — тогда, по крайней мере, на одной полусфере можно было бы укрыться от смертельного жара. Однако на этом шарике если и заведется какая-нибудь живность, она должна быть здорово не похожа на нас с вами.

— Ошибаетесь, — возразил Тринтаф. — Атмосфера и гидросфера до некоторой степени смягчили климат планеты. Кроме того, мы используем специальные жилища. Вон те красные пятна имеют биологическое происхождение. Это споры, занесенные в верхние слои атмосферы. Фотосинтез создает вполне приемлемую для дыхания смесь кислорода и азота.

— А болезни? — «Нет, постой. Сейчас ты действуешь слишком глупо. То, что безопасно для мерсейца, не обязательно безопасно для человека. Возможно, у нас крайне сходные биохимические процессы, однако ядовитые для терран насекомые скорее повредят терранскому животному, чем мерсейцу. К тому же вряд ли такой необычный мир, как Талвин, способен произвести живой организм, который будет представлять для нас серьезную опасность. По крайней мере, можно не бояться болезней, не поддающихся лечению современными методами. Тринтаф прекрасно понимает, что мне все это хорошо известно», — такая или подобная мысль промелькнула в единую долю секунды. — Я имею в виду аллергены и другие яды.

— Есть немного, но они не должны вас беспокоить. Биоформы в своей основе сходны с теми, к которым мы привыкли: L — аминокпротеины в водном растворе. Конечно, возможны отклонения. Но в принципе вы или я способны прожить некоторое время на подножном корму, если выбирать его с достаточной осмотрительностью. На более длительный срок понадобятся диетические добавки. У нас имеется некоторый запас для экстренных случаев.

Флэндри решил, что Тринтаф лишен чувства юмора. Большинство мерсейцев любили пошутить — иногда со вкусом, иногда слишком грубо, но всегда непонятно для человека. Доминик в свою очередь во время посещения Старкада приводил в замешательство своих хвостатых собеседников. Они отказывались принимать его остроты, даже если он пытался найти терранским шуткам эквиваленты на эрию.

«Конечно, среди них попадаются разные экземпляры. Вполне возможно, моя жизнь будет зависеть от личных склонностей

командующего базой на Талвине. Даст ли он мне хоть один шанс на спасение? И смогу ли я не упустить этот шанс?»

Флэндри попытался прощупать своего нового приятеля, но тот вскоре покинул навигационный отсек, сославшись на занятость. Юноша остался в одиночестве, если не считать солдата-охранника, который молча расположился возле двери, усевшись на собственный хвост.

Наблюдение за происходившим на экране частично рассеяло тревогу пленника. Доминик умел находить на звездной карте наиболее существенные детали, которые ничего бы не сказали профану, умел определять, что эти детали означают и какое из них можно сделать заключение.

Талвин не имел луны. Во всяком случае, с тех пор, как чужеродная звезда нарушила нормальное движение планет. Флэндри удалось заметить слабое мигание двух искусственных спутников. Судя по их положению, они должны были принадлежать синхронизированной триаде. Мизерное число спутников говорило о том, что мерсейцы не слишком заботились об оборудовании базы. Впрочем, что можно ожидать от объекта, находящегося на самом конце длинной коммуникационной линии. Это был наблюдательный пост, депо, станция первого уровня для приема сообщений от агентов с приграничных планет Империи. Таким агентом и был Ракс.

За исключением своего босса, шпионы Ройдхуната не знали о существовании Сикха. Тем более они не могли назвать его координат. В их распоряжении находились самонаводящиеся торпеды, запрятанные в укромных уголках планеты. Торпеды были заранее запрограммированы на определенную цель. Имелись также ключи для изменения координат пункта назначения. При соблюдении элементарных мер предосторожности ни один наблюдатель не был способен засечь отправление послания. Заправка представляла собой более сложную проблему, связанную с контрабандой, однако и эту задачу можно было решить, учитывая, что все терранские службы работали спустя рукава. Передача новых приказов агентам являлась и вовсе пустяковым делом: кто станет следить, что за корреспонденция или что за визитеры посещают магазинчик Ракса.

Значение Талвина трудно было переоценить. Помимо своей функции как базы для патрульных судов, планета позволяла установить близкий контакт со шпионами из приграничных районов Империи, который в ином случае был бы невозможен. Флэндри задался вопросом: выполняют ли разведывательные службы Империи подобную работу недалеко от пределов Ройдхуната? Скорее всего нет. Мерсейцы отличались крайней бди-

тельностью, а терранское правительство не любило лишних хлопот, да и богатые жители Империи не горели желанием оплачивать дорогостоящие операции своего государства.

Доминик встряхнулся, словно пытаясь сбросить с себя грустные мысли, и сосредоточился на том, что показывал экран.

Разрешение на посадку было получено, траектория рассчитана. Эсминец по широкой спирали двигался вокруг планеты. Возможно, такой путь обуславливался желанием уклониться от гроз. Более прохладный воздух, который двигался от полюсов в сторону экватора, должен был превратить лето в сезон «муссонов». Принимая во внимание входную энергию, атмосферное давление (которое, как сказал Тринтаф, на двадцать процентов превышало терранское) и период вращения (чуть более восемнадцати часов, по словам того же Тринтафа), легко понять, что погода на Талвине бушевала иной раз сильнее, чем в любом другом месте населенной части вселенной. Длинный, тонкий и массивный объект, каким являлся эсминец, был гораздо более чувствителен к сильным порывам ветра, чем это можно себе представить.

Водяной пар конденсировался в облака на довольно большой высоте. Когда корабль прошел верхние слои атмосферы, Флэндри получил возможность беспрепятственно наблюдать за планетой.

Чуть меньший по размеру (экваториальный диаметр равнялся 0,97) и не такой плотный, как Терра, Талвин имел в тот период своего развития лишь один континент. Громадный участок суши с неровными краями расположился между северным полюсом, где находился его узкий конец, и экватором. На остальной части планеты наблюдалось огромное количество островов, которые, впрочем, несмотря на свою многочисленность, были рассыпаны довольно редко.

Флэндри догадался, что образование и последующее таяние громадных ледниковых покровов нарушило изостатический баланс Талвина. Половодья и грозовые шторма ускорили эрозионные процессы, что привело к перераспределению массы. Тектонические изменения должны были происходить с невероятной скоростью; землетрясения, извержения вулканов, исчезновение старых и создание новых земель стали, по всей видимости, обыденными геологическими явлениями.

Доминик сумел обнаружить лишь одну горную гряду, которая шла с запада на восток по всей ширине материка недалеко от экватора и имела около четырехсот километров в длину. По сравнению с высоченными пиками молодой планеты Гималаи показали бы низкорослыми карликами. Но в отличие от терранских гор, местные гиганты не были покрыты снегом — голые

скалы без признаков растительности. Во всех остальных местах континента возвышенности если и наблюдались, то только в виде невысоких, округлых холмов. К северу от гряды начиналось сплошное болото. *«Мать честная! Это означает, что в зимнюю пору оледенение добирается до сорока пяти градусов северной широты. Ледник все смолотил на своем пути»*. Дальше к югу земли представляли собой выжженную пустыню, изрытую следами пронесшихся ураганов. Весьма вероятно, что к середине лета реки и озера в той местности не просто высыхали, а вскипали, в прямом смысле этого слова. Экваториальный океан служил естественным биологическим укрытием. Было бы интересно знать, как разнится течение эволюции в северном и южном полушариях.

За границами бесплодной тропической зоны жизнь еще недавно поражала своим изобилием. Джунгли душили центральные территории, арктика была покрыта сплошным ковром низкорослых цветущих растений. Теперь же безжалостная засуха собирала свою ежегодную дань. Листья жухли и опадали, травы высыхали. Во все стороны разбегались дикие языки пламени, оставляя после себя черные пятна выжженной земли. Однако оставались районы, по большей части вдоль побережья, которые пока еще получали достаточное количество дождей. Огромные стада пасущихся животных заполняли открытые равнины. Стаи птиц перелетали с места на место. Мелководья темнели от обилия водорослей и рыб. На большинстве островов в избытке кипела жизнь.

Господствующим цветом растительности был голубой, который встречался на планете во множестве оттенков. Это означало, что процессом фотосинтеза занимались не молекулы хлорофилла, а какие-то иные, возможно, родственные им молекулы. Естественно было ожидать, что среди обилия разнообразной флоры не будет недостатка и в других цветах: коричневом, красном, желтом, — однако Флэндри приятно поразили и тронули крупные ярко-зеленые пятна.

Спускаясь в грозовых раскатах все ниже и ниже, корабль пересек границу ночной стороны Талвина. Чтобы продолжить наблюдение, Флэндри включил фотоувеличитель и инфракрасные излучатели. Вид ночной планеты усилил впечатления, полученные за день.

Наконец эсминец снова летел в лучах солнца, которое стояло на сей раз низко и готовилось закатиться за горизонт. Судно находилось в районе 40 градусов северной широты. На севере горные пики гигантской гряды уменьшались и уступали место невысоким холмам. Флэндри заметил в той местности вулкан,

выпускавший в небо черные клубы дыма. На отрогах хребта брала свое начало неизвестная река. Она едва заметным ручейком протискивалась сквозь глубокие узкие ущелья, чтобы затем превратиться в широкий полноводный поток, неторопливо бегущий среди лесистой равнины в рассеянном свете заходящего Сикха. Ее воды бледно сияли: полоска жидкого олова на фоне лазурных земель. Далеко на юге река впадала в растянувшийся на целый километр залив.

Зеленовато-серый океан вскипал почти вдоль всего побережья белой пеной прибоя. Приливное влияние Сикха летом примерно равняется совместному влиянию Луны и Сола — океанические течения бурно несли свои воды. Вдоль берега протянулась довольно широкая полоса сухой, потрескавшейся грязи, покрытой беловатым соляным налетом. Лишь немногие самые стойкие и приспособленные виды растений отваживались селиться на этой бесплодной почве.

«Понятно, — размышлял Флэндри. — Весной лед начинает таять. Уровень океана поднимается на несколько метров. Шторма становятся поистине убийственными. Вместе с увеличивающимися приливами они гонят волны вперед, пока те не встретятся с потоком, бегущим с гор... И почему это Джана верит в Бога, Который насылает бедствия? Или я должен сказать — Который дает благословение?»

Он потер щеку и заметил, с какой точностью нервные окончания запоминают давление, фактуру, теплоту, скорость и место движения. «Да, — продолжил Доминик свои рассуждения, — должен признать, что, кто бы ни занимался созданием моего тела, Он снабдил его замечательным набором удовольствий. — Сердце его сжалось от ужаса. — Неужели Он заберет от меня всю радость жизни? Только не теперь. Может быть, позже, когда я стану стар и потеряю всякий интерес к существованию. Только бы не теперь!»

Доминик припомнил товарищей по оружию, которым не удалось дожить до этих дней. Воспоминания не утешили пленника, но помогли собраться с духом: погибшие никогда не жаловались на судьбу.

Кроме того, кто знает, как может обернуться дело.

Картинка на экране стала крениться. Двигатель заревел на более низкой ноте. Корабль пошел на посадку.

База мерсейцев расположилась на отвесном берегу реки, примерно в тридцати или сорока километрах от истока, в самом центре плодородных земель. Космопорт оказался совсем крохотным, транспортных средств при нем должно было находиться совсем немного. Флэндри прикинул на глаз, что несколько

эсминцев и более легких летательных аппаратов — это все, что могло там разместиться. Он заметил на территории порта группу строений совсем не военного вида.

«Странно. Может быть, мерсейцы имеют и другие интересы на Талвине?.. Кажется, так и есть. Иначе они бы нашли более гостеприимную планету для своей базы. Или, по крайней мере, более замаскированную: скажем, блуждающий метеорит... Создается впечатление, что их разведывательная активность тоже является маскировкой».

Корабль коснулся земли. Во время спуска давление воздуха постепенно поднималось, чтобы уравниваться с атмосферным давлением на уровне моря. Внутренняя гравитация отключилась, ее место заняла сила тяжести планеты. Флэндри почувствовал, что стал несколько легче. Он прикинул, что тянет теперь на девять десятых прежнего веса.

Появился Тринтаф, отдал какой-то приказ и снова исчез. Доминика отвели в шлюзовой отсек. Там уже ждала Джана с собственным охранником. Она казалась неестественно тоненькой и хрупкой рядом с мощным мерсейцем: фарфоровая кукла.

— Ники, — пролепетала девушка. — Ники, пожалуйста, не сердись. Прости меня. Я даже не могу понять, что они говорят.

— Может, и прошу попозже, — отрезал Флэндри. — Если будешь в состоянии это сделать.

Джана закрыла глаза и отпрянула назад. Флэндри пожалел о сказанном. В конце концов бедняжку просто обманули. Конечно, во всем виновата ее алчность, но ведь не по своей воле она отдалась в руки хвостатых чудовищ. Кроме того, вдвоем они бы легче перенесли изоляцию. Но гордость не позволила Доминику смягчиться.

Люк открылся. Подали трап. Пленников попросили на выход.

Джана зашаталась. Флэндри задохнулся. *«Адское пекло. Как же я забыла, что нужно переодеться?»*

Жар окутал его, проник сквозь кожу, слился с его естеством, стал единственной значимой вещью во всем мире. Температура была не ниже восьмидесяти градусов по Цельсию, а может быть и больше. Всего на двадцать градусов ниже точки кипения воды при нормальном давлении. Горячий ветер глухо гудел, пытаясь прорвать защитный экран скафандра. Флэндри покрылся, пропитался потом. Вернее, не потом, а липкой слизью, какая выступает на теле совершенно обезвоженного человека. Раскаленный воздух обжигал легкие.

Из-за большой плотности атмосферы окружающие звуки: вой ветра, голоса, лязг работающих машин — стали звучать го-

раздо громче в ушах ошеломленных терран. Пленники ощутили острые и пряные запахи джунглей с явным присутствием серных испарений. Флэндри увидел вдали блочное здание с гонгом на крыше, чтобы созывать мерсейцев на молитву Богу-покровителю того мира, который отстоял от этого места на два с половиной световых века. Отсутствие теней не позволяло точно оценить расстояние. У Доминика появилась надежда, что, может быть, благословенное укрытие от палящего солнца находится не так далеко, как ему кажется.

Команда направилась к строению с гонгом. Мерсейцы не старались идти строем, однако благодаря врожденной дисциплине двигались тесными рядами и четко печатали шаг. Те из них, кто должен был работать на открытом воздухе, носили закрытые белые комбинезоны со снаряжением на спине.

— Пошевеливайся, терранин, — посоветовал охранник Флэндри. — Или тебе нравится наша погода?

Доминик тронулся с места.

— Видывал я и более удобные кофеварки, — отшутился он. Однако поскольку хвостатый солдат слыхом не слыхивал ни о кофе, ни тем более о кофеварках, острота в который раз попала мимо цели.

Глава 12

Следуя спартанским традициям повелителей вахов, кабинет Идвира Искателя не содержал никакой мебели, кроме письменного стола и нескольких шкафов. Хотя он и Мориох Светлоглазый сидели, стульями им служили собственные хвосты и ноги, — казалось, будто мерсейцы присели на корточки, готовясь к прыжку. Этот факт, а также размеры хвостатых существ, крупных даже для выходцев с побережья океана Вилдвид, слабый, но одновременно острый запах здоровых мужских тел, низкие грубые голоса и резкие гортанные звуки эрио заставили Джану думать, что хозяева кабинета сердятся и их гнев вот-вот выльется в бойню. Девушка заметила, что Флэндри обеспокоен не меньше, и сжала его руку своей холодной, влажной ладонью. Доминик никак не отреагировал на пожатие: он внимательно слушал.

— Быть может, *датолк* неправильно информирован насчет нашего дела, — произнес Мориох с подчеркнутой вежливостью. Флэндри не знал, что означает данный титул: мерсейские знаки отличия славилась своей подробностью и разнообразием. Одно было ясно: в табели о рангах это звание стоит довольно высоко, поскольку обращались к его носителю в изысканно вежливой форме.

— Я с величайшим вниманием готов выслушать то, что желает сказать *кванриф*, — ответил Идвир в той же натянутой манере, но на сей раз словесная конструкция отличалась только вежливостью. Доминик мог бы легко расшифровать мерсейское *кванриф* (начальный звук в котором более или менее соответствовал терранскому «к», за которым следует межзубное звонкое «th»), используя надпись на серебряном андреевском кресте, украшавшем черную форму Мориоха, однако он встречал это слово и раньше. Мориох был командующим базы и носил соответствующее воинское звание. Правда, база была из самых мелких.

Этот самый командующий — крепко сбитый, с суровыми чертами лица, нелепо смотревшийся среди книг и коробок с микропленками, которые стояли на полках и заполняли каждый квадратный сантиметр стен кабинета, — произнес:

— Речь идет отнюдь не о случайном захвате разведывательного корабля противника. Женщина должна... несомненно, проинформирует датолка об истинном положении дел. Но ранее я не хотел мешать вашей работе своими проблемами. Тем более что в таком конфиденциальном деле необходимо ограничить распространение информации. Разве я не прав?

Ни один охранник не вошел в кабинет вслед за своим шефом. Стража ожидала с обратной стороны арочного прохода, прикрытого занавесками, через которые, в случае надобности, легко мог проникнуть крик о помощи. С противоположной стороны находилось окно, а за ним — убийственное лето Талвина. Над фортом, над которым развевались флаги многих регионов Ройдхуната, имевших своих представителей на базе, нависла громадная иссиня-черная грозовая туча.

Идвир обидчиво поджал губы.

— Мне вы могли бы довериться, — сказал он.

Флэндри не поверил, что здесь замешано только оскорбленное самолюбие. Не нарушена ли субординация? Кто такой Идвир?

Загадочный мерсеец носил серый балахон без всяких знаков отличия. На поясе висел лишь кошелек. Ростом выше Мориоха, он, однако, был худ, морщинист и довольно стар. Поначалу, когда по его приказу терране были приведены из своих комнат, Идвир говорил мягко. Как только командующий описал вкратце суть дела, датолк посуровел, в его голосе появились властные нотки.

Мориох держался стойко.

— Вряд ли об этом стоит говорить, — произнес он. — Надеюсь, датолк не станет возражать, что у меня не было разумных

оснований беспокоить вас по вопросам, которые выходят за рамки проблем, явившихся причиной вашего пребывания на Талвине.

— Разве кванрифу известны точные границы моих интересов?

— Нет... однако... — сбитый с толку, но готовый держаться до конца, Мориох вновь перешел на язык формальностей. — Соболаговолит ли датолк разрешить мне изложить суть дела с самого начала?

Идвир знаком дал разрешение. Командующий перевел дыхание и начал:

— Когда несколько месяцев назад «Бритиох» останавливался на нашей базе, старший корабельный офицер разведки передал мне информацию, которая поначалу не показалась заслуживающей внимания. Как вы знаете, судно посетило Ирумкло, приграничный форпост терран. Во время визита некий *меи* — не вспомню сейчас его имени, но оно записано в бумагах — столкнулся с пилотом-разведчиком, с которым встречался и ранее. Пилот, тот самый человек, который стоит сейчас перед вами, совершал наблюдательные полеты в целях тренировки перед службой в разведывательных частях. Сам по себе данный факт не представляет ничего необычного: такова нормальная практика в имперских вооруженных силах. Однако интересующий нас терранин ранее посещал Мерсейю в компании другого, старшего по званию агента. Эти двое стали участниками истории, которая доставила серьезные неприятности Ройдхунату. Говорили, что протектор Брехдан Железный Рок был в ярости.

Идвир вздрогнул. Затем медленно поднял зеленую костлявую руку и произнес:

— Вы до сих пор не назвали имени пленного.

— Да будет известно датолку, что перед ним стоит младший лейтенант Доминик Флэндри.

Наступило молчание. Стал слышен резкий вой ветра за толстыми стенами здания. Взгляд Идвира грозил пронзить пленников насквозь. Джана не переставала шептать горячие молитвы. Флэндри почувствовал, как пот бежит по спине. Он был вынужден собрать всю свою волю, чтобы не выказать беспокойства.

— Да, — произнес наконец Идвир, — я кое-что слышал о нем.

— В таком случае датолк лучше меня способен оценить важность происшедшего, — Мориох, казалось, почувствовал значительное облегчение, — поскольку я, сказать по правде, ничего не знал о Флэндри до тех пор, пока...

— Продолжайте свой рассказ, — грубо оборвал его Идвир.

Развязность командующего как рукой сняло. Снова приняв почтительный тон, он двинулся дальше:

— Как будет угодно датолку. Какова бы ни была ценность самого Флэндри — мне он кажется неопытным юнцом, — молодой пилот состоял в связи с другим агентом по имени... да, вспомнил... Макс Абрамс. Этот самый Абрамс был, как, впрочем, наверняка остается и поныне, одним из главных возмутителей спокойствия в Ройдхунате. Флэндри, вероятно, пользовался его покровительством. Должно быть, теперь они стали коллегами. Не исключено, что назначение нашего пленника на Ирумкло заключает в себе нечто большее, чем рутинную подготовку к будущей работе.

Вот, в сущности, и все, о чем вышеупомянутый меи доложил главному корабельному офицеру разведки. Офицер в свою очередь направил на планету наших агентов. — «Ракса, конечно, и тех, кого нанял Ракс», — сообразил Флэндри. — Они получили задание внимательно наблюдать за молодым терранином. Если тот предпринимал какие-либо необычные шаги, его действия немедленно и тщательно изучались.

Офицер попросил меня лично проследить за ходом выполнения операции. В течение многих месяцев ничего не происходило, так что я почти забыл об этом деле. В разведывательной работе постоянно приходится отрабатывать многочисленные версии, которые ни к чему не приводят.

Но позже прибыла торпеда с Ирумкло. В послании говорилось, что Флэндри вступил в тайный контакт с лидером одной из подпольных группировок. Секретность взаимоотношений между пилотом и главарем банды вполне объяснима: подобное поведение является вопиющим нарушением законов. Наш агент, естественно, предположил, что речь идет об элементарном подкупе. — В голосе Мориоха явно зазвучали презрительные нотки. — Однако следуя приказу, он продолжил наблюдение и выяснил, в чем заключалась суть дела.

Далее командующий изложил сведения о Велунде в точности, как их знал Аммон. Идвир кивнул.

— Понимаю, — сказал старый мерсеец. — Планета находится слишком далеко от наших границ, чтобы стоило ею заниматься, но отдавать такой лакомый кусок терранам тоже нежелательно.

— Наши люди на Ирумкло умеют работать, — заметил Мориох. — Они должны были на месте принять решение и действовать самостоятельно. Их план удался. Думаю, датолк согласится предоставить им дополнительное вознаграждение.

— Конечно, лучше заплатить, — сухо ответил Идвир. — Иначе эти проходимцы решат, что терране могут стать более щедрыми хозяевами. Вы должны были отдать приказ убраться всем тех,

кто знает о существовании забытой планеты. Что они предприняли?

— Датолк видит перед собой женщину. После того как Флэндри исследовал Велунд, она нейтрализовала пилота и привела корабль в сектор, где его обнаружил наш патрульный катер.

— Хм. Она что, одна из наших?

— Нет. Терранка считала, что работает на конкурирующую подпольную организацию. Тем не менее, думаю, датолк не станет возражать, что девушка проявила несомненный талант в ведении подобного рода дел.

Флэндри больше не мог сдержаться. Сострадание прорвало оболочку отчаяния. Наклонив голову к Джане, он прошептал:

— Не бойся. Они довольны тем, что ты сделала. Думаю, тебе заплатят и отпустят восвояси.

«Шпионить за нами, находясь под давлением алчности и страха. Возможно, тебе удастся исчезнуть во внутренних районах Империи. Хотя не исключено, что тебе понравится эта работа. Твои сограждане никогда не были добры к тебе».

— Вы закончили свой рассказ, кванриф? — спросил Идвир.

— Закончил, — ответил Мориох. — Теперь датолк понимает важность данного дела. К сожалению, в ходе операции нам пришлось захватить корабль. Это может привести к началу широкомасштабных поисков. Появится опасность демаскировки некоторых объектов вроде Талвина. Правда, шансы, что такое случится, невелики. Но Флэндри нам никак нельзя отпускать.

— Я никогда не требовал освобождения пленников, — в который раз холодно возразил Идвир. — Я настаивал и продолжаю настаивать, чтобы оба терранина находились в моем распоряжении.

— Но...

— Вы боитесь, что они могут бежать?

— Конечно, нет. Но датолк должен знать, что... ценность пленников как источника информации...

— Методы, которыми пользуются ваши сотрудники, приведут к тому, что вскоре терране потеряют всякую ценность, — обрывал командующего Идвир. — Флэндри не в состоянии предоставить какие-либо сведения свыше тех, что нам уже известны. Сомневаюсь, чтобы разведка могла питать интерес к его частной жизни. Его появление здесь является чистым совпадением.

— Неужели датолк так уверен, что речь идет всего лишь о совпадении? Да, Флэндри случайно встретил меня. Но я отказываюсь назвать случайным тот факт, что из множества пилотов, способных лететь к затерянной планете, был выбран именно этот юноша.

— Ошибаетесь. Этот, как вы изволили выразиться, юноша принадлежит к тому типу людей, с которыми постоянно происходят подобные вещи. Если разумное существо подставляет грудь жизни, кванриф, жизнь обязательно выйдет ему навстречу. У меня есть собственные соображения насчет того, как использовать человека, и я бы очень не хотел, чтобы он пришел в недееспособное состояние. Заодно не мешало бы выяснить побольше о его спутнице. Одним словом, они переходят под мою опеку.

Мориох вспыхнул и произнес едва ли не повышенным тоном:

— Датолк забывает, что Флэндри работал хвост в хвост с Абрамсом. Они расстроили планы Протектора.

Идвир поднял руку ладонью вниз и приложил ее к груди. У Флэндри перехватило дыхание. Этот жест использовался крайне редко и только теми, кто имел на него наследственное право. Мариох смешался, сложил руки у лица, поклонился и пробормотал:

— Прошу датолка извинить меня. — Не часто можно было слышать, чтобы мерсеец просил прощения.

— Извинение принимается, — отрезал Идвир. — Можете идти.

— Кх-х... Датолк, конечно, понимает, что обо всем случившемся я должен буду доложить начальству. Несомненно, я упомяну также и о том, какие рекомендации, согласно возложенным на меня обязанностям, были мной предложены.

— Совершенно справедливо. Я со своей стороны также буду посылать сообщения. В них будет содержаться высокая оценка вашей работы. — Высокомерие пожилого мерсейца неожиданно улетучилось. Его верхняя губа поднялась, обнажив передние зубы. Привыкший к странным проявлениям чувств у представителей соперничающей расы, Флэндри распознал в этом необычном движении выражение дружелюбия.

— Удачной охоты, Мориох Светлоглазый.

— Благодарю и желаю и вам доброй охоты. — Мориох поднялся, отсалютовал и вышел.

Небо стало иссиня-черным. Последовали вспышки молний, раскаты грома. Ветер выл и стонал за сплошной пеленой дождя, чьи капли, ударившись о землю, тут же поднимались обратно, уже в виде пара. Джана упала в объятия Флэндри. Вдвоем они служили опорой друг другу.

Успокоив немного девушку, Доминик повернулся к Идвиру и отдал лучший мерсейский салют, на какой только может быть способен представитель терранской расы.

— Я от всей души благодарю датолка, — произнес он на эрио.

Мерсеец вновь улыбнулся. Флюоресцентная панель на потолке, которая по мере сгущения сумерек горела все ярче и ярче, превратила комнату в маленькую теплую пещеру (или, лучше сказать, прохладную пещеру, поскольку дождь за окном почти достигал точки кипения). Складки на балахоне таинственного старика говорили о том, что тот принял непринужденную позу.

— Присаживайтесь, — пригласил он.

Терране не заставили долго себя просить. Они уселись на прорезиненный пол, а спинами уперлись в книжный шкаф. Усталые колени были очень им за это благодарны. Однако в психологическом плане пленники попали в менее выгодное положение; Идвир теперь нависал над ними словно языческий бог.

«Главное, никто не станет накачивать меня наркотиками, копаться в мозгах или расстреливать. По крайней мере, в ближайшее время. Может быть... Может быть, намечается какой-нибудь обмен...»

Идвир вновь принял величественный и бесстрастный вид. *«Мне не следует заставлять его ждать».*

— Могу я попросить датолка назвать свое звание, чтобы мне попытаться выказать ему подобающее почтение?

— Здесь мы отказались от большей части церемоний, — ответил мерсеец. — Странно, однако, что человек, который ранее посещал одну из наших планет и свободно говорит на эрио, до сих пор не встречал этого термина.

— Язык... Датолк... Да будет известно датолку, что его язык изучался мной в крайней спешке: мое пребывание в его блаженном мире было кратким; кроме того, все то, что я учил в Академии, главным образом было связано с...

— Как я уже сказал, в деловых беседах достаточно простых форм выражения почтения. — Улыбка Идвира несколько приугасла, уступив место привычной мрачности. — Мне известно, почему вы не окончили свою фразу. В Академии вас учили рассматривать нас в первую очередь как военных противников. — Он вздохнул. — Я не боюсь откровенности. Бог свидетель, среди мерсейцев найдется много таких, кто думает точно так же. Это прискорбный, но неизбежный факт, по крайней мере до тех пор, пока ваше правительство не изменит свою политику. Во мне нет личной антипатии к Империи, лейтенант Доминик Флэндри. Я предпочитаю дружбу и надеюсь, что во время нашего общения между нами возникнут некоторые зачатки взаимопонимания.

Что касается заданного вами вопроса, то датолк является скорее гражданским, нежели военным званием. — Хотя у мерсейцев разделение на «военных» и «гражданских» происходит

иначе чем на Терре, Флэндри понял, о чем идет речь. Этим термином обозначался аристократ, который руководит работами, связанными с расширением границ. (Каких именно: познавательных, торговых, границ влияния или территориальных? Вполне возможно, мерсейцу не приходило в голову, что подобное разделение вообще существует.)

— Если вас интересует мой титул, я принадлежу к ваху Урдиолх, и, — тут он встал и дотронулся до лба, — мне выпала великая честь знать, что брат моего благородного покойного отца является, по благословению Господа, Всемогущественным ройдхуном Мерсейи, Эйкумены и всех владений и вассальных территорий, принадлежащих Эйкумене.

Флэндри вскочил на ноги и потянул за собой Джану.

— Салютуй, — прошипел он на англике. — Салютуй как я. Этот парень — племянник их самого главного начальника.

Тот, кого терранин назвал «самым главным начальником», избирался из рода Урдиолхов первыми лицами вахов и главами мерсейских государств, которые на Мерсейе были организованы иначе, чем в более традиционных культурах. Избирался именно из среды Урдиолхов, поскольку они были единственным вахом, который не имел собственных земель, что, впрочем, накладывало определенные ограничения на власть первого лица государства. Он мог быть, а мог и не быть, номинальной фигурой (это зависело от конкретных обстоятельств его правления), но любой, даже самый властный и независимый Протектор взирал на ройдхуна с той же долей страха, благоговения и гордости за отечество, какую питали к своему властителю простые мерсейцы. Ибо ройдхун, Заместитель Бога, являл собой символ единства и надежды воинственного народа.

У Флэндри голова пошла крутом, он едва устоял на ногах.

— Не смущайтесь, — Идвир сел сам и жестом пригласил терран сделать то же самое. — Я ведь не более чем ученый. — Он наклонился вперед. — Конечно, в свое время я служил в армии и продолжаю оставаться в запасе, но все мои интересы лежат в области ксенологии. База по сути своей является исследовательской станцией. Талвин был открыт случайно примерно... ну, скажем, пятнадцать лет назад. Астрономы обнаружили необычный тип пульсара неподалеку отсюда. Группа физиков отправилась на разведку. На обратном пути они заметили единственную крупную планету, вращающуюся вокруг Сикха, и решили посмотреть на нее поближе.

Флэндри с грустью подумал о том, что в былые дни терране с таким же успехом могли посетить любопытный пульсар, который, вне всякого сомнения, нанесен на звездные карты этой части

вселенной, поскольку редкие объекты имеют большую навигационную ценность. Но люди нынешней эры не осмеливаются приближаться к границам враждебного государства только для того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Идвир продолжал:

— Едва узнав, что на Талвине живут странные разумные существа, я решил обязательно их изучить, невзирая на опасную близость данной звезды к границам Империи.

Флэндри легко представил себе все споры и дипломатические игры, предшествовавшие заключительному компромиссу, согласно которому Талвин становился также и разведывательной базой, предназначенной для наблюдения за действиями терран. Подобное решение не влекло за собой ни чрезмерных затрат, ни чрезмерного риска... Не давало оно и большого шанса для продвижения по службе для тех, кто собирался служить на базе, что объясняло горячее желание Мориоха вывернуть пленника наизнанку.

Лейтенант облизнул высохшие губы.

— Вы... э-э... Вы очень добры, сэр, — сказал он. Почтение теперь выражалось только в слове «сэр». — Что требуется от нас?

— Я бы хотел узнать вас поближе, — искренне ответил Идвир. — Мне уже приходилось иметь дело с вашей расой. Я встречал некоторых индивидуумов, принимал участие в дипломатических поездках. Однако вы по-прежнему остаетесь для меня абстракцией, скорее сложным военным механизмом, чем группой живых существ, наделенных душой, разумом и волей. Мне приходится признать удивительный и одновременно печальный факт, что я гораздо больше знаком с домратами и руадратами, чем с терранами, которые некогда были нашими спасителями и учителями, а сейчас являются могущественными противниками. Я бы хотел побеседовать с вами.

Далее, поскольку каждый агент разведки должен иметь значительные познания в ксенологии, вы могли бы оказаться полезными в нашей работе по изучению местных автохтонов. Обладая иной душевной организацией и воспитанный в иной культуре, вы, вполне возможно, заметите нечто такое, что не доступно для нашего глаза.

Вот вам почти вся правда. В дополнение скажу, что наша встреча становится тем более любопытной, что меня очень интересует ваша собственная персона. Благодаря своим семейным связям, я получил доступ к информации, или, по крайней мере, части информации, о том, что в действительности произошло на Старкаде. Вы или удивительно способный человек, Доминик

Флэндри, или же вам во всех делах сопутствует удача. Мне очень хочется узнать, нет ли над вами судьбы.

Использованное мерсейцем понятие было туманным, по всей видимости архаичным. Доминик мог только догадываться о значении этого слова по контексту и корневому родству. Что здесь имелось в виду? Провидение? Карма? Странная фразеология для ученого.

— Взамен, — закончил Идвир, — я сделаю все возможное, чтобы вас защитить. — И добавил с суровой откровенностью аристократа: — Не обещаю, что мне удастся многое сделать.

— Как вы считаете, сэр... у меня есть хоть малейший шанс на освобождение? — спросил Флэндри.

— Нет. Вы обладаете слишком важной информацией. Чтобы вас отпустить, пришлось бы сделать такую глубокую очистку памяти, после которой ваша личность не сохранится. Но все же под моим покровительством можно довольно сносно жить.

«Только в том случае, если ты решишь, что я стою твоего покровительства, — сообразил Флэндри. — И если вышестоящее начальство, едва узнав о моем существовании, не заберет меня к себе».

— Не сомневайтесь, сэр. Позвольте мне начать службу с предложения, которое вы могли бы передать кванриффу. Конечно, если мои слова покажутся вам дельными.

Идвир ждал.

— Я слышал, как уважаемые господа говорили о том, что человек, который меня нанял, Леон Аммон, — «Можно спокойно произнести его имя: оно наверняка содержится в донесении Ракса», — что этот человек должен быть уничтожен. Уважаемые господа считают, что таким образом у терран не останется информации о Велунде. Я бы не советовал спешить. Легко понять, что даже на такой сонной и безалаберной базе, какой является Ирумкло, мое исчезновение поднимет большой переполох. В обстановке всеобщей тревоги крайне опасно передавать приказ агентам, а тем более приводить его в исполнение. Лучше немного подождать. Кроме того, никто, в том числе я сам, не знает, скольким людям Аммон успел доверить свой секрет. Думаю, ваши сотрудники, прежде чем нанести удар, должны тщательно выяснить, кто еще замешан в деле.

В спешке нет никакой необходимости, сэр. Аммон не имеет собственного корабля, а нанять гражданское судно он никогда не решится. Вспомните только, как легко оказалось перекупить межпланетный перевозчик. Не понадобилось даже объяснять пилоту сути дела. Ах да, вы, кажется, еще не слышали всех

деталей, сэр. История подкупа входила в разработанный план, с помощью которого я был пойман в ловушку.

Аммон, конечно, захочет узнать, что же в действительности случилось. Он уберет тех, кто предал его. Вернее, тех, кого сможет найти, или тех, на кого падет подозрение. Таким образом Леон Аммон обезопасит себя от угрозы самому быть убитым. Наш прохвост выберет себе нового пилота-разведчика, станет прошупывать парня в течение многих месяцев, затем дождется, когда тому придет очередь отправляться в полет, и лишь тогда, устроив так, чтобы ему достался маршрут, проходящий недалеко от Велунда, вступит с ним в деловой контакт. Как видите, сэр, по крайней мере в течение года вам не о чем волноваться. Если у вас есть желание быть сверхосторожным, вы можете послать к Мимиру патрульный эсминец. Но, по-моему, это будет напрасной тратой времени и сил. В любом случае, сэр, в результате немедленных действий против Аммона вы ничего не выиграете, а проиграть можете многое.

Идвир легонько потер подбородок. Раздался характерный звук, отчетливый даже сквозь шум дождя, будто песок пересыпается на бумаге. Станный звук, учитывая, что у мерсейца не было бороды.

— Меткие замечания. Думаю, я рекомендую Мориоху так и поступить. И хотя теоретически мои полномочия в военных делах ниже полномочий командующего, практически... — Он пристально взглянул на юношу. — Не сомневаюсь, Доминик Флэндри, что вашими словами руководило не столько желание снискать мое расположение, сколько надежда удержать события на Ирум-кло под контролем до тех пор, пока вам не удастся бежать.

— Сэр, вы...

Идвир усмехнулся:

— Можете не отвечать. Я тоже когда-то был молодым и горячим. Но надеюсь, что даже у молодого и горячего человека хватит ума не пуститься в бег. Если побег удастся, планета вскоре убьет вас, если нет — я буду вынужден отдать вас на растерзание инквизиторам Мориоха.

Глава 13

Аэробус был на удивление массивной и мощной машиной. Только такие аппараты и могли выдерживать бурные капризы местной погоды. Тем не менее, едва Флэндри собрался лететь к дограмтам, установился штиль. Плотный серый покров высоких облаков мягко светился.

Прошло уже несколько дней, которые на Талвине длятся восемнадцать часов, с тех пор как терране оказались на планете. Идвир отвел пленникам комнату в том здании, где велись научные разработки. И Джана, и Доминик легко влились в общую жизнь. Гражданские мерсейцы относились к ним с искренним дружелюбием и интересом. Представители двух различных рас угощали друг друга своей едой и пивом, что, за редким исключением, доставляло им большое удовольствие. Флэндри проводил большую часть времени в физических упражнениях с целью возвращения утраченной формы и в ознакомительных прогулках. Благоразумно примирившись с Джаной, которая, как ему казалось, словно муха, запуталась в хитросплетениях шпионской интриги и теперь делала все возможное, чтобы смягчить гнев единственного на многие сотни световых лет мужчины-терранина, неунывающий пилот получил возможность проводить незабываемые приятные ночи. Одним словом, если бы не положение заключенного, чья судьба в любой момент может круто измениться, и не отсутствие табака, Доминик счел бы свою жизнь вполне сносной и забавной.

То же самое следует сказать и о девушке. Оказавшись на Талвине, она мало чем рисковала. Новая ситуация предоставляла новые возможности. Даже если не суждено вернуться в Империю — что ж, беда не большая: и в Ройдхунате живут люди. Подобно кошке, которая всегда приземляется на лапы, очаровательная терранка принялась тщательно изучать свое окружение. Не обошлось без длительных бесед более чем с тридцатью членами группы Идвир. Словарный запас мерсейского языка у Джаны ограничивался несколькими словами, ее собеседники знали англик лишь немногим лучше. К счастью, ученые имели лингвокомпьютер для общения с туземцами. Запоминающие устройства подобных машин обычно содержат почти все языки населенной части вселенной.

«Эта девчонка не пропадет, — решил Флэндри. — Люди ее сорта умеют устроиться в любой обстановке».

Наконец Идвир предложил Доминику присоединиться к экспедиции, направлявшейся к Кипящим Источникам. Тот с радостью согласился, одновременно из любопытства и из практических соображений. Если уж ему суждено находиться на положении полураба, нужно самому выбрать себе хозяина. Возможно, в поездке удастся войти в доверие к какому-нибудь симпатичному мерсейцу. Кроме того, в душе молодого человека все еще теплилась надежда на освобождение, поэтому он старался собирать любую доступную информацию.

В исследовательскую группу входило шесть ученых.

— Обычная процедура, которая, однако, может стать очень увлекательной, — сказал Книф ху Ванден, ксенофизиолог, проявлявший особое расположение к терранину. — Домраты сейчас перебираются к месту зимней стоянки. Племя, которое мы собираемся наблюдать, движется от Кипящих Источников к Громовой горе. Ранее нам не приходилось сталкиваться с этой разновидностью туземцев. Говорят, в летнее время у них существуют обычаи, которые в других местах не встречаются. Возможно, их сезонные миграции также имеют своеобразные черты. — Он глубоко вздохнул. — Подумать только, маленькая кучка специалистов должна описать целый мир.

— Понимаю, — ответил Флэндри. — Все мои знакомые ученые постоянно жалуются на недостаток средств. — Он развел руками. — А как иначе? Ты же сам сказал: целый мир. Наши расы лишь недавно стали понимать свои планеты. И теперь, когда первые шаги сделаны, перед нами лежит длинная дорога и конца ей не видно.

Внешность Книфа как нельзя лучше подходила к профессии, которой тот занимался. Крепко сбитый, слегка плосколицый мерсеец с желтоватым цветом кожи не принадлежал ни к одной из ветвей вахов. До объединения его предки жили в восточном полушарии Мерсейи, в республике Лафдигу. В тех краях до сих пор сохраняются местные обычаи, особенности одежды, свой язык и изрядное количества древних законов. Но Книф вырос в колонии и не видел родного мира до тех пор, пока не вернулся туда, чтобы продолжить обучение. Поэтому многие традиции тамошнего народа остались для него чуждыми.

Аэробус пошел на взлет. Первый клапан теплового шлюза закрылся позади, второй открылся, и машина стала набирать высоту, сопровождаемая гулом мотора и воем ветра. На уровне 5000 метров подъем прекратился. Самолет взял курс на северо-северо-восток, направляясь к истокам реки. Пассажиры по большей части сидели молча. Кто осматривал снаряжение, кто погружился в собственные мысли. У мерсейцев отсутствует терранская привычка болтать в дороге. Однако Книф взял на себя роль гида.

— Видишь: вон там, позади, возле устья находится то, что мы называем Барьерным заливом. В самом начале зимы он покрывается айсбергами и громадными льдинами, оставшимися там после отлива. Поэтому весной, во время таяния снегов, начинаются невероятной силы наводнения.

Река напоминала сонную змею, которая лениво крадется сквозь заросли голубых джунглей.

— Мы зовем ее Золотой рекой, хотя в действительности она имеет буро-коричневый цвет. В названии виноваты золотоносные пески, которые река сносит с гор. Большинство топографических имен нам приходится выдумывать самим. Иногда удается использовать примерные переводы с языка домратов. Руадраты не имеют географических терминов в привычном смысле этого слова, поэтому из их языка мы обычно ничего не заимствуем.

Для обозначения племен аборигенов Книф употребил слова искусственного происхождения. Иначе и быть не могло. Слог «Дом» представлял собой попытку произнести созвучие, которым называла себя первая встреченная мерсейскими учеными группа туземцев. Корень «рат» был заимствован из эрио и имел значение, близкое терранскому слову «народ». Понятие «руадрат» изначально относилось к особому виду ночных сверхъестественных существ мерсейской мифологии — «эльфам».

Лесистая равнина постепенно сменилась холмистым предгорьем. Не оставлявший теней рассеянный серый свет не позволял ясно различать контуры предметов, но Флэндри удалось заметить тонкую линию Золотой реки, бегущую среди глубоких ущелий.

— Когда лед начинает таять, все расселины заполняются до краев, — сказал Книф. — Правда, с тех пор вода так сильно испарялась, что уровень успел изрядно опуститься. Скоро прекратятся дожди. Сначала их заменят туманы, потом пойдет снег, начнутся вьюги. Одним словом, лето уже на исходе.

Флэндри мысленно собрал воедино все, что ему удалось прочесть и узнать на базе. Талвин вращался вокруг Сикха по эллиптической орбите, имея солнце в одном из фокусов. Не учитывая реальных условий, можно было бы определить смену сезонов следующим образом. Проведите через фокус, в котором расположен Сикх, линию, перпендикулярную большой оси эллипса. Она пересечет траекторию в двух точках. Летний период продолжается те шесть месяцев, когда Талвин движется от одной из найденных нами точек через периастр к другому концу выделенного сегмента. Осень занимает около шести недель, во время которых планета перемещается от второй точки до пересечения малой оси с орбитой. На зиму уходит пятнадцать месяцев, когда Талвин максимально удаляется от своего светила, чтобы затем прийти к противоположному пересечению малой оси с эллипсом. Следом идут шесть недель весны, за которыми, едва будет достигнута первая из определенных ранее точек, снова начнется лето.

На практике сезонные изменения нигде не соответствовали приведенной модели. Существовали три степени осевого сдвига.

Существовали климатические зоны. Существовали топографические вариации. Существовала, наконец, термическая инерция почвы, камня, воздуха и воды. Смена времен года постепенно отставала от движения планеты. Отставание зависело как от местоположения, так и от немалого числа других факторов, многие из которых оставались тайной для мерсейцев.

Но в тот момент когда погода все же принималась изменяться, она изменялась с невероятной скоростью. Книф в своих словах опирался не на теории, а на практический опыт.

Сквозь дымку тумана начали проявляться очертания величественных пиков Смердных гор. В мрачном небе медленно плыло несколько струек дыма. Ближе всех к замороженным наблюдателям стоял одинокий гигант с черной остроконечной вершиной, которая поднималась над скалами и пологими склонами, покрытая крупными каплями застывшей лавы. Грозный великан молчал, что, впрочем, не было для него характерно.

— Громовая гора.

Аэробус взял влево и стал спускаться над одним из притоков Золотой реки, густо окутанным клубами пара.

— Живая река. Почти все здешние потоки замерзают на зиму. Даже самые большие. Но под этим бьют горячие ключи, которые питаются теплом вулканических глубин. Вот почему руадраты, или, вернее, виррды, так прижились в этих местах. Подводная жизнь здесь никогда не замирает, и туземцы постоянно имеют большой запас пищи.

С плато стремительно сбегали дымящиеся ручьи. Вдалеке за кромкой леса начиналась голая местность, покрытая серными источниками, гейзерами и горячими водоемами. Аэробус завис над краем плато. Флэндри заметил внизу просеку. Хотя высокие деревья сильно загораживали обзор, юноше показалось, что он видит деревню. Пока машина парила в воздухе, начальник экспедиции вел беседу через внешнее переговорное устройство.

— Мы раздали нескольким племенам миниатюрные передатчики, — объяснил Книф. — Прежде чем приземлиться, следует попросить разрешения. Конечно, нам нечего бояться, просто мы не хотим смущать наших хозяев. Вы знаете, несколько лет назад произошел печальный случай. Один из недавно прибывших на планету специалистов забрел в зимнюю берлогу раньше, чем спящие там мужчины успели проснуться. Бедняга думал, что зимняя спячка закончилась — и ошибся. В тот год стояла особенно холодная весна. Два разбуженных туземца разорвали несчастного на куски. Мы тогда воздержались от применения насилия. Туземцы действовали практически бессознательно, повинувшись инстинкту.

Тон, с которым мерсеец рассказывал свою историю, не со-держал враждебности, но подразумевал примерно следующее: бедные животные, к сожалению, они не в состоянии поступать иначе.

«Вы, хвостатые выскочки, конечно, здорово выигрываете в развитии, считая себя будущими хозяевами Галактики, — размышлял терранин. — Однако у такой позиции есть и слабые стороны. Безусловно, вы избегаете прямой конфронтации с представителями других рас, но тем не менее вам не удастся полностью использовать их способности. Идвир, кажется, хорошо понимает этот недостаток. Говоря, что я представляю собой ценность как немерсеец, он имеет в виду свое желание получить в исследовательскую группу некоторых представителей именно тех разновидностей разумных существ, которые до сих пор выступали только как объекты изучения. Представляю, сколькок неприятиястоил ему подобный проект, который нужно было провести через твердолобое правительство, не задев при этом ни одного из предрассудков, вьевшихся в сознание каждого мерсейца».

Поскольку судно имело радиосвязь с базой, начальник экспедиции не пользовался транслятором, а говорил прямо через главный компьютер. Тот преобразовывал мерсейскую речь в диалект, который был в ходу здесь, у Тха-г-клек. Конечно компьютер не выходил за рамки словарного запаса, содержавшегося в запоминающем устройстве. Из приемников неизвестных пока Доминику существ лилось странное хрипение и шелканье. Обратный перевод совершался через реле в аэробусе. Искусственный голос произнес на эрио:

— Добро пожаловать. Переход .отнимает у нас много времени, но мы рады уделить вам часть нашего внимания.

— Мы бы могли помочь перевезти ваши вещи, — предложил начальник.

Туземец помедлил. «Консерватизм дикаря, — решил Флэндри. — Боится, что полет может принести несчастье». Наконец последовал ответ:

— Спускайтесь.

Мерсейцы далеко не сразу вышли из самолета. Вначале каждый член экспедиции должен был надеть теплозащитный костюм. Специальный скафандр нашелся и для Флэндри. Костюм состоял из белого комбинезона со множеством карманов и карманчиков, ботинок и перчаток. Каждую деталь одежды покрывала густая сеть теплопроводящих нитей. Круглый прозрачный шлем был снабжен герметичным отверстием для приема пищи, механическими дворниками наподобие автомобильных, дву-

сторонним усилителем звука и коротковолновой рацией. На спине каждого ученого висел тепловой насос, подключенный к термосети и работающий от аккумуляторов. Несмотря на громоздкий вид, защитное оборудование не являлось слишком тяжелой обузой. Его вес равномерно распределялся по поверхности костюма. Толщина и грубость перчаток уравнивалась тем, что все приборы были рассчитаны именно на такие условия. Для более тонкой работы существовали специальные наконечники в виде длинных, заостренных ногтей. «В любом случае, — размышлял Флэндри, — ничего другого здесь не придумаешь».

«Нельзя сказать, чтобы человек или мерсеец не смогли прожить в этой сауне некоторое время. Лишь бы время было не слишком долгим. Другое дело, хотим ли мы ставить подобные эксперименты».

Проверив снаряжение, экспедиция вышла из машины. На такой высоте связь с базой производилась автоматически.

Не успев ничего заметить, Флэндри первым делом ощутил тяжесть своей ноши, тесноту, подрагивание теплового насоса, бьющую у ноздрей струю сухого прохладного воздуха. Поскольку кроме охлаждения воздух не подвергался никакой другой обработке, Доминик почувствовал запахи травы, цветов, гниения, испражнений животных и вулканического дыма. Незнакомые ароматы пробудили в нем какие-то смутные воспоминания, на которые он не стал обращать внимания, а занялся осмотром окрестностей.

Среди широкого луга в облаке пара и мелких брызг стремительно несла свои воды река. Со всех сторон открытую площадку обступали джунгли. Куда ни взгляни — везде глаз наткнулся на высокие деревья, покрытые необычными листьями с неровными краями, и густой кустарник. Листья уже начали высыхать. При порыве ветра они принимались с треском тереться друг о друга, некоторые опадали и по причудливым траекториям ложились на землю. Короткая жизнь летнего леса приближалась к своему естественному концу.

Среди луговой растительности наиболее выделялся тот ее вид, который мерсейцы называли «вэр». По степени распространения, разнообразию форм и значимости для поддержания экологического равновесия этот представитель флоры Талвина ничем не уступал терранской траве. Весной вэр прорастал из семени с очень крепкой оболочкой и быстро образовывал пучок листьев и корень, который внешним видом напоминал клубень, но по сути не имел с ним ничего общего. Местные разновидности этого растения отличались кружевной листвой высотой сантиметров десять, которая также начинала увядать. Вэр готовился

к спячке. Вскоре, с наступлением осени, он вытянет все соки из корня и образует стручки. Когда от мороза стручки раскроются, семена упадут на землю.

Над верхушками деревьев можно было увидеть темный силуэт Громовой горы. Почва под ногами Флэндри задрожала, послышался грохот: вулкан прочищал горло. В небе появилось облачко дыма.

В следующий момент к ним стали подходить туземцы. Все внимание Доминика обратилось к ним.

Жизнь на Талвине имела много общего с другими терраморфными планетами. Конечно, существовали различия. Было бы странно, если бы они вообще отсутствовали. Так, например, органические ткани здесь хотя и состояли, подобно тканям Флэндри или Книфа, из L-аминокислот в водной среде, в процессе обмена веществ образовывали несколько иной тип сахаров. Человек мог питаться местной пищей, во всяком случае неядовитой ее частью, однако для этого ему было необходимо принимать диетические пилюли, приготовленные мерсейцами.

На планете существовало обычное разделение на растительные, занимающиеся фотосинтезом, и животные, дышащие кислородом, организмы. Крупные особи последних имели довольно привычное строение: прямой позвоночный столб, четыре конечности, пара ушей и глаз. Туземцы, или, как их еще называли, домраты, также выглядели вполне по-терранскому.

Они имели две ноги и две руки с четырьмя пальцами на каждой. Общее строение тела имело антропоморфный вид. От людей туземцев отличали непропорционально длинные нижние конечности и огромные когтистые ступни с толстыми подошвами, необходимые для преодоления топей в весеннее время и каменистых равнин в летнее. Кожа была гладкой, голубоватой, с черными и коричневыми крапинами, которые становились более яркими с наступлением брачного периода. Головы отдаленно напоминали слоновьи: крупные шары с круглыми выпуклыми глазами, огромными, стоящими торчком ушами, служившими хорошими поверхностями испарения, коротким хоботом, исполнявшим одновременно функции носа и водяной помпы. Особи мужского пола могли похвастаться небольшими, загнутыми книзу клыками. Из одежды кочевой народ носил только набедренные повязки и небрежно сплетенные соломенные накидки для защиты от «насекомых». Широкой любовью пользовались ожерелья и другие украшения из кости, раковин, рогов, зубов и раскрашенной глины. Некоторые из орудий домратов были сделаны из бронзы, но некоторые, как ни странно, из камня.

Вот все, что можно было заметить с первого взгляда. Несмотря на довольно внушительные размеры туземцев — мужчины имели рост выше двух метров и весили более ста килограммов, женщины были еще крупнее — их не хотелось называть неуклюжими. Двуполые и живородящие, они тем не менее не являлись млекопитающими. Самка кормила дитя, отрывая собственную пищу. Будучи холоднокровными, их организмы в данное время года работали с гораздо большей интенсивностью, чем тела терранских рептилий.

Этот факт полагал основу исключительности домратов. Подумать только: существа, чьи энергия и интеллект стали функциями температуры окружающей среды, существа, которые бодрствуют по ночам, но зато проводят две трети своей жизни в беспокойном полусне зимней спячки...

Примерно дюжина особей вышла навстречу ксенологам, притащив за собой целый хвост любопытных детишек. Взрослые вышагивали со своеобразной грацией крупных животных. Некоторые несли привязанный на спине груз. Позади этой процессии Флэндри увидел других туземцев, которые продолжали свою работу: паковали, грузили тюки на носильные шесты, прибирали и украшали дома, обреченные на скорое одиночество.

Группа встречавших остановилась за несколько метров от ученых. Тот, кто, по всей видимости, возглавлял процессию, поднял хобот и одновременно опустил свой топор. Из его рта раздались звуки, которые не под силу повторить речевому аппарату человека. Флэндри услышал в наушниках голос компьютера:

— Вы у Кипящих Ключей. Меня зовут, — слово не имеет приемлемого эквивалента, но звучит как «Г'унг». — В этом году я говорю от имени племени. — Интонация речи указывала, что «племя» (мерсейское «маддеут» также плохо соответствовало слову, которым воспользовался Флэндри) являлось крайне приблизительной интерпретацией произнесенного Г'унгом набора звуков, но более точный эквивалент мог появиться только после тщательного изучения данного общества. — Зачем вы пришли?

Последний вопрос не содержал ни враждебности, ни нарушения правил гостеприимства. Домраты были общительным и миролюбивым народом, который, впрочем, умел, в случае необходимости, постоять за себя. Обычно он кочевал отдельными отрядами. Хотя и всеядные, туземцы редко занимались охотой. Вне всякого сомнения, их ближайшие предки питались растительной пищей, которая в изобилии произрастала во время летнего периода. Как следствие, у них отсутствовал территориальный инстинкт. Если не считать зимних берлог, им никогда не приходило в голову,

что кто-либо может владеть исключительным правом находиться в том или ином месте.

Народец Кипящих Ключей, в отличие от своих собратьев, каждый год возвращался к постоянным жилищам, вместо того чтобы строить временные убежища там, где придется. Этот обычай возник среди них только потому, что зимняя стоянка племени находилась недалеко от деревни. Никто другой не заявлял пока своих прав на примитивные дома туземцев.

Задавая свой вопрос, Гунг совершенно просто и искренне интересовался причиной прихода мерсейцев.

— Мы рассказывали о своем желании в прошлый раз, когда приходили сюда... с подарками, — напомнил начальник экспедиции. Предыдущая группа ученых приносила металлические инструменты, украшения и другие товары, которые до сих пор оставались предметом восхищения аборигенов. — Мы хотим узнать побольше о вашем племени.

— Это понятно. — Ни Гунг, ни кто-либо другой из его группы не выказывал особенного восторга.

Вместе с тем не было в них и страха. Как всякое сильное животное, домрат никогда не знал ни боязни, ни беспричинной агрессивности. Находясь на ранней, донаучной стадии развития, туземцы жили в мире, полном таинственных и чудесных вещей, поэтому они не находили ничего странного в факте существования космического корабля с инопланетянами на борту. Кроме того, Идвир постоянно настаивал на полной корректности в отношениях с племенем. Чем же в таком случае объяснить их нерешительность?

Ответ на этот вопрос стал ясен из следующих слов Гунга:

— Раньше вы приходили в середине лета. Фестиваль Окончания Поста закончился, племена разошлись по стойбищам, пищи было много, ум работал быстро. Сейчас мы стараемся перенести наши запасы на зимнюю стоянку. Когда все будет готово, наступит время пира и любовных игр. А затем мы уснем. У нас нет ни времени, ни желания отвлекаться на чужаков.

— Это понятно, Гунг, — ответил мерсеец. — Мы не собираемся ничем вас стеснять. Мы хотим только смотреть. Нам уже приходилось наблюдать за другими племенами во время приближения осени, но не у Кипящих Ключей. Всем известно, что ваши традиции отличаются от обычаев жителей равнин — сильно отличаются. За право присутствовать при переходе мы готовы принести богатые дары и, если на то будет ваша воля, помочь перевезти вещи в нашем летающем доме.

Туземцы принялись обмениваться друг с другом резкими, хрипящими звуками. Предложение казалось одновременно и

опасным, и соблазнительным. С одной стороны, им хотелось снять с себя часть тяжелой работы по переноске груза к Громовой горе. С другой стороны, они страшились изменений издревле положенной практики и гнева богов, который, возможно, за этим последует... Да, было известно, что домраты являлись религиозной расой.

— Я передам ваши слова племени, — решил Г'унг. — Мы соберемся сегодня вечером. Но пока есть свет, нужно еще многое сделать. — Облачное лето на Талвине славилось беспросветными ночами. В этот сухой период огни были строго запрещены, а на факелы наложено табу. Глава встречавших, вопреки обычаям племени, не стал произносить церемониальных слов приглашения пришельцев, а молча направился обратно во главе своей делегации. Мерсейцы вместе с Флэндри последовали за ними.

Деревня отличалась кольцеобразной планировкой, какую обычно применяют, когда желают защититься от нападения. Все дома, совершенно разных размеров и назначений: от хижин до складских помещений — были выстроены из камня и красиво украшены. Внутри каждого здания настилали сухие полы и замазывали все щели. Высокие покрытые дерном крыши поддерживались массивными деревянными столбами. И качество работ и архитектура построек: низкие потолки, тесные дверные проемы и узкие окна с тяжелыми ставнями — говорили о том, что хотя туземцы и пользовались этими жилищами, возведены они были другими руками.

Во всем поселке наблюдалась предостъездная суматоха. Аборигены, число которых насчитывало более ста особей, не считая тех, кто был уже на пути к зимовью, бегали по улицам и громко переговаривались друг с другом. Несмотря на присущее им любопытство, ни один из них не остановился, чтобы поглазеть на пришельцев, более чем на одну минуту. Осень стояла на пороге.

На центральной площади, где был разведен огонь и старухи готовили общий обед, Г'унг указал мерсейцам на несколько скамеек.

— Когда закончится день, вы будете ждать нас здесь и мы займемся тем, что вас интересует. Но сначала ответь мне на один вопрос: согласятся ли руадраты с вашим планом?

— Уверяю тебя, руадраты не будут против, — сказал Книф.

«Судя по известным мне сведениям, — подумал Флэндри, — нет никакой уверенности, что они одобряют случившееся».

— А я один раз видела руада, — вставила свое слово находившаяся поблизости пожилая женщина. — В детстве, ранней весной. Подумать только: вы встречаетесь с ними каждый год. — Покачивая головой, она заковыляла прочь.

С разрешения Книфа Флэндри заглянул в первый попавшийся ему дом на площади. Он увидел глиняный пол, очаг и дыру для дыма в потолке. С двух сторон стояли скамьи, а над скамьями висели полки. На стенах пестрели яркие, непривычные для человеческого глаза рисунки. Потолочные балки украшала замысловатая резьба. В углу находился приготовленный к отъезду тюк с вещами. Однако с потолка свисали сушеные фрукты и вяленое мясо, хитроумно защищенные от посягательств животных. Это было тем более странно, что домраты редко ели нерастительную пищу. Хозяин дома, сидя на полу, тщательно чистил и смазывал жиром бронзовую домашнюю утварь, ножи, чаши, топор, пилу. Жена хозяина давала наставления своему детенышу, как лучше убраться в комнате, а сама в это время застилала скамьи новыми соломенными ковриками.

Флэндри поприветствовал семью.

— Неужели это все останется здесь? — спросил он. Подобное отношение к вещам казалось ему излишним расточительством, особенно со стороны бедных дикарей.

— А как же иначе? — ответил мужчина, не прекращая работы. Создавалось впечатление, что он не заметил отличия Флэндри от мерсейцев. Возможно, в глазах туземца две чужеземные расы были совершенно на одно лицо.

— Металл принадлежит руадратам, дом — тоже. За пользование их имуществом мы оставляем плату, чтобы они были довольны, когда выйдут из моря. — Здесь дикарь остановился, чтобы сделать жест, выражающий страх, или почтение, или и то, и другое, а может быть ни то и ни другое; но в любом случае этот знак имел универсальный смысл благоговения смертного создания перед неизвестным. — Таков закон, благодаря которому наши предки жили, тогда как другие умирали. Тхи ра'а.

Руадрат: эльфы, боги, зимние духи.

Глава 14

Шли недели. Флэндри все не было. Джане стало казаться, что она живет в каком-то нереальном мире. Или, может быть, в ней начала просыпаться высшая истина, которая заставила замолчать вой ветра и превратила стены в расплывчатые тени?

Конечно, терранка не думала о себе и своем существовании именно такими словами. Разве только в те моменты, когда она погружалась в волшебные чары? А в остальное время — с головой уходила в повседневные заботы. Просыпалась в той самой комнате, которую когда-то делила с Домиником. По привычке упражняла и холила тело, потому что до сих пор от него зависела

ее жизнь. На службах она скромно стояла в сторонке, дожидаясь, пока мерсейцы быстро исполняют религиозные, семейные и патриотические обряды. Благодаря крупным фигурам воинов, обнаженному оружию и бою барабанов эти церемонии производили удивительно трогательное и благоговейное впечатление. Затем все вместе переходили к завтраку, состоявшему из грубого хлеба, сырых овощей, сыра из молока гвидха и обыкновенного чая. Чай жители Ройдхуната заимствовали у терран и теперь разводили это растение повсюду в своем государстве. После завтрака следовали ученые занятия, беседы, иногда — специальные интервью. Время от времени устраивались небольшие перемены. Далее — скромный ленч, короткий сон, за которым снова начинались ученые труды, продолжавшиеся до ужина. (Поскольку Мерсейя вращается в два раза медленнее Талвина, усердные труженики научного фронта ели свое мясо и пили эль уже в начале следующего местного дня.) Позднее Джана могла посетить концерт, посмотреть записанное на пленку шоу или побывать на представлении, которое давали любители традиционных видов искусств. На крайний случай оставался вариант уединиться в своей комнате и послушать музыку. Так или иначе, но ложилась она довольно рано.

Все разговоры, равно как чтение текстовых микропленок и просмотр фильмов, происходили через лингвокомпьютер. Этот аппарат имел много свободных каналов, поэтому мог одновременно выдавать как визуальный, так и звуковой перевод. Несмотря на отсутствие практической необходимости, девушке регулярно давали уроки разговорного эрио, которые сопровождались экскурсами в историю и культуру Мерсейи.

Джана охотно шла на сотрудничество. Окончательное решение ее вопроса застряло в высоких сферах, которые пока не давали о себе знать. Даже при самом неблагоприятном стечении обстоятельств терранке вряд ли стоило бояться серьезных неприятностей: ведь ей покровительствовал сам принц крови. А при удачном исходе дела... зачем загадывать наперед? Как бы там ни было, обучение отнимало у нее немало времени. По мере углубления знаний девушка стала чувствовать интерес к предмету. По крайней мере, он завораживал усердную ученицу.

Мерсейя — противник, агрессор, нарушитель спокойствия, угроза, притаившаяся позади Бетельгейзе — Джана, подобно большинству терран, давно вызубрила все эти лозунги, никогда не задумываясь над их конкретным смыслом. «О, несомненно, мерсейцы — отвратительные существа, но они живут так далеко. Вдобавок у нас есть военный флот, который заставит их присмиреть, а дипломаты сумеют договориться и удержать шаткое

равновесие между миром и войной». Утешая себя такими и подобными им мыслями, девушка преспокойно занималась собственными делами, считая их важнее всего остального.

Теперь же она очутилась среди разумных существ, которые обращались с ней хоть и грубовато, но по-доброму. «После близкого знакомства, — думала пленница, — они не кажутся такими уж страшными. У них, как у людей, есть свои дома и родные, по которым они совсем по-терранскому скучают. У них есть искусство, музыка, спорт, игры, шутки, маленькие грешки, хотя, конечно, для того чтобы оценить все это, необходимо глубоко проникнуть в их жизнь, понять самый стиль их мышления... Никто из них не желает войны с Террой. Просто она им кажется надменным большим чудовищем, которое давно пережило свое время, но со старческим упрямством продолжает цепляться за былые амбиции и угрожать спокойствию Мерсейи... Мерсейцы не собираются завоевывать Галактику. Подобная мысль при здравом рассмотрении любому покажется абсурдной. Нет, все, что им нужно, — это свобода. Свобода беспрепятственно распространять свой порядок и с его помощью управлять подчиненными территориями. Слово “управление” означает не тиранию над другими народами, а удаление всех помех на пути самореализации духа, заложенного в расе...»

Дух... порой жесткий и грубый, но всегда откровенный в преследуемых целях; терпкий и своей терпкостью словно морской бриз, выдувающий всю психологическую затхлость, которая до сих пор целиком заполняла девушку; в отличие от старых инертных и беспочвенных идеологий стремящийся достичь бесконечности, а затем и Бога вслед за бесконечностью, но вместе с тем глубоко укорененный в кровном родстве, в памяти о героических деяниях прошлого, в символах доблести, чести, служения... Джане казался знаменательным тот факт, что предводитель ваха (это слово лишь частично совпадало с терранским кланом или родом) именовался не Главой, но его Рукой.

Можно ли считать, что терране, которые служили Мерсейе, совершили предательство по отношению к... чему-то, действительно заслуживающему их верности?

Но не эти неторопливые рассуждения выбили почву под ногами Джаны. В растерянности девушки был повинен Идвир Искатель со своими колдовскими чарами. Именно он возбудил в ней первые сомнения.

Начал мерсеец с вполне безобидных разговоров. Казалось, его интерес к жизни, размышлениям, привычкам и склонностям терранки преследует чисто научные цели. Как правило, для беседы они уединялись в кабинете Идвира.

— Здесь у меня нет необходимости изображать племянника ройдхуна, — откровенно объяснил мерсеец и, заметив, что пленница испуганно замерла в недоумении, поспешил ее успокоить. — Никто не контролирует канал лингвокомпьютера, который мы используем.

Джана собралась с духом и сказала:

— Кванриф...

— Конечно, между нами существуют некоторые различия, — ответил Идвир, — но Мориох — офицер чести.

«Интересно, найдется хоть один имперский офицер, который, попав в подобную ситуацию, осмелился бы пренебречь мерами предосторожности против шпионажа и шантажа?» — спросила себя терранка.

Бесстрашный мерсеец приказал соорудить для своей собеседницы стул наподобие тех, какими пользуются люди, и в каждую встречу наливал ей стакан ягодного вина. Прошло совсем немного времени, и девушка стала с нетерпением ожидать назначенного часа и каждый раз надеялась, что ее радушного хозяина не задержат дела по координации исследовательских работ или обработке полученных данных.

Идвир не пытался выудить из Джаны каких-то секретных сведений. Он позволял беседе течь так, как ей заблагорассудится, и сам рассказал немало историй о своих приключениях на дальних планетах.

Из разговоров девушка поняла, что ксенология всегда интересовала мерсейца, отчего ему редко приходилось бывать дома. Почти машинально, из чувства долга перед своим вахом, он женился и обзавелся детьми, но взял к себе сыновей лишь тогда, когда те стали достаточно взрослыми. Они прожили с ним недолго. Вскоре пришло время отправляться служить в армию. Тем не менее одинокий ученый никогда не испытывал недостатка теплоты и участия: подчиненные обожали начальника. Когда речь заходила о штате, где Идвир родился и вырос, о родителях, братьях и сестрах, о слугах, чьи предки служили его предкам в течение многих поколений, терранке удавалось уловить в непривычных звуках эрио нежность.

Наконец наступил час — за окном было темно, стояла беспроектная ночь конца лета; вдалеке за стенами форта и мутными силуэтами деревьев вспыхивали молнии, — когда мерсеец вызвал пленницу и, едва та вошла в кабинет, поднялся и сказал:

— Давайте пройдем в мои личные апартаменты.

В первое мгновение девушка испугалась. Идвир казался таким огромным, таким мрачным и бесстрастным. Ей было боязно оставаться с ним наедине.

Идвир улыбнулся обычной мерсейской улыбкой, в которой Джана научилась распознавать дружелюбие. Чешуйчатое лицо от глаз до рта покрылось маленькими морщинками.

— Я хочу показать вам одну вещь, которую прячу от большинства своих знакомых. Мне кажется, вы сможете понять то, что им понять не под силу.

Висевший на шее маленький транслятор повторил эту фразу на тусклом искусственном английском, но пленница вслушивалась в речь мерсейца. Незнакомый язык перестал пугать ее грубыми гортанными звуками. Теперь он казался довольно мягким, богатым интонациями. Она смогла даже разобрать отдельные слова. Девушке вдруг показалось, что с ней говорит отец, которого она никогда не знала...

Ей стало стыдно за свой страх. Как она должна была выглядеть в глазах инопланетного существа? Лицо худое, бледное как воск, за исключением вызывающе полных и красных губ; скулы торчат. Тело маленькое, тощее, с деформированной грудью, пережатой талией и жирной нижней частью, бесхвостое, с крайне нелепыми ногами. Кожа: нигде нет и следа нежных замысловатых складок; однообразная эластичность, оживляемая только морщинами и грубыми порами; и волосы — повсюду смешными клоками и пучками торчат волосы, словно грибки на трупе. Запах: какой? Кисловатый? Каким бы он ни был, вряд ли ему удастся хоть кого-нибудь здесь соблазнить.

«Люди! — думала девушка. — Боже, я не хочу упрекать Тебя за Твою работу, но Ты также создал и собак, которых держат эти самые люди. И мне кажется, что обе породы животных сильно похожи: грязные, вонючие, шумные, ленивые, вороватые, готовые напасть, едва противник отвернется, но только прикрикни — они тут же обращаются в бегство или валятся вам в ноги. Они бесполезны, они ничего не создают. Их постоянно нужно ждать, слушать их хвастливый, залиvistый лай, холишь их глупое маленькое эго до тех пор, пока они в порыве благодарности не распускают слюни...

Боже, прости. Иисус тоже воплощался в облике человека. Он сделал это из сострадания. Мы нуждались в нем. Но на что мы растратили его дар?»

Она попыталась представить себе Мерсейского Христа, в котором не было ни гнева, ни сострадания, но только величие Мессии будущих времен... Ей никогда не приходилось слышать о подобной вере среди своих хозяев. Быть может, у них нет нужды в искуплении. Быть может, они — избранные Божии...

Идвир схватил ее за локти своими холодными, сухими пальцами.

— Джана, с вами все в порядке?

Она помотала головой, пытаясь стряхнуть с себя сон наяву. *«Я слишком долго сидела взаперти. Слишком глубоко погрузилась в мир, который никогда не перестанет быть мне чужим. И Ники так долго нет. (Как-то раз я видела борзую, гордую, сильную и чистую. Ники — борзая.) Мне никогда не избавиться от своей человечности. И пытаться не стоит».*

— Ничего страшного, сэр. Просто голова закружилась. Скоро все пройдет.

— Вам нужно отдохнуть. — Нагнувшись, мерсеец взял девушку за руку — терранский жест, о котором она сама ему рассказала, — и повел ее через внутренний проход, закрытый занавесками, в собственное жилище.

Первая комната, открытая для всех посетителей, не обманула ожиданий Джаны: герб ваха Урдиолх, экран, оживлявший картину родного мира мерсейца и изображавший покрытые лесом холмы и бурный океан, залитый светом четырех лун; полки с книгами и сувенирами, оружие на стенах, тускло мерцающие драпировки; на мягком полу — резной столик из черного дерева с инкрустацией; камень в плоской стеклянной, наполненной водой чаше; алтарь, расположенный в нише, и очень много свободного пространства. Не до конца задернутая занавеска одного из арочных проемов открывала вид на аскетически обставленную спальню и маленькую буфетную.

Но Идвир провел терранку через другой проход. Остановившись посреди темного помещения, она издала испуганный крик.

— Садитесь. — Хозяин дома помог своей низкорослой спутнице взобраться на диван, обтянутый кожей неизвестной рептилии. Девушка с глубоким изумлением осмотрелась.

Череп двух животных на подставках — один с рогом, а другой с клыками; изогнутые трубки и бутылки, поставленные на столик в одном из темных углов; каменная глыба, покрытая замысловатым рисунком, от которого рябило в глазах (камень был настолько огромен, что для его переноски понадобился бы гравитационный подъемник); гладкокожее существо с длинным клювом и неправильной формы крыльями, размах которых не уступал размеру самой твари, сидевшей на узловатом, неровном насесте; и еще много-много таинственных вещей, едва освещенных огнями факелов, чей беспокойный голубоватый свет отбрасывал на стены демонические тени; их потрескивание казалось очарованной пленнице нежной песней, смысл которой она когда-то знала, но сейчас забыла; едкий дым проникал глубоко в сознание...

Девушка подняла глаза и увидела над собой грозное, мужественное лицо Идвира, покрытое бликами пламени.

— Не бойся, — раздался львиный рев. — То, что ты видишь, — это не инструменты тьмы, а указатели на пути к ней.

Мерсец уселся на хвост. Его украшенная гребнем голова оказалась на уровне глаз терранки. В темных безднах, спрятанных под надбровными дугами таинственного существа, играли огоньки отражений. Но, голос оставался мягким, даже задумчивым.

— Вах Урдиолх не имеют собственных земель. Таков Закон, желающий, чтобы мы были свободны и беспристрастны в служении Расе. Даже родные жилища, в которых семьи живут веками, принадлежат им на правах аренды. Своим богатством мы обязаны не столько древним состояниям, сколько тому, что нам удастся получить на других планетах. Именно этот факт поставил нас на передний край расширения влияния Расы. И одновременно мы приблизились к тайнам чуждых миров.

Моей нянькой была колдунья. Она служила в нашем доме еще в те времена, когда мой дед был ребенком. У нее было четыре руки и шесть ног. Лицо, или то, что его замешало, росло между верхними плечами. Это странное создание пело мне песни и иногда забиралось в такие диапазоны, что я переставал ее слышать. Она знала толк в магии, которой научилась у себя дома, в незабвенных Эбеновых горах. Нянька была добрым и преданным слугой. В моем лице у нее нашелся благодарный слушатель.

Думаю, именно встреча с нянькой явилась причиной моего интереса к знаниям чужих народов. Конечно, нельзя забывать о пользе для Мерсейи. Но я стремился к мудрости совершенно бескорыстно, ради нее самой. И нужно тебе знать, Джана, что далеко не всегда мне попадались примитивные предрассудки. Травы, обычаи, легенды, философия... Только невежда осмелится утверждать, что мир, в который он попал впервые и который дал жизнь странному и непонятному народу, не содержит в себе ничего существенного. Среди жителей других планет мне иной раз приходилось видеть такие вещи, каких не под силу сделать ни одной, даже самой совершенной, машине.

В некотором смысле я стал мистиком. Хотя, с другой стороны, разве можно провести четкую границу между «естественным» и «трансцендентным»? Гипноз, экстатические силы, повышенная сенсорная чувствительность, психологические явления, телепатия — эти и подобные им вещи, с презрением отвергнутые в пору юности цивилизаций, по мере взросления науки получили заслуженное признание. Я не мистик, я лишь использую

методы, которые могли бы помочь расширить наши знания в тех областях, где бессильны любые измерительные приборы.

Как-то раз мне пришлось посетить Херейон — самую таинственную из всех виденных мною планет. Она является владением Ройдхуната, но, думаю, мирится с положением колонии только потому, что это выгодно жителям планеты. А что у них за цели, не знает никто. Их цивилизация уже миллион лет назад простирала свое влияние далеко за пределы той самой Галактики, которую мы только начали осваивать. Затем она исчезла. Причины краха или никому не известны, или держатся в секрете. Случилось так, что некоторые жители Херейона оказались весьма полезны для Мерсейи, вследствие чего мы стали бояться разгневать всех остальных. Гордые завоеватели иных миров держатся на удивление скромно на Херейоне.

Я был принят в число учеников Айхарайха в его замке в Раале. Ему удалось глубоко проникнуть в сознание не только своего или какого-нибудь другого народа, но во всеединое сознание, существование которого отрицают современные ученые. Осмелюсь утверждать, что он достиг таких глубин, каких не достигало ни одно из ныне живущих существ. Херейонит мог вывести на поверхность лишь то, что было во мне уже заложено и только ожидало пробуждения. Никакого выбора у него не было. Но он научил меня тому, чем я, по его словам, имел возможность пользоваться. Без полученного опыта, без особых навыков существования в космосе, я бы не сделал и половины того, что мне удалось сделать. Только подумай: всего за десять лет мы достигли почти полного взаимопонимания с обеими расами Талвина.

Я хочу не препарировать твою душу, Джана, я хочу вместе с тобой заняться ее исследованием. Мне важно знать внутренний мир человеческого существа. Взамен ты сможешь понять, что значит быть мерсейцем.

Огни факелов танцевали и нашептывали что-то среди беспкойных теней. Фигуры на каменной глыбе выявили теперь уже почти различимую связь. Дым, кажется, пропитал девушку насквозь. И вне и внутри нее звучал убаюкивающий голос Отца.

— Ты не должна бояться того, что видишь, Джана. Все эти вещи, они, конечно, архаичны, на них лежит налет языческих культов и колдовства, но их исток кроется в первозданной бездне, в том звере, который существовал раньше всех проблем сознания. Возможно, близится день, когда таинственные знаки потеряют свою силу. Или, наоборот, они станут незаменимы, откроют в себе такую глубину, какую сейчас невозможно и представить. Я не знаю, но я хочу знать. Колдовские предметы

должны мне помочь соединиться в едином сознании с человеком, Джана... не с перепутанным пленником, не с презренным перебежчиком, не с ханжой, умильно разглагольствующим о мире и братстве, не с нравственным уродом, выросшим среди чужаков, вдали от своих корней, но с человеком, который познал и радость, и горе того, что называют людской судьбой.

Ты окружена символами, Джана. Давным-давно совершенно различные породы мыслящих существ обнаружили, что некоторые предметы, некоторые ритуалы помогают воскрешать омертвевшие части души. Вернувшись к жизни, эти части могут быть осознаны, подчинены личности и усилены. Вспомни о пользе тренировки тела. Вспомни о тренировке духа: храбрость, хладнокровие, таланты — всему этому нетрудно научиться, нужно только знать методы, которые ничего не требуют, кроме решимости. Теперь спроси себя: что остается?

Джана, ты можешь стать сильной.

— Да, — ответила она.

Девушка смотрела в воду, в огонь, в хрустальный шар, наблюдала за тенями внутри...

Гостиница. Ночь. Потрескивает огонь. Красные и золотые языки пламени освещают веселое застолье, грубо сработанную мебель, скрипача на стуле, пиликающего танцевальную мелодию. За дальним концом стола сидит женщина в длинной юбке, в сорочке с глубоким вырезом. В руке веер, на коленях ребенок.

Ветер. Черная птица неожиданно бьется в оконное стекло. Звонкий удар клювом.

Бесконечный спуск по лестнице в непроглядную тьму вслед за человеком, который никогда не оглядывается. Лодка. Река.

На противоположном берегу люди без лиц.

— Извини, — сказал Идвир. — Мы не держим препаратов, пригодных для существ твоей расы. Ты должна отказаться от наркотиков. Тебе не пройти по Древнему Пути до конца. Должен признаться, мне — тоже. Для этого пришлось бы преодолеть реальный мир, что означало бы сумасшествие.

Расскажи мне о своих снах, Джана. Если они станут слишком тяжелыми, позвони по моей личной линии — вот так. Я приду в любой час дня или ночи.

Змея опоясала вселенную. Подняла свою звездную голову. Разевает пасть. Крик. Джана пытается бежать.

Удав шипит ей вслед. Ноги начинают вязнуть в болоте. Миллион лет, каждый год — один шаг прочь из засасывающей трясины, а змея за спиной подползает все ближе и ближе.

Удар молнии. Погружение во тьму. Черные воды.

Идвир держал девушку в объятиях, ночью, в ее комнате.

— С моей точки зрения, — говорил он, — я получил ни с чем не сравнимый опыт проникновения в человеческий архетип. — Сухая практичность, сама по себе успокаивающая, уступила место нежности. Громадная рука гладила золотистые волосы. — Но ты, Джана, больше чем вещь. Знаешь, ты стала мне почти дочерью. Я хочу снова поднять тебя и повести сквозь долину теней, которую ты должна пройти, прежде чем научишься управлять своей силой.

На рассвете мерсеец ушел. Джана немного поспала, но встала к завтраку и затем приступила к обычным занятиям. Они не мешали ей жить в своих снах. За окном земля укрылась белой пеленой первых осенних туманов.

Воды дают покой. Сон, дремота... Нет, змея не умерла.

«Змея не умерла».

Ядовитый укус. Борьба. Крик. Теплые воды отступили. С глухим гулом их втянула в себя воронка. Глухим, глухим.

Глухой стук копыт. Дрожание моста, которое девяти мертвым корням не удалось превратить в раскаты грома. Свет.

Змея отпрядывает от света.

Подними к нему руки. Но преклонись пред его сиянием.

Так сверкает копьё Мессии.

— Храйх! Было бы интересно узнать, не пытались ли выкинуть тебя из чрева матери? Теперь это уже не так важно: ты выжила. Но ты должна сознавать, что выжила, что способна выжить.

Ты готова к следующему сеансу сегодня вечером? Я хочу, чтобы ты пришла и сконцентрировалась на Могильном Камне. Кажется, подобная процедура существует и на Терре. Я читал, что люди называют ее... мандалой?

Зеркало.

Лицо в зеркале.

Откуда-то сзади бесшумно появляется человек и подносит к зеркалу зеркало. Бесконечность сужается в ничто.

В середине ничто — белая искра. Она разгорается. Ничто отступает и летит обратно к бесконечности. Звучит победный рев труб.

— Ур-р-рх, — Идвир хмуро взглянул на результаты тестов Джаны. Учитель и ученица сидели в гостинной мерсейца. — Определенно что-то происходит. В тебе начинается реализация внутренних потенциалов, но это не телепатия... Я надеялся...

— Древний Путь к Всеединству, — произнесла девушка и принялась наблюдать, как растворяется стена.

Идвир долго смотрел на терранку, затем твердо ответил:

— Ты прошла по этой дороге ровно столько, сколько я осмелился тебя провести, дорогая. Возможно, путь невелик, но я не в состоянии направлять тебя дальше. Для подобной задачи понадобился бы опыт не меньший, чем у Айхарайха. В одиночку ты обязательно заблудишься в себе самой.

— Разве? — рассеянно спросила она. — Идвир, я знаю, что прикоснулась к твоему сознанию. Я чувствовала тебя.

— Глупости. Мистицизм — это набор символов. Символами можно жить — они единственное, чем можно жить, — но нельзя допустить, чтобы знаки заместили собой ту реальность, которая за ними стоит. Хотя о телепатии нам известно гораздо меньше, чем принято считать в психологии, в одном нельзя сомневаться: телепатия — чисто физический феномен. Сверхдлинные волны распространяются со скоростью света, подчиняются правилу корневого сокращения и другим естественным законам. К ним применимы принципы кодирования. Только радикальная изменчивость проявления этих волн в отдельных индивидуумах в разные моменты времени заставляла ученых сомневаться в их существовании. Сегодня мы научились распознавать подобные феномены.

Вопреки результатам наших последних экспериментов, нельзя сказать, что ты стала приемником телепатических волн. Присутствие явлений подобной природы было налицо — это правда. Датчики зарегистрировали возникновение колебаний чуть выше уровня чувствительности. Но анализ показывает, что ты не сумела назвать те знаки, которые я задумывал, честно стараясь не придерживаться никакой системы. Но вышло так, что все мои старания оказались тщетными.

Каким-то таинственным образом, едва заметно, бессознательно ты подталкивала меня именно к тем картинам, которые, как тебе удалось догадаться, я собирался открыть.

— Я хотела приблизиться к тебе, — пробормотала Джана.

Идвир холодно продолжил:

— Повторяю, мы вошли в те области, где я не способен кого-либо направлять. Может быть, позднее это сделает Айхарайх. Но теперь нам необходимо остановиться. Возвращайся в мир из плоти и крови, Джана. Хватит нам магии. Завтра ты вернешься к гимнастике и нудной работе над эрио. Уж она-то приведет тебя в чувство.

Он же на троне:

— За то, что они окончательно отошли от Меня, согрешили грехом, которому нет прощения, — похулили Духа Святого, Я лишаю их права называться Моим народом.

Смотри, Я отвергаю их от Себя. Я подниму против них новый народ, возросший под новым солнцем, имя которому — Сила.

Открой теперь книгу Семи Громов.

Короткая осень Талвина стояла уже совсем рядом, когда на планету прибыл корабль из штаба. Штаб находился не на Мерсейе. Государство таких размеров, как Ройдхунат, не может управляться из единого центра, даже если Раса будет прилагать к этому все усилия. Тем не менее судно привезло с собой прямое указание от Протектора.

Корабль стоял на взлетном поле: изящный обтекаемый эсминец, уставивший в небо свои аккуратные, похожие на игрушечные, пушки. На его фоне пара летательных аппаратов, которые также находились в порту и состояли под командованием Мориоха, казались нелепыми, давно вышедшими из моды колымагами. Захваченный терранский разведчик скромно притулился в уютке — трогательное зрелище.

На верхней кромке забора каким-то чудом удалось прорасти нескольким деревьям. Ранние заморозки подломили их хрупкие стволы. Теперь они валялись на земле. Тяжелые башмаки мерсейцев втоптывали несчастные растения обратно туда, откуда им с таким трудом удалось вылезти. Воздух был прохладным и влажным. Рабочий двор утопал в тумане, но высоко в небе открывалась ясная, глубокая синь, а редкие белые облака ослепительно сияли в лучах Сикха.

Джану не пригласили на церемонию встречи. Она на это и не надеялась. Идвир позвонил ей по внутренней связи и кратко сообщил:

— Можешь ничего не бояться. Моя просьба удовлетворена, я получил разрешение заниматься твоим делом.

Как мило с его стороны. Девушка отправилась на прогулку и совершила многокилометровое путешествие, сначала вдоль отвесных берегов Золотой реки, а затем по тем местам, которые еще совсем недавно были покрыты сплошными джунглями, а теперь постепенно превращались в голую тундру. Простор, свобода, полные воздуха мягкие и упругие мускулы — Джана пробродила таким образом много часов, пока наконец не устала и не вернулась домой.

«Я изменилась, — думала она. — Но мне до сих пор не известно насколько».

Недели, проведенные под... опекой Идвира, смутно всплывали в ее сознании. Часто реальные воспоминания было трудно или даже невозможно отделить от снов того времени. Постепенно ей

удалось прийти в себя, но это уже было какое-то другое «я». Старая Джана была забитым, испуганным существом, жадным той жадностью, которая стремится заполнить внутреннюю пустоту, одиноким тем одиночеством, которое не осмеливается любить. Новая Джана... новая Джана пыталась что-то найти. Она стала одной из тех, кто отправляется в долгие путешествия, кто способен остановиться и долго стоять, наслаждаясь алым цветом поздно расцветшего цветка. Новая Джана в мудрой простоте надеялась, что экспедиция Ника скоро закончится, и в мечтах представляла себе возникшую между ними связь, которая будет длиться вечно. Но одновременно она не чувствовала нужды ни в нем, ни в ком-либо другом, кто мог бы защитить ее от чудовищ.

Вполне возможно, чудовища исчезли. Опасности — да, опасности существовали, но они способны лишь убивать. Вахи говорят: «Кто не уважает смерть, тот не может уважать жизнь». Нет, погоди-ка, было время, она встречала чудовищ. Там, в Империи. Но теперь ее уже не охватывает страх при воспоминании о них. Теперь ей понятно, что они должны быть раздавлены прежде, чем сумеют своим гнусным ядом отравить таких добрых существ, как Идвир, Ники, Ульфангриф, Авалрик и даже, в некотором смысле, Мориох...

Ветер пел колыбельную песню, трепал волосы, гладил по коже, покрытой гораздо меньшим слоем одежды, чем потребовалось бы в такую же погоду несколькими неделями ранее. Время от времени девушка пыталась подзвать встречавшихся на пути пернатых созданий и дважды ей это удалось. Ярко раскрашенный незнакомец уселся на протянутый палец и сидел так в полном довольстве, пока наконец терранка не попросила его продолжить свой полет к зимним гнездовьям. Играя полученной силой, Джана снова чувствовала себя ребенком, и в редкие моменты действительно им становилась. В ней проснулись сильные желания. Идвир считал это следствием развивающейся проективной телепатии — того самого феномена, который своим спорадическим появлением в представителях ее расы дал пищу легендам о порчах, сглазах и приворотных зельях.

«Но в большинстве случаев я не в состоянии контролировать свою силу. Впрочем, это меня не очень беспокоит. Я не хочу быть суперженщиной. Достаточно быть просто женщиной. Ощутить в себе всю полноту женского естества, не зависящую от расовой принадлежности. Идвир сделал меня именно таким существом. Чем мне отблагодарить его?»

Пройдя через ворота ограды, девушка обнаружила, что двор совершенно пуст. По-видимому, персонал братался с командой корабля. Сгущались сумерки, с каждой минутой становилось все

холодной. Ветер задул сильнее. В небе начали прорезаться звезды. Джана поспешила в свою комнату.

На переговорном устройстве внутренней связи горела лампочка. Девушка включила автоответчик. Запись, на которой стояла отметка часовой давности по мерсейскому времяисчислению (что составляет примерно четыре терранских часа: мерсейцы пользуются десятичной системой отсчета времени), проговорила: «По возвращении немедленно свяжитесь с датолком в его кабинете».

Сердце в ее груди бешено билось. Неловкость, с которой она управлялась с переговорным устройством, напоминала период ночных кошмаров.

— Вы на месте, Идвир?

— Вы слышите именно меня, — раздался строгий профессорский голос, каким он в случае необходимости с успехом пользовался. К этому моменту Джана уже могла легко обходиться без лингвокомпьютера.

Терранка поспешила к своему покровителю по длинным пустым коридорам. Вдалеке слышалось громкое, грубое пение. Будучи навеселе, мерсейцы склонны распевать во всю мощь своих огромных глоток. Только после того как она зашла за занавески в кабинете Идвира, этот звук перестал ее преследовать.

Тяжело дыша, девушка приложила руку к груди. Мерсеец поднялся из-за стола, за которым работал.

— Пойдем, — проговорил он.

Свободный серый балахон колыхался у него на спине.

Когда они оказались в потайной комнате среди факелов и черепов, Идвир наклонился и прошептал — каждое слово колыхало волосы возле уха терранки:

— Корабль привез недвусмысленный приказ. С тобой все в порядке. Ты никому не нужна при условии, что терране не получат известную тебе информацию. Но Доминик Флэндри имеет очень влиятельных врагов. И собственных, и врагов своего учителя, Макса Абрамса. Наверху подозревают, что молодой человек может знать некоторые секреты старшего товарища. Эсминец должен увезти Флэндри с собой. Зондирование памяти оставит от парня одно полумертвое тело, от которого, вполне возможно, захотят избавиться.

— О Ники, — внутри Джаны что-то оборвалось.

Мерсеец положил огромные руки на плечи девушки, взглянул ей прямо в глаза и продолжил:

— Мои рекомендации были отвергнуты. Все протесты бесполезны. Но я уважаю твоего спутника, думаю, что и ты питаешь к нему теплые чувства. То, что собираются сделать с этим

человеком, унижительно для него и недостойно Мерсейн. Ты научилась почитать чистую смерть?

Джана выпрямилась. Естественные законы языка эрио заставили ее произнести:

— Да, Идвир, отец мой.

— Ты знаешь, что твое переговорное устройство связано с лингвокомпьютером, который, на другом канале, сообщается с экспедицией у Кипящих Ключей. Компьютер не ведет никаких записей, за исключением особых, специально оговоренных случаев. Под видом личного послания, какими постоянно обмениваются ученые, ты можешь передать своему другу все, что считаешь нужным. Вы ведь и раньше общались подобным образом, не правда ли? Никто из его спутников не знает англика. Флэндри сможет уйти, «потеряться», а холод окажет милосердие и поможет ему умереть.

Девушка ответила с мерсейской твердостью:

— Слушаюсь, сэр.

Вернувшись в комнату, она долго плакала. Но одновременно в ней пребывала мысль: «Он добрый. Он не позволил им копать в мозгах моего Ники. Ни один имперский офицер не стал бы заботиться о таких мелочах. Но Идвир, как и большинство представителей его Расы, в первую очередь заботится о своей чести. Он добрый».

Глава 15

Густой туман, какой бывает на Талвине только поздней осенью, опутал Громовую гору вместе с остальными вершинами плотной серой пеленой. Окружающие предметы исчезали из виду уже за несколько метров от наблюдателя. Флэндри вздрогнул и взерошил волосы, пытаясь стряхнуть с головы воду. Он нагнулся и дотронулся до мокрой каменистой земли — та оказалась слегка теплой. Время от времени юноша чувствовал редкие подземные толчки и слышал ворчание вулкана.

Расплывчатые очертания его мерсейских друзей виднелись и впереди, и сзади. Они двигались по узкой тропе. Многих ученых Доминик уже не мог видеть. Домрат, за которым следовала экспедиция, и подавно утонул в тумане.

Но терранин присутствовал при выходе туземцев из лагеря и поэтому мог теперь представить их неспешную процессию, с трудом продвигающуюся к месту спячки: все наиболее крупные самцы со своим предводителем Гунгом в качестве замыкающего. Такая позиция грозила Гунгу некоторой опасностью, поскольку на тропу могли выскочить запоздавшие летние или

слишком поспешившие зимние хищники. (В нынешнем году подобной неприятности не случится, принимая во внимание целый хвост инопланетных наблюдателей, вооруженных бластерами и пистолетами. Но разве это обстоятельство способно отменить обычай, исправно соблюдавшийся в течение многих тысячелетий?) Аборигены совсем обессилели, придавленные собственным весом и заторможенные прохладным воздухом.

Флэндри сочувствовал беднякам. Кто бы мог подумать, что всего через месяц ему придется мечтать о теплозащитном костюме? У ксенологов оставалось в запасе так мало времени, что брать с собой эти тяжелые, покрытые сетью проводов одежды не имело смысла. Пытаясь отвлечься от неудобств, доставляемых мерзкой погодой, Доминик начал восстанавливать в голове последовательность событий недавнего времени.

Миграция: от Ктха-г-клек к землям у основания тропы, по которой они сейчас шли; заливные луга на склонах Громовой горы, чья вершина грозно нависла над лагерем. Разгрузка продовольствия, которое племя собрало за лето. Постройка грубых хижин.

Это было счастливое время года. Стояла мягкая для Талвина погода. Бешеная энергия, вызванная адской жарой, уступила место приятной расслабленности. Вместе с остальными процессами жизнедеятельности затормозился и интеллект, но того, что осталось, хватало для рутинных работ и даже ритуалов. Сбор кормов окончательно не прекратился, но превратился в добровольное занятие. Но в целом осень стала одной долгой оргией. Туземцы ели до тех пор, пока не приобрели шарообразные формы, и занимались любовью до тех пор, пока каждая пригодная для случки женщина не забеременела. В промежутках между едой и любовными играми они пели, танцевали, шутили и бездельничали. Своих визитеров этот народец почти не замечал.

Талвин продолжал удаляться от Сикха; проливные дожди становились все холоднее, равно как и ночи, а за ними и дни. Облачный покров прорвался во многих местах, открыв солнце и звезды. Затем он образовался вновь, уже возле земли. Вэр увял, деревья облетели. Травоядные животные приготовились к спячке. По утрам лужи покрывались корочкой льда, которая, едва на нее наступишь, с треском ломалась. Продовольствие быстро шло на убыль, но это никого не волновало, поскольку аппетит падал вместе с жизненной энергией. Наконец туземцы собрались в группы и пошлись к зимним берлогам. Мерсейцы шли за последней из таких групп.

«Они — в берлогу, мы — на базу, — думал Флэндри. — И как же я буду рад снова согреться возле Джаны. Почему она так

долго не звонит и не отвечает на мои послания? Говорят, с ней все в порядке. Лучше бы так и было, а иначе я взорвусь».

Тропинка окончилась. Впереди в черном базальте зияла темная дыра входа в пещеру. Покрытые трещинами стены этого естественного убежища довольно хорошо защищали от возможных потоков лавы. Раскаленная сердцевина горы подогревала пещеру снизу. В других местах с приближением зимы племена домратов перемещаются к югу. И в тех регионах порой лютуют смертельные морозы. Туземцы способны выдерживать температуры, которые опускаются гораздо ниже точки замерзания: кроме всего прочего, в их телах к осени повышается концентрация соли в физиологических жидкостях, а процесс потения во время сна делает эту концентрацию еще больше. Но в северных районах на больших высотах животному, уснувшему на открытом месте, не выжить. Народец Кипящих Ключей решил воспользоваться берлогой с естественным подогревом.

Каждое живое существо, которое летом или зимой залегает в спячку, должно каким-то образом защититься от бодрствующих хищников. Различные виды решают эту проблему по-разному. Одни маскируются. Другие используют твердую оболочку, шипы или ядовитые ткани. Третьи зарываются глубоко в землю, преимущественно под скалы. Есть и такие, кто выбирает себе места, где их накрывает ледяная корка. Бывают настолько плодовые породы, что небольшой процент жертв не влияет на общее число особей. Всех возможных вариантов не перечислить. Крупные, владеющие оружием туземцы домратов в разбуженном состоянии превращаются в банду кровожадных головорезов. У зимних хищников давно выработался инстинкт обходить места их зимовий. Поэтому лишь немногие особи отваживаются охотиться на них, но против подобных нападений аборигены строят укрытия или уходят в пещеры.

Дрожа от холода, засунув руки в карманы куртки, выпуская изо рта облачка пара, который тут же смешивался с туманом, Флэндри стоял рядом с Гунгом и наблюдал, как тот загоняет своих мужчин в берлогу. Туземцы двигались как сомнамбулы.

— Думаю, нам стоит войти внутрь, — прошептал ближайший к терранину мерсеец. — Лучше держаться всем вместе и быть наготове к любым неприятностям. Нельзя предсказать, как они отреагируют на наше вторжение. Они говорили, что плохо понимают этот период.

— Избегайте контактов, — посоветовал другой ученый.

Все члены экспедиции образовали каре с четкостью, полученной на военной службе. Флэндри тоже встал в строй. Мерсейцы не доверяли ему оружия, но обращались с ним почти как

с равным. В любом случае, если начнется потасовка, он легко мог спрятаться за их спинами.

Ничего не произошло. Домрат, кажется, совсем не замечал пришельцев.

Пещера была маленькой. Более крупные помещения принадлежали более крупным группам и были давно заняты. Аборигены заранее устлали пол листьями, соломой и грубыми плетеными простынями. Атмосфера здесь была менее промозглой, чем снаружи. Так, по крайней мере, показывал термометр Витана Меченого. Похрюкивая, туземцы медленно ощупывали влажную шуршащую подстилку и зарывались в нее. Они ложились, тесно прижимаясь друг к другу. Более сильные защищали своих слабых собратьев.

Наконец стоящим остался один Г'унг. Медленно он взгляделся в окружающий мрак. Медленно двинулся, чтобы закрыть ворота, установленные в отверстие входа в пещеру. Ворота представляли собой бревенчатую основу, покрытую шкурами и с помощью кожаной петли закрепленную на вертикальном столбе.

— *Неугатакатх*, — бормотал туземец, напоминая тех, кто говорит во сне. — *Шоа т'кихкех*.

Компьютер молчал, не в силах перевести фразу. Таких слов не было в его запоминающем устройстве. Что это было? Магическая формула? Молитва? Пожелание? Бессмысленное бормотание? Сколько лет должно пройти, прежде чем откроется ее смысл?

— Лучше нам выйти, — прошептала едва заметная в туманном сумраке тень мерсейца.

— Нет. Мы сможем отпереть ворота после того, как все уснут, — так же тихо ответил начальник экспедиции, — а затем закрыть их снаружи. Все равно останется достаточно широкая щель, чтобы через нее мог пролезть любой туземец. Смотри внимательно. Никто раньше не встречал ничего подобного.

Замерцали линзы объектива.

«Они будут спать, нелепые дружелюбные создания, — размышлял Флэндри, — спать в течение всего зимнего периода, который длится здесь больше терранского года. Вернее, не спать — пребывать в коматозном состоянии. Едва живые, они будут лелеять в своем теле частицу живого тепла, подобно человеку, который, оказавшись в непроглядной тьме, лелеет единственную имеющуюся у него искорку. Резкий толчок может запустить в действие процесс пробуждения. Какие химические реакции происходят при этом, мерсейцы пока не разобрались. Убийственная ярость, возникающая в разбуженных животных, есть не что иное, как защитный механизм, имеющий своей целью удалить источник

опасности и вернуться в спячку до тех пор, пока не истрачено слишком много сил. Но даже ничем не побеспокоенные, многие туземцы не доживают до конца зимы».

«Первыми просыпаются беременные самки. Они реагируют на слабую оттепель ранней весны, выходят на свет к грозам и половодьям, собираются с силами, подкрепляют себя той скудной пищей, которую можно найти, благо самцы, способные составить им конкуренцию, пока спят. Мужчины возвращаются к жизни позже, при более высоких температурах, когда пора буйного роста трав в полном разгаре. Эти вылезают из берлоги мрачными и раздраженными. Первое время они способны только есть, есть и есть, пока не приобретут прежний, упитанный вид».

«Затем — так, по крайней мере, заведено в этой части континента — происходит традиционная встреча племен в условленном месте. Начинаются празднества Окончания Поста, религиозная церемония, которая одновременно помогает восстановить старые связи и наладить новые».

«По окончании праздника отдельные группы разбредаются по своим кочевьям. Прибрежные жители держат путь в сторону океана, к землям, которые в результате подъема уровня воды и таяния льда превратились в изобилующую кормами трясиину. Туземцы внутренних районов занимаются собирательством и охотой в джунглях, которые на глазах становятся все гуще и гуще. Рождаются дети».

«Середина лета отмечается созревaniem корней взра и других растений, расцветом телесной зрелости наземных и морских животных. Летняя жара поднимает на предельную высоту физические и интеллектуальные силы домратов. Энергия крайне необходима туземцам. Теперь они могут начать готовить запасы к осени. Женщины, которые из-за детей привязаны к дому крепче, чем мужчины, становятся первичными собирателями и хранителями того, что называют культурой».

«Осень: возвращение к местам зимовки, брачные игры, обжорство, отдых».

«Зима и долгий сон».

Гунг продолжал возиться с воротами. Рядом у стены стояло копье с каменным наконечником.

«Сколько времени они уже живут, неизменно совершая один и тот же круг? — размышлял Флэндри. — Смогут ли они когда-нибудь разорвать установившийся порядок? И если смогут, что за этим последует? Любопытно, как далеко им удастся зайти, когда вокруг столько непреодолимых препятствий? Если сбросить оковы смены сезонов, тогда... хм, тогда может статься, что

новые властелины этой части Галактики будут сильно походить на громадных рептилий с слоновьими головами».

Передачик Доминика вместе с передачиками мерсейцев заговорил голосом Книф ху Вандена.

— Доминик Флэндри.

— Тише, — выдохнул начальник.

— Я выйду наружу, — сказал терранин. Он проскользнул мимо неплотно закрытых ворот и встал у входа в пещеру. Клубящийся туман оседал на скалах крупными каплями. Приближалась ночь. Холодало.

— Переключись на местную частоту, Книф, — попросил Флэндри и сделал то же самое. Его свободная рука так сильно сжалась в кулак, что ногти врезались в ладонь. — В чем дело?

— Тебе звонят с базы. — Ксенофизиолог, которого оставили охранять аэробус, пока все остальные следовали за последней группой домратов, казалось, был озадачен. — Твоя женщина. Я попытался объяснить, что ты сейчас занят и перезвонишь попозже, но она ничего не хочет слушать. Дело, говорит, срочное.

— Что?

— Не понимаешь? Я, признаться, тоже. Сначала пропадает на несколько недель, потом вдруг звонит — причем, заметь, свободно изъясняется на эрио — и заявляет, что не может ждать. Вот что бывает из-за вашего дурацкого равенства полов. Конечно, терранские проблемы нас не касаются, но... В общем, я сказал, что попробую с тобой связаться. Соединить вас?

— Конечно, соедини, — ответил Доминик. — Спасибо, Книф. — Он был благодарен мерсейцу за внимательность. Монотонный, порой очень нелегкий поход крепко сблизил двух приятелей. Им часто приходилось помогать друг другу. Бывало, во время наблюдений за племенем, они целые дни проводили в разговорах, ожидая событий, достойных занесения в книгу записей. Флэндри вряд ли стоит сетовать на судьбу, если вся его жизнь должна пройти среди таких друзей, как Джана или Книф.

Щелчок, еле слышное потрескивание и знакомый голос девушки, неестественно спокойный:

— Ники? Ты там?

— Увы, — признал тот, пытаясь принять беззаботный тон. Но вулкан поблизости сотрясал землю и воздух.

— Старайся казаться спокойным. У меня ужасная новость, — быстро посыпались слова англика.

— Я один, — ответил он. Совсем один. Ночь закрыла от него окружающий мир.

— Ники, дорогой. Я должна попрощаться с тобой. Навсегда.

— Что? Значит, ты... — Свой голос казался Доминику громким и как бы обернутым ватой, а голос Джаны — тоненьким и бесконечно далеким.

— Нет, ты. Слушай внимательно. Нас в любую минуту могут прервать.

Пока она говорила, Флэндри размышлял о причине происшедшей в ней перемены. От прежней, путаной и безалаберной Джаны не осталось и следа. Ее слова звучали твердо и кратко.

— Ты, наверно, знаешь, что на Талвин прибыл мерсейский корабль. Они собираются взять тебя с собой и допросить. После этого от тебя останется только полумертвое мясо. Твоя экспедиция скоро возвращается. Попробуй бежать. Умри достойно, Ники. Умри свободным человеком и по собственной воле.

Удивительно, с каким спокойствием Доминик принял ужасное известие. Еще более удивительным был тот факт, что он сам заметил свою невозмутимость. Возможно, до него пока не дошел смысл сказанного. Ему приходилось видеть смертельно раненных существ, которые преспокойно глазели на собственные раны, толком не понимая, что в тот момент жизнь покидала их тела.

— Как ты узнала об этом, Джана? Ты можешь быть уверена?

— Идвир... Подожди, кто-то идет... Люди Идвира, ничего страшного. Но если кто-нибудь из команды корабля решит любопытствовать... Постой.

Тишина. Туман. Ночь заливает мокрые, начинающие уже замерзать земли. Из пещеры доносится слабый шум. Сквозь ворота льется тусклый свет. Домраты, должно быть, уже улеглись. Мерсейцы совершают последний осмотр, прежде чем уйти...

— Все в порядке, Ники. Я пожелала, чтобы он ушел. По всей видимости, его намерение заглянуть в мою комнату было не слишком сильным, если оно вообще было, раз он так легко прошел мимо.

— Что? — ошеломленно спросил Флэндри.

— Я... Идвир в последнее время работал со мной. Я научилась, вернее, я развила в себе... талант. Я могу пожелать, чтобы человек или животное сделали ту или иную вещь, и, если мне везет, они повинуются. Но это к делу не относится. — Уверенность постепенно покидала Джану. Ее речь стала теперь напоминать о той девушке, которую Доминик когда-то знал. — Тебя спас Идвир, Ники. Он предупредил меня, а я пообещала поговорить с тобой. Пожалуйста, поторопись!

— Что будет с тобой? — терранин задал свой вопрос совершенно автоматически. Он желал лишь удержать ее голос, избавиться от одиночества ночи.

— Идвир обо мне позаботится. Он... Он благородный. Мерсейцы, за редким исключением, — хороший народ. Мы хотим спасти тебя от зла. Если только... ты... — Голосок девушки задрожал. — Беги, милый. Беги, пока не поздно. Я хочу запомнить тебя... таким, каким ты был... Да хранит тебя Господь! — Она заплакала и прервала связь.

Терранин стоял, не замечая времени, пока наконец Книф не спросил:

— Что случилось, Доминик?

— Храйх, запутанная история. — Флэндри передернуло. В нем вспыхнул гнев. «Нет! Я не позволю, чтобы меня, как котенка, засунули в машину для прочистки мозгов. Но они сильно ошибаются, если считают, что я вежливо перережу себе горло или убегу в холмы и тихо превращусь там в ледышку. — В глубине его души ребенок стонал от ужаса всепожирающей ночи, но зрелый мужчина не позволял ему распускаться. — Если они желают поставить крест на моей персоне вместе со всем, что у меня внутри, клянусь, им придется дорого заплатить за это удовольствие».

— Доминик, ты меня слышишь?

— Слышу. — В голове терранина неожиданно прояснилось. Нужно было только позвать, и на поверхность всплыли нужные куски информации, появились идеи. Еще не все карты пущены в ход. Конечно, их осталось совсем немного, и на руках у него только двойка и четверка, но они одной масти, и, значит, остается надежда на флеш-рояль в пиках.

— Слышу. Я размышлял о том, что она мне сказала, Книф. У нее появилось желание перейти на сторону Ройдхуната. — *«Это не так уж далеко от истины, мерсейцы сами, должно быть, думают примерно так же, поэтому мои слова не принесут ей вреда. Но больше я ничего не скажу. Им никак нельзя узнать, что она пыталась спасти меня от унижительной смерти. Пусть себе считают, что весть о предательстве сбילה меня с панталыку. Идвир, со своей стороны, поможет им утвердиться в этой мысли. Не скупись на благодарности, приятель; в твоём положении тебе может понадобиться любая карта, а она не из самых худших».* — Ты понимаешь, мне... мне несколько не по себе. Я здесь больше не нужен. Экспедиция в любом случае скоро уйдет отсюда. Я пойду вперед и попытаюсь все хорошенько обдумать.

— Приходи, — мягко пригласил Книф. — Я не буду тебе мешать.

Мерсеец, конечно, не мог сожалеть о том, что его государство получило нового агента, но он сочувствовал (так по крайней мере ему казалось) патриотическим переживаниям Флэндри.

— Благодарю, — произнес терранин и усмехнулся.

Громко стуча ботинками, Доминик двинулся в обратный путь. Временами из-под его ног вылетал камень и с шумом катился вниз по склону. Иногда он чуть не падал, поскользнувшись на обледеневшем участке земли. Со всех сторон одинокого путника обступила тьма. Лишь луч фонаря освещал небольшую часть утонувшей в клубящемся тумане тропинки. Флэндри перестал обращать внимание на холод: он был слишком занят размышлениями о своем следующем шаге.

Книф, естественно, предупредил остальных, что терранин ушел вперед, поэтому мерсейцы не станут спешить вслед за ним. Куда же ему пойти? Дружище Книф нальет своему расстроенному приятелю чего-нибудь покрепче. На аэробусе трудно найти уединенное место. Проще всего лечь на койку и завернуться с головой в одеяло. Все будут считать, что Флэндри так и сделал.

Впереди показались желтые огни летательного аппарата. Рядом виднелись осенние хжины домратов, чьи построенные на скорую руку каркасы начали уже валиться на землю. Из головного отсека выглядывало плоское лицо обеспокоенного Книфа. Доминик потушил фонарь и встал на четвереньки. Рука нащупала камень, который приходился как раз по ладони. Поднявшись, он не таясь приблизился к кораблю и вошел в тепловой шлюз, который теперь защищал не от жары, а от холода.

Тепло внутреннего помещения показалось замерзшему терранину тропической жарой. Книф его уже ждал. В руке, как Флэндри и предполагал, он держал стакан. На губах мерсейца играла нерешительная улыбка.

— Вот, — сказал Книф с грубоватостью выходца из колоний и протянул выпивку терранину.

Тот взял стакан и поставил его на полку.

— Благодарю тебя, великодушный, — произнес он формальную фразу на эрио. — Ты не выпьешь со мной? Не хочу пить в одиночку.

— Ну... я на службе... кх-х, хорошо. Думаю, ничего страшно-го. Раздевайся пока, а я схожу налью себе чего-нибудь. — Книф повернулся. В тесной комнате его хвост коснулся груди терранина. Мерсеец ласково погладил им Доминика: традиционный жест выражения сочувствия.

«Быстрее. Этот парень тяжелее тебя килограммов на двадцать».

Флэндри прыгнул. Левая рука схватила Книфа за горло. Правая рука ударила камнем туда, где челюсть сходилась с ухом. В Академии терран учили, что у мерсейцев там самое слабое место.

В голове несчастной жертвы что-то хрустнуло. Камень чуть не вылетел из руки нападавшего. Книф задыхался, пошатывался и бил во все стороны хвостом. Флэндри получил удар в ребро. Если бы мерсеец крепче стоял на ногах и имел больше свободного пространства, подобный удар сокрушил бы его противнику кости. Но сейчас тот лишь грохнулся на пол. Тяжело дыша, оглушенный, он лежал и смотрел, как сверху надвигается громадная фигура.

Но защищаясь, Книф действовал чисто рефлекторно. Некоторое время мерсеец топтался на месте, затем опустился на колени и свалился рядом со своим врагом. Падение тяжелой туши сотрясло весь корабль. Нога терранина оказалась придавленной неподвижным телом. Придя в себя, Флэндри должен был изрядно поработать, прежде чем смог освободиться.

Он осмотрел поверженного. Хотя рана на голове кровоточила — тот же самый гемоглобин, что у людей, — Книф дышал. Терранин оттянул покрытое роговой оболочкой веко и увидел нормальный мерсейский черный зрачок без белой каемки, какая бывает при сокращении. «Хорошо, — Флэндри потрепал лысую, украшенную гребнем голову. — Мне было бы жаль уколошить тебя, старина. Конечно, в случае необходимости я бы сделал это не задумываясь, но мне было бы очень жаль».

«Поторопись-ка, сентиментальный болван, — грубо привел себя в чувство юноша. — Остальные вот-вот будут здесь, и у них есть оружие».

И все же, выкатив Книфа из аэробуса, Флэндри нашел одеяло и завернул в него мерсейца, а рядом поставил работающий переносной обогреватель.

По здравом рассуждении, с учеными не может случиться ничего серьезного. Конечно, они замерзнут, промокнут и проголодаются. Некоторые схватят насморк. Но когда с экспедицией пропадет связь, Идвир вышлет спасательный корабль.

Доминик снова вошел в аэробус. Ему приходилось видеть, как управляют этой штуковиной. Вдобавок ко всему принципиальное устройство судна было скопировано у технической цивилизации. Рычаги плохо подходили для рук человека, сиденье пилота было еще более неудобным. Однако терранину удалось справиться.

Двигатель заревел. Ускорение отбросило пилота назад. Аэробус начал подниматься.

Поднявшись на приличную высоту, Флэндри остановился, чтобы взглянуть на карты и планы. На украденной машине оставаться нельзя. На планете, где нет ни металла, ни электричества, летательный аппарат будет обнаружен сразу, как только

поисковый корабль поднимется в воздух. Придется приземлиться в каком-нибудь укромном месте, забрать все необходимые припасы и снаряжение и отправить корабль подальше. А там уж пусть его ищут.

Но где же спрятаться человеку в этом стремительно замерзающем мире? Долго ли он сможет протянуть?

Флэндри припомнил все, что узнал на мерсейской базе, и кивнул самому себе. Снегопад двигался с полюсов в центральные районы. Скоро руадраты начнут выходить из океана — может быть, уже начали. Надежда на спасение еле теплилась, но перспектива поднять на планете большой переполох была вполне осуществимой. Доминик проложил круглой маршрут в прибрежные районы к западу от Барьерного залива.

Глава 16

Когда Народ пробуждается, у него поначалу нет имени. Тот, кто на берегу звался Ринн, на дне океана был не более чем животным.

Он проснулся от происшедших вокруг изменений. Вместе с падением уровня воды уменьшилось и давление. Понижение температуры увеличило концентрацию растворенного кислорода, что было весьма заметно на относительно небольших глубинах, где летовал Народ. Течения стали более активными, изменяя содержание поднимавшихся со дна минералов. Ринн, конечно, ничего этого не знал. Он понимал только — сам не осознавая своего понимания, — что Малая Смерть окончилась и теперь ему снова предстоит Малое Рождение... хотя вряд ли туземец мог объяснить значение столь туманных понятий.

В течение бесконечно долгого времени он лежал в иле, который тонким слоем покрывал погруженное в воду плато. Постепенно в неподвижное тело входила жизнь, а вместе с ней и голод. Ринн пошевелился. Его жабры открылись и принялись втягивать воду, которая все более и более требовалась возрожденному организму. Набравшись сил, туземец пустился в плавание, работая руками, перепончатыми ногами и хвостом.

Вокруг проносились удлинённые формы его собратьев. Поначалу ему передавалось возмущение воды, а затем он чувствовал особый привкус, который туземцы добавляли к солоноватости океана. Солнечные лучи сюда не проникали. Тем не менее глаз угадывал во мраке черные пятна движущихся тел. Спасение от беспросветной тьмы исходило от мерцающих тусклым голубым светом колоний *аоао* (так называл их Народ, когда вновь обретал язык), посаженных по краям клетки. Огни подводных

растений приманивали постоянных жителей океана и помогали виррдам найти путь к свободе.

Каждая стая имела свои способы защиты во время Малой Смерти. Некоторые, например, укрывались в расселинах, заваливая входы огромными валунами. Зенневиррам удалось обучить выводок морских змей исполнять роль охранников. Виррды спали в клетке, сооруженной из натянутых между массивными бревнами сетей, сквозь которые не могла проникнуть ни одна хищная тварь. Это сооружение выстроили еще в незапамятные дни и каждый год обновляли, весной, когда Народ возвращался, сохраняя до времени способность дышать воздухом. Глубоко вздохнув, туземец получал энергию на то, чтобы нырнуть и заняться тяжелой работой, оставаясь под водой в течение одного-двух часов. А начинавшие уже развиваться жабры подпитывали его организм кислородом. (Конечно, не весь Народ участвовал в ремонте. Большинство охотилось на суше.) Наконец их легкие полностью прекращали свою деятельность, и виррды впадали в оцепенение. Солнце в ту пору начинало жечь нещадно, воздух напоминал сухой огонь — туземцы были рады отдохнуть в прохладной темноте.

Сейчас основная часть мозга Ринна продолжала находиться в глубоком забытии, предохраняя тем самым свои клетки, которым иначе недостало бы кислорода. Инстинкты, рефлексy и тренировка подсказывали туземцу, куда плыть. Он нашел и открыл одну из дверей. Оставив проход открытым, выбрался наружу и присоединился к сородичам. Те паслись возле аоао, вынимая из смертоносных щупалец ту добычу, которую плотоядные растения не успели переварить.

Пища скоро закончилась и виррды беспорядочной стаей, насчитывавшей около двух сотен особей, уплыли прочь. Направление течений, привкус воды и, может быть, другие, более тонкие признаки помогали угадать, в какой стороне лежит берег. При ясном небе эти полусонные создания ни за что бы не осмелились сразу же выйти на поверхность: глаза должны постепенно привыкнуть к яркому свету. Но пасмурная, слякотная погода сделала подъем безопасным. Подобные удачные дни часто случались в ту пору года. В водной фазе своей жизни Народ лучше себя чувствовал, качаясь на волнах.

Навстречу им попался косяк морских существ, отдаленно напоминавших рыб. Туземцы устроили организованную облаву. Снова и снова Ринн выпрыгивал из воды, нырял, гонялся за добычей, быстро работая хвостом и ногами, пока наконец чешуйчатое тело не оказывалось в его клыкастой пасти. Насытившись, он не прекратил охоты, отдавая лишнюю рыбу первым

попавшимся навстречу ребятишкам. Дети, появившиеся обычно в середине зимы, рождались сразу с зубами и могли есть любое измельченное родителями мясо или рыбу. Но проходили годы, прежде чем молодая поросль начинала участвовать в охоте.

По правде говоря, Народ не был идеально приспособлен к жизни в воде. В незапамятные времена отдаленные предки виррдов сделали местом своего обитания материковый шельф и в результате были вынуждены переносить оба вида капризов местного климата: и засухи, и наводнения. Двоякая система дыхания образовалась как ответ на своеобразные условия существования. То же самое можно сказать и о привычке удаляться в море в пору активной деятельности солнца. Но поскольку две трети жизни племя проводило на суше, организм туземца был более приспособлен к ходьбе, чем к плаванию. Встретив изрядные трудности с добыванием пищи, Народ «пришел к выводу», что гораздо проще впадать на летний период в спячку.

Ринну рассказал об этой гипотезе мерсейский палеонтолог. Абориген обязательно вспомнит об их разговоре, как только его мозг окончательно проснется. А теперь он лишь чувствовал необоримое желание достигнуть отмели. В сознании дикаря мелководье ассоциировалось с пищей, играми и...

Снег шел и днем и ночью. Виррды упрямо плыли к берегу, хоть им и приходилось иной раз делать остановки, чтобы поохотиться. Все чаще и чаще они стали выскакивать на поверхность. Вода перестала казаться безусловным благом, а воздух больше не иссушал так, как прежде. Прошло немного времени, и Ринн стал явно различать, как вода обтекает его шерсть, как перекачиваются и ревут огромные морщинистые серые волны с хохолками белой пены, как воеет ветер, поднимая соленые брызги.

Снег кончился. Виррды оказались во власти кристально ясной ночи, растворившей в себе сам океан. В небе мерцали неисчислимые звезды. Ринн плыл на спине и смотрел вверх. На память пришло название самого яркого светила, а за ним и собственное имя. Он припомнил, что если племя только что миновало остров двух пиков-близнецов (а они, безусловно, это сделали), то теперь необходимо двигаться так, чтобы оставить Ссарро, Который Вечно Стоит на Страже, с правой стороны. Таким образом им удастся точнее попасть к своим пастбищам, чем если бы они слушались течений. Ринн подчинился голосу своего проснувшегося разума, и стая последовала за ним. Он вновь узнал, что является их вожаком.

Прозрачная ночь сменилась сверкающим восходом, но Народ больше не боялся резкого света. Племя бодро шло в кильватере Ринна. К вечеру они стали замечать признаки приближения

суши: туманную полоску на горизонте, плавучие останки травы и леса, увеличение активности водной жизни. В ту ночь племя стремительно летело среди мириад маленьких фосфоресцирующих тел. Не останавливаясь, туземцы устроили себе роскошный ужин. Свечение исходило от каждой пасти, кружилось с каждой волной. На утро дикари слышали шум прибоя.

Ринн увидел знакомый риф, определил направление прибрежного течения и уверенно взяв курс к мысу, где виррды всегда выходили на берег. К полудню стая была на месте.

И к северу и югу, явно намереваясь покрыть снегом половину планеты, бесновались вьюги. Та вода, что, замерзнув, упала на землю в твердом виде, в океан уже не возвращалась. Придавленная колоссальным весом последующих снегопадов, она становилась ледником. Вблизи полюсов океан сдавался и замерзал, образуя твердую основу для будущих гигантских сутробов. В умеренных зонах его уровень неуклонно понижался. На поверхность выходили громадные территории материковых шельфов.

Скоро Ринн об этом узнает. Пока же он предался простой радости ощущения твердой почвы под ногами. Между низкими утесами ревели буруны. Кое-где встречались плавучие льдины. Но для плывущих никакой опасности они не представляли: зимние отливы не обладают большой силой. А впереди подымался шельф, игравший всеми цветами радуги на фоне ослепительного неба. Снег успел уже слегка припорошить его скалистые склоны. Там, где раньше были лужи, теперь блестели полосы льда. В воздухе, необычайно щедром на ароматы, смешивались соль, йод, запах чистого разложения и молодой поросли. Но главное: в этом терпком, ветреном мире было прохладно. Прохладно!

В последующие дни стая отъедалась, пока наконец жир не сгладил бугры ребер и мускулов. Отхлынувшие воды оставили после себя целый пласт мертвых растений и животных, в котором прорастали прошлогодние семена сапрофитов. Соль и содержащийся в органических тканях алкоголь предохраняли это месиво от замерзания. Гниющие останки лежали на камнях коричневыми и пурпурными пятнами. Вокруг все кишело морскими животными. Сотни тысяч крылатых тварей с громкими криками кружили в небе. В поисках корма из внутренних районов к океану спустилась крупная дичь. Мужчины Ринна обтесывали каменные топоры в помощь своим клыкам. Женщины готовили арканы из кишок и сухожилий. Много зверей было поймано и разорвано на куски.

Постепенно виррды переставали заниматься только охотой. Они начали припоминать обрывки старых песен, пытались

танцевать забытые танцы, между ними стали завязываться отрывочные разговоры. У иных завелась привычка сидеть в сторонке и часами в одиночестве следить за тем, как заходит солнце, появляются звезды, а из темных глубин памяти выплывают таинственные воспоминания. Наконец настал день, когда Ринн, шагая сквозь однообразную белизну тундры, встретил женщину, которая пошла рядом с ним. Путники остановились. Был ветер. Море шелестело у их ног. Они посмотрели друг другу в глаза. Женщина была великолепна, со своей растрепанной шерстью.

— Да ты Куварра, — в восторге воскликнул он.

— А ты Ринн, — прокричала она в ответ.

Мужчина и его жена бросились друг другу в объятия.

Хотя овуляция происходит у Народа только в определенные периоды, эротическое влечение заявляет о себе в течение всей зимы. Поэтому все малыши имели отцов, которые помогали ухаживать за ними в первые месяцы их существования. Эта связь прерывалась Малой Смертью — повзрослевшие щенки воспитывались обычным общественным способом, но большинство семейных пар оставались вместе до самой смерти.

Удаляясь потихоньку от берега, виррды встретили бррао и хррау. Так случалось каждый год. Жесткий раздел пастбищ, который Народ тщательно соблюдал у себя дома на материке, не распространялся на территории шельфа. Каждая стая избирала такой путь, который вернее всего приводил к родным местам. Три племени прекрасно ладили. Вместе они устраивали игры, рассказывали истории, совершали традиционные обряды, женили молодежь, охотились. Тем временем мозг туземца полностью включался в работу, легкие достигали высшей точки развития, жабры высыхали и прекращали свою активность.

Высыхали и земли шельфа. Заканчивался короткий период их расцвета — запоздалый плод обильного летнего плодородия. Растения умиралы, животные уходили прочь. Количество пищи резко шло на убыль. Ринн подумал о виррдах, как им будет житья высоко в горах, где бьют горячие ключи и одна река никогда не замерзает. Он взобрался на камень и заревел. Мужчины его стаи пустили весть по кругу и вскоре в полном составе собрались вокруг вожака. Тот сказал:

— Сейчас мы пойдем домой.

Раздались жалобы юношей и девушек, чьи амурные дела с друзьями и подружками из бррао и хррау не были закончены. В спешке сыграли несколько свадеб и назначили бесчисленное множество свиданий. (Во время звенящих холодов середины зимы Народ позволял себе далеко разбредаться от своих кочевий, путешествуя пешком, на санях или на лыжах. Хотя охота в

чужих угодьях каралась смертью, мирные гости везде встречали радушный прием. Некоторые стаи сходились в условленном месте в условленное время, чтобы заняться торговлей.) В первый погожий день после объявления об исходе, Ринн вывел свое племя в путь.

Он не сразу пошел на север. С возобновлением нормальной активности мозга у виррдов появилась возможность пользоваться оружием и инструментами. Лучшие из них хранились в «родных местах виррдов» (Народ не делал четкого различия между географическими названиями, обозначениями принадлежности тому или иному владельцу и эпонимами), но некоторые орудия были спрятаны прошлой весной в специальном месте, чтобы облегчить аборигенам возвращение.

Выбранный Ринном путь привел племя в тот район, который летом был прибрежным. Сейчас он представлял собой пустынную равнину, покрытую снежными торосами. Мерсейские друзья показывали вожаку живые картины этой местности в теплую пору года: половодье весной, плодородную трясику ранним летом, покрытую трещинами выжженную пустыню в более позднее время. Теперь, когда шельф исчерпал свои ресурсы, крупные животные перестали пересекать эту ослепительно белую страну, чтобы посмотреть, чем можно поживиться в воде. Ринн нещадно гнал стаю вперед.

Народ не боялся холода. Напротив, они предпочитали более суровые условия. меховая шкура и жир служили надежными изоляторами, сало к тому же было дополнительным биологическим резервом. Организм туземцев обладал высоким гомеотермическим обменом веществ и соответственно требовал большого количества энергии. Племя постоянно нуждалось в пище. Ринн выбрал маршрут через пустынную равнину именно потому, что пробираться между ледяными глыбами, загромождавшими Барьерный залив, было бы и медленно, и слишком трудно. Оставить припасы ближе к шельфу было никак невозможно, поскольку племя, которое в случае опасности мгновенно теряло рассудок, могло все разрушить.

После трех дней утомительного пути вдали замерцали вершины айсбергов. Ринн решил посоветоваться с Куваррой. Хотя женщины занимали подчиненное положение в стае, вожак привык полагаться на чувство ориентации своей жены. Та указала направление с такой точностью, что уже следующее утро, стоя на вершине холма, Ринн мог видеть конечную цель их путешествия.

Низкое каменное строение стояло на далеком пригорке. Покрытая дерном крыша была одета в снеговую шапку. Позади

здания виднелась спрятанная в ледяных заторах поверхность залива, игравшая в лучах солнца всеми цветами радуги. На севере тянулась тонкая лента Золотой реки, замерзшей, занесенной снегом и снова замерзшей, так что от нее осталась лишь утонувшая в голубоватой тени долина среди высоких берегов. Эту великолепную картину, застывшую в кристально чистом воздухе, дополняло голубое лазурное небо.

— Вперед, — радостно закричал Ринн.

Не только оружие и инструменты, изголодавшееся племя ожидало вяленое мясо. Вожак упал на живот и понесся вниз по склону. Стая с воплями бросилась вслед за ним. Съехав с холма, туземцы быстро поднялись с земли и побежали. Снег хрустел под мохнатыми ногами, но не проваливался.

Но едва они приблизились к зданию, дверь открылась. Ринн остановился. Шипя от разочарования, он жестом указал своим подопечным отступить назад. Шерсть на нем встала дыбом. Животное...

Нет, мерсеец. Что он делает в их потайном доме? Они провели пришельцев по всей своей территории и объяснили, что хранящиеся здесь запасы нельзя трогать ни при каких условиях. Те согласились и...

Нет, не мерсеец! Слишком прямо стоит. Без хвоста. Лицо, в тех местах, где не растут волосы, желтовато-коричневое.

Яростно рыча на такое вопиющее нарушение владений племени, Ринн собрался и бросился вперед во главе своих воинов.

Едва стемнело, на небе величественно выступили звезды. Создавалось впечатление, что их свет замерзал на полдороге к Талвину и осыпался на смутно мерцавший лед. Мир погрузился в непроницаемую тишину. Самый звук, казалось, не смог выдержать холода и умер. Флэндри чувствовал, что струя воздуха у его ноздрей вот-вот станет жидкой.

И это только начало зимы!

Руадраты вплотную подступили к терранину. Чтобы пробиться сквозь их широкий полукруг, ему пришлось бы свалить как минимум десять—двенадцать туземцев. В темноте Флэндри мог видеть только расплывчатые тени мохнатых тел да мимолетные огоньки, зажигавшиеся в глазах, когда они отражали льющийся из-за порога рассеянный свет. Ринн, стоявший впереди стаи, имел более резкие очертания.

Нельзя сказать, чтобы Доминик слишком беспокоился. Из-за сухости воздуха наступившие холода переносились гораздо легче, чем сравнительно высокие температуры туманной осени. На аэробусе нашлось много одежды и других подходящих для утеп-

ления вещей. Захватив с собой обогреватель, юноша довольно уютно устроился в своем каменном убежище. Беглец ощущал приятное тепло у себя за спиной. К сожалению, запас аккумуляторов обогревателя здорово поуменьшился за те три недели, что он ждал руадратов. Пищи тоже не прибавилось. Не осмеливаясь потревожить запас туземцев, Флэндри отправился на охоту (экспедиция привезла много оружия и боеприпасов), но, не зная повадок местных животных, потерпел неудачу. Да и та скудная добыча, которую ему все же удалось подстрелить, требовала диетических добавок, а капсул оставалось совсем немного. Кроме всего прочего, он не смог найти дров, чтобы разжечь костер. «Если ты не сумеешь поладить с этими достойными господами, — думал он, — можешь считать себя трупом».

Ринн сказал в транслятор, который находился в доме:

— Откуда тебе известно, новый пришелец, что среди нас найдутся такие, кто будет знать эрио? — Импульсный повторитель преобразовывал его нежное мурлыканье в звуки мерсейского языка. Но поскольку транслятору никогда не удавалось вполне справиться с синтаксисом и грамматикой, основанными на чуждом ему взгляде на мир, предложение вышло несколько неуклюжим.

Флэндри приходилось сталкиваться с такого рода ситуациями.

— До того как оставить базу мерсейцев, — ответил он, — я изучил все, что им удалось узнать об этих землях. Они собрали много информации и о руадратах в целом, и о вас, виррдах, в частности. На их картах отмечено место расположения вашего склада. Я был уверен, что рано или поздно вы придете сюда. — *«Я также не сомневался, что мои хвостатые друзья не станут искать меня так близко от своего лагеря».* — С тех пор как пришельцы появились на планете, они часто встречались с вами. Чаше, чем с домратами, поскольку они ценят вас гораздо выше, да и спите вы меньше. У мерсейцев также... обрисовано, — (Доминик вспомнил, что зимний народец не имеет алфавита — только мнемонические рисунки и разные фигурки), — что вы очень интересуетесь их работами. Поэтому я решил, что некоторые из вас должны были выучить эрио, чтобы беседовать о предметах, о которых нельзя говорить ни на одном языке руадратов. И действительно, на базе упоминали, что это правда.

— С-с-с, — воин потер свою щеку. В свете звезд и Млечного Пути блеснули клыки. При дыхании из его рта не вырывалось облачко пара, как у терран или у мерсейцев. Чтобы сохранить внутреннее тепло, дыхательную систему туземца защищало масло, а не жидкость, и поэтому вода выводилась из организма только при мочевыделении. Вожак стаи вошел внутрь здания,

взял гарпун с полки, где хранилось оружие, пристегнул пояс, на котором висел мерсейский боевой нож.

— Теперь тебе осталось объяснить, почему ты пришел сюда один и нарушил договор, который мы заключили с пришельцами, — сказал он.

Флэндри смог наконец разглядеть своего собеседника. Ринн был красив. Невысокого роста — сантиметров 150, — он весил около шестидесяти килограммов, но был гибок как выдра. Выдру напоминали также и общие очертания его тела, и мех цвета красного дерева, и короткие руки. А голова походила скорее на морского льва: заостренная мордочка, длинные усы, острые зубы, маленькие, подвижные уши, низкий лоб и заметно выступающая сзади черепная коробка. Крупные золотые глаза были защищены мигательными перепонками. Нос отсутствовал. Воздух для дыхания входил через жаберные отверстия.

Никакая терранская аналогия не могла дать точное представление о внешности туземца. Его руки оканчивались четырехпалой кистью с длинными когтями. Положение туловища было таким же, как у мерсейцев: наклоненное вперед, оно уравнивалось сильным длинным хвостом. Ноги были также длинными и мускулистыми. Широкие перепончатые ступни служили одновременно ластами, чтобы плавать, и лыжами, чтобы ходить по снегу. Речь руадрата приятно ласкала слух, но воспроизвести ее человек мог только с помощью транслятора.

Что же касается мудрости, спрятанной глубоко в глазах... Флэндри постарался ответить как можно яснее:

— Я знал, что могу рассердить вас своим вторжением в здание, где вы храните запасы. Я рассчитывал, что здравый смысл не позволит вам убить меня, если с моей стороны не будет никакого сопротивления. — *«Хотя на крайний случай у меня имелся бластер»*. — Кроме того, я ничего не взял и ничего не испортил. Наоборот, я принес вам дары. — *«Благо, в аэробусе было много всякого барахла»*. — Как можно заметить, я отличаюсь от мерсейцев точно так же, как вы отличаетесь от домратов. Почему же я должен быть связан их словом? Нет, давайте положим новое слово между мной и виррдами.

Терранин указал в зенит. Взгляд Ринна последовал за его пальцем. Флэндри на секунду засомневался, не обманывает ли он себя, считая, что видит на лицах туземцев то самое благоговение, которое испытывает всякое разумное существо, позволяя своей душе свободно парить среди звезд. *«Плохо будет, если я ошибаюсь»*.

— Ты не слышал еще всех известий, вождь виррдов, — торжественно произнес Доминик. — Твоему племени грозит опасность.

Глава 17

Как замечательно! Доминик снова был не один и снова шел вперед.

Время, проведенное в потайном месте, не было пустым для Флэндри. Конечно, разгружая аэробус, чтобы услать летательный аппарат далеко к морю и таким образом сбить своих врагов со следа, терранин не взял с собой проекционного оборудования и, как следствие, лишился микропленок. Что поделать: вся энергия аккумуляторов должна была пойти на то, чтобы не дать беглецу замерзнуть. Но зато у него было что почитать. Хотя справочник пилота, Книга Добродетелей и пара научных журналов после нескольких прочтений потеряли всякий интерес, Эпос Даир Инвори и в особенности книгу о Талвине и о том, как на нем выжить, можно было читать бесконечно. Кроме того, ему удалось найти письменные принадлежности и настоящую колоду карт, какими пользуются люди.

Флэндри не осмеливался удаляться от своего убежища: слишком часто в этих местах разыгрывались сильные бури. Однако он уже истратил большую часть своих ресурсов к созерцанию, когда лежал на койке в «Джеки». К тому же Доминик был по натуре человеком деятельным и общительным — черты, которые в пору молодости проявляются особенно остро. Вначале, когда его глаза уставали от чтения и грозили вылезти из орбит, юноша пытался рисовать. Но вскоре ему пришлось убедиться, что его дарования в этой области несколько отстают от таланта Микеланджело. Чуть больше времени ушло на сочинение непристойных лимериков о педантичных мерсейцах и старших офицерах с Ирумкло. Некоторые из них, по мнению самого автора, обещали стать межпланетной классикой, если только у него появится возможность выпустить их в свет. Юноша скромно решил, что теперь он непременно обязан выжить... Вдобавок неунывающий пилот изобрел новые, усложненные виды пасьянсов, после чего стал придумывать, каким образом в них можно сплутовать.

Главное преимущество вынужденного одиночества состояло в том, что у Флэндри появилось время поразмыслить о планах действий. Он выдумывал всевозможные случайности и совпадения и комбинировал их совершенно невероятным образом. В конце концов Доминик понял, что нельзя позволять своему воображению выйти из-под контроля, иначе можно потерять гибкость ума.

— Размышления увеличили мои надежды, — сказал терранин Ринну.

— У нас тоже есть надежда? — спросил вождь. Он изучающе взглянул на человека. — Пришелец, у нас есть только твое слово. Почему мы должны верить, что ты пришел с добрыми намерениями?

— Мое существование служит доказательством тому, что мерсейцы рассказали вам далеко не все. Они ведь никогда не говорили, что на свете есть расы, которые не дружат с ними.

— Нет, не говорили. Когда Идвир и его мужчины сказали, что миф ходит вокруг солнца, а звезды — такие же солнца, вокруг которых ходят другие миры... Потребовались годы, чтобы это понять. Я спросил однажды, живут ли в тех мирах народы, непохожие на мерсейцев. Идвир ответил, что они дружат со многими из них. Больше он ничего не объяснил.

— Теперь ты схватил? (Флэндри научился вставлять в эрио идиомы руадратов. Человек или мерсеец выразились бы иначе: «Теперь ты понимаешь?»)

— С-с-с... Они принесли дары и обращались с нами справедливо.

«А почему бы и нет? — мысленно усмехнулся терранин. — Ученым невыгодно ссориться с объектами своего наблюдения, военные туземцами не интересуются. Причины, по которым мерсейцы не желают быть откровенными в вопросах межзвездной политики, вполне очевидны. Во-первых, радикально новая информация усваивается медленно. Слишком большой наплыв неизвестных фактов может только запутать картину. Этот довод мой мудрый приятель легко бы понял. Во-вторых, излишнее знание подрывает религию и все, что с ней связано, а это ведет к разрушению культуры, которую команда Идвира собирается исследовать».

«В действительности, дружище Ринн, мерсейцы любят и даже восхищаются твоим народом. Вы гораздо больше, чем домраты, напоминаете их, или нас, в пору зарождения цивилизации».

«Но необходимо сделать так, чтобы ты перестал им верить».

— У их народа, так же как и у моего, есть обычай держать домашних животных поблизости от своих жилищ, — сказал Доминик. — С ними хорошо обращаются, дают им много пищи... а затем забивают...

Ринн выгнул спину. Мохнатый хвост вытянулся в струну. Туземец оскалил зубы и схватился за нож.

Он шел вместе с Флэндри впереди своего племени, которое состояло главным образом из детей, стариков и женщин. Охотники небольшими группами рассыпались по округе в поисках дичи. Некоторые не видели свои семьи по многу дней.

Когда Ринн остановился, не в силах сдержать ярость, идущие следом гладкие красно-коричневые тела беспокойно затоптались на месте. Вожаку явственно давали понять, что ему не следовало задерживать племя. Он неловко помахал рукой, словно загребал на себя воздух, и снова двинулся в путь.

Флэндри, который приспособил для своих ног пару мерсейских снегоступов, легко успевал за туземцами. Терранин, хоть и не был создан для жизни в таких условиях, пользовался преимуществом высокого роста. До сей поры путешествие не доставляло Доминику никаких хлопот.

Виррды шагали через пустынную тундру, которая летом задыхалась от обилия растительности. Туземцы почти каждый год приходили на мерсейскую базу. Она находилась совсем недалеко от прямой дороги. Сделав небольшой крюк, племя получало возможность понаблюдать за чужой жизнью, побеседовать и набрать подарков. Тем не менее посещения базы не стали постоянным обычаем. Они зависели от многих факторов, таких, например, как погода. Вдобавок Флэндри так напугал бедных аборигенов, что на этот раз они вполне могли свернуть с привычного пути, чтобы обойти стороной жилища мерсейцев. Тем временем терранин продолжал разжигать в них подозрения.

Во все время движения путники могли видеть Громовую гору, за исключением тех дней, когда ее вершина была закрыта широкой черно-синей полосой. Лишь через несколько месяцев, к середине зимы, должна была установиться ясная, спокойная и невообразимо холодная погода. В остальной части неба царила прозрачная синь, кое-где нарушаемая высокими перистыми облаками, отражавшими солнечный свет.

Освещенность планеты стала значительно ниже терранской. (В действительности точка, когда обе планеты получали одинаковое количество света, была пройдена еще ранней осенью. Аналогично самые лютые холода на Талвине наступали значительно позже того, как тот достигал апоастра, когда освещенность равнялась 0,45 терранской.) Тем не менее Флэндри был вынужден надеть темные очки, чтобы уберечь глаза от яркой белизны. Поскольку светило находилось вне поля зрения движущейся процессии, его с каждым днем убывающий диск не раздражал органов чувств терранина.

Окрестности, напротив, поражали своим видом. Доминику приходилось видеть разные зимы, но такая ему встречалась впервые.

Даже на планетах, схожих с Террой, жизнь в зимний период года не замирает совершенно. На Талвине, где холода длятся

значительно дольше, для каждого из сезонов развилась своя отдельная экологическая среда.

Разделение не было окончательным. Моря не так сильно подвергались воздействию очень низких или очень высоких температур, поэтому многие животные, которые обитали на побережье и питались морскими организмами, не впадали в спячку ни зимой, ни летом. Кроме того, семена и другие останки жизнедеятельности планеты служили хорошей пищей для тех, кто бодрствовал только в один из сезонов. Мерсейцы лишь начинали подходить к пониманию всей сети структурных, химических, бактериологических или каких-либо других, донные неизвестных взаимодействий между теплолюбивыми и хладолюбивыми формами. Элементарный пример: на Талвине не существовало никакого эквивалента вечнозеленым деревьям; буйная летняя растительность непременно бы их задушила; с другой стороны, в результате обильного гниения в пору осени образовывался гумус, в котором могли жить зимние виды.

Путники шли теперь среди островерхих дюн. Вдалеке блестяла отполированная ветром поверхность замерзшего озера. Но тундра не была совершенно пустынной. Среди голубых теней чернели пучки торчащих вверх листьев. На первый взгляд они казались низкорослыми, но нижняя часть этих своеобразных кустарников на несколько метров уходила под снег. Черно-коричневая поверхность растений прекрасно поглощала свет, как исходящий прямо от солнца, так и отраженный от снежного покрова. Некоторые виды тратили часть полученной энергии на молекулярные процессы, которые растапливали воду. Другие вырабатывали органические компоненты — например алкоголь, — которые понижали порог замерзания. Для большинства же превращение воды в лед составляло существенную часть того или иного жизненного цикла.

К северу от горного хребта ледники становились слишком мощными для растений. Но на юге материка и на островах растительная жизнь не прекращалась. Конечно, она была скудной и не могла идти ни в какое сравнение с буйством летнего периода, но даже такое небольшое количество пищи позволяло выжить многим популяциям травоядных животных, а те в свою очередь кормили хищников, в число которых входили и руадраты.

Легко понять, почему туземцы так ревниво охраняли свои охотничьи территории...

Изо рта Флэндри клубами валил пар. Щеки его обледенели. От быстрой ходьбы он разгорячился и слегка вспотел. Стоял ясный, тихий день. Путники могли слышать хруст своих шагов. Тщательно подбирая слова, Флэндри произнес:

— Ринн, я не прошу тебя слепо следовать моему совету. Нельзя исключать, что я могу говорить неправду. Давай придумаем способ, чтобы проверить мои слова. В этом нет ничего опасного. Как вождь племени ты обязан что-нибудь сделать. Подумай только. Если мой народ и мерсейцы враждуют друг с другом, пытаются овладеть чужими звездами, тогда им нужны гавани для кораблей, которые летают по небу. Верно ведь? Ты своими собственными глазами видел, что не все пришельцы занимаются сбором знаний. Многие то и дело улетают на задания. Поверь мне, они шпионят и нападают на мой народ.

Далее. Раз здесь есть военная гавань, ее нужно защищать. Чтобы подготовиться ко дню, когда враг обнаружит мерсейцев, — а такой день обязательно наступит, — необходимо расширить гавань. Маленькое поселение пришельцев разрастется, займет собой всю планету и превратит ее в крепость. — *«Из меня бы получился отличный казуист»*. — Нельзя исключить, что мерсейцы наблюдают за вашей жизнью лишь затем, чтобы найти самый удобный способ согнать племя со своих мест.

Ринн прорычал в ответ:

— А почему я должен быть уверен, что твой народ оставит нас в покое?

— Никаких других доказательств, кроме моего слова, я дать не могу, — согласился Флэндри. — Поэтому ты должен спросить других.

— Как? Может быть, мне пригласить Идвира, показать ему тебя и спросить, почему он никогда раньше не рассказывал о твоём народе?

— Н-нет, я бы не советовал. В таком случае он просто убьет меня, а затем запутает вас своими сладкими речами. Лучше попросить его прийти к виррдам, но так, чтобы мерсеец не знал о моем существовании. Постарайтесь втянуть его в беседу и выяснить, совпадают слова пришельца с тем, что вы узнали во время нашего путешествия, или нет.

— С-с-с, — Ринн схватил свой транслятор, словно это было оружие. Он явно находился в тревоге и тоске. Мрачная перспектива лишиться собственных земель выбила туземца из колеи. От миллионов своих предков он унаследовал твердую уверенность, что потеря охотничьих угодий означает неминуемую голодную смерть в безжизненной тундре.

— У нас есть еще время подумать о том, что нужно сделать, — подбодрил его Флэндри. *«Вернее сказать, у меня есть время заставить тебя думать, что тот план, который я изобрел в потайном доме, — плод твоей собственной мысли. Надеюсь, наши*

чувства и разум достаточно похожи, чтобы я мог как следует поработать над тобой».

Затем терранин мысленно обратился к себе: «Не дави слишком сильно, Флэндри. Спокойно понаблюдай за жизнью племени, сойди с ними поближе, постарайся завоевать их симпатию. Кстати, сообрази, нельзя ли будет, в случае успеха, получить компенсацию за причиненный тебе ущерб».

Внешние обстоятельства заставили Доминика переменить тему размышлений. Вдалеке показалась группа движущихся точек, которая огибала отдаленный холм. Точки приближались и со временем превратились в больших клыкастых животных, размером с лося. Их преследовало несколько мужчин-руадратов. Воздух взорвался от охотничьих криков. Ринн издал радостный вопль и бросился на помощь. Несмотря на сильное желание проявить свою ловкость, Флэндри остался ковылять далеко позади. Он видел, как Ринн встал на пути огромного зверя и вступил с ним в бой — копье и нож против двух громадных бивней, — не дожидаясь, пока подбегут остальные.

В тот вечер все пировали и веселились. Грация танцоров, мелодии песен и их ритмы, которые отстукивались на небольших барабанах, рассказали Доминику о том, что не мог выразить ни один язык. Терранин восхищался искусством руадратов: тонкой резьбой на каждом инструменте и оружии, элегантными формами таких предметов, как сани, чаши, коптилки. К ночи старые женщины предсказали буран. Племя поставило свои иглу. Сидя в одном из них, Флэндри услышал древнюю легенду. Ринн тихонько переводил мурлыкающую речь на эрио. Юноша смог уловить в незатейливом сказании о героическом походе начатки стиля, эпическое величие и даже философию. Позднее, лежа в спальном мешке и размышляя об услышанном, он пришел к утешительному выводу, что у него есть все шансы взять виррдов в свои руки.

Удастся ли ему впоследствии выжать что-нибудь из мерсейцев — это был уже другой вопрос. Засыпавший терранин решил отложить его решение на потом.

Идвир спокойно произнес:

— Нет, ты не станешь предательницей своей расы. Высшая цель каждого человека должна состоять в том, чтобы помочь своим собратьям сбросить цепи Империи.

— Какие цепи? — возразила Джана. — Где был Император и его законы, когда я пятнадцатилетней девочкой пыталась удрать из Черной Дыры, а мой хозяин поймал меня и отдал Хихикающему Человеку?

Идвир протянул к ней руки, коснулся волос, погладил по щекам и на минуту задержал ладони на плечах. Она была здесь чужой, ее тело не вызывало у мерсейцев ни желания, ни отвращения. Поэтому, чтобы поберечь одежду, Джана привыкла носить в теплом помещении только юбку с карманами. Прикосновение к обнаженной коже было одновременно твердым и нежным, его грубоватая суровость подчеркивала таящуюся за ним сдерживаемую силу. Девушка светилась любовью, которая втекала в нее через руки Идвира. Вскоре пустой маленький кабинет наполнился сиянием, подобно тому как бывает на Terre, когда золотые закаты пропитывают собой воздух.

«Любовь? Нет, любовь — избитое, пошлое слово. Помню, кто-то говорил мне... Не есть ли это та самая милость, с которой Господь обращается с нами, смертными?»

Над серым балахоном, над Джаной нависало властное и ласковое лицо Идвира. *«Я не должна называть тебя Богом. Но я могу про себя звать тебя Отцом. В эрио есть слово "рохадванн": привязанность, преданность, основанная на уважении и моей собственной чести».*

— Да, лучше выразиться иначе: не сбросить цепи, а выжечь раковую опухоль, — согласился мерсеец. — Сползание законной власти к слабости или насилию — последняя стадия фатальной болезни. И та и другая крайности являются лишь двумя сторонами одного и того же процесса: превращения Рук в Главы. — Мужчина-терранин непременно бы обнял расстроенную девушку и попытался бы ласковыми словами изгнать из ее памяти страшные воспоминания, от которых у нее до сих пор сводит судорогой живот и наливаются кровью глаза. Вслед за тем он бы считал себя сильно обиженным, если б она не согласилась залезть с ним в постель. Идвир требовательно продолжал: — У тебя хватило твердости пережить свою муку, а впоследствии перехитрить мучителей. Согласись, что ты обязана помочь освободиться именно тем людям, которые обязательно отвергли бы твоё наследие.

Она опустила глаза, сцепила пальцы.

— Как? Я думала... то есть... ты хочешь поработить человечество — так ведь?

— Я думал, ты давно поняла, чего стоит пропаганда, — сказал он с упреком в голосе. — Что бы ни случилось, тебе никогда не увидеть реальных изменений. Для этого понадобятся века непрерывных усилий. А конечная цель — освобождение. Освобождение мерсейцев. Мы не собираемся лукавить и делать вид, что наши главные усилия направлены на что-то другое. Но в своей работе мы нуждаемся в партнерах. Ведь в конце концов у всех у нас одно общее желание: подчинить Воле слепую Природу и Случай.

«Вам нужны младшие партнеры, — добавила Джана про себя. — Может быть, это не так уж и плохо?» — Она закрыла глаза и представила себе человека с лицом Ники Флэндри, шагавшего в авангарде армии, которую возглавлял мерсейский Христос. Над ним не стояло продажных властей, его не связывали по рукам и ногам трусливые, бесхребетные союзники, он был свободен от груза мелких грешков, сомнений и неудач. В руке он держал простой боевой нож громадных размеров. Воин шел и смеялся. Рядом с ним двигалась она, Джана. Ветер трепал ее волосы и раскачивал зеленые ветви деревьев. Им было суждено никогда не расстаться.

«Ники... мертв... почему? Этот народ не убивал его. Даже те из них, кто пытался сделать из него полутруп. Они бы стали друзьями, если б у них появилась хоть малейшая возможность. Но Империя никогда им этого не позволит».

Девушка вновь посмотрела на Идвира. Тот по-прежнему ждал ответа.

— Искатель, — робко произнесла она, — все происходит слишком быстро. Когда кванриф Мориох сказал мне, что я должна стать шпионом Ройдхуната...

— Ты ждешь от меня совета, — закончил за нее мерсеец. — Я с радостью помогу тебе.

— Но как я...

Он улыбнулся:

— Это будет зависеть от конкретных обстоятельств, моя милая. После прохождения курса тренировки тебя забросят туда, где ты будешь наиболее полезна. Куда именно — решат позднее. Надеюсь, ты хорошо понимаешь, что эффектные приключения, описанные в художественной литературе, не более чем художественная литература. Основная часть твоей жизни будет мало отличаться от жизни остальных людей, хотя, полагаю, ты сумеешь окружить себя обожанием и роскошью. Например, ты бы могла заставить высокопоставленного имперского чиновника сделать тебя своей любовницей или даже законной женой. Шпионская сеть не будет беспокоить тебя слишком часто. Что же касается риска, думаю, в своей прежней жизни ты рисковала значительно больше. Само собой разумеется, ты будешь получать приличное вознаграждение. — Идвир посерьезнел. — Но главным твоим вознаграждением, дочь моя, станет сама служба. И сознание того, что твое имя будет стоять в тайных молитвах Вах Урдиолх до тех пор, пока существует Мерсейя.

— Значит, ты считаешь, что я должна согласиться?

— Должна, — ответил мерсеец. — Тот, кто не имеет цели вне себя, живет лишь наполовину.

Переговорное устройство подало сигнал. Идвир раздраженно пробормотал ругательство и дал отбой. Устройство пропищало дважды. Мерсеец напрягся.

— Срочный вызов, — сказал он и включил селектор.

На экране появилось изображение Книфа ху Вандена.

— Мое почтение датолку, — торопливо проговорил он. — Я бы никогда не осмелился побеспокоить датолка, если бы дело не требовало немедленного решения. Прибыл посланец от Кипящих Ключей. — Джана слышала, что руад способен передвигаться удивительно быстро, когда он не связан семьей или тяжелой ношей.

— Храйх, они, должно быть, прибыли на место. — Кончик хвоста Идвира, выглядывавший из-под балахона, мелко задрожал. Больше мерсеец ничем не выдал своего волнения. — Какие вести он принес?

— Он ожидает во дворе. Могу ли я соединить его с датолком?

— Соедините. — Джана подумала, что терранин вначале попытался бы получить инструкции. Людям не хватало мерсейской решительности.

Девушка не могла уследить за беседой, которую Идвир вел с мохнатым существом, стоявшим на заснеженном дворе. Разговор велся на языке посланца. Ученый использовал транслятор. Когда экран погас, мерсеец еще долго сидел, нахмуясь. Кончик хвоста с силой бил об пол.

— Могу я чем-нибудь помочь? — осмелилась спросить Джана. — Или мне лучше уйти?

— *Швай...* — Идвир только теперь вспомнил о ее присутствии. — Храйх... Нет, я хочу тебе кое-что сказать. Все равно ты сама скоро узнаешь.

Девушка едва сдерживала себя. Мерсейские аристократы редко нервничали. Ее пульс бешено бился.

— Послание от вождя того племени. Странное послание: не в обычаях руадратов пользоваться расплывчатыми фразами, а курьер отказался что-либо добавить к заученной речи. Судя по всему, они набрали на замерзший труп Доминика Флэндри.

У Джаны потемнело в глазах. Она едва удержалась на ногах.

— Очень похоже, что так и случилось, — продолжал мерсеец, уставившись в стену. — По описанию, тело принадлежит человеку, а какой другой человек мог оказаться на планете? По непонятной причине, вместо того чтобы вызвать удивление, находка, кажется, зародила в них подозрения. Как будто появление существа, о котором мы раньше никогда не говорили, доказывает, что у нас есть какие-то дурные замыслы относительно племени. Вождь требует, чтобы я пришел и дал объяснения.

Он пожал плечами:

— Что ж, пусть так и будет. В любом случае это дело требует моего личного участия. Недоразумение должно быть улажено, его последствия в отношении племени минимизированы. В то же время наблюдение за реакцией туземцев может научить нас чему-то новому. Я полечу туда завтра с... — Идвир с изумлением взглянул на девушку. — Джана, ты плачешь.

— Простите, — пробормотала она, закрыв лицо руками. Слезы текли по ее щекам и попадали в рот. — Не могу сдержаться.

— Ты ведь знала, что он обречен. Ты сама послала его на чистую смерть.

— Да, но... но... — Терранка прямо взглянула на мерсейца. — Возмите меня с собой, — взмолилась она.

— *Хаадох?* Нет. Невозможно. Руадраты увидят тебя и...

— И что? — Девушка встала перед ним на колени и ухватилась за серый балахон. — Я хочу попрощаться. И... и похоронить его... по-христиански, насколько это возможно. Как вы не понимаете, мой Господин? Он ведь останется лежать там навечно.

— Дай подумать. — Идвир стал бесстрастным и неподвижным. Джана пыталась унять свои слезы. Наконец он улыбнулся, погладил ее по голове и сказал: — Согласен.

Терранка забыла сделать жест благодарности.

— Спасибо, спасибо, — бормотала она на английском.

— Было бы несправедливо запретить тебе похоронить своего мертвеца подобающим образом. Кроме того, откровенно говоря, я думаю, нам будет полезно показать руадратам живого человека. Я придуваю, что мы им скажем, а ты к утру должна будешь выучить свою роль. Согласна?

— Конечно. — Она выпрямилась. — А потом я буду работать на Мерсейю.

— Не нужно поспешных обещаний. Но надеюсь, ты все же присоединишься к нашему делу. Этот твой талант заставлять других желать того же, что желаешь ты... тебе приходилось применять его на мне? Постой, я понимаю, что ты не пыталась воздействовать на меня сознательно, но подсознательно... Храйх, кажется, в этом случае подобные различия не имеют смысла. Иди к себе, Джана, дочь моя. Отдохни. Через несколько часов я тебя вызову.

Глава 18

В тех местах, где области обитания домратов и руадратов пересекались, оба народа были мало связаны друг с другом. Летние жители были склонны взирать на зимних как на сверхъ-

естественных существ. Зимние, имея возможность осмотреть берлоги домратов, составили себе более здоровое представление о своих соседях. Большинство племен домратов не притрагивались к вещам руадратов, а те в свою очередь не видели пользы в примитивных орудиях холоднокровных рептилий, предпочитая собственные, медные инструменты.

Но у Кипящих Ключей — Ктха-г-клек, место виррдов — возникли традиции совместного существования, корни которых потерялись в мифической древности. По мнению Идвира, все началось в тот незапамятный год, когда необычайный перепад погоды привел к тому, что зимняя стая застала у Кипящих Ключей туземцев-домратов. Руадраты позволяли пользоваться своими крепкими хижинами, совершенными инструментами и тонко сработанными украшениями, а в ответ требовали, чтобы летние жители аккуратно обращались с вещами и перед уходом оставляли в виде платы пищу, кожи и материи. Для домратов подобное соседство стало краеугольным камнем их религии. Руадраты много раз находили предметы культа и в конце концов догадались, что стали объектом поклонения. Это открытие заставило виррдов возгордиться.

Флэндри собирался сыграть на гордости туземцев так же, как на их территориальном инстинкте. Вы еще можете принять, что пришельцы способны делать совершенно невероятные фокусы. Но если вы привыкли быть божеством, в вас возникает естественное раздражение при мысли, что от вас утаили истинное положение дел на небесах.

Ринн и его советники очень скоро согласились с предложением человека: послать на базу туманное послание, которое Флэндри тут же помог составить. Следовало скрыть тот факт, что терранин остался в живых. Также было необходимо, чтобы все туземцы ушли из деревни на то время, когда ожидалось прибытие мерсейского корабля. Они все равно ничего бы не сделали против огнестрельного оружия, а кто-нибудь из молодежи мог не сдержаться и расстроить весь план.

Поэтому, когда прилетел аэробус, в деревне было тихо.

Снег скрыл под собой паутину улиц и переулков. Утопавшие в сугробах дома казались крохотными. Зимнее небо было огромным и синим, белесый зимний горизонт — бесконечно далеким. Флэндри взглянул на пар, поднимавшийся от ключей и гейзеров. Нестерпимый блеск ослепил незащищенные очками глаза. Красные пятна на минуту заслонили побелевшую махину Громовой и слабое свечение ледников на вершинах Смердных гор. Над Живой рекой больше не клубился пар: слишком быстро он

теперь конденсировался. Но сам поток продолжал с грохотом нести свои воды в тишине морозного дня.

Раздался вопль наблюдателя:

— *Трри-ианн!*

Флэндри успел выучить этот знак. Он посмотрел в южном направлении, отыскал на небе светлую точку и спрятался в предназначенном для него доме.

Дверь дома осталась открытой. Вход был занавешен кожаной занавеской — обычная практика туземцев, которая не могла привлечь внимания гостей. Пробивавшиеся сквозь щели в ставнях солнечные лучи тщетно пытались осветить внутреннее помещение хижины, где среди шкур и домашней утвари богатого руада был припрятан арсенал, который Доминик взял из украденного аэробуса. Сейчас в распоряжении терранина были два пистолета, бластер, электрическая дубинка, боевой нож, боеприпасы и аккумуляторы. Это был необходимый минимум. Остальное, в случае неудачи, достанется туземцам.

Дом выходил на площадь. Напротив располагалось жилище Ринна, где должна была состояться встреча. Такое расположение хижин было выбрано для того, чтобы вождь в нужный момент мог выйти и пригласить терранина. Туземец считал, что такой драматический поворот произведет сильный эффект на мерсейцев. Через маленькую дыру в занавеске Флэндри наблюдал за происходящим. На площади осталось девять вооруженных воинов. Идвир не давал руадратам огнестрельного оружия. Такое приобретение слишком радикально изменило бы культуру народа. Но бронзовые ножи и томагавки тоже были не безобидны.

Ринн начал мрачно говорить в свой коротковолновый передатчик. Несколько слов Доминик понял:

— Садитесь на краю деревни возле сыромятни. Выходите пешком и без оружия.

«Идвир обязательно подчинится. Отказ будет означать прекращение отношений с этим племенем. Кроме того, ему нечего бояться. Он оставит на корабле несколько парней, которые будут следить за ним по радио. Они способны вытащить его из любой заварушки».

«Так думает Идвир».

Через несколько минут показались четыре мерсейца. Несмотря на теплозащитные костюмы, Флэндри узнал босса и трех парней, которые участвовали в прошлой экспедиции. Сколько времени прошло с тех пор? Недели? Годы?

В поле зрения терранина появилась новая, совсем маленькая фигура, которая казалась еще меньше по сравнению с хвостатыми громадинами, шагавшими впереди. У Доминика перехватило

дыхание. Конечно, он предполагал, что Джана тоже может приехать. Но после столь длительной разлуки тонкие черты лица девушки и ее золотые волосы, видневшиеся в круглом прозрачном шлеме скафандра, просто сразили его.

Руадрат коротко поприветствовал пришельцев и пригласил их в дом. Ринн вошел последним и задернул за собой занавеску. Площадь опустела.

«Пора».

У Флэндри тряслись руки. На коже выступили капли пота, бешено колотилось сердце. Возможно, вскоре ему предстоит умереть. И какой невыносимо прекрасной показалась в тот момент вселенная!

На незащищенном лице начал замерзать пот. Борода, успевшая отрасти после последнего применения замедлителя роста волос, окончательно заледенела. Через несколько коротких местных дней он использует последнюю диетическую капсулу. С пищей, лишенной практически всех витаминов и двух основных аминокислот, его ожидает мучительная смерть от цинги. Лучше уж быть застреленным мерсейцами или покончить с собой, когда плен окажется неизбежным.

Доминик постоял немного, вдыхая холодный воздух. Усилием воли заставил пульс биться медленнее. Мысленно повторил формулы, которые, после курса употребления наркотиков, всегда ассоциировались у него с состоянием покоя. Академия может здорово натренировать человека, если только он будет обладать дальновидностью и твердым желанием сотрудничать. Холодный и успокоившийся, терранин выскользнул за дверь. С этого момента он был слишком занят, чтобы бояться.

Флэндри быстро забежал за дом, чтобы никто из хижины Ринна не смог его увидеть. Прижимаясь к стенам строений, стремительно полетел по сверкающим улицам. Снег скрипел под ногами. Вот, наконец, сыроматня. Доминик выглянул из-за угла: так и есть. Аэробус стоял именно там, где ему приказали сесть. Длинная обтекаемая коробка с солнечным блеском в непрозрачных стеклах. Если кто-нибудь из находившихся внутри корабля парней заметит терранина и подымет тревогу, все будет кончено. *«Все шансы за то, что никто из них не станет следить за этим направлением. Но ты же знаешь, какие они лжецы, эти шансы».* Доминик вынул электрическую дубинку, нагнулся и в две секунды добежал до главного шлюза.

Прижавшись к борту корабля, он прислушался. Ничего не случилось, только щека коснулась холодной обшивки. Боль обожгла лицо. Флэндри дернулся и оставил на металле кусок

примерзшей кожи. Вытерев слезы, он крепко сжал зубы и подобрался к внешнему люку.

Тот оказался не заперт. Да и зачем иначе, если мерсейцам в любую минуту могло понадобиться спешно войти на корабль. Доминик проскользнул в шлюзовую камеру. Снова прислушался. Ни звука. Открыл внутренний люк и выглянул в коридор. Пусто.

«Наверняка большинство сидит возле пульта управления и переговорного устройства. Возможно, кто-то остался в главной комнате. Скоро сам все узнаю». Флэндри тихо пошел вперед.

Один из мерсейцев, должно быть, услышал шум или почувствовал струю холодного воздуха в этой поразительно теплой атмосфере, пропахшей машинным маслом. Он выглянул из кабины управления. Флэндри выстрелил. Вспыхнул ярко-красный луч, и мерсейца поразила сверхзвуковая волна. Не успело громадное тело упасть на пол, как Доминик оказался в кабине. На месте пилота сидел другой мерсеец.

— Гви... — только и успел пробормотать он, прежде чем замереть на панели управления.

Резко повернувшись, терранин поспешил обратно. Окна салона корабля выходили на три стороны света. Из наблюдательного отсека можно было увидеть четвертую. Там оказалось еще два мерсейца. Первый уже был обеспокоен. В руке он держал пистолет, но Флэндри, который вошел, стреляя на ходу, успел свалить незадачливого воина. Обезвредить второго оказалось еще проще, поскольку тот был заперт в наблюдательной башне. Не создавая лишнего шума, мерсеец мирно затих на сиденье. Не делая передышки, терранин побежал дальше. Из громкоговорителя звучали голоса: транслятор преобразовывал басы мерсейцев в нежное мурлыканье руадратского. Доминик проверил: передатчик был установлен только на прием. Нельзя было раньше времени поднимать тревогу.

Лишь затем он позволил себе сесть и перевести дух. Голова у него кружилась. *«Я сделал это. Я и вправду сделал это».*

Пока на его стороне была внезапность. Но главные шаги еще предстояло сделать. Он встал и осмотрелся. Взяв необходимые вещи, вернулся к своим пленникам. Они проснутся еще очень нескоро, но зачем рисковать? Один из них был Книф. Доминик криво усмехнулся. *«Кажется, у меня появилось хобби: коллекционирую Книфов».*

Ставив всех мерсейцев в одно место, юноша привязал их к койкам (*«Спасибо, Джана, научила»*) и заткнул рты кляпом. На обратном пути он позаимствовал транслятор и пару магнитофонов. В кабине пилота остановил передачу из дома Ринна.

Пора было приниматься за главное. Хотя у Флэндри было много времени, чтобы порепетировать, без соответствующей аппаратуры тренировка могла мало чем помочь. Вновь и вновь он читал свой текст, прокручивал пленку назад, регулировал преобразователь, крутил ручки скорости и высоты звука. (Между пробами юноша следил за ходом переговоров. Они с Ринном договорились, что вождь будет всеми силами затягивать разговор, чтобы как можно больше выведать у мерсейцев. Однако старого ксенолога нельзя было заподозрить в наивности. Напротив, он был одним из самых коварных существ, с какими только Флэндри приходилось встречаться, и в любой момент мог выкинуть неожиданный фортель. Тем не менее беседа пока продолжалась.) Наконец терранин решил, что больше ему не улучшить имитацию голоса. Он установил магнитофоны возле радиопередатчика дальнего действия. Импульсы должны были преодолеть триста занесенных снегом километров. Машина произнесла:

— Датолк Идвир вызывает дежурного по связи. Срочное сообщение. Прием.

— Вызов датолка принят меем Квиохом, вах Галлен, — ответил громкоговоритель.

Флэндри нажал кнопку пуска.

— Запишите приказ и немедленно передайте его по начальству. Мои предположения оказались ошибочными. Терранин Флэндри жив и находится здесь, у Кипящих Ключей, на грани смерти от плохого питания и обморожения. Необходимо попытаться его спасти, поскольку он, кажется, применил некоторую новую и адски эффективную технику уничтожения руадратов. Мы должны получить информацию о ней. Терранские медикаменты находятся в захваченном нами разведывательном корабле. Если попытаться их найти, уйдет слишком много времени. Поэтому пришлите сюда сам корабль.

— Приказание датолка принято. О нем будет доложено. Кто-нибудь знает, как управлять терранским судном?

Флэндри включил второй магнитофон.

— Храйх. — Ответ на все случаи жизни. Терранин надеялся, что в данном контексте «храйх» сойдет за презрительную насмешку. *«Если пилот не способен разобраться в управлении, которое устроено на тех же самых основных принципах, его нужно сослать драить камбуз»*. Первый магнитофон произнес:

— Приземляйтесь на открытом круге в центре деревни. Терранин лежит в доме, расположенном поблизости. Поторопитесь! Теперь я должен вернуться к руадратам и попытаться исправить положение. Прошу не прерывать меня до приземления корабля. Передача окончена. Слава Господу, Расе и ройдхуну.

Доминик дождался ответа, прекратил передачу и вновь подключился к переговорам. Обстановка там сильно накалилась.

«Да, лучше не медлить. Тем более что Джеки прилетит в считанные минуты. Если, конечно, план работает».

«Если».

«Впрочем, в военном секторе плохо знакомы с голосом Идвира... за исключением старших офицеров, вроде Мориоха, но ему могут и не доложить об этом деле, чтобы не терять времени. Ведь на Мерсейе любят поощрять инициативу со стороны молодежи... Но даже если командующий получит сообщение, он может не заметить ничего необычного, или отнесет все странности на счет большого горла, или...»

Флэндри снова влез в одежду, которую скинул, пока работал. Положил в карман моток веревки. Часы показывали, что прошло около часа. Доминик выстрелил из бластера в главный радиопередатчик. Часовой механизм остановился. На пути к выходу юноша вывел из строя двигатель. Он поднял защитный экран и расстрелял компьютер, который руководил запуском гравитационного ускорителя. Флэндри надеялся, что во время побега ему не придется никого убивать. Но нельзя же позволить мерсейцам связаться с базой раньше, чем беглецы окажутся далеко в космосе. Впрочем, если у него появится необходимость убить, он убьет и в оставшейся жизни будет спокойно спать ночами. Если, конечно, она еще будет, оставшаяся жизнь.

От холодного воздуха у него заболела рана на щеке. Флэндри понесся большими прыжками по скрипучему снегу к хижине Ринна. Ближе к дому стал двигаться осторожнее, а на пороге остановился, снял очки и крепко зажмурил глаза. Только полный идиот мог зайти в помещение прежде, чем зрачки привыкнут к темноте. Наконец с электрической дубинкой в правой руке и бластером в левой Доминик шагнул сквозь занавеску. Та с характерным шорохом вернулась на место у него за спиной.

И мерсейцы и руадраты одновременно повернулись, чтобы взглянуть на незваного гостя. Они сидели друг против друга в дальнем конце комнаты. Флэндри мимоходом заметил, как удивительно живо были расписаны стены у них за спиной, и пожалел, что вскоре ему предстоит потерять расположение художника.

Джана вскрикнула. Ринн зашипел. Идвир издал восклицание на языке, который терранин никогда раньше не слышал. Несколько мужчин обеих рас вскочили на ноги. Доминик погрозил им бластером и громко предупредил на эрио:

— Всем оставаться на своих местах. Эта штука установлена на широкий луч. Я могу спалить всю вашу шайку за два выстрела.

Злобно рыча, и туземцы, и ученые подчинились приказу. Джана, которая тоже вскочила вместе со всеми, во все глаза смотрела на своего спутника. Она явно пыталась что-то сказать, но не могла произнести ни звука. Идвир резко произнес несколько слов в транслятор. Ринн так же резко ответил. Терранин мог догадаться, о чем шла речь.

— Что это за вероломство?

— Он действительно пришел к нам живым. Но я не знаю, что на него нашло.

Флэндри перебил их беседу:

— Сожалею, но я должен лишить вас сознания. Большого вреда это не причинит. Только голова будет болеть, когда вы очнетесь. Если кто-нибудь попытается наброситься на меня, я буду вынужден применить бластер. Выстрел, возможно, убьет и остальных. Ринн, в твоём распоряжении всего несколько мгновений. Переведи своим мужчинам то, что я сказал.

— Ты не сделаешь этого, — закричала Джана.

— С тобой ничего не случится, дорогая, — успокоил ее Флэндри, пока руадраты переговаривались. — Подойди ко мне.

Девушка посерьезнела, сжала кулаки, выпрямилась и твердо ответила:

— Нет.

— Что?

— Я не собираюсь, как ты, менять своих убеждений.

— А я и не знал, что меняю убеждения. — Доминик пристально взглянул на Идвира. — Что вы с ней сделали?

— Показал истину, — ответил мерсеец. Ему удалось справиться с волнением. — Что вы собираетесь делать?

— Сами увидите, — сказал терранин и обратился к Ринну: — Ты закончил?

— *Сснага!* — Совсем не важно, что руад принадлежал к другой расе. Невыразимую ненависть нельзя ни с чем спутать.

Флэндри вздохнул:

— Мне очень жаль. Все же мы вместе путешествовали. Желаю тебе доброй охоты на все времена.

Направленный луч разил и разил. Туземцы попытались было спрятаться, но не смогли найти укрытия. Мерсейцы приняли свою дозу с непоколебимым достоинством. Через минуту стоять оставались только Идвир и Джана.

— Теперь, — терранин кинул девушке моток веревки, — свяжи ему руки на спине, затем прикрепи к ним хвост, а оставшимся куском веревки спутай ноги.

— Нет, — закричала Джана.

— Девочка, — произнесло мрачное, потемневшее от загара, израненное лицо с заledenевшей бородой, — в этом деле ставка больше, чем моя собственная жизнь. Да и жить я тоже люблю. Мне необходим заложник. Я бы предпочел, чтобы он шел своими ногами. Но если мне все же придется лишить его сознания, я свалю вас обоих.

— Делай, как он сказал, — приказал Идвир. Он внимательно посмотрел на Флэндри. — Неплохая работа. Что вы собираетесь предпринять дальше?

— Без комментариев, — последовал ответ. — Мне бы не хотелось показаться невежливым, но чем меньше вы будете знать, тем меньше у вас будет возможностей для противодействия.

— Совершенно верно. Теперь мне ясно, что все ваши прежние успехи далеко не случайны. Примите мои комплименты, Доминик Флэндри.

— Думаю, датолк... Поторопись, женщина.

Джана ошарашенно смотрела на двух противников. Ей едва удавалось не закричать.

Неумелые руки девушки не могли надежно связать мерсейца, но Флэндри, который внимательно следил за ее действиями, решил, что Идвир, прежде чем выпутаться, должен будет немало потрудиться. Когда работа была закончена, Доминик поманил Джану к себе.

— Я хочу, чтобы ты держалась подальше от нашего приятеля. — Взглянув в знакомые голубые глаза, он улыбнулся. Теперь можно было на время опустить оружие. Терранин положил обе руки на грудь своей подруги. — Лучше будь поближе ко мне.

— Ники, — прошептала она, — ты сам не понимаешь, что делаешь. Пожалуйста, пожалуйста, послушай.

— Позже. — Раздался сильный грохот, от которого подпрыгнули все горшки на полке. Вопреки строгой сдержанности, которую юноша всеми силами старался удержать в себе, что-то внутри его екнуло в ответ горшкам. — Ого, кажется, я лечу домой.

Он выглянул за занавеску. Так и есть. «Якобини-Циммер», милая востроносая «Джеки» резко снизилась, зависла над площадью и села, поднимая вокруг себя клубы снега... Погоди-ка! Высоко в небе...

Флэндри застонал. Похоже, появился еще один летательный аппарат. Мориох или кто-то другой решил сыграть осторожно и послал вдогонку эскорт.

Ничего, Доминик учитывал такую возможность. «Комета» может дать сто очков вперед практически любому типу кораблей. А в атмосфере, особенно такой, как на Талвине...

Люк открылся. Трап съехал на землю. В шлюзовом отсеке появился мерсеец, по всей видимости врач, поскольку он нес аптечку, которую ему удалось найти по дороге сюда. Он не надел скафандра — только зимнее военное обмундирование. Неожиданно Флэндри стало невыносимо смешно при виде этого существа, озадаченно осматривающего пустынную площадь. На его хвосте был надет специальный носок. Никогда еще терранину не приходилось с таким трудом сдерживать в себе вопли радости. Стараясь как можно лучше симитировать голос мерсейца, Доминик крикнул:

— Идите сюда. Вдвоем. Ваш пилот пусть тоже придет.

— Пилот...

— Поторопитесь!

Доктор позвал пилота. Вдвоем они спустились по трапу и пошли через площадь. Напряженный, как натянутая струна, Флэндри следил за ними через щель между косяком и занавеской. Время от времени он оглядывался на своих пленников, которые стояли у него за спиной. Так и поворачивался: туда-сюда, туда-сюда. Если кто-то из прилетевших заподозрит неладное, или Идвир с Джаной попытаются предупредить их, придется пустить в ход бластер, а затем пулей бежать к кораблю.

Мерсейцы вошли. Доминик свалил обоих.

Забрав аптечку, терранин помахал оружием:

— Пошли, Идвир, — и, помедлив, добавил: — Джана, если хочешь, ты можешь остаться.

— Нет, — ответила девушка так тихо, что ее едва было слышно. — Я тоже пойду.

— Останься, — посоветовал Идвир. — Положение очень опасное. Мы имеем дело с отчаянным человеком.

— Возможно, я смогу тебе чем-нибудь помочь, — возразила Джана.

— Твоя помощь нужна Мерсейе, — мягко упрекнул ее Идвир.

Флэндри не упустил случая броситься в атаку:

— Вот он и проговорился, — воскликнул он на англике. — Ты для него только инструмент в руках его треклятой планеты. — И на эрио: — Давай двигай.

Девушка машинально покачала головой. Было неясно, на какое из двух восклицаний она пытается возразить. Совершенно разбитая, бедняжка поплелась вслед за высокой фигурой, впереди человека с оружием.

Высоко в небе глаз мог различить светлую точку: вражеский корабль по-прежнему занимал наблюдательную позицию. Флэндри надеялся на удачу. Возможно, мерсейцы решат, что трех солдат

послали на корабль что-нибудь принести... Трап загремел у них под ногами.

— На корму, — скомандовал Доминик.

Терранин подвел своих пленников к койкам.

— Извини, — сказал он и разрядил дубинку в Идвир. Связав веревкой неподвижного мерсейца, Флэндри подтолкнул Джану вперед. Губы девушки, все ее хрупкое тело дрожали.

— Что ты собираешься делать? — умоляюще спросила она.

— Попытаюсь сбежать. А ты что думала?

Она опустила в кресло рядом с местом пилота. Доминик пристегнул ее к креслу, стараясь скорее обезопасить себя от необдуманных, импульсивных действий своей спутницы, чем свою спутницу от внутренней гравитации. Наконец он и сам занял сиденье возле пульта управления. Джана взглянула на него невидящим взглядом.

— Ты не понимаешь, — то и дело повторяла она. — Он добрый, он мудрый. Ты совершаешь ужасающую ошибку. Пожалуйста, не делай этого.

— Значит ты хочешь, чтобы мне прочистили мозги?

— Не знаю, не знаю. Оставь меня в покое.

Флэндри начал проверять датчики и забыл о ее существовании. Ни отклонений, ни повреждений, ни ловушек, кажется, не наблюдалось. Он включил двигатель. Раздался приглушенный гул. Трап убрался, люк закрылся. *«Прощай, Талвин. Прощай, жизнь? Ну, это мы еще посмотрим»*. Пилот коснулся панели управления. Пальцы не потеряли своих навыков. «Джеки» стала подниматься в воздух. Деревья, гейзеры, горы начали стремительно удаляться. Доминик почувствовал себя богом.

Внешнее переговорное устройство мигало и пищало. Флэндри не обращал никакого внимания на вызовы до тех пор, пока не взял курс на север. Вражеский корабль развернулся и пустился в погоню. Несколько километров спустя выяснилось, что за «Джеки» гонится корвет — не слишком мощное судно, но оно могло съест «Комету» не поперхнувшись.

— «Санио» — терранскому судну. Куда вы направляетесь и с какой целью?

Доминик решил ответить:

— Терранское судно — «А оно и вправду терранское судно...» — вызывает «Санио». Слушай меня внимательно. Говорит Доминик Флэндри. Да-да, тот самый Доминик Флэндри, который и так далее. Я направляюсь домой. Вместе со мной летит датолк Идвир из ваха Урдиолх, племянник высокоуважаемого ройдхуна, или как там вы его называете. Если не верите, можете проверить деревню туземцев. Никакого датолка вы там не най-

дете. Как только он оправится от небольшого недомогания, я вам покажу его физиономию на экране. Подстрелите меня, и Идвир отправится к праотцам.

Пауза.

— Даже если это правда, Доминик Флэндри, неужели вы думаете, что датолк продаст свою честь за несколько лет жизни?

— Нет. Я думаю, что вы захотите всеми способами спасти его.

— Что ж, верно. Вас догонят и возьмут на абордаж. Страшные несчастья обрушатся на вашу голову, если с датолком что-нибудь случится.

— Во-первых, меня еще нужно догнать. А во-вторых, вряд ли какое-нибудь из ваших несчастий страшнее того, что уже выпало на мою долю. Советую, прежде чем сделать необдуманный шаг, поговорите с кванрифом. А до тех пор, — здесь пилот перенесел на англик, — всего хорошего! — Флэндри дал отбой.

Не снижая скорости, он пересек Смердные горы. Внизу расстилалась пустынная равнина северных земель: светящийся лед, блистающий снег, темные пятна буранов. С помощью своих инструментов Доминик искал в округе настоящий, сильный шторм. В это время года наверняка должен найтись хотя бы один... Так и есть!

С земли до самого неба поднималась стена мрака. Прежде чем войти в нее, Флэндри почувствовал дрожание воздуха и услышал вой ураганных ветров. В следующий момент он оказался в царстве хаоса и непроницаемой тьмы.

Корвет ни за что не осмелится попасть в такую бурю. Никто, кроме метеорологических аппаратов, не испытывал необходимости проделывать подобный фокус. Гораздо проще облететь опасную зону сверху или стороной. Но маленький космический корабль с первоклассным пилотом на борту — пилотом, который начинал свою карьеру в воздушном флоте и воздушных битвах, — сможет справиться с непогодой. Справиться и уйти от детекторов, которые будут пытаться засечь судно с внешней стороны.

Флэндри бросился в битву, чтобы остаться в живых.

Через полтора часа он распрощался с бураном и устремился в открытый космос.

На смотровых экранах вращался громадный шар Талвина. Возле каждого полюса сверкали зимние шапки снегового покрова. Испещренная мраморными облаками синь зажатого между айсбергами оксана по сравнению с ослепительной белизной казалась черной. Терранин помахал планете рукой.

— Всего хорошего, — снова сказал он. — Удачи.

Датчики кричали о патрульных кораблях, поджидавших «Джеки». В нормальных условиях пилоты не рискуют включать гипердвигатель вблизи солнца или планеты: слишком велика плотность вещества, равно как велики шансы на то, что гравитация десинхронизирует квантовый прыжок. Но эта ситуация была далека от нормальных условий. Пальцы Флэндри танцевали по панели управления.

Переход во вспомогательное состояние происходил в таком сильном поле тяготения, что оболочка звенела. Экраны переключились в режим сверхсветовой оптической компенсации. Талвин исчез, а Сикх быстро уменьшался, становясь одной из многочисленных звезд. Кабина дрожала.

Через несколько минут гудок привлек внимание Флэндри к сигнальному устройству.

— Так, — сказал он, — один из тех парней решил стать героем и повторил наш фокус. Теперь ему удалось сесть нам на хвост. Иначе он бы не смог так твердо держать курс. «Джеки», конечно, быстрее, но, боюсь, мы не успеем оторваться раньше, чем он наведет своих приятелей, которые встретят нас впереди.

Джана пошевелилась. Прежде, во время полета через полярный шторм, она молчала. «Совсем потерялась», — думал о ней Доминик в те минуты, когда мог себе позволить посторонние мысли. Девушка повернула к нему лицо, обрамленное тяжелой шапкой волос.

— У тебя есть хоть какая-нибудь надежда? — безразлично спросила она.

Пилот затребовал навигационные данные.

— Погоня еще не закончена, — ответил он. — Правда, я слышал об одном пульсаре в нескольких парсеках отсюда. Думаю, он поможет нам отвязаться от наших назойливых коллег.

Джана ничего не ответила. Просто отвернулась и снова устала в пустое пространство. Она либо не знала, как опасны бывают пульсары, либо потеряла всякий интерес к жизни.

Глава 19

Давным-давно была во вселенной одна гигантская звезда, и горела она в 50 000 раз ярче, чем Сол. Так продолжалось несколько миллионов лет. А затем водородное топливо кончилось, и звезда взорвалась: в одночасье она разлетелась на целую галактику.

Огромные энергии не исчезают мгновенно. За несколько веков отнесенные взрывом верхние слои образовали изящную облач-

ность вокруг ядра, которое теперь светилось не столько тепловыми, сколько рентгеновскими лучами. Постепенно газы рассеялись. Некоторая их часть образовала новые солнца и планеты. Оставшийся шар продолжал сжиматься под действием собственного веса до тех пор, пока его плотность не стала исчисляться в тоннах на кубический сантиметр, а спин — в секундах. Звезда светилась все слабее и слабее: белый карлик, черный карлик, нейтронная звезда...

Сжатые до последней степени, какую только могут позволить законы природы, атомы (если теперь их уместно было называть атомами) претерпели свое последнее изменение. Фотоны выплеснулись наружу, прошли сквозь причудливо искривленный пространственно-временной континуум внутри и вокруг ядра и наконец обрели свободу, чтобы разлететься со скоростью света. Подобные вспышки происходили на удивление регулярно, хотя их частота, амплитуда и скорость медленно снижались, до окончательного затухания — последние вздохи умирающего.

Пульсар дышал.

Джана заворуженно смотрела на экран. Среди звезд периодически возникали маленькие, но постепенно увеличивающиеся красные вспышки. Она не помнила, чтобы ей приходилось раньше видеть более тягостное зрелище. Тепло и уют кабины делали внешнюю пустоту еще более черной. Биение двигателя и тихое жужжание вентилятора подчеркивали вечную тишину бесконечных пространств.

Девушка положила ладонь на руку Флэндри.

— Ники...

— Спокойно. — Его глаза и не подумали оторваться от датчиков. Пальцы продолжали бегать по клавишам компьютера.

— Ники, в любую минуту мы можем умереть, а ты еще слова мне не сказал.

— Перестань меня отвлекать, а то мы и вправду умрем.

Она вернулась в свое кресло. *«Будь сильной. Будь сильной».*

Доминик привязал Джану к креслу почти на все время полета. Она не жаловалась. Флэндри необходимо было помыться и немного поспать. Не мог же он оставить ее на свободе без присмотра. Отдохнув, пилот принес своим пленникам бутерброды (пришлось сделать самому: терранка могла подсыпать в пищу какое-нибудь зелье) и развязал девушку. Вслед за тем он немедленно вернулся к инструментам и вычислениям. Все его поведение говорило о том, что желания Джаны не оказывают на него ни малейшего влияния. Воля к свободе не желала считаться ни с чем, кроме себя самой.

Он сгорбился над панелью управления. Ему не удалось постричься. Длинная грива волос плохо соответствовала гладко выбритому лицу, свежему комбинезону и быстрым пальцам, умело снующим по кнопкам. Поэтому, несмотря на все усилия обрести человеческий облик, терранин сейчас напоминал загнанное животное.

И он действительно был загнанным животным. Четыре мерсейских корабля наступали на пятки «Джеки». Прежде чем отправиться на отдых, Флэндри рассказал своей подруге о преследовании. Расстояние между охотниками и их добычей составляло тогда 25 световых лет. От Сикха до пульсара было 170 световых лет.

Вспышки следовали одна за другой, раз в 1,3275 секунды.

На встроенном в панель табло появились цифры. Флэндри кивнул и повернул штурвал. С переменной курса на экране закружились звезды.

Через некоторое время, возможно обращаясь к самому себе, он произнес:

— Да. Они замедляют ход. Боятся лететь быстро.

— Что? — шепотом спросила Джана.

— Погоня. Они заметили, что мы несемся прямо к тому маяку. Подойди к нему слишком быстро — а это очень легко сделать на гиперскорости — и гравитация разнесет тебя на куски. Зачем им рисковать вместе с нами? Если фокус не удастся, все будут сожалеть о гибели Идвира, и никто не вспомнит об исчезновении целого корабля с командой. А если мы выживем, они смогут схватить нас позднее.

«Корабли сблизятся, мерсейцы возьмут терранское судно на бордаж, чтобы спасти Идвир... и ее... но Ники... Ники они обязательно схватят и лишат мозга».

• «Так уж ли это важно? Мне будет жаль тебя, нам обоим будет жаль тебя, но Мерсей...»

Флэндри повернул голову. Его серо-зеленые глаза казались ей похожими на зарю.

«Я беспокоюсь только потому, что ты мужчина, единственный мужчина в этой Богом забытой местности. Но что мне до мужчин? Они нужны только моему телу, моему грешному телу». И она постаралась представить себе лицо Идвира.

Доминик перегнулся через ручку кресла и взял Джану за подбородок.

— Мне очень жаль, что я обошелся с тобой грубо. Еще больше мне жаль, что сейчас приходится рисковать твоей жизнью. Я должен был настоять, чтобы ты осталась на Талвине. Когда ты согласилась лететь, из всей сумятицы охвативших меня

тогда мыслей я выбрал одну и решил, что тебе все же милее свобода.

— Я была свободна, — истово сказала она. — Я следовала за своим учителем.

— Странное желание. — Загудел зуммер. — Прости, работа не ждет. Некоторое время мы должны будем лететь на ручном управлении. Я запрограммировал автопилот, но в такой сложной ситуации ему нельзя доверять.

— Некоторое время? — Джану охватило отчаяние. — Да они схватят тебя прямо сейчас. — *«И хорошо, что схватят. Правда ведь, хорошо?»*

Звук двигателя переменялся. Изображение звезд исчезло до тех пор, пока экраны не приспособились к новым условиям. Корабль перешел на действительную скорость, ограниченную скоростью света. Позади кабины раздалось надсадное гудение: машины кинетического противодействия заработали с максимальной мощностью.

Кроваво-красный маяк горел все ярче и ярче. Тем не менее Джана могла смотреть на него не прикрывая глаз. Но сколько она ни вглядывалась, ей не удавалось увидеть никакого диска. Звезды делали звездную ночь еще более холодной. В какой стороне находится Империя?

Флэндри с головой погрузился в контроль за датчиками. Дважды ему пришлось вручную поправлять курс корабля.

Прошло несколько минут, во время которых Джана молила Бога вернуть ей мерсейскую храбрость, и шум и вибрация машин прекратились. Замороженная окружающим грохотом, девушка поначалу не заметила наступившей тишины. Затем ей пришлось сдерживаться, чтобы не произнести ни слова. Она не хотела выглядеть испуганной перед Флэндри.

Когда тот начал говорить, измученная пленница задрожала.

Доминик держался спокойно. Создавалось впечатление, будто вернулись старые, добрые дни, когда они вместе летели за сокровищем.

— Кажется, я все рассчитал точно. Теперь остается расслабиться и ждать, пока вселенная сделает свою работу.

— Ч-ч-что происходит?

— Мы находимся в свободном падении по гиперболической орбите вокруг пульсара. Мерсейцы отстали. Они попытаются заблокировать весь этот регион. Они не осмелятся подойти ближе. Сама подумай, каким огромным должен быть потенциал поля, если такая невероятная масса сконцентрирована в совсем небольшом объеме. Дифференциальные силы разорвут их корабли. Нашему малышу, благодаря небольшому размеру, приходится

легче. С помощью внутреннего поля, того самого, которое создает искусственную силу тяжести и уравнивает воздействие ускорения, он может не разлететься на куски. Мерсейцы, конечно, надеются дожидаться момента, когда мы снова включим гипердвигатель, и возобновить погоню.

— Что с нами будет? — *«Неужели зимнее одиночество на Талвине свело его с ума?»*

— Мы пройдем по краю искривленного пространства. При сильной концентрации массы деформация неизбежна. При чуть большей плотности ядра из него перестал бы вылетать даже свет. Конечно, нам подобная опасность не грозит, но зато нашим преследователям не удастся проследить за нами дальше периастро. Излучение «Джеки» будет слишком рассеянным. Лучи радара начнут искривляться под странными углами. Мерсейцы смогут лишь приблизительно вычислить, где и когда мы вышли в нормальное пространство. А до тех пор... — Флэндри освободился от ремней, встал и с хрустом потянулся. — Кстати, о мерсейцах. Надо бы проверить, как там поживает старина Идвир.

Джана копалась со своими застегками.

— Я никак не пойму, Ники, — бормотала она, — что мы... что ты выигрываешь, кроме времени? Зачем ты взял нас на борт?

— Что касается первого вопроса, ответ на него будет слишком техническим. Что до второго, Идвир является единственной причиной, почему мы до сих пор целы и невредимы. Без него нас бы давно расстреляли ракетами. — Флэндри встал за спиной ее кресла. — Дай-ка я тебе помогу.

— Что ты делаешь? Ты меня не расстегиваешь!

— Разве? — равнодушно спросил он и, наклонившись, ткнулся носом в то место, где должен был находиться рот девушки. Последовавший вслед за этим поцелуй вызвал сильное головокружение, которое не оставляло пилота во все время, пока они шли на корму.

Идвир спокойно сидел на своем месте. Перед тем как усыпить пленника, Флэндри взял небольшой кусок легкого кабеля, привязал ногу мерсейца к основанию койки, а затем снял с него веревку. Вряд ли подобная мера предосторожности была способна сдержать такое сильное существо. Поэтому, двигаясь по коридору, Доминик внутренне собрался и вынул оружие.

— Вы слышали нашу беседу? — спросил он. — Я оставил переговорное устройство включенным.

— Благодарю за любезность, — последовал ответ, — но я не понимаю англика.

— Ах! — Джана зажала себе рот ладонью. — Я забыла.

— Я тоже, — признался Флэндри. — Мы, терране, привыкли считать, что любое образованное существо знает наш официальный язык. И, конечно, всякий раз ошибаемся. Что ж, могу пересказать вкратце смысл разговора.

— Я догадываюсь, о чем шла речь, — сказал Идвир. — Вы свободно вращаетесь вокруг пульсара. Опасная затея, но она помогла вам на время скрыться от погони. Оказавшись в релятивистской зоне, вы собираетесь выпустить свои курьерские торпеды, связав их вместе, и одновременно включить гипердвигатель. Далее должен сработать эффект искривления пространства. Вы надеетесь, что мои люди примут импульсы торпед за корабль и пустятся вдогонку. Если приманка уведет мерсейцев на расстояние одного светового года, корабль окажется вне поля действия их гиперволновых датчиков. В этом случае можно будет безбоязненно лететь к дому, выбрав какой-нибудь околный маршрут. Необязательность и однородность пространства делают так, что охотники, вернувшись обратно, не сумеют обнаружить вибрацию вашего судна.

— Все точно, — с восхищением промолвил Доминик. — Да, вас не проведешь. Мне бы очень хотелось поболтать с вами.

— Если ваша схема удастся... — Идвир жестом выразил свое почтение. — Если же нет и мы после захвата останемся в живых, вы будете находиться под моим покровительством.

Джана вспыхнула от радости. *«Мои мужчины могут стать друзьями!»*

— Вы очень добры, — поклонился Флэндри и, повернувшись к девушке, сказал на английском: — Может, сделаешь нам по чашке чая?

— Чая? — удивленно переспросила та.

— Он любит этот напиток. Давай будем гостеприимными хозяевами. Включи переговорное устройство на камбузе, и ты сможешь нас слышать.

Флэндри говорил спокойно и беззаботно, но Джана почувствовала скрытый смысл в последнем предложении. Вся ее радость мгновенно увяла. *«Зачем ему это нужно? Зачем?»*

— Желает ли... датолк... чаю? — спросила она на эрио.

— Да, благодарю, — машинально ответил мерсеец. Он гораздо больше интересовался сейчас мужчиной, чем женщиной. Словно сомнамбула, девушка двинулась вперед. Беседа за ее спиной продолжалась:

— Я не столько хочу казаться добрым, Доминик Флэндри, сколько желаю сохранить в деспособном состоянии дерзкое и многообещающее существо.

— В качестве слуги?

— Храйх. Согласитесь, нам никак не возможно отправить вас домой. Я...

Джана закрыла за собой дверь камбуза. Плохо слушающимися пальцами повернула выключатель переговорного устройства.

— ...жаль. Думаю, вы судите по мерсейским стандартам, Идвир. Но я по-прежнему нахожусь во власти архаичного предрассудка, который заставляет меня предпочитать свободу любому, даже самому комфортабельному, рабству. Нечто подобное вы привили моей бедной девочке.

— Да, пришлось ее немного... подкорректировать. Думаю, изменение пошло ей на пользу, как в физическом, так и в психологическом отношении.

«Нет! Он словно говорит о животном!»

— Она действительно стала выглядеть — как бы поточнее выразиться? — более уравновешенной. Но это только внешняя оболочка, которая будет держаться до тех пор, пока вы поддерживаете иллюзию своего отцовства.

— Храйх. Вы когда-нибудь слышали о методах Айхарайха?

— Айхарайха? Нет, а кто это?.. Надо будет справиться у Макса Абрамса... Проклятье! Кажется я сам начинаю плясать под вашу дудку. Один-ноль в вашу пользу: я попался на удочку. Но вернемся к Джане. Любому стороннему наблюдателю очевидно, что она предана вам как своему отцу.

— А что еще я мог сделать? В наши руки попал случайный агент. Этот агент получил сведения, которые ни в коем случае не должны попасть на Терру. Девушка обладала явно выраженными способностями. Вместо того чтобы сразу ее убить, мы попытались развить эти способности. В конце концов, убить мы всегда успеем. Кроме того, задача глубокого психологического воздействия на человека заинтриговала меня. Позднее у нее появился дар внушения своих желаний другим лицам, и мы были вознаграждены за терпение. Я был просто вынужден привязать девушку к себе.

— И тогда, чтобы завоевать ее доверие, вы предупредили о грозящей мне опасности.

— Совершенно верно. Сказать по правде, Доминик Флэндри, — но надеюсь, что это останется между нами, — опасность была чисто фиктивной. Никакого приказа о вашем уничтожении не существовало. Мне разрешили оставить вас на планете. Но я не хотел упускать случая, чтобы окончательно сломить Джану.

Англик:

— Нет, в это невозможно поверить.

— Надеюсь, вы не слишком сердитесь?

— Н-нет. Но согласитесь, со мной обошлись несправедливо.

Англик:

— Это тем более несправедливо, что мне пришлось выбираться из западни, наделав столько шума. И гораздо раньше, чем я рассчитывал.

— Поверьте, я не хотел жертвовать вами. У меня не было никакого желания ввязываться в это неприятное дело. Но я должен был выполнить свой долг, хоть и укорял себя каждую свободную от исследований минуту.

Джана опустила на колени и заплакала.

На экранах вспыхивало ярко-красное зарево. Оболочка стояла от невыносимых перегрузок. Воздух тонко звенел. Выглянув в коридор, можно было заметить, что по воздуху бежит мелкая рябь. Должно быть, корабль в тот момент проходил какой-нибудь особенно искривленный участок пространства. Время от времени к горлу подступала отвратительная тошнота, в голове мутилось. Экраны, направленные к солнцу, становились то красными, то беспросветно черными. Экраны, направленные к звездам, не показывали ни созвездий, ни других источников света — только радужные пятна.

Джана помогла Флэндри вывести почтовые торпеды на стартовую площадку. Программу пилот поставил заранее, в нормальных условиях. Когда аппараты оказались вне корабля, Доминику пришлось надеть скафандр и выйти в открытый космос, чтобы сцепить их. Работа отняла у него много времени. Вернувшись, он едва держался на ногах и был белый как снег.

— Готово, — только и смог вымолвить он.

Они добрались до кабины. Флэндри уселся в кресло, Джана — ему на колени. Терране долго держали друг друга в объятиях, защищая себя от кошмаров долгих ночных часов.

— Ты настоящий, — не переставая бормотала она. — Ты настоящий.

Наконец ужас кончился. Появился покой, устойчивость. На экраны одна за другой вернулись звезды. Изможденный пилот склонился над приборами, чьи показания вновь обрели смысл в его прояснившейся голове.

— Затухающие гиперволны, — выдохнул он. — Наш план сработал. Скоро мы перестанем их засекать. Но прежде нам нужно отключить все наши системы.

— Зачем? — спросила девушка, которая, полностью лишенная сил, вновь сидела в своем кресле.

— Я не знаю, сколько всего кораблей улетело. Пространство еще не до конца разгладилось. Они могли оставить одно судно,

чтобы подстраховаться. Как только мы перейдем порог чувствительности, наше присутствие тут же будет обнаружено. Радиация, исходящая от оболочки, поток нейтрино из энергетического блока — все это легко засекут датчики. Если, конечно, мы не замедлим работу корабля.

— Делай, как знаешь, милый.

Невесомость напоминала бесконечное падение с крутого утеса. Тьма кабины, вспышки пульсара с одной стороны и звезды с другой создавали мрачное и торжественное зрелище. Все замерло, кроме еле слышного шептания вентилятора, который работал от аккумуляторов. Становилось холодно.

— Обними меня, — взмолилась ослепшая Джана. — Согрей меня.

Тоненький луч связал руку Флэндри с панелью управления. Слабый отраженный свет обнаружил призрачные очертания юноши. Молчание тянулось бесконечно, пока наконец:

— Ого. Они и вправду не дураки. Гравитационные волны. Что-то движется с первичным ускорением. Должно быть, мерсейский корабль.

«Сын Человеческий, помоги нам».

«Джеки» развила большую скорость. Пульсар начал уменьшаться и исчез с глаз терран.

— Луч радара, — безразличным тоном объявил Флэндри.

— Они засекли нас?

— Быть может, они примут нас за обломок какого-нибудь космического тела. Трудно проверить каждое пятно на экране... Ух! Они направили луч в другом направлении. Как бы мне хотелось воспользоваться компьютером. Кажется, их корабль маневрирует, чтобы пересечься с нами. Но без математики ничего определенного сказать нельзя.

— А что, если ты не ошибаешься? — *«Ужаснее всего эти абстракции — формулировка, уравнение... А затем меня отделят от тебя, запретят дотрагиваться до тебя, запретят видеть тебя. Мы перестанем быть людьми, станем предметами. Как будто мы уже мертвы — нет, это неправильно. Иисус обещал, что мы будем жить. Он обещал».*

— Пока бояться нечего. До сих пор ни один луч не остановился на нас. Думаю, они просто прочесывают пространство. Мы проявились на их радаре. Они могли бы заинтересоваться нами, но вместо этого ушли в сторону и потеряли нас из виду. Межпланетное пространство значительно больше, чем обычно думают. Впрочем, не исключено, что мерсейцы решили подойти к орбите, которую имеет заинтересовавшая их штукавина, чтобы осмотреть наш корабль с более близкого расстояния.

— Правда?

— Не знаю. Если нас поймают... думаю, нам следует стоять до конца. Хотя какой может быть конец в беспредельном вакууме? Конечно, мы можем сдать в надежде, что Идвир сдержит свое слово. Наверняка у нас еще будет шанс выскользнуть из его лап. — Голос юноши звучал в темноте не так спокойно, как ему бы хотелось.

— Ты доверяешь Идвиру? — вырвалось у Джаны.

Лучик из руки Флэндри пробежался по датчикам.

— Корабль быстро приближается. Они действительно могут принять нас за астероид, но, учитывая вероятность естественного перемещения за фиксированное время... — Девушка почувствовала и одновременно услышала отчаяние Доминика. — Прости, милая. Все же мы заставили их побегать.

На мгновение перед глазами Джаны встало видение: огромный черный силуэт, напоминающий акулу, затмил собой Млечный Путь — вооруженный до зубов враг рода человеческого. Она потянулась к звездам.

— Боже милосердный, — всем своим существом кричала девушка, — пошли их туда, откуда они пришли.

Луч света танцевал в пространстве. Там, где он заканчивался, образовывалась небольшая лужица, окруженная мириадами звезд.

— Погоди-ка, — прошептал Флэндри. — Минуточку... Они уходят, — разразился он радостным восклицанием. — Черт возьми, они... они, должно быть, решили не придавать большого значения пятну на радаре.

— Уходят? — услышала Джана свое собственное бормотание. — Неужели?

— Да, уходят. Видимо, не смогли разобраться в путаных показаниях датчиков. Ого. Уже включили гипердвигатель. Похоже, взяли курс на Сикх. Теперь мы можем включить все наши системы. Дай-ка я запущу приемник вторичных волн. Да-да, четыре точки: наши торпеды и три мерсейских корабля. Выходят из зоны досягаемости. Джана, нам удалось оторваться! Черт возьми!

— Не черт возьми, дорогой, — поправила его девушка в приливе благоговения, — а слава Богу.

— Как пожелаешь. — Флэндри включил освещение. Радость была из него фонтаном. — Джана, ты удивительная, ты прекрасная... — Появилась сила тяжести. Сердца терран согревали теплые порывы воздуха. Доминик плясал фанданго по всей кабине. — Через час уже можно сниматься с места. Лететь придется кружным путем: рисковать нельзя. Но в конце концов мы окажемся

дома! — Он порывисто обнял девушку. — И плюнь ты на этого Идвира, — шептал пилот. — Мы будем праздновать наше возвращение всю дорогу.

Глава 20

Стоя в тесном гудящем пространстве между переборками, вне пределов досягаемости связанного мерсейца, терранин сказал:

— Вы понимаете, что правдивая история о том, что случилось, поставит меня в неловкое положение. Я хочу, чтобы вы дали торжественное обещание подтвердить мой рассказ, ни словом не упоминая о Велунде.

— А почему я должен согласиться? — равнодушно спросил Идвир.

— Потому что, если ты откажешься, — ответила Джана — яд сочился из каждого ее слова, — я буду иметь удовольствие убить тебя.

— Ну-ну, зачем так драматично, — успокоил девушку Флэндри. — Не забывай, что он не станет придавать значение клятве, вырванной у него под угрозой смерти. Идвир, в навигационных данных содержится список нескольких планет, где я бы мог вас высадить. Не исключено, что вы там выживете. На некоторых из них обитают разумные существа. У вас появится возможность продолжить свои исследования. Только вот вряд ли у кого-нибудь возникнет необходимость вновь посетить те места. Так что вам грозит небольшая опасность никогда не найти издателя для ваших наблюдений. Но если вы настаиваете, я готов пойти вам навстречу.

— Разве это не угроза? — прорывал пленник.

— Это всего лишь ответ на вашу угрозу пролить свет на мои... э-э... побочные финансовые интересы. Рано или поздно, Талвин потеряет свое военное значение. Его судьба никак не зависит от того, что станет с вами или со мной. Предположим, я пообещаю, что сделаю все возможное, чтобы сохранить вашу научную станцию. Может быть, тогда вы согласитесь, что в данных обстоятельствах вам предлагают выгодную сделку.

— Договорились, — отрезал Идвир. Он произнес ритуальные формулы клятвы чести. Затем протянул руку. — Давайте скрепим наш союз рукопожатием.

Джана наблюдала за происходящим, сжимая в руках электрическую дубинку.

— Надеюсь, ты не собираешься освободить его прямо сейчас?

— Нет, боюсь, этот пункт не может быть включен в условия контракта, — сказал Флэндри. — Если только вы не дадите мне слово, Идвир.

Девушка раздраженно нахмурилась, но затем облегченно вздохнула, поскольку мерсеец ответил:

— Слова я не дам. Вы слишком много знаете. Мой долг — убить вас при первой же возможности. — Он улыбнулся. — А теперь, когда все улажено, не сыграть ли нам в шахматы?

Несмотря ни на что, в некоторых местах той системы, к которой принадлежала Ирумкло, по-прежнему продолжалась разработка месторождений. Поэтому на многих планетах существовали маленькие колонии с постоянно меняющимся контингентом. Тамошний народ привык воздерживаться от излишнего любопытства, и, уж конечно, никто бы не поспешил разболтать об увиденном официальным властям.

«Джеки» совершила короткую посадку в космопорте мира под номером четыре. Порт — захудалое местечко, заброшенное посреди выжженной пустыни; атмосфера непригодна для дыхания, ее плотности едва хватало на то, чтобы собрать несколько пыльных облаков в пурпурном небе. Подали герметичную трубу, которая связала шлюзовой отсек со зданием аэропорта. Флэндри проводил Джану до выхода.

— Ты скоро справишься с делами? — с тоской спросила она. На короткое мгновение маленькая изящная фигурка в скромном платье, тонкие черты лица, голубые, глубокие как озера глаза, чуть раскрытые и дрожащие губы заставили Доминика забыть обо всем, что произошло между ними. Ему почудилось, что он стоит рядом с ребенком. Этот опытный пилот всегда распускал слюни при виде маленьких девочек.

— Постараюсь не задерживаться, — ответил Флэндри. — Возможно, через неделю все будет закончено. Но обещай не высываться до тех пор, пока от меня не придет сообщение. Очень важно, чтобы мы умело разыграли разговор с Леоном Аммоном. Те деньги, которые ты получила, должны подрасти. На почту ходи каждый день. Как только получишь мою телеграмму, сразу же дай знать о себе Аммону. Он пришлет кого-нибудь за тобой. Я буду рядом. — Он поцеловал девушку. Поцелуй вышел более холодным, чем ему хотелось. — Бодришь, партнер.

Джана бросилась на шею юноше.

— Да, мы партнеры, — запинаящимся голосом произнесла она. По ее щеке покатились слеза. Девушка повернулась и быстро

пошла прочь. Флэндри вернулся в кабину и немедленно потребовал разрешения на взлет.

Над великолепным мундиром адмирала Юлиуса сидело самое незапоминающееся лицо из всех, какие только приходилось видеть Флэндри.

— Да, — сказал он, — ну и история. Ну и история.

— Так точно, сэр, — ответил Доминик. Он стоял рядом с Идвиром, который вольно развалился на собственном хвосте, плохо скрывая свое презрение к богатой обстановке кабинета. Одет мерсеец был в сшитый на скорую руку балахон. Дело в том, что его зимняя одежда плохо подходила к климату космического корабля. Поэтому хвостатый пленник разделся и провел все путешествие в голем виде. В том же виде он сошел на землю в порту Ирумкло. Редко кому приходилось принимать у себя обнаженных принцев крови.

— Так... — Юлиус переложил несколько бумаг на своем столе. — Насколько я смог понять из... из того, что мне рассказал ваш непосредственный начальник... надеюсь, вы напишете рапорт в соответствии с установленной формой... насколько я смог понять... так... почему бы вам не изложить эту историю с самого начала?

— Слушаюсь, сэр. Совершая полет по заданному маршруту, я обнаружил «след» более крупного судна. Согласно установленным правилам, я пошел на сближение, чтобы определить принадлежность летательного аппарата. Вне всяких сомнений, это был мерсейский военный корабль. Как известно адмиралу, правила позволяют пилоту самому выбирать, что ему делать: либо сообщить о случившемся, либо попытаться продолжить выяснение. Верно или неверно, но я решил последовать по второму пути. Слишком мала была вероятность того, что нам удастся во второй раз встретить мерсейское судно, а иначе мы бы потеряли все нити. Я развернулся и послал почтовую торпеду, которая, по-видимому, не достигла цели. В моем сообщении рекомендовалось усилить инспекционные полеты.

Так вот. Я следовал за мерсейцем, стараясь держаться на самой границе пределов досягаемости моих датчиков. Я надеялся, что военный корабль не сумеет обнаружить маленький разведывательный аппарат. К сожалению, мы вошли в поле досягаемости другого, патрульного судна. Оно обнаружило меня, приблизилось и взяло на бордаж. Мой корабль был доставлен на планету Талвин, где, как оказалось, мерсейцы построили военную базу. После нескольких, довольно забавных приключений мне удалось бежать, укрывшись возле пульсара. Этого важного сановника я захватил в качестве заложника.

— Хм-м. — Юлиус скосил глаза в сторону Идвира. — Шекотливое дело. Конечно, мерсейцы имели право выстроить эту базу. Но по какому праву они задержали имперское судно и имперского офицера... в районе, который по договору считается свободным? Хм. — Адмирал Юлиус пытался избежать дипломатического кризиса.

— Если будет угодно адмиралу, — сказал Флэндри, — я говорю на эрио. Ранее мне приходилось много беседовать с датолком. Нисколько не пытаюсь вмешиваться в высокую политику, сэр, — мне известно, что это строго запрещено, — я все же считаю себя вправе высказать некоторые свои мысли. Может быть, адмирал согласится назначить меня переводчиком?

Случилось так, что единственный на базе лингвокомпьютер в который раз оказался неисправен и никто не знал, как его починить.

— Да... конечно. Скажите его... его высочеству, что мы считаем его гостем Империи и приложим все усилия к тому, чтобы, хм, выказать ему соответствующие почести и организовать незамедлительную доставку его высочества домой.

— Больше всего на свете ему хочется выкинуть вас поскорее отсюда и забыть об этом деле, — проинформировал Доминик Идвир. — Мы можем делать с ним все, что захотим.

— Вы собираетесь действовать в соответствии с нашим планом? — спросил ученый. Его лицо было абсолютно бесстрастным, но Флэндри давно научился распознавать сардоническую усмешку в глазах мерсейцев.

— Храйх, не совсем. К сожалению, существование Талвина скрыть невозможно. ГСК прочтет рапорт и назначит расследование. Все, что мы можем сделать в данной ситуации, — это сохранить лицо. Как я и рассчитывал, вам только что предложили отправиться домой. Принимайте предложение и улетайте как можно скорее. Прибыв на Талвин, прикажите Мориоху эвакуировать свои корабли и весь персонал. В любом случае планета потеряет всякое значение для разведслужбы. Ваше правительство наверняка прикажет им сворачиваться. Если наша военная экспедиция обнаружит, что на планете ничего не происходит, кроме мирных ксенологических исследований, терране смогут закрыть глаза на признаки другой, факультативной активности. Скорее всего обе стороны постараются не упоминать о тех неприятных происшествиях, в которые мы с вами оказались втянуты.

— Я даю свое согласие на то, чтобы вы изложили этот план от моего имени. Действуйте.

Флэндри так и сделал, в более обтекаемых выражениях. Юлиус сиял. Подумать только! По его приказу будет остановлен нежелательный мерсейский проект. Подобная новость обязательно

попадется на глаза вышестоящему начальству. В голове адмирала замелькали мысли о повышении, переводе в более перспективный мир и других приятных вещах. И никто не обратит внимания, что операция будет проведена с чрезмерной осторожностью. «Главным результатом этой осторожности будет то, что никто не станет копаться в моей истории», — думал Флэндри.

— Великолепно, лейтенант, — сказал Юлиус. — Я сам собирался предложить то же самое. Переведите его высочеству, что я немедленно сделаю все необходимые распоряжения.

Идвир мрачно произнес:

— Боюсь, научные исследования долго не протянут. Без финансовой поддержки военных...

— Я сделал все, что мог, — ответил Флэндри. — Кроме того, у меня есть новый план. Я не хотел пускать его в ход раньше, чем буду уверен, что наш договор выполнен. Теперь можно открыть карты. Слушайте, я предлагаю вам изобразить негодование. Предположим, ваши военные не собирались долго меня задерживать. Тем не менее я запаниковал и позволил себе бесцеремонно обращаться с членом ваха Урдиолх. Тем самым я нанес оскорбление Расе. Юлиус из кожи вон лезет, чтобы вам угодить. Можно попытаться что-нибудь выдоить из старого идиота. Позвольте ему успокоить себя, но при условии, если он пообещает содействовать тому, чтобы Империя помогла поддержать научные исследования, которые были официальной причиной пребывания мерсейцев на Талвине.

Огромное зеленое тело напряглось.

— Неужели это возможно?

— Думаю, да. Нам в любом случае придется наблюдать за Талвином, чтобы ваши военные опять туда не пролезли. И совсем не обязательно посылать на планету разведывательные корабли. Гораздо проще и дешевле субсидировать работу нескольких студентов, которые будут там писать свои дипломы. Имея деньги с нашей стороны, вам будет легче найти средства у себя дома.

«Небольшой ренессанс терранской науки? Едва ли. Очередная академическая халтура. Впрочем, никогда не следует оставлять надежду на лучшее. Этим мы лишаем себя большого удовольствия».

— Господи Боже. — Идвир безучастно уставился в пространство и просидел так довольно много времени, отчего Юлиус нервно заерзал на стуле. Наконец мерсеец схватил Флэндри за обе руки и произнес:

— Кажется, наши государства смогут положить начало совместной работе. Что же последует вслед за этим?

«Боюсь, ничего особенного, кроме, быть может, слабого усиления внимания к этому участку наших границ. Мерсейцы будут постоянно напоминать нам о том, что любое свободное пространство окажется немедленно занятым. Кто его займет, нетрудно догадаться».

— Датолк витает в благодрных мечтах.

— Что происходит? — занервничал Юлиус. — О чем вы там шепчетесь?

— Сэр, боюсь, возникли некоторые осложнения, — сказал Флэндри.

— Серьезно? Сколько времени уйдет на то, чтобы их уладить? Я приглашен на обед...

— Может быть, нам удастся разрешить проблему довольно быстро, сэр. Вы позволите мне сесть? Благодарю, адмирал. Я сделаю все, что от меня зависит, сэр. Заодно я должен разобраться со своими личными делами.

— Несомненно. — Юлиус смерил юношу оценивающим взглядом. — Насколько я знаю, вы попросили об отпуске и новом назначении?

— Так точно, сэр. Думаю, что благодаря месяцам, проведенным на Талвине, я отбыл свой срок службы. Нисколько не хочу умалять достоинств здешнего командования, но моя специализация предполагает работу в других областях. Вдобавок в ближайшем будущем я надеюсь получить наследство. Мой богатый дядюшка на одной из колониальных планет в последнее время неважно себя чувствует. Я должен получить свою долю раньше, чем меня сочтут без вести пропавшим и отдадут мои денежки кому-нибудь другому.

— Понимаю. Я дам положительный ответ на ваше заявление, лейтенант, и представлю вас к повышению. — («Если, конечно, ты вытащишь меня из этих неприятностей», — подразумевалось под благосклонными словами адмирала.) — Но вернемся к делу. Что это за проблема, о которой вы говорили?

Комната за дверью 666 ничуть не изменилась. Она представляла собой менее безвкусное и гораздо более опасное место, чем кабинет командующего. Горзунянский охранник не пошевелил ни одним мускулом, но за поясом у него сверкал турецкий ятаган. За столом потел и тоненько попискивал Леон Аммон. Толстяк не сводил своего пронизательного взгляда с Флэндри. Джана, в ответ на невнимание, приняла гордый и независимый вид. Однако ее кулаки нервно сжимались и разжимались, а свое кресло она вплотную придвинула к стулу Доминика.

Тот рассказывал историю полета, весело, громогласно и в целом, за исключением некоторых недомолвок, вполне правдиво. В заключение он сказал:

— Думаю, мне удастся принять от вас гонорар — в мелких купюрах, конечно, — с небывалым доселе изяществом.

— Ты заставил меня ждать, — попытался увильнуть Аммон. — Я должен был выяснить, что случилось, и собирался нанимать другого человека. Все это стоило немалых денег. Согласись, что убытки необходимо взыскать из твоего гонорара.

— Задержка произошла не по моей вине. Вам бы следовало лучше охранять своих агентов или платить им больше, чтобы у них не было соблазна ходить ко всяким темным личностям. — Флэндри потер ногти о материю мундира и принялся придирачиво их разглядывать. — Вы получили то, что было оговорено контрактом: отчет о Велунде, причем благоприятный отчет.

— Но ведь произошла утечка информации. Ты сам сказал, что мерсейцы...

— Мой друг Идвир Искатель дал слово, что никому не расскажет о Велунде. Остальной персонал Талвина, которому удалось прослышать о Мимире и его системе, в скором времени будет переведен в другие места службы. В любом случае зачем им распространять сведения, которые могут помочь Терре? Конечно, совсем без слухов не обойтись, но при нынешнем состоянии систем связи вам будет достаточно в течение пяти—десяти лет соблюдать известную осторожность и все упоминания о планете исчезнут. — Доминик потянулся за сигаретой. После многомесячного воздержания он с огромным удовольствием вернулся к этой пагубной привычке. — Само собой разумеется, — продолжал пилот, — если я освобожу Идвира от данного мне обещания, он не преминет передать интересующую нас информацию, вместе с точными координатами места, капитану первого же имперского судна, которое прибудет, чтобы посмотреть, как протекают научные изыскания.

Аммон радостно хмыкнул.

— Другого ответа я и не ожидал. Ты толковый парень, Доминик. — Он потер подбородок. — Ты никогда не думал о том, чтобы уйти в отставку? У меня бы нашлась работа для толкового парня. Я бы хорошо заплатил. Ты же знаешь, я не скуп.

— Узнаю, когда буду пересчитывать банкноты, — ответил Флэндри. Он глубоко затянулся и выпустил колечко дыма.

Жирная туша подалась вперед. Безволосое лицо стало мрачным.

— Так что это за агент, который перевербовал Джану? — спросил Аммон. — И что мне делать с ней самой?

— Ах да, — ответил юноша. — Думаю, вы понимаете, что должны ей хорошо заплатить.

— Что? После того как она...

— После того как она, попав в ловушку из-за вашей дурацкой скаредности, узнала, что за вами постоянно следят, вы у нее в долгу, мой дорогой. — Флэндри улыбнулся хищной улыбкой. — Естественно, я не упомянул о произошедшем инциденте в своем официальном рапорте, но никогда не поздно пустить военных по следу шпионской сети. Мне даже не придется себя компрометировать. Напишу анонимное письмо — и дело с концом. Однако я подумал, что, может быть, вы захотите лично разобраться с мерсейскими агентами. Подобная перспектива сулит немалые выгоды. Среди них наверняка окажутся подкупленные члены тех организаций, которые имеют честь быть вашими конкурентами. В ваши руки могут попасть факты, полезные в дальнейших деловых отношениях. Мне известно, что у вас работают люди, которые умеют убеждать.

— Умеют, — согласился Аммон. — Так кто же шпион?

Джана чуть было не начала говорить. Флэндри жестом заставил ее замолчать.

— Информация является собственностью вот этой молодой леди. Она желает обсудить условия продажи. Я намерен стать ее агентом.

У толстяка пот выступил на лице.

— Платить этой девчонке после того, как она пыталась меня продать?

— Мой клиент Джана собирается покинуть Ирумкло с первым же космическим кораблем. Случилось так, что я зарезервировал себе место на том же судне. Молодая леди нуждается в деньгах на билет, а также в разумной сумме, способной обеспечить ее будущее, каким бы оно ни оказалось.

Аммон грязно выругался. Горзуни почувствовал ярость хозяина и сгруппировал свое косматое тело, собираясь броситься в атаку.

Флэндри выпустил из носа струйку дыма.

— В качестве агента, — спокойно продолжил он, — я принял обычные меры предосторожности, чтобы любое действие, направленное против моего клиента, не принесло никакой выгоды. Леон, вы можете расслабиться и получать удовольствие. Раскошелиться вам все равно придется, но сумма ущерба только увеличится, если вы будете терять свое драгоценное время. Повторяю, вы с лихвой окупите все убытки за счет шкуры шпиона, когда получите его имя.

Аммон жестом приказал охраннику-головорезу подать назад. Осевшим от ярости голосом толстяк принялся торговаться.

Так далеко не залетало ни одно рейсовое судно. Флэндри и Джана устроились на «Ка-Рина», грузовом корабле-бродяге, который имел также несколько кают, устроенных для представителей разных рас. «Ка-Рина» был плохо приспособлен для перевозки пассажиров. Путешественникам пришлось закупить все нужные, равно как и ненужные, вещи в магазинах Старого Города. Наши герои оказались единственными терранами на борту. За исключением шкипера (существа женского рода, которое проводило все свободное время за сочинением невыносимой для человеческого слуха сонаты), команда, состоявшая из одних цингиан, едва лопотала на английском. В результате неразлучная парочка осталась в полном одиночестве.

Первые несколько дней полета терране утопали в чистейшем гедонизме. Спать беспобудным сном во время ночной вахты, валяться в постели до тех пор, пока часы не пробьют полдень, слоняться без дела по кораблю, есть, пить, читать, смотреть кино, играть в гандбол, слушать музыку, заниматься любовью в комфортабельных условиях — добавьте сюда полное отсутствие опасности и каких-либо обязанностей и вы получите картину безоблачного рая. Но «Ка-Рина» уже приближался к Изабо, планете, которая, помимо того что сама по себе была щедро обласкана плодами цивилизации, служила еще и пересадочным пунктом в любую точку обширного, обезличенного, зараженного бессмысленной суетой пространства под названием Империя. Корабль подлетал к пункту назначения, а путники до сих пор не сказали ни слова о своем будущем.

— Обед, — объявил Флэндри. Пока юноша наблюдал за работой повара и сам готовил множество деликатесов, Джана принялась украшать их каюту всевозможными тканями и шкурами, какие только она смогла найти. Затем девушка долго украшала свою собственную персону. Из одежды она выбрала самое тонкое и воздушное платье. Доминик вернулся, облачился в красный, расшитый золотом штатский костюм и выстрелил пробкой из первой бутылки шампанского.

Терране обедали, пили, болтали, смеялись. Прошло два часа. Флэндри делал вид, что не замечает деланной веселости своей подруги. Однако наступил момент, когда ему стало невозможно притворяться. Доминик разлил бренди, откинулся в кресле, вздохнул и сделал первый глоток.

— У-ух, это почти так же вкусно, как ты, любовь моя.

Девушка пристально посмотрела на него через маленький, покрытый белой скатертью стол. Расположенный у нее за спиной экран показывал бездонную тьму и величественное сияние звезд. Корабль тихонько гудел и подрагивал. Воздух был наполнен запахами только что съеденной пищи и ароматом духов Джаны. Глаза девушки безучастно смотрели вперед, и Доминик никак не мог оторваться от них.

— Как часто ты произносишь это слово, — тихо проговорила она. — Любовь.

— На то есть причины — правда? — Флэндри почувствовал сильную неловкость.

— Разве? Что ты собираешься делать, Ники?

— Ну... совершить фиктивную поездку, «чтобы заявить о своих правах на наследство». Никто, конечно, за мной не следит, но это хороший повод поиграть в туриста. Когда отпуск закончится, отправлюсь на Терру за следующим назначением. Смею надеяться, что кто-нибудь из верхнего эшелона прослышал об истории с Талвином и решил со мной поговорить. Думаю, такой разговор пойдет мне на пользу, а?

— Это я уже слышала. Ты же понимаешь, что вопрос не о том. Почему ты никогда ничего не говоришь о нас двоих?

Он глотнул бренди и потянулся за сигаретой.

— Почему не говорю? Говорю; — ответил пилот, натянуто улыбаясь. — С приличной суммой в кошельке ты можешь прекрасно устроиться, если, конечно, последуешь моему совету и вложишь деньги куда следует. С твоим капиталом тебе обеспечена спокойная жизнь на какой-нибудь приличной планете. А если ты предпочитаешь играть по-крупному, твоих средств хватит, чтобы попасть по крайней мере на задворки высшего света.

— Именно этого я и боялась.

— Как? Кажется, ты немного перебрала. Сейчас попрошу принести кофе.

— Нет. — Она сильно сжала ножку бокала, залпом выпила его содержимое и поставила опустевший сосуд на стол. — Да, сегодня вечером я напилась. Специально напилась. Понимаешь, с годами мне пришлось выработать привычку не думать о будущем в то время, когда мне хорошо. Потому что если я буду думать о будущем, то испорчу себе все удовольствие. Торможение. Идвир научил меня, как справляться с торможением, но я не хочу пользоваться никакими фокусами этого ублюдка...

— Все же он не совсем законченный ублюдок. Я даже успел влюбиться в него.

— Кроме того, я хотела казаться неотразимой, а для этого мне нужно было стать на время счастливой, по-настоящему

счастливой. Сегодня вечером решается моя судьба. О, конечно, я могла бы остаться еще немного...

— Лучше не стоит, — поспешил возразить Флэндри. Он уже предвкушал веселые похождения по значным местам Империи. — Я собираюсь много ходить пешком.

Джана подтолкнула ему свой бокал. Доминик налил. Раздался булькающий звук, прозвучавший очень чисто в наступившей паузе. Сквозь гудение двигателя пилот слышал дыхание девушки.

— Сегодня вечером должно все решиться, — произнесла она. — Вот почему мне было необходимо стать немного сумасшедшей: чтобы посметь спросить. — Она подняла бокал. Пока девушка пила вино, ее взгляд не отрывался от Флэндри. Звезды образовали морозный нимб вокруг золотистой головы. Шампанское никак не подействовало на терранку.

— Буду говорить прямо. Я подумала... из нас получилась отличная пара, Ники, правда ведь? Особенно когда наши дела пошли на лад... Вот я и подумала, что, наверное, не будет ничего страшного, если спросить... как ты посмотришь, если мы и дальше будем оставаться вместе? Постой, я не собираюсь становиться агентом. Просто я могла бы ждать тебя, когда бы ты ни вернулся.

«*Так. Пора с этим кончать*». Флэндри накрыл руку девушки своей ладонью.

— Слишком большая честь для меня, дорогая, — сказал он. — Это невозможно...

— Так я и думала. — Разве не учил ее Идвир становиться в подобные моменты холодной и твердой как сталь. — Ты никогда не сможешь забыть, чем я была.

— Уверяю тебя, я не ханжа, но...

— Я имею в виду мои измены, предательства... О, давай забудем об этом разговоре, Ники. Я просто хотела попытаться. Ничего, со мной будет все в порядке. Давай не будем портить наш вечер. Может быть... знаешь, может быть, мы и вправду когда-нибудь снова встретимся.

Неожиданно Доминика осенило. Он выпрямился и пробормотал неопределенное восклицание. «*Почему я раньше об этом не подумал?*»

От Джаны не укрылось волнение Флэндри.

— Что-нибудь случилось?

Пилот рассмотрел неожиданную мысль со всех сторон, радостно хмыкнул и сжал пальцы девушки.

— Ничего страшного. Кажется, я нашел выход. Конечно, если тебя это заинтересует.

— Что ты задумал?

— Ты с ходу отбросила мысль о работе агента как нелепую фантазию. Не слишком ли ты поспешила? За последнее время в тебе обнаружились твердость и ум. Я уж не говорю о твоей красоте и очаровании. Но главное, ты владеешь практически уникальным, удивительным даром. Идвиру теперь никогда не удастся переманить тебя на свою сторону. Наша разведслужба подпрыгнет от радости, едва я сообщу о твоём существовании по доступным мне каналам. Мы будем часто видеться друг с другом. Не исключено, что время от времени нам придется работать вместе. Даже если тебя пошлют в Ройдхунат в качестве двойного агента...

Доминик остановился. Лицо девушки выражало отчаяние.

— В чем дело? — пробормотал он.

Ее губы беззвучно двигались. Она не могла вымолвить ни слова. Глаза оставались сухими. Они внезапно выщвели, словно позади них вспыхнуло пламя. Лицо стало матово-бледным.

— Ты тоже, — выдавила она.

— Что? Я не...

Джана подняла руку, приказывая ему замолчать.

— Каждый, в течение всей моей сознательной жизни, включая Идвиру, а теперь тебя.

— Да в чем дело?

— Все используют меня. — Девушка говорила совершенно спокойно, ничуть не повышая голос. Ее взгляд устремился в пустоту. — Ты знаешь, самое смешное заключается в том, что я действительно хотела, чтобы меня использовали. Я хотела давать, служить, помогать, принадлежать каждому... Но ты видел только инструмент. Вещь. Все видели во мне только лишь вещь.

— Джана, клянусь честью...

— Честь? — она медленно покачала головой. — Это странное чувство, — теперь девушка обращалась к своему Богу, ее голос стал высоким и удивленным, как у ребенка, который не может чего-то понять, — раз и навсегда узнать, что никто о тебе не заботится. Никто. Даже Ты.

Она расправила плечи.

— Ничего, я справлюсь.

Джана сфокусировала свой взгляд на Флэндри, который, беспомощно хлопая глазами, сидел в кресле.

— Что касается тебя, — равнодушно сказала она, — ты не пропустишь ни одной юбки. Я здесь ничего не смогу поделать. Но я желаю, чтобы ты никогда не получил той женщины, которая влечет тебя по-настоящему.

В тот момент Флэндри пропустил последнее замечание мимо ушей.

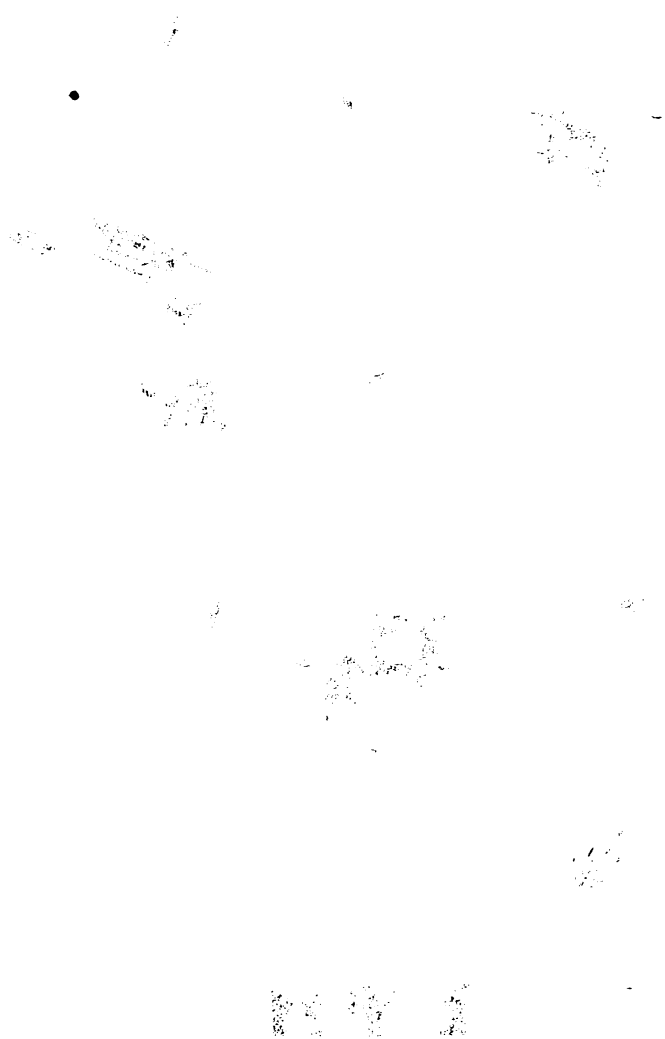
— Ты спятила, — сказал он, надеясь, что резкость этих слов приведет ее в чувство. — У тебя пьяная истерика.

— Вполне возможно, — устало ответила она. — Пожалуйста, уходи.

Он ушел и устроился на ночь в другом месте. Наутро корабль приземлился на Изабо. Джана сошла по трапу, не попрощавшись. Флэндри долго смотрел ей вслед, затем пожал плечами, вздохнул: «Женщины! Никогда их не поймешь» — и неторопливо пошел к самолету, отправлявшемуся в город, где пилот собирался достойно отпраздновать свою победу.

МЯТЕЖНЫЕ МИРЫ

Создай единство.

Я/мы: ноги Хранителя Северных Врат и других, что могут быть, а также Плотогона и Исполненного Печали, которых уже никогда не будет, и Многомудрого, Открывателя Пещер и Великого Песнопевца, которые тоже оставили нас навсегда; крылья Знающего Руды и Молнии, Которая Попала в Дом, и тех, что будут потом, и Многомудрого, которому уже не быть; а вот руки — те совсем еще юные, им только предстоит разделить воспоминания и вступить в единство.

(О свет, о ветер, о река! Они несутся слишком быстро, они рвут меня/нас на части.)

Могущество. Это не первые юные руки, которые приходят сюда, чтобы вспомнить о странствии, проделанном столько лет назад, задолго до того, как он/она были рождены на свет. Да наверняка и далеко не последние. Думай же упорно. Не торопись.

(Смутно, смутно... Пара ног, лица не различишь... а может быть, у них клювы?)

Вспоминай же. Вольготно расположись там, где тихо шепчутся листья в тени ярко окрашенных сухопутных кораллов; впитывай в себя свет, и ветер, и звон речных струй. Пусть свободно потекут в тебя воспоминания о делах, свершенных задолго до того, как мои/наши руки появились на свет.

(Теперь яснее: они такие странные, что непонятно, как можно охватить их взглядом, не говоря уж о том, чтобы удержать в моей/нашей памяти?.. Ответ: глаза привыкают видеть их, нос — обонять, ухо слышать, язык ног, члены крыльев и рук — дотрагиваться до их кожи и осязать ее, а щупальца — пробовать на вкус то, что они выделяют.)

Пока все идет хорошо. И гораздо быстрее, чем обычно. Возможно, я/мы сможем образовать единство, которому захочется часто возникать.

(Вспышка радости, волна страха, воспоминания: отчужденность, опасность, боль, смерть, возрождение для новых мук.)

Лежи спокойно. Это было так давно.

Время тоже едино. Настоящее — неуловимо, только прошлое и будущее достаточно длительны, чтобы стать реальностью. И то, что когда-то произошло, нам известно. Пусть почувствуют мои/наши юные руки, что я/мы — лишь частица Нас — Камней, Рожденных Молнией, Рудокопов, Лесорубов и Строителей, Землепашцев, Горожан, а потом и Торговцев, и что каждая создаваемая нами личность обязана знать о тех, кто может явиться к нам из заоблачных сфер, дабы не дать их опасным чудесам довести нас до гибели.

А потому, да соединятся руки с ногами и крыльями. Пусть мародившаяся личность опять вспомнит и переживет поход Открывателя Пещер и Исполненного Печали в те дни, когда чужеземцы, имеющие всего одно тело, но несмотря на это обладающие речью, отправились через горы навстречу битве. И с каждым новым воспоминанием, с каждой новой встречей с ними я/мы станем обретать более ясное понимание и хоть чуть-чуть продвигаться по пути, приближающем нас к постижению их сущности.

Правда, нельзя исключить возможность того, что, двигаясь по этому пути, мы идем в ложном направлении. Та личность, что вела их, как-то ночью обмолвилась, что она/он/оно сомневается, понимают ли они сами себя и способны ли прийти к такому пониманию в будущем.

Глава I

Спутник-тюрьма вращался по широкой вытянутой орбите вокруг Ллинатавра, расположенного вдали от оживленных космических трасс. В иллюминаторе камеры Хью Мак-Кормака эта планета была видна в различных фазах. Иногда это было лишь темное пятно, слегка тронутое по краям розово-золотистой краской рассвета, с яркой звездочкой — столицей Катавраяннисом, — сияющей в ночи. Иногда же планета походила на турецкий изогнутый ятаган, рядом с которым ослепительно сверкало солнце этой системы. Когда же она была видна целиком, то напоминала круглый щит, расписанный лазурью океанов, над которыми стремительно проносились серебристые гряды облаков, пересекая континенты, окрашенные в коричневато-желтые и зеленые тона.

На таком расстоянии Терра выглядела бы точно так же (только на ней с приближением все четче проступали бы следы разрушения, как то бывает с красотками, слишком увлекавшимися в юности мужчинами), но Терра находилась в двухстах световых годах отсюда. К тому же оба эти мира нисколько не

походили на ржаво-красный и желто-бурый Эней, по которому так истомились глаза Мак-Кормака.

Спутник не вращался вокруг своей оси. Нужная сила тяжести внутри его обеспечивалась специальными генераторами, создающими гравитационное поле. Однако благодаря движению по орбите небеса величественно проплывали мимо иллюминатора камеры адмирала. Когда Ллинатавр и его солнце исчезали, глаза наблюдателя привыкали к новому освещению: в небе появлялись другие звезды. Они покрывали все видимое пространство — немигающие, сверкающие, как разноцветные драгоценные камни, острые, как осколки льда. Ярче всего горела альфа Южного Креста — двойной бело-голубой гигант, находившийся отсюда всего лишь в десяти парсеках. Немногим дальше была и бета Креста — звезда того же типа, но одиночная. А в другой части небесной сферы опытный глаз мог обнаружить красное свечение Альдебарана и Арктура. Они напоминали узнику о далеких кострах, согревающих людские становища. Отсюда взор сам собой скользил к Денебу и Полярной — несказанно далеким от Империи и ее извечных противников. Они вызывали ощущение вечного космического холода.

Легкая усмешка искривила губы Мак-Кормака. «Если бы Кэтрин настроилась на волну моего мозга, — подумал он, — она наверняка сказала бы, что в книге Левита можно отыскать предостережения против подобного нагромождения метафор».

Он не мог себе позволить долго думать о Кэтрин. *«Мне повезло, что камера расположена на внешней поверхности спутника. Да тут и достаточно комфортно. Что наверняка не соответствует намерениям Снелунда».*

Помощник начальника тюрьмы проявил все огорчение случившимся и сочувствие, какое только мог себе позволить.

— Мы... Мы получили приказ задержать вас, адмирал Мак-Кормак, — выдал он из себя. — Приказ самого губернатора. До суда или... отправки на Терру, до дальнейших распоряжений. — Он глянул на текст факса, лежащий у него на столе, будто надеясь, что формулировки изменились за то время, которое прошло с тех пор, как он впервые прочел его. — Хм... одиночное заключение, никаких внешних контактов, в соответствии с положением о повышенных мерах безопасности... Честно говоря, не понимаю, почему вам не разрешены ни книги, ни бумага, ни хотя бы кинопроектор, чтобы скоротать время... Я обращаюсь к Его Превосходительству и попрошу изменить этот пункт...

«Я-то знаю почему, — подумал Мак-Кормак, — отчасти по злобе, а главное — это начальная стадия процесса, который должен сломать меня. — Адмирал распрямил спину. — Что ж, пусть попробует».

Сержант дворцовой гвардии, доставивший арестованного из космопорта Катавраянниса, грубо вмешался в разговор, прикрикнув:

— Не смей обращаться к предателю с титулом, который он опозорил!

Помощник начальника тюрьмы резко выпрямился, бросил на гвардейца яростный взгляд и рявкнул:

— Сержант, прежде чем уйти в отставку и занять это место, я двадцать лет прослужил во Флоте. Я имею звание главного старшины. Согласно табели о рангах, введенной его императорским величеством, любой офицер Имперского Флота выше чинов полувоеенизированных местных служб. Адмирал Мак-Кормак может быть отстранен от командования, но до тех пор, пока его не лишили звания по постановлению Военного суда или декрету Его величества, ты обязан относиться к нему почтительно, если не хочешь крупных неприятностей.

Багровый от гнева, тяжело дыша, он, казалось, хотел добавить еще кое-что, но передумал. После нескольких минут гробовой тишины, пока пара здоровенных солдат-гвардейцев переминалась с ноги на ногу, он сухо добавил:

— Распишись в приказе о доставке арестованного и убирайся.

— Но мы должны... — начал было сержант.

— Если у тебя есть письменный приказ о чем-то, кроме передачи этого джентльмена в мои руки, предъяви его. — Последовало долгое молчание. — Распишись и выметайся. Я не собираюсь повторять что-либо дважды.

Мак-Кормак запомнил имя и лицо помощника начальника тюрьмы так же тщательно, как и имена и лица всех, кто принимал участие в его аресте. Когда-нибудь... если, конечно, такой день наступит...

А куда делся его начальник? Мак-Кормак не знал. За пределами Энея он никогда не занимался ни гражданским правосудием, ни тюремным персоналом. А о своих преступниках Флот заботится сам. Даже его отправка в эту тюрьму была гнусным оскорблением, которое объяснялось стремлением изолировать адмирала от товарищей-офицеров, которые могли бы помочь ему. Мак-Кормак предполагал, что Снелунд заменил прежнего начальника тюрьмы либо своим фаворитом, либо проходимцем, который дал ему взятку, подобно тому как он распорядился многими постами с тех пор, как стал губернатором этого сектора. А новый начальник, разумеется, смотрит на свою должность как на чистую синекуру.

Так или иначе, адмиралу пришлось сменить мундир на серую робу арестанта; правда, эту процедуру ему разрешили проделать

в специальной кабинке. Его поместили в одиночную камеру, но, хотя она и была голой и неудобной, в ней можно было ходить и она обладала удобствами, требуемыми соображениями гигиены. На потолке находилось приспособление для аудиовидеосканирования, но размещалось оно так, что от его объективов можно было оттородиться с помощью простыни. И никто ему этого не запретил. Адмирал никого не видел и не слышал, но пища была съедобной, через окошко подавалось чистое белье, а для удаления отходов имелось специальное устройство. Но самое главное — у него был иллюминатор!

Без этого солнца, без этих планет и созвездий, без этого морозного кипения Млечного Пути и тусклого отблеска далеких галактик адмирал просто не выдержал бы; он умолял бы о свободе, признался бы в чем угодно, целовал бы руки своего палача, а честяги-врачи сообщили бы на Терру, что на теле адмирала следов пыток не обнаружено, равно как и следов промывания мозгов. И случилось бы это вовсе не из-за отсутствия внешних впечатлений как такового. Причиной была бы невозможность отвлечься хоть чем-нибудь от неотвязных мыслей о Кэтрин, от отсутствия способов надежно определить, сколько же времени прошло с того момента, как она попала в лапы Аарона Снелунда. Мак-Кормак не стал скрывать этой слабости от себя самого — ведь это было совсем не то, чего бы мог устыдиться мужчина.

Почему все же губернатор не распорядился посадить его в незаконный мешок? Может быть, простая оплошность, вызванная занятостью другими делами. А может, Снелунд настолько самовлюблен, что даже не подозревает: есть люди, которые любят жен больше собственной жизни.

Конечно, по мере того как один стандартный день сменяется другим (здесьнее белое холодное освещение никогда не меняется), Снелунд может и призадуматься, почему к нему не приходят известия об изменениях в поведении адмирала. Если бы его соглядатаи информировали его о здешней ситуации, губернатор, без сомнения, приказал бы перевести Мак-Кормака в другую камеру. Но агентура, завербованная среди тюремной охраны на крохотной искусственной луне, надо думать, не отличается особой прытью. Кроме того, они, конечно, не докладывают лично губернатору сектора — вице-королю пространства, охватывающего 50 000 кубических световых лет вокруг альфы Южного Креста, да к тому же очень близкому другу его императорского величества. Нет, это им не по силам, даже если речь идет об адмирале Флота, ранее отвечавшем за оборону этой части владений Империи.

От ничтожных агентов донесения будут сначала поступать мелким чиновникам, а потом пойдут вверх по инстанциям. И кто-то, возможно, заботится о том, чтобы эти материалы — нет, не терялись, — а просто ложились под сукно, дабы затеряться в недрах архивов.

Мак-Кормак вздохнул. Его вздох прозвучал неожиданно громко на фоне бессмысленного шепота вентиляторов и клацанья адмиральских сапог по металлическому полу. Как долго еще сможет заботиться о нем неизвестный союзник?

Данных об орбите спутника у адмирала не было. Тем не менее он довольно легко мог прикинуть угловой диаметр Ллинтавра, да и основные параметры планеты, в том числе ее массу, он помнил. Пользуясь этим, Мак-Кормак мог приблизительно прикинуть радиус-вектор и период обращения спутника. Конечно, трудновато произвести в уме расчеты, связанные с применением законов Кеплера, но ведь все равно других занятий-то нет, верно? Полученные результаты более или менее подтверждали его предположение, что еду ему приносят трижды за каждые 24 часа. Он, конечно, не мог вспомнить, сколько раз его кормили до тех пор, пока он не стал завязывать узелки на ниточке. Десять? Пятнадцать? Что-то в этом роде. Добавим это к тридцати семи узелкам и получим сорок—пятьдесят корабельных вахт, или тринадцать—шестнадцать суток Терры, или пятнадцать—двадцать энейских.

Эней! Башни Виндохума — высокие, серые, их флаги мечутся в беспокойном небе. Обрывы утесов, провалы расселин, алые, охряные, бронзовые пятна там, где шельф Илиона обрывается к серосиним равнинам Антонина, бывшим когда-то морским дном. Рев Вилдфосса, бешено прыгающего по камням, срывающегося с немислимой высоты. И смех Кэтрин, когда они верхом мчались по равнине, взгляд ее глаз, более синих, чем синяя глубина неба.

— Нет! — крикнул он. Это у Рамоны глаза были синие! У Кэтрин они зеленые! Неужели же он уже путает живую жену с той, которая давно умерла?

Но есть ли у него жена? Всего двадцать дней назад придворная гвардия губернатора вломилась в их спальню, арестовала обоих и увела из дома через разные двери. Кэтрин отрывала их лапы от своих запястий и шла под прицелом пистолетов, храня презрительно-гордое выражение, хотя по лицу лились потоки слез.

Мак-Кормак стиснул руки с такой силой, что суставы затрещали. Боль была как приход нежданного друга. «Не надо, — подумал он. — Если я погублю себя только потому, что сейчас не могу сделать ничего лучшего, я просто выполню за Снелунда его грязную работу.

Но что же я могу сделать?»

Спротивляться. До самого конца.

Уже не в первый раз в его памяти всплыв образ существа, которое он хорошо знал: одинита, огромного, чешуйчатого, хвостатого, четырехлапного, с мордой древнего ящера, но верного соратника по оружию и умнищы.

— Вы — человеки — чудной народец, — рокотал его гулкий голос. — Когда вас много, вы демонстрируете образцы мужества, стоящие на грани безумия. Но когда рядом нет никого, кто мог бы рассказать потом о том, как вы погибли, из вас выходит весь дух, а пустая оболочка безвольно падает на землю.

— Наследственный инстинкт, я думаю, — отвечал Мак-Кормак. — Наша раса начинала как животные, охотившиеся стаей.

— Тренировка может победить инстинкт, — отозвался дракон. — Неужели ваш ум не может дисциплинировать сам себя?

Теперь, сидя в своей камере, Хью Мак-Кормак кивнул головой.

«У меня, во всяком случае, есть в качестве свидетеля эта проклятая телекамера. Возможно, в один прекрасный день кто-нибудь — Кэтрин, или дети от Рамоны, или какой-нибудь незнакомый мальчуган — увидит эту пленку. — Адмирал лег на койку — единственный предмет мебелировки, кроме умывальника и стульчака — и закрыл глаза. — Сегодня до ужина я обязательно сыграю в мысленные шахматы — по очереди за обоих игроков. Если времени хватит, я, пожалуй, неплохо освою эту технику. А перед едой я сделаю полный комплекс гимнастических упражнений. Те помои, что затем попадут в мое брюхо, вряд ли станут еще противнее от того, что остынут. Зато я, может быть, после этого легче засну».

Он не стал опускать свой импровизированный занавес. Телекамера показывала наблюдателям высокого, поджарого мужчину, сохранившего гораздо больше живости, чем то мог бы дать обычный комплекс процедур против старения. Немногое выдавало его пятидесятилетний возраст (в стандартных годах), кроме проседи в черных волосах и глубоких морщин на длинном сухощавом лице. Адмирал явно никогда не прибегал к омолаживанию и не прятал лица от сурового ветра множества планет, на которых побывал. Его кожа стала темной и задубелой. Выдвинутый вперед треугольник, образованный носом, прямым ртом и тяжелым подбородком, служил как бы противовесом долихоцефальному черепу. Когда адмирал открывал глаза под нависшими мохнатыми бровями, они казались двумя осколками вечного льда. Когда он говорил, его голос казался грубым; десятилетия имперской службы, истекшие с тех пор, как он вернулся в свой сектор, почти уничтожили мягкий энейский акцент в его речи.

Адмирал улегся на койку. Он настолько увлекся попыткой сконцентрировать внимание на воображаемой шахматной доске, которая все время норовила исчезнуть в туманной дымке, что даже пропустил звук первого взрыва. Только когда раздалось еще одно «бах!» и стены содрогнулись, адмирал вдруг понял, что это уже второй взрыв.

— Что, во имя хаоса?.. — Адмирал вскочил на ноги.

Третий взрыв показался более глухим, зато от него зазвенели металлические стены тюрьмы. «Тяжелые штормовые ружья», — подумал он. На лбу Мак-Кормака выступил пот. Сердце стучало кузнечным молотом. Что происходит? Он бросил взгляд в иллюминатор. В нем виднелся Ллинатавр — мирный, спокойный, безразличный к происходящему. У самых дверей раздался какой-то шум. Прямо возле молекулярного замка возникло пятно — сначала красное, а потом раскалившееся добела. Кто-то резал сталь с помощью бластера. Мак-Кормак слышал голоса — неразборчивые, но явно возбужденные и злые. Крупнокалиберная пуля провыла в коридоре, рикошетировала от стены со звоном и улетела куда-то.

Дверь не отличалась большой толщиной — ведь в ее задачу входило лишь помешать бегству узника, у которого нет ничего, кроме голых рук. Сплав, из которого она состояла, не выдержал, расплавился и потек вниз, как лава вулкана, тут же застывая странными узорами. Пламя бластера прорвалось в дыру, расширяя ее. Мак-Кормак прикрыл глаза рукой, защищая их от непереносимого блеска. Запах озона обжигал ноздри. В голове почему-то мелькнула дурацкая мысль: *к чему так транжирить энергию?*

Луч бластера погас. Дверь широко распахнулась. В нее ворвалась дюжина солдат. Большинство из них носило форму Космофлота. Двое походили на роботов в своих штормовых скафандрах. Они тащили тележку на антигравах, которая служила подставкой для тяжелой энергетической пушки Холбарта. Был тут и кентавроид-донарианец, куда более внушительный, чем гиганты в скафандрах. Его украшал целый арсенал разного оружия, висевшего прямо на голом теле, хотя инопланетянин и предпочел всему боевой топор. С топора текла кровь. Обезьянье лицо кентавра расплывалось в улыбке от уха до уха.

— Адмирал! Сэр! — Мак-Кормак не узнал юношу, бросившегося к нему с протянутыми руками. — С вами все в порядке?

— Да! Да! Что... — Мак-Кормак не мог скрыть растерянности. — Что происходит?

Офицер отдал честь:

— Лейтенант Насреддин Хамид, сэр. Командую группой по вашему освобождению по распоряжению капитана Олифанта.

— Нападение на объект, принадлежащий Империи? — казалось, голосовые связки адмирала принадлежат кому-то другому.

— Сэр, они собирались прикончить вас. Капитан Олифант в этом абсолютно уверен. — Хамид выглядел совсем растерянным. — Нам надо уходить, сэр. Мы пока не понесли потерь. Человек, который тут командовал, знал о наших намерениях и отослал большую часть своих людей. Он уходит с нами. Несколько человек отказались подчиниться ему и оказали сопротивление. Это люди Снелунда. Мы с ними разобрались, но кое-кто остался жив. Надо думать, они доложат о случившемся, как только наши корабли перестанут глушить их радиосигналы.

Происходящее казалось Мак-Кормаку нереальным. Какая-то часть его рассудка задалась вопросом: а не сошел ли он с ума?

— Губернатор Снелунд назначен самим Императором, — удалось выдавить из себя адмиралу. — Единственный законный способ улаживать противоречия — решать проблемы в судебном порядке.

К ним подбежал еще один человек. Свой энейский акцент он сохранил в неприкосновенности.

— Пожалуйста, сэр! — Он был почти на грани истерики. — Без вас мы бессильны, сэр! На большинстве планет вспыхивают мятежи... и на нашей с вами тоже, в Борее и Айронленде. Снелунд пытается заставить Флот поддержать его бандитские шайки, чтобы подавить мятежи... Обычными его способами... даже атомными бомбардировками, если не помогут ни огонь, ни меч, ни обращение в рабство...

— Воевать со своим собственным народом, — прошептал Мак-Кормак, — в то время как на границах варвары...

Взор адмирала снова упал на Ллинатавр, ярко горевший за иллюминатором.

— Что с моей женой?

— Я не... не знаю... о ней ничего, — с запинкой произнес Хамид.

Мак-Кормак резко повернулся к нему. Ярость прорвала плотину сдержанности. Он схватил лейтенанта за отвороты мундира.

— Это ложь! — закричал он. — Ты не можешь не знать! Олифант не отправил бы людей в рейд, не сообщив им самых последних деталей!

«Что с Кэтрин?»

— Сэр, скоро обнаружится, что мы глушим сигналы. У нас всего лишь вспомогательный разведывательный корабль. Любой патрульный...

Мак-Кормак встряхнул Хамида так, что у того застучали зубы. Лицо адмирала лишилось всякого выражения, будто оно принадлежало роботу.

— Вся эта суматоха началась из-за похоти Снелунда, возжелавшего Кэтрин, — сказал он безжизненным голосом. — При дворе губернатора обожают смаковать столь пикантные слухи. А то, что знает двор, моментально распространяется по всему Катавраннису. Она все еще во дворце, не так ли?

Люди прятали глаза, стараясь не встречаться с ним взглядом.

— Я слышал, что это так, — промямлил Хамид. — Прежде чем атаковать, мы остановились на одном из астероидов — сделали вид, будто это обычная смена гарнизона — и постарались опросить тех, кого там встретили... Один из них был торгош, прилетевший туда накануне. Он сказал... ну... было объявлено и о вас, сэр, и о том, что ваша леди «задержана для допроса»... но она и губернатор...

Он замолк, не находя слов.

— Не продолжай, сынок, — почти без выражения тихо ответил адмирал. — Пошли на твой корабль.

— Мы не мятежники, сэр, — почти жалобно сказал Хамид. — Вы нужны нам, чтоб сдержать этого чудовищного мерзавца, пока нам не удастся довести истину до ушей Императора...

— Нет, мятежом теперь этого не назовешь, — ответил Мак-Кормак. — Теперь это уже восстание. — Его голос рвал воздух как свист бича. — Вперед. На полусогнутых!

Глава 2

Адмиралтейство представляло собой целый город, поднимавшийся высоко-высоко над той частью Скалистых гор Северной Америки, где он был расположен. На память невольно приходили мифические титаны, взгромоздившие Пелион на Оссу, когда штурмовали Олимп.

— И в один прекрасный день, — шепнул Доминик Флэндри юной даме, которой он показывал Адмиралтейство (сравнение должно было продемонстрировать его высочайшую эрудированность), — боги могут разгневаться так же, как гневались в прошлом; но будем надеяться, последствия их действий на этот раз будут менее плачевны.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она.

Поскольку цель Флэндри заключалась вовсе не в просвещении дамы, а в том, чтобы соблазнить ее, он лихо закрутил ус и вкрадчиво произнес:

— Я хочу сказать: вы слишком очаровательны, чтобы обременять вас моими глупыми предчувствиями. Вы хотели посмотреть звездный глобус, с помощью которого прокладывают курс меж звезд, это здесь — пойдете.

Он не стал объяснять ей, что великолепные трехмерные изображения звезд предназначены только для туристов. Ведь даже самые ничтожные астрономические расстояния слишком велики, чтобы карты, каковы бы они ни были, могли принести хоть какую-нибудь пользу. Реальная же информация хранилась в огромных банках памяти весьма малопрезентабельных компьютеров, которых обычным гражданам видеть не полагалось.

Когда кэб Флэндри сегодня оказался на территории Адмиралтейства, ему вдруг вспомнился этот давний, совершенно незначительный эпизод. Завершился он тогда к полному его удовлетворению. Но ум Флэндри еще долго был занят случайно возникшим сравнением, которое он тогда не разъяснил своей пассии.

Вокруг него поднимались монументальные разнообразно окрашенные стены, такие высокие, что на самых нижних этажах флюоропанели горели круглосуточно, а по стенам лианами тянулись линии надземок, ведущие к вершинам зданий, тонувших в облаках или купающихся в солнечном свете. Воздушные корабли тысячами кишели и сверкали в небе, и этот танец был так сложен, что управлять им мог лишь мощный электронный мозг. Между зданиями лились транспортные потоки; они то вползали на них, то вдруг исчезали в туннелях или в пещерах, расположенных под фундаментами этих рукотворных монстров. Кэбы и автобусы — воздушные и наземные — были почти бесшумны. Такими же были и движущиеся тротуары. И голоса, и шорох шагов тоже лишь изредка нарушали тишину. И все же Адмиралтейство словно купалось в круглосуточном гуле, подобном гудению пчелиного улья, — отголосках той огромной работы, которая шла в недрах зданий.

Ибо здесь находилась ось имперского могущества. Терра, грубо говоря, правила пространством, имевшем форму сферы, в диаметре составлявшей свыше 400 световых лет, сфере, включавшей более четырех миллионов звездных систем, из которых обитатели более ста тысяч в той или иной степени зависели от Терры.

Такова была внешняя сторона Адмиралтейства — предмет его особой гордости. Ну а ежели заглянуть за сцену... Флэндри очнулся от своих мыслей. Его машина спланировала к Разведывательному управлению. Он в последний раз глубоко затянулся сигаретой, сунул ее в утилизатор и придиричиво взглянул на свой мундир. Вообще-то он предпочитал тот шегольской вариант формы с различными элегантными отступлениями от общепринятого, который дозволялся достаточно резиновыми правилами, а чаще такой, какой даже они не одобрили бы. Однако если ваш отпуск прерван спустя лишь несколько дней после прибытия на Терру и вам приказано немедленно явиться к вице-адмиралу

Хераскову, то для вашего здоровья полезней, если вы прибудете к нему в простом белом мундире и в таких же брюках, выпустив последние поверх дивных полусапог, с ремнем вместо шарфа, в повседневном сером плаще и в берете, скошенном так, чтобы кокарда с солнечным протуберанцем приходилась как раз посередине вашего лба.

«Власяница и пепел больше подходили бы к случаю, — печально подумал Флэндри. — Три — считай, не считай — пышнотелые девицы, готовые и даже жаждущие украсить своим присутствием празднества по случаю моего дня рождения, каковы — распланированные на неделю — имели быть открыты завтра в Эверест-хаузе, не говоря уж о меню, на разработку которого я затратил целых три дня! Мы могли бы растянуть удовольствие на столько времени, сколько понадобилось бы, чтобы доказать: четверть века не такой уж дряхлый возраст, как кажется некоторым! И вместо этого — такая вот штуковина!»

Машина в здании, исполнявшая функции коммуникационного устройства, переговорила с машиной в его кэбе. Флэндри высадили на 15 этаже гостевого гаража. Гравимоторы автоматически выключились. Флэндри опустил свою карточку в прорезь автомата, который снял с нее один кредит, а затем открыл дверь. Морской пехотинец у входа сунул документы лейтенанта-командер и его вызов к начальству в другую машину и разрешил ему идти дальше. Направляясь к нужному лифту, Флэндри миновал несколько залов. Боясь опоздать к начальству, он предпочел двигаться пешедралом, а не воспользоваться самодвижущейся дорожкой.

Людские толпы текли по коридорам, ручейками ответвляясь во всякие помещения и кабинеты. Тут были все ранги — от младших техников до адмиралов, на чьих плечах лежала ответственность за безопасность тысяч миров; попадались и ученые, которым с трудом удавалось удерживать Империю на плаву во вселенной, полной смертельных сюрпризов. Формы, краски, звуки речи, осязательные ощущения, когда Флэндри касался одежды какого-нибудь инопланетянина, все это пролетало мимо него в вихре бесконечно разнообразных сочетаний.

«Трах, бах, бух, ух, бег весь век, — бурчало мрачное настроение Флэндри. — Снова работа, ибо приближается ночь, Долгая Ночь, когда Империя погрузится в омут, а завывающие толпы варваров будут разбивать свои шатры на ее развалинах. Ибо разве можно вечно играть роль господ, если даже наше звездное скопление, расположенное где-то на самой окраине Галактики, так огромно, что мы, по сути дела, никогда не сможем изучить хотя бы небольшую его часть. Возможно, нам уж никогда не

узнать ничего, кроме этой спирали, которую мы видим частенько. Господи, да даже половины солнц в том микроскопическом кусочке пространства, на который мы претендуем, мы и по разочку не посетили.

Наши предки летали куда дальше, чем мы знаем и помним. И когда ад взорвался им в лицо и, казалось, их цивилизация разваливается на части, они залатали ее с помощью Империи. И превратили Империю в работающий механизм.

А мы... Мы потеряли волю к жизни. Слишком уж долго нам жилось легко и приятно. И потому-то мерсейцы уже стоят на границах у Бетельгейзе, отовсюду прут варварские орды, которые рвутся в цивилизованные миры... И чего я-то беспокоюсь? Ведь если когда-то карьера на Флоте казалась мне блестящей, то теперь, когда мне показали задники декораций, я с наслаждением готов заняться чем-нибудь другим...»

Тут Флэндри остановила какая-то женщина. Надо полагать, она явилась сюда по служебному делу, так как здешние гражданские служащие вряд ли легко отделались бы, будь они одеты в такой почти прозрачный лоскут радуги. Впрочем, она казалась почти что специально созданной для такого рода одежды.

— Извините меня, — сказала она. — Не можете ли вы сказать, как мне найти кабинет капитана Юань Ли? Боюсь, я безнадежно заблудилась.

Флэндри поклонился.

— Разумеется, миледи. — Поскольку он всякий раз, когда возвращался на Терру, являлся туда, теперь ему не составило труда провести ее к капитану. — Скажите ему, что лейтенант-коммандер Флэндри считает его счастливымчиком.

Ее ресницы дрогнули.

— О, сэр! — Она дотронулась до эмблемы на его груди: звезда с широко открытым оком. — Я ведь поняла, что вы из разведки. Поэтому и остановила вас. Это так интересно... Я хотела бы...

Флэндри расплылся в широкой улыбке:

— Что ж, поскольку мы оба знакомы с дорогим Юань Ли...

Они обменялись именами и адресами. Красотка ушла, покачивая бедрами, Флэндри же двинулся дальше.

Настроение у него чудесным образом улучшилось. «В конце концов, другая работа может оказаться еще более занудливой. — Он достиг нужной шахты. — Вот тут я сяду». Вступив в портал, он с удовольствием отдался в объятия негравитационного поля, поднявшего его в высшие сферы.

Вернее будет сказать, Флэндри попытался расслабиться, но не преуспел в этом деле на все сто. Хороша девчонка или нет, а офицера, только что произведенному в чин лейтенанта-коммандера

и вызванному к заместителю начальника Оперативного управления, лучше иметь язык на привязи, а ладони — чуть влажными от страха Божьего.

Ухватившись за поручень, Флэндри вынырнул на 97 этаже и поспешил по коридору. Здесь господствовала тишина. Редкие приглушенные голоса да иногда слабый гул какой-то машины только подчеркивали могильное молчание, царившее среди этих суровых стен. Все офицеры, которых он встречал, были гораздо старше его по чину, их глаза не замечали Флэндри, их мысли витали где-то среди далеких-далеких солнц.

Когда он достиг дверей кабинета Хераскова, в приемной вместо секретаря оказались сканер и микрофон, соединенные с компьютером столь низкого ранга, что его вряд ли можно было назвать «мозгом». Впрочем, большего и не требовалось. Все маловажное было отфильтровано на предшествующих стадиях. Флэндри пришлось минут пять ждать, пока компьютер не велел ему пройти во внутреннюю дверь.

Комната, куда он попал, была большая, с высоким потолком и с великолепным ковром во весь пол. В одном углу стоял инфотривер с огромным видеофоном, в другом — маленький автомат с освежительными напитками. На стенах висели три-четыре картины и столько же полок с сувенирами былых побед. Задняя стена представляла собой большой экран. В данный момент на нем красовалось изображение Юпитера, снятое с приближающегося космического корабля, изображение настолько яркое, что попадавшие сюда впервые посетители надолго теряли дар речи. Флэндри замер по стойке «смирно» возле колоссального письменного стола и отдал честь, от усердия чуть не вывихнув руку.

— Лейтенант-коммандер Доминик Флэндри прибыл по вашему приказу, сэр.

Человек, сидевший за столом, тоже был одет в будничную форму. Он не носил никаких наград, которые, должно быть, могли бы укрыть всю его грудь, кроме скромного бриллианта, свидетельствовавшего о рыцарском звании, каковое получить было потруднее, нежели титул герцога или графа. Однако туманность и звезда на его погонах сияли куда ярче окруженной кольцом планеты на плече Флэндри. Человек был невысок, широкоплеч, имел лицо, напоминавшее морду обиженного мопса, под жестким ежиком седеющих волос. Сердце Флэндри забилось сильнее.

— Вольно, — уронил вице-адмирал сэр Илья Херасков. — Садитесь. Курите? — Он пододвинул Флэндри коробку сигар.

— Спасибо, сэр. — Флэндри все еще не пришел в себя. Он взял сигару и долго раскуривал ее, пока кресло принимало форму его напряженных мускулов, намекая, что посетитель мо-

жет немного расслабиться. — Адмирал слишком добр. Не думаю, что существует лучший сорт, нежели «Южная корона». — По правде говоря, Флэндри мог бы назвать с десятков лучших, но и этот недурен. Дым мигом кусанул его за язык, а затем крутым облаком вышел через ноздри.

— Может, хотите кофе? — предложил хозяин, командовавший миллионом агентов в Империи и за ее пределами. — А может, чай или джаин?

— Нет, благодарю вас, сэр.

Херасков изучал Флэндри устало и как бы извиняясь, но Флэндри чувствовал себя так, словно его просвечивают рентгеновскими лучами.

— Я прошу извинить меня, что пришлось прервать ваш отпуск без предупреждения, лейтенант-коммандер, — продолжал адмирал. — Надо полагать, у вас были задуманы великолепные развлечения. Вижу, вы даже лицо изменили.

Они никогда не встречались. Флэндри заставил себя выдавить улыбку.

— Да, конечно, сэр. То, которым меня наградили предки, мне успело изрядно поднадоесть. И уж раз я отправлялся на Терру, где биоскульптура распространена так же, как пользование макияжем... — Он пожал плечами.

Но изучающий взгляд не отрывался от него. Херасков видел перед собой атлета ростом 184 сантиметра, широкоплечего, с узкими бедрами. По белым ухоженным рукам можно было догадаться, что их хозяину осточертели долгие часы, которые ему приходится тратить на поддержание кошачьей мягкости кистей. На лице выделялись явно подновленные черты — прямой нос, высокие скулы, глубокая ямка на подбородке. Подвижный рот, глаза, меняющие цвет в зависимости от освещения, а также чуть изогнутые брови были явно унаследованными. В разговоре звучала несколько аффектированная манера растягивать слова.

— Без сомнения, вы удивляетесь, почему именно ваше имя было выбрано из списка личного состава? — спросил Херасков. — И почему вас вызвали сюда, а не к вашему непосредственному начальнику — капитану Юань Ли?

— Да, сэр. Мне кажется, я ничем не заслужил вашего внимания.

— Похоже, вы к этому и не стремились. — В усмешке Хераскова особого юмора не ощущалось. — И тем не менее вы его удостоились. — Адмирал откинулся на спинку кресла, скрестил короткие крепкие ноги и сцепил волосатые пальцы рук. — Что ж, отвечу на ваши вопросы.

Во-первых, почему именно вы — скромный офицер — избраны из десятков тысяч таких же? Пожалуй, скажу, если ваше самонимение еще не успело уведомить вас об этом, что на определенном уровне нашего Управления вы вовсе не так уж и незаметны. Если бы дело обстояло иначе, то вы не получили бы свой нынешний чин в столь юные годы. Нет, мы заинтересовались вами еще со времен Старкадского дела. Оно было спущено на тормозах, но его отнюдь не забыли. Последовавший за этим перевод вас в разведку дал небезынтересные последствия. — Тут Флэндри с трудом подавил чувство тревоги, а Херасков опять хмыкнул — будто лязгнули ржавые цепи. — Мы узнали кое-какие факты, которые вы утаили от нас. Можете не беспокоиться... пока. Компетентных людей в наше время ничтожно мало, так что Службе приходится на некоторые эскапады смотреть сквозь пальцы. Вы либо погибнете, либо совершите нечто такое, что заставит нас заняться вами, либо и в самом деле пойдете очень далеко.

Прежде чем продолжить, адмирал перевел дыхание.

— Для нынешнего дела нам требуется темная лошадка. Я не разглашу важных секретов, если скажу, что последний мерсейский кризис гораздо хуже, чем правительство сообщает своим подданным. Эта штука может оказаться для нас бомбой замедленного действия. Но я думаю, нам все же удастся разрядить ее. На этот раз Империя действует быстро и решительно. Но ситуация требует, чтобы мы держали основные силы своих флотов на их границе, пока мерсейцы не поймут, что мы шутики шутить не намерены и Джиханнатом овладеть им не позволим. Разведывательные операции достигли там таких масштабов, что Службе пришлось начисто забрать опытных полевых агентов из других мест.

А между тем совсем в противоположном конце территории, находящейся под нашим суверенитетом, возникло новое осложнение. Потенциально худшее, чем какие-то единичные стычки с Мерсейей. — Херасков поднял руку. — Не воображайте, что вы будете единственным, кого мы посылаем туда, не предполагайте и того, что можете добавить к нашим усилиям больше какого-нибудь кванта энергии. И все же при существующей напряженности каждый лишний квант может оказаться бесценным. Может быть, для вас лично это большая неприятность, но для Империи удача, что вы прибыли на Терру неделю назад. Когда я запросил Кадры, кто из обладающих нужными качествами офицеров в данное время имеется в наличии, то ваше личное дело оказалось среди дюжины других дел, которые мне были присланы.

Флэндри выжидательно молчал.

Херасков резко наклонился вперед. Последние остатки добродушия исчезли. Суровый и не очень приятный человек произнес:

— Если же вас интересует, почему вы вызваны ко мне лично, то причиной тому то обстоятельство, что это единственное место, где нет «жучков», а вы — единственный человек, который, по моему мнению, не способен воткнуть мне нож в спину. Я уже говорил вам, что мы нуждаемся в темной лошадке. В дополнение скажу, что если вы начнете шляться повсюду и горланить о том, что я вам сейчас доверю, то моя карьера рухнет, а меня самого скорее всего либо расстреляют, либо продадут в рабство. И все же придется рискнуть. Если вам не будет предельно ясна ситуация, то нечего вас туда и посылать.

Флэндри осторожно откликнулся:

— Я очень квалифицированный лжец, сэр, поэтому будет лучше, если вы поверите моему слову, не заставляя меня распищаться о том, что я не болтун.

— Ха! — Херасков молчал несколько секунд. Затем вскочил с кресла и стал ходить взад и вперед, стуча кулаком одной руки по открытой ладони другой. Теперь слова лились из него ручьем.

— Вас тут тогда не было. После Старкада ваши посещения Терры ограничивались только нуждами переподготовки и прочим в том же роде. И вообще вы были слишком заняты, чтоб следить за придворными интригами. О, скандалы, грязные анекдоты, шуточки, это — да, это вы слыхали. Да и кто этого не слыхал? Но новости, имеющие жизненное значение... Разрешите, я кратко введу вас в курс дела.

Уже три года прошло с тех пор, как бедный император Георгиос умер, а Джосип III вступил на трон. Все знают, каков этот Джосип: слишком слаб и туп, чтоб его жестокость могла приносить ожидаемые результаты. Мы все считали, что вдовствующая императрица, пока будет жива, сможет держать его на коротком поводке. А он, по всей видимости, не мог пережить ее надолго, ежели учитывать, как он издевается над своим организмом. Детей он иметь не хочет — куда ему! И Политический Совет, и Генеральный штаб, и Служба внутренних дел, и офицерский корпус, и аристократия Солнечной системы, все они имеют в своих рядах больше прохвостов и бездарей, чем в прошлые времена, но некоторое число порядочных людей там все же сохранилось... очень немного...

Я ведь ничего нового вам пока не рассказал, верно? — Флэндри еле-еле успел отрицательно качнуть головой. Херасков снова забежал по кабинету, продолжая говорить. — Уверен, что вы, как и большинство информированных граждан, сделали для себя определенные выводы. Империя так огромна, что один-

единственный человек не в состоянии нанести ей непоправимый ущерб, каким бы всемогущим он теоретически ни казался. Что касается вреда от Джосипа, то он скорее всего распространится на кучку придворных, политиканов, плутократов и прочего сброда на Терре и поблизости от нее, так что потеря будет невелика. Мы пережили и не таких поганных императоров.

Заключение вполне логичное. И верное... в определенном смысле. Но все же недостаточно верное. Даже мы — столь близкие к источнику могущества — и то были захвачены врасплох Аароном Снелундом. Слыхали когда-нибудь о нем?

— Нет, сэр. Не слыхал, сэр, — ответил Флэндри.

— Средства массовой информации о нем помалкивают, — объяснил Херасков. — Цензура на этой планете пока еще работает, даже если все остальное и пробуксовывает. Двор его знает, люди вроде меня — тоже, но, видимо, даже наши сведения были далеко не полны.

Детали вы узнаете позже. А пока я дам вам факты, которые хранятся в тайне от публики. Родился он тридцать четыре года назад на Венере от матери-проститутки и неизвестного отца. Произошло это в Сублюцифере, где ты либо рано обучаешься быть беспощадным, либо пускаешь пузыри и идешь на дно. Аарон был не глуп, талантлив и очарователен, если брал на себя труд произвести такое впечатление. На втором десятке он оказался уже здесь — на Терре, подвизаясь на мелких ролях в театре сенсей. Теперь-то — задним числом — я понимаю, какие он вынашивал планы, как скрупулезно изучал вкусы Джосипа, как вложил все средства в создание биоскульптурного образа, а время — в изучение нужной манеры поведения. Когда они встретились, все сработало четко... как сила тяготения. К двадцати пяти годам Аарон Снелунд из жалкого мальчонки-педераста превратился во всесильного фаворита наследного принца. Его дальнейшие шаги заключались в том, чтобы избавиться от людей, занимающих ключевые позиции, и передать их тем, кто лизал задницу самому Снелунду.

Тогда возникла оппозиция. И дело тут было не в одной ревности. Честных людей волновала мысль, что Снелунд может стать движущей силой за кулисами Империи, когда на трон взойдет Джосип. До нас стали доходить слухи о тайной подготовке убийства. Не знаю, испугались ли они оба — Джосип и Снелунд, — или же Снелунд почувал опасность и решил ее предотвратить. Во всяком случае, они встревожились.

Георгиос умер внезапно, как вы помните. А через неделю Джосип сделал Снелунда виконтом и назначил губернатором сектора альфы Креста. Вы понимаете, в чем тут была главная

хитрость? Присвоение более высокого титула могло бы вызвать бурю, но виконты идут по пятаку за пучок в базарный день. Однако такого титула вполне достаточно, чтоб получить назначение на пост губернатора огромного пространства. Есть сектора слишком богатые, есть слишком могучие, есть слишком близкие к Терре, есть важные в каких-то других отношениях, так что Политический Совет ни за что не потерпел бы там человека, которому доверять нельзя.

Ну а альфа Креста — дело другое!

Херасков шелкнул переключателем. Флюоропанели погасли. Ошеломляющая картина Юпитера — огромного и опоясанного хорОВОДОМ лун — исчезла. На ее месте появились трехмерные изображения главных звездных систем Империи. Возможно, ярость Хераскова требовала, чтобы нашлось хоть что-то, во что можно было бы ткнуть пальцем. Его коренастая фигура четко рисовалась на фоне звездной россыпи.

— Бетельгейзе... — Он ткнул пальцем в красную пылающую точку, изображающую гигантское солнце, доминирующее в пограничном пространстве между империями Терры и Мерсей. — Здесь нам угрожает война. Ну а теперь альфа Южного Креста.

Рука Хераскова описала дугу почти в сто градусов против часовой стрелки. Другая снова шелкнула переключателем, сместив изображение почти на семьдесят градусов к югу. Ярko вспыхнули гиганты типа В на противоположном конце терранских владений — близнецы альфы и одинокое солнце бета Южного Креста. А за ними ничего увидеть было нельзя, кроме мрака. И дело было вовсе не в том, что космос в тех краях менее густо засеян звездами, а в том, что тут кончалась власть Терры и дальше лежали области, заселенные дикарями и воинственными варварами, которые слишком рано получили в свое распоряжение космические корабли и атомное оружие. Именно поэтому там и царил тьма.

Херасков обвел пальцем почти цилиндрический контур формы этого сектора.

— Именно здесь, — сказал он, — вернее всего и произойдет взрыв.

Флэндри осмелился нарушить тяжелое молчание, воцарившееся после этих слов.

— Адмирал предполагает, что дикие народы снова готовы вторгнуться к нам? Но, сэр, мне казалось, что там все под контролем. После битвы... хм... я забыл ее название, но разве там не произошло сражения...

— Сорок три года назад. — Плечи Хераскова опустились. — Слишком уж огромна эта вселенная, — продолжал он устало, —

ни один мозг и ни один вид мыслящих существ не могут впитать в себя все знания о ней. Поэтому нам пришлось позволить дурным семенам прорасти, а теперь уже поздно говорить об этом.

Ладно! — Адмирал выпрямился. — Трудно было предугадать, что вред, который Снелунд может принести в тех краях, стоит даже того, чтобы пойти на конституционный кризис только ради предотвращения нынешней ситуации. Данный регион находится в сравнении с другими нашими секторами очень далеко. Он не слишком богат, не слишком плотно заселен, в его стабильности и лояльности можно было сомневаться не больше, чем в отношении других. Есть только две вещи, которые придают ему особое значение. Одна из них — индустриальная блуждающая планета Сатана. Но она издавна находится во владении герцогов Гермесских. А им можно доверять, они ведь вполне способны защищать собственные интересы. Вторая — положение сектора как щита между нами и всевозможными налетчиками. Их сдерживание — дело адмирала нашего Флота. И у нас там есть, вернее сказать, был такой выдающийся вояка — некий Хью Мак-Кормак. Вы о нем, конечно, не слышали, но все данные получите позже.

Что касается Снелунда, то он там здорово разбогател. Ну а как же? Один-другой кусок от каждого субъекта Империи, позаимствованный из сборов имперских налогов, вряд ли даст кому-нибудь повод поднять большой шум. Но зато состояние можно составить такое, которое способно удовлетворить любого транжиру. В свое время Снелунд мог бы уйти в отставку и жить в роскоши до конца своей жизни. А пока военный флот и гражданские чиновники, как водится, делали бы за него всю черную работу. И все были бы счастливы, что Снелунда удалось так дешево спихнуть с Терры. Решения такого рода, если по правде, принимаются не так уж редко.

— Только на этот раз, — с ленцой процедил Флэндри, — они забыли учесть особенности натуры этого педика.

Херасков выключил карту, зажег флюоропанели и мрачно посмотрел на шутника. Ответный взгляд Флэндри был безмятежен и даже почтителен. Потом адмирал сказал:

— Он отбыл туда почти три года назад. С тех пор пришло немало жалоб на его жестокость и безмерное вымогательство. Но не нашлось никого, кто решил бы, что этого достаточно, чтобы начать действовать. А если б и нашелся такой, то что он мог сделать? Ведь огромной Империей нельзя управлять из центра. Это просто невозможно. Империя — в лучшем случае — полицейский, пытающийся поддержать внутренний и внешний порядок. Племена, страны, планеты, провинции, все они во многих отношениях автономны. Страдания, испытываемые миллионами

разумных существ в двухстах световых годах, мало затрагивают жизнь нескольких триллионов других софнтов... Не могут затрагивать. Да и вообще у нас слишком много дел, чтобы беспокоиться о таких мелочах. Так что подумайте, что может навязать губернатор далекого сектора людям, ежели он сорвется с цепи и решит использовать всю полноту своей власти.

Флэндри подумал, и его шутливость тут же испарилась.

— В конце концов протесты стали исходить от самого Мак-Кормака, — продолжал Херасков. — У двухзвездного адмирала есть свои средства. Политический Совет начал поговаривать о назначении комиссии по расследованию. И сразу же последовала депеша от самого Снелунда. Ему пришлось арестовать Мак-Кормака по обвинению в заговоре и измене. Понимаете, у него есть такие права, равно как и право временно назначить нового командующего Флотом. Военный суд должен состояться либо на главной базе Флота, либо на одном из кораблей эскадры. В состав суда должны войти офицеры высокого ранга. Но с учетом Мерсейского кризиса... вы меня понимаете?

— Чертовски сложная ситуация! — слова Флэндри были едва слышны.

— Мятужи в провинциях — вещь не такая уж редкая, — сказал Херасков. — И сегодня они нам еще более нежелательны, чем когда бы то ни было в прошлом.

Стоя за столом, он пристально рассматривал сидевшего по другую сторону молодого офицера. Отвернувшись, адмирал взглянул на изображение Юпитера, снова возникшее на экране.

— Все остальное вы найдете в соответствующих файлах, — сказал он.

— И что же вы хотите от меня... сэр?

— Я уже сказал, что мы посылаем туда столько полевых агентов, сколько можем наскрести, плюс несколько инспекторов. С учетом колоссальных размеров этого сектора им потребуется немало времени, чтобы составить точную картину происходящего. Может быть, даже слишком катастрофически много. Поэтому я хочу предпринять еще кое-что. Я запущу туда человека, который будет там все разнюхивать, не являясь лицом официальным, но и не скрываясь в подполье, и с самыми широкими полномочиями в случае необходимости. Командир боевого корабля, посланный в Ллинатавр для подкрепления эскадры, имеет определенный вес. Губернатор Снелунд, например, не сможет отказать ему в приеме. В то же время, если это будет не очень крупный корабль, его шкипер не должен вызвать уж очень сильных подозрений.

— Но я никогда не командовал кораблем, сэр!

— Разве?

Херасков тактично отвернулся, чтоб не видеть, каковы будут последствия его небрежного вопроса. Вместо этого адмирал продолжал:

— Мы нашли эсминец, чей капитан получает более высокое назначение. Согласно имеющимся данным, там был очень надежный старший помощник. Это обстоятельство поможет вам высвободить время для выполнения вашего главного задания. Вы будете командовать кораблем временно, в порядке переподготовки и проверки командирских данных. Мы считаем правильным, чтобы в биографии наших полевых агентов был широкий спектр умений и возможностей.

«Значит, я на некоторое время лишусь возможности пополнить свою биографию широким спектром знакомств с земными шлюхами», — мелькнуло в голове Флэндри. Впрочем, сожаление было столь мимолетным, что тут же исчезло. Он уже загорелся новыми возможностями.

Херасков снова сел.

— Возвращайтесь в отель, — приказал он. — Укладывайте вещи и уезжайте. Ровно в 16.00 явитесь к контр-адмиралу Ямагучи. Он обеспечит вас жильем, нужными материалами, машиной для самогипноза, синапсовым транзистором, таблетками против сна и всем, что вам может понадобиться. А понадобится вам многое. Я хочу, чтоб накачка вас информацией была полной, но чтобы все уложилось в 48 часов. Сразу после этого вы явитесь на главную базу Флота на Марсе и получите там приказ о присвоении вам звания командера третьего ранга. Ваш корабль крутится на орбите вокруг Марса. Стартуете немедленно. Надеюсь, вам удастся создать ложное впечатление, что вы хорошо знаете космические корабли, которое продержится до тех пор, пока вы будете приобретать реальные познания такого рода.

Покажете себя хорошо, и мы подумаем о том, как сделать временно полученное звание постоянным. Если же нет, то да поможет вам Бог, да и мне заодно — тоже. Желаю удачи, Доминик Флэндри.

Глава 3

Третья остановка, которую сделала «Азиенна» на своем пути к Ллинатавру, была последней. Флэндри прекрасно понимал, что надо торопиться. По прямой и на полном гиперприводе его кораблю потребовалось бы чуть больше двух недель, чтоб достигнуть места назначения. Возможно, ему следовало бы положить на те письменные и устные материалы, которые он

соберет там. Однако, с другой стороны, этот шанс может и улетучиться, если Снелунду удастся каким-то образом скрыть правду о том, что происходит за пределами его столичной планеты. Это выглядело вполне реальным, а следовательно, с такой возможностью надо было считаться. Полученные Флэндри инструкции давали ему весьма широкие полномочия в выборе способов действий. Ему было приказано прибыть в Ллинатавр и поступить в распоряжение нового верховного командования сектора альфы Креста «с максимальной поспешностью, но с учетом вашего истинного задания по изучению фактов». Содержимое запечатанного пакета, врученного ему Херасковым, давало ему право вести независимые операции, не подчиняясь командованию Флота. Но этот приказ он мог предъявить только в случае чрезвычайных обстоятельств и нес за этот поступок личную ответственность.

Поэтому Флэндри пошел на компромисс и решил сделать остановки на трех планетах, выбранных наудачу в пределах губернаторства Снелунда и не требовавших серьезного изменения курса. Остановки добавляли к пути десять дней. Две планеты были колонизованы людьми. Третья же населенная аборигенами планета называлась Шалму.

Название происходило из одного из языков, на которых говорили представители самой технологически развитой цивилизации планеты. Эти аборигены к моменту открытия планеты терранами находились на стадии бронзового века, под влиянием sporadических контактов с торговцами достигли железного века, а в настоящее время научились использовать примитивные двигатели внутреннего сгорания, в связи с чем и установили гегемонию над всей планетой. Процесс развития шел медленнее, чем на Терре; шалмуанцы, в отличие от людей, были менее свирепы и не смотрели на своих соплемянников как на вредных паразитов или на бездушные механизмы.

Шалму без сопротивления вошла в состав Империи. Это давало ее жителям защиту от варваров — скитальцев космоса, которые наносили им немалый ущерб. Базу Космофлота, охранявшую шалмуанцев, они даже видеть не могли, так как она болталась совсем в другом месте этой звездной системы. Зачем рисковать обитаемой планетой в случае возникновения локальной драчки, если необитаемая может послужить ничуть не хуже? Но на Шалму разместился небольшой гарнизон морских пехотинцев, сюда приезжали провести отпуск астронавты, что привлекало сюда и гражданскую имперскую публику, охотно торговавшую с аборигенами и с местным обслуживающим персоналом. Шалмуанцы с радостью нанимались на работу к новоприбывшим.

Кое-кто из аборигенов даже покидал свою систему. Небольшое, но все возраставшее число получало рекомендации от терранских друзей для получения образования. Возникли мечты о том, чтобы шалмуанская цивилизация приобрела статус равноправного субъекта Империи. В обмен на защиту Шалму платила весьма скромные налоги в виде металлов, топлива, продовольствия, пользующихся спросом произведений ремесла и искусства и других предметов роскоши, в зависимости от того, что производили те или иные части планеты. Налоги собирались имперским резидентом, чье слово было непреложно, но который практически не вмешивался в повседневную жизнь местных культур. Подчиненное резиденту подразделение морской пехоты подавляло вспыхивавшие локальные войны и защищало население от бандитов, насколько это было возможно, так что большинство населения считало его деятельность полезной. Как гуманоидная, так и негуманоидная молодежь иногда вела себя нагло, но тот ущерб, который они причиняли мирным шалмуанцам, как правило, влек за собой справедливое возмездие.

Короче, эта планета была типичной представительницей миров, чья независимость пала под натиском терран. В прошлом они выигрывали от этого больше, чем теряли; они видели преимущественно светлую сторону имперской медали, которая была довольно чиста.

Точнее, таково было положение два года назад.

Флэндри стоял на вершине холма. Позади него вытянулись по стойке «смирно» пятеро матросов из команды корабля. А рядом находился Ч'кесса — Первый в Совете Клана Городов Атта. Строения родной общины Ч'кессы тянулись ниже по склону; это было множество аккуратных цилиндрических снежно-белых домов. Здесь насчитывалось более тысячи жителей. Хотя крыши домов были сделаны с небольшим наклоном, все они представляли собой цветущие сады, полыхающие разнообразием красок. Дорожки между домами были «вымошены» густым и очень жестким мхом, за исключением тех мест, где росли фруктовые деревья, с которых всякий желающий мог срывать плоды, хотя никто этим правилом и не злоупотреблял. Пастбища и обработанные поля занимали долину, лежавшую внизу. Холмы на ее противоположной стороне были покрыты лесом.

Если не считать чуть меньшей силы тяжести, Шалму была планетой земного типа. Отдельные черты ее природы могли показаться странными, но общий вид поселений в целом вполне соответствовал древнейшим человеческим инстинктам. Бескрайние равнины, высокие горы, брызги пены над вечно беспокойными океанами; шелест и испещренные солнечными пятнами

тени в лесах, внезапная нежная белизна крохотных цветов меж грубых старых древесных корней; горделивая осанка крупного рогатого животного и печальные крики спускающихся на землю косяков перелетных птиц. И люди. Вообще-то внешность Ч'кесса мало чем отличалась от черт Флэндри. Безволосая кожа была ярко-зеленой, хвост, предназначенный для хватания, рост 140 сантиметров, кое-какие внутренние отличия, экзотическое, покрытое вышивкой одеяние, украшенный перьями пастырский жезл — все это вряд ли имело уж такое большое значение.

Направление ветра внезапно изменилось. На таких планетах воздух всегда казался свежее, нежели на Terre, свежее даже, чем в глубине парка какого-нибудь тамошнего аристократа. Вдали от машин вы наполняли свои легкие благовонным воздухом. Но Флэндри вдруг задохнулся. Одного из его людей начало рвать.

— Это потому, что мы покорились приказу нового резидента, — произнес Ч'кесса. Он говорил на довольно чистом англике.

Ниже по склону, вдоль дороги, ведущей в долину, стояло около сотни деревянных крестов. Тела, привязанные к крестам, еще не разложились окончательно. Хищные птицы и насекомые еще вились над ними черными тучами под бессмысленно радостным летним небом.

— Видишь это? — с отчаянием сказал Ч'кесса. — Сначала мы отказались. Особенно учитывая огромные налоги, которые резидент ввел для нас. Мне рассказывали, что он это сделал во всем нашем мире. Он говорит, что нам надо платить за избавление от страшной опасности, которая нам угрожает. А что за опасность — не говорит. Однако мы выплатили эти налоги, особенно когда услышали, что там, где народ протестовал, были сброшены бомбы и посланы солдаты с огнеметами. Не могу поверить, что прежний резидент мог бы с нами так поступить. Не думаю, что и Император, имя которого будет эхом отдаваться в Вечности, позволил бы творить такие вещи, если бы знал.

«На самом деле, — подумал Флэндри, — Императору было бы наплевать на это. Но вполне возможно, что он и заинтересовался бы. Потребовал бы кинозаписи экзекуции, любовался и хихикал». Ветер снова изменил направление, и Флэндри благословил его, ибо тот унес хоть часть омерзительной вони.

— Итак, мы заплатили, — продолжал Ч'кесса. — Это было не легко, но мы хорошо помнили набеги варваров. Затем, совсем недавно, нам предъявили новое требование. Мы, у которых есть ружья, стреляющие пулями, должны были поставить резиденту своих мужчин, чтобы тех отправили в такие места, как Яндувар, где народ безоружен. Там они должны были ловить местных туземцев, которых потом будут отправлять на невольничьи рынки.

Я не понимаю, хоть и часто спрашивал, почему Империя, где так много машин, нуждается в рабах?

«Для домашних услуг, — подумал, но вслух не сказал Флэндри. — Для увеличения численности женщин, где это необходимо. Кроме того, рабство — вид наказаний за совершенные преступления. Но все это пустяки, в Империи процент рабов в населении ничтожно мал. А вот варвары неплохо платят за умелые рабочие руки. Причем сделки такого рода, разумеется, не записываются ни в какие имперские отчеты, дабы не появиться в официальной компьютерной бухгалтерии».

— Продолжай, — попросил он.

— Совет Клана Городов Атта долго обсуждал сложившуюся ситуацию, — сказал Чкесса. — Мы очень испугались. И все же такие действия показались нам неправильными. В конце концов мы решили принести извинения, потянуть время как можно больше, а сами послали гонцов через весь материк к Искойну. Там находится военная имперская база, как ты безусловно знаешь, господин. Гонцы должны были просить командующего базой заступиться за нас перед резидентом.

Флэндри услышал за своей спиной приглушенный разговор:

— Клянусь Новой! Неужели он хочет сказать, что морская пехота не делала того, что ей приказывал резидент?

— Точно, — вмешалась чья-то хриплая глотка. — Забудь про свои кабацкие драки с этими ребятами. На такую подлость они не способны. Это работа наемников. А теперь заткни пасть на замок, пока Старик тебя не усек.

«Я? — с глупым удивлением подумал Флэндри. — Это я Старик, что ли?»

— Подозреваю, что наших гонцов схватили, — вздохнул Чкесса. — Во всяком случае, они так и не вернулись. Вместо них явился легат и сказал, что мы обязаны повиноваться. Мы отказались. Пришло войско. Сигнали нас как стадо. Сотню отобрали по жребью и повесили на крестах. Остальных заставили смотреть на повешенных, пока те не умрут. Они умирали три дня и три ночи. Среди них была и одна из моих дочерей. — Он указал куда-то рукой. — Может, господин видит ее. Совсем крошечное тельце на одиннадцатом кресте слева. Она черная и распухшая, большая часть мяса уже сгнила, но еще недавно она, спотыкаясь и смеясь, бежала мне навстречу, когда я возвращался с работы. Она звала меня, умоляла спасти. Криков было много, но ее зов я услышал. Но каждый раз, когда я рвался к ней, удар шокового луча останавливал меня. Никогда не думал, что ее смерть может принести мне радость. Нам велели не прикасаться к трупам под

страхом бомбардировки. Время от времени тут пролетает самолет, с него смотрят, все ли в порядке.

Он опустился на шуршащую серебристую псевдотраву, уткнулся лицом в колени, а хвостом обвил шею. Его пальцы зачем-то рыли песок.

— После этого, — наконец сказал он, — мы пошли ловить рабов.

Флэндри молчал долго. Эта бойня, которая заставила наиболее цивилизованных шалмуанцев обрушиться на самых слабых, привела его в бешенство. Заметив караван скованных рабов, он арестовал вожака и потребовал объяснений. Ч'кесса предложил, чтобы они отправились в его родную общину.

— А где же жители твоей деревни? — спросил Флэндри, так как дома явно были пусты, необитаемы, из труб не шел дым.

— Они не могут жить с мертвецами, — ответил Ч'кесса. — Они разбили лагерь подальше и иногда приходят сюда, чтобы приглядеть за домами. И, без сомнения, они бежали в ужасе, увидев твою лодку, господин, не зная, как ты с ними поступишь. — Он поднял взор. — Ты видел то, что видел. Есть ли на нас вина? Отпустишь ли ты меня к моему каравану? Нам обещаны деньги за каждого раба, которого мы поймаем. Это поможет нам выплатить налог. Если караван придет на аэродром раньше, чем я вернусь, денег мне не видать.

— Да. — Флэндри круто повернулся. Его плащ обернулся во круг тела. — Пошли!

За спиной раздался еще один приглушенный голос:

— Как тебе известно, Сэм, я всегда блевал от этой вонючей брехни насчет всякого там братства разумных существ, но когда наши подданные разбегаются при виде имперского корабля...

— Всем заткнуться! — приказал Флэндри.

Командирская шлюпка взмыла с грохотом, который эхо громом пронесло над половиной континента и океана. Все молчали. Когда шлюпка стала снижаться над джунглями, Ч'кесса осмелился заговорить:

— Может, ты заступишься за нас, господин?

— Сделаю все, что будет в моих силах, — коротко ответил Флэндри.

— Когда Император услышит об этом, то пусть не держит гнева на весь Клан Городов. Мы пошли без охоты. Мы болели лихорадкой и гибли от отравленных стрел народа Яндувара.

«Так потерпела крушение одна из самых многообещающих культур, — подумал Флэндри».

— Если за сотворенное нами нас ждет кара, пусть она обрушится только на мою голову, — молил Ч'кесса. — Для меня это

не будет иметь большого значения, после того как я видел смерть моей малышки.

— Не спеши, — сказал Флэндри. — У Императора много людей, нуждающихся в его внимании. Но придет и твоя очередь.

С тех пор как корабельные средства слежения обнаружили караван, прошло менее двух часов. Вскоре пилот Флэндри снова нашел его — хлюпающим по топким болотам, где засада была менее вероятна, чем в лесах. Он посадил шлюпку в километре от каравана и открыл воздушный шлюз.

— Прощай, господин. — Шалмуанец преклонил колено, обвил ноги Флэндри хвостом, а затем затрусил прочь и исчез. Его стройная зеленая фигурка скрылась в том направлении, где находились соплеменники.

— Возвращаемся на корабль, — приказал Флэндри.

— Разве капитан не желает нанести визит вежливости резиденту? — с сарказмом спросил пилот. Он совсем недавно окончил Академию. Судя по цвету лица, ему все еще было плохо.

— Стартуйте, мистер Уиллинг, — отозвался Флэндри. — Вам известно, что наша главная задача — сбор фактов и что мы очень спешим. Мы не стали докладывать никому, кроме флотского начальства, о том, что видели в Старпорте и на Новой Индре, верно?

Дрожащие пальцы мичмана забегали по приборной панели. Шлюпка встала на хвост с таким рывком, что они все повалились бы, если б не антиграв.

— Извините меня, сэр, — сказал офицер сквозь зубы. — Только один вопрос, если капитан разрешит. Разве мы только что не были свидетелями наглого попрания законов? Я хочу сказать, что на первых двух планетах тоже несладко, но ничего подобного все же нет. Это происходит потому, что у шалмуанцев просто нет никакой технической возможности послать жалобу за пределы своей планеты. Разве мы не обязаны подать рапорт о том, что мы здесь видели?

По лицу мичмана ручьем бежал пот, мундир промок под мышками. Оглянувшись, Флэндри увидел, что четверо остальных, вытянув шеи, изо всех сил прислушиваются к разговору, стараясь уловить смысл сквозь грохот двигателя и свист прорываемой кораблем атмосферы. «Должен ли я отвечать? — спросил себя Флэндри со злостью. — А если отвечать, то что я скажу, чтобы не подорвать основ дисциплины? Откуда мне знать? Видно, рано мне еще быть Стариком».

Он попытался выиграть время, возясь с сигаретой. Звезды то появлялись, то исчезали с экрана — шлюпка выходила в космос. Уиллинг связался с кораблем, включил автомат на стыковку и,

повернувшись, присоединился к тем, кто и до того безотрывно смотрел на капитана.

Флэндри глубоко затянулся и выдохнул густую струю дыма. Потом осторожно начал:

— Вам ведь не раз приходилось слышать, что наша задача в первую очередь заключается в сборе необходимых фактов, а уж во вторую в том, чтобы действовать по приказам командования сектора альфа Креста, причем ни в коем случае это не должно помешать нам выполнять первую и главную функцию. Все, что нами обнаружено, будет передано в соответствующие инстанции. Если кто-либо пожелает сообщить дополнительные данные или дать им собственные комментарии, у него есть на это право. Однако должен предупредить, что дело вряд ли пойдет так далеко. И вовсе не потому, что кто-то захочет спрятать неприятные факты. — *Хотя я ни минуты не сомневаюсь, что подобные случаи бывают сплошь и рядом.* — А просто потому, что собранные нами сведения представляют исключительную важность.

Он махнул рукой.

— Сто тысяч планет, джентльмены, десятком меньше, десятком больше, — сказал он. — Каждая со своими миллионами или миллиардами обитателей, со своими проблемами, тайнами, со своей географией и культурой, со своим прошлым и настоящим и со своими тенденциями развития в будущем, а потому каждая со своим сложнейшим комплексом непрерывно меняющихся отношений с Империей. Мы не можем все это держать под своим контролем, верно? В лучшем случае мы можем поддерживать там мир. В лучшем случае, джентльмены.

То, что верно в одном случае, ошибочно в другом. Одни виды воинственны и по природе склонны к анархии. Другие — миролюбивы и дисциплинированы, как муравьи. Третьи миролюбивы и анархичны, четвертые — сборище воинствующих тоталитарных ульев. Я знаю планеты, где убийство и каннибализм — необходимое условие выживания расы, вследствие высокого радиационного фона, который определяют высокий уровень мутаций плюс хронический недостаток пищи. Те, кто не соответствует норме, должны быть убиты и съедены. Мне известны разумные гермафродиты и очкарики, у которых число полов больше двух, и такие планеты, где жители регулярно меняют пол. И все они смотрят на наш способ размножения как на невероятную непристойность. Я мог бы перечислять такие вещи часами. Не говоря уж о различиях, определяемых культурой. Вспомните историю самой Терры.

А еще существует невероятное число индивидуальностей с их особыми интересами. И гигантские расстояния. И время,

которое проходит, пока донесение из одной точки дойдет до другого края Империи. Нет, мы не можем управлять всем. У нас и народу на это не хватит. А если б и хватило, все равно скоординировать такую уйму данных физически невозможно.

Поэтому нам приходится предоставить своим проконсулам широчайшие полномочия. Нам приходится позволить им набирать собственные вспомогательные войска и надеяться, что те знают местную обстановку лучше имперской регулярной армии. И прѣвыше всего, джентльмены, хотя бы ради того, чтобы выжить, если не ради чего-то иного, нам приходится хранить наше единство.

Он повел рукой в сторону переднего обзорного иллюминатора. Альфа Креста ослепительно сияла среди созвездий. Но за ней...

— Если мы не будем поддерживать друг друга — мы — жители Терры и наши негуманоидные союзники, — сказал он, — уверен, что либо мерсейцы, либо дикари с восторгом перебьют нас поодиночке.

Ответа он не получил, да и не ждал его. «Может быть, эта речь прозвучала достаточно весомо? — подумал он. — Но была ли она достаточно правдивой?

Вот этого я никогда не узнаю. И не знаю, дано ли мне право вникать в этот вопрос».

Наконец появился их корабль. Крошечное веретенышко, затерявшееся в тени огромной светящейся планеты, вокруг которой оно вращалось, быстро превращалось в крупную хищную барракуду, со щетиной пушек, прощупывающих мириады созвездий. Корабль был всего лишь конвойным эсминцем, способным развивать колоссальные скорости, но легковооруженным и с командой всего лишь пятьдесят человек. Тем не менее это был первый корабль, которым командовал Флэндри, и кровь капитана бежала по жилам быстрее каждый раз, как он видел его. Даже сейчас, даже сейчас...

Шлюпка пришвартовалась с резким толчком. Видно, Уиллинг еще до конца не очухался. Флэндри почел за благо воздержаться от комментариев. Последний этап швартовки, проведенный под руководством компьютера, был куда лучше. Когда шлюз, ведущий в шлюпочный ангар, закрылся и давление уравнилось, Флэндри отпустил свой конвой и один отправился в рубку.

Холлы, переходы, соединительные колодцы отличались необычайной теснотой. Красили их в серую и белую краску. При внутренней силе тяжести, поддерживаемой генераторами на уровне терранской, тонкие стальные палубы гулко резонировали под ударами сапог, а металлические же переборки отбрасывали эхо

во всех направлениях. Голоса тут звучали нестерпимо громко, а машины оглушительно выли и гудели. Воздух, поступавший через вентиляционные решетки, выходил из регенераторов свежим, но в пути обретал запах смазочных масел. Офицерские каюты походили на собачьи будки, а кубрик мог бы быть набит еще теснее только в том случае, если бы удалось отменить принцип Паули*. Возможности для отдыха и развлечений ценились тут преимущественно в качестве предмета для острот, а чем меньше будет сказано о камбузе, тем лучше. Но это все равно был первый корабль, которым командовал Флэндри.

Многие часы полета провел Флэндри, изучая историю корабля и проигрывая магнитофонные ленты старых корабельных журналов. Корабль был лишь на несколько месяцев старше самого Флэндри. Он был назван в честь континента на планете Ардех, которая, видимо, была колонизована людьми (хотя Флэндри никогда прежде ничего о ней не слышал. Он знал, что название «Азиенна» в различных произношениях существует по меньшей мере еще в четырех мирах, и подумал о том, сколько еще судов межконтинентального класса именуются точно так же. Придумывать имена для кораблей было вообще делом пустяковым — ведь компьютерам приходилось иметь дело с миллионами судов, которые они обозначали всего лишь номерами). Эсми-нец несколько раз ходил в составе конвоев, когда на каких-то планетах возникали трудности. Однажды даже участвовал в пограничном инциденте. Капитан рапортовал, что его корабль получил повреждение корпуса от снаряда, но доказательств представить не смог. В основном же задания корабля ограничивались рутинным патрулированием... Но разве само по себе это занятие не почетно?

В такой тесноте было не до того, чтобы отдавать честь. Космонавты прижимались к переборкам, чтобы пропустить командира. Он прошел на мостик. Там находился его старший помощник.

Ровиан с планеты Ферра ростом значительно превосходил человека. Его мех был черен как черный бархат в глухую черную полночь. Цепкий хвост, когти на руках и ногах, клыки как у саблезубого тигра могли наносить смертельные удары. Кроме того, он был великолепным стрелком. Нижняя пара его четырех рук могла в случае необходимости служить и дополнительными ногами. Тогда его медлительная походка вразвалочку могла смениться молниеносным рывком. Обычно он ходил без одежды, если не считать оружия и эмблемы его ранга. Его воспитание и

* Принцип Паули — фундаментальный закон природы, согласно которому две или болсе частицы не могут занимать одно и то же пространство. (Здесь и далее примеч. пер.)

характер были таковы, что вопрос о назначении капитаном исключался, да он к этому и не стремился сам. Однако его любили, он был знающим офицером и имел звание гражданина Терры.

— Ну и ч-ч-что? — встретил он Флэндри. Торчащие зубы сильно мешали ему при разговоре на английском.

Оставаясь наедине, он и Флэндри никогда не придерживались формальностей. Ровиана вообще ужасно забавляли ритуалы поведения терран.

— Плохо, — ответил капитан и объяснил, что именно плохо.

— Почему плохо? — спросил Ровиан. — Не считая того, что может вызвать восстание?

— Оставь в покое вопросы морали. Тебе они все равно непонятны. Лучше продумай возможные последствия.

Флэндри поднес зажигалку к сигарете. Он отыскал взглядом диск Шалму, который совершал свое суточное обращение и при этом выглядел удивительно мирно.

— Но почему Снелунд творит такое? — задал он вслух вопрос. — Подобные дела не только весьма хлопотны, но еще и опасны. Обычная коррупция принесла бы ему куда больше, чем он в состоянии истратить. Наверняка у него есть какая-то более важная цель, для осуществления которой необходимы астрономические суммы. Так какова же она?

Ровиан поднял антенны, расположенные по обеим сторонам костного выступа на черепе. Нос сморщился, глаза сверкнули желтым огнем.

— Финансирование восстания? Может быть, он хочет стать независимым владыкой?

— М-м-м... нет... не вижу смысла, а я не считаю его придурком. Империя не может себе позволить пренебрежительно относиться к мятежам. Он будет раздавлен. В крайнем случае пойдут даже на низложение Джосипа, если понадобится обеспечить возможность подобной операции. Нет, тут что-то иное... — Однако мысли Флэндри снова вернулись к обычным делам. — Получи разрешение на старт через полчаса. Следующая остановка — Ллинатавр.

Вибрации гипердвигателя возникают при его запуске мгновенно, хотя философы от науки так и не пришли к общему согласию по поводу словечка «мгновенно». К сожалению, эти вибрации глушат радиосигналы. Каким бы мощным ни был передатчик, они не могут быть приняты на расстоянии более одного светового года от источника. Поэтому корабли, летящие с квазиускорением, не могут связаться с местом своего назначения на более отдаленных дистанциях. Кроме того, волновые колебания, несущие эти известия, не могут быть быстрее света, а принцип

неопределенности не позволяет передавать их через подстанции, ибо тогда в пути они превратятся в бессмысленное бормотание.

По всем этим причинам «Азиенна» находилась уже всего лишь в двух часах от места назначения, когда на корабле узнали новость: адмирал Флота Хью Мак-Кормак бежал в систему Вергилия. Там он поднял восстание и объявил себя императором. Его признали планеты, точное число которых неизвестно. Так же поступило и неизвестное число кораблей и людей, которыми он ранее командовал. Имели место вооруженные столкновения. Гражданская война казалась неизбежной.

Глава 4

Когда Империя купила Линатавр у первооткрывателей этой планеты — цинтиан, ее цель заключалась в укреплении Пограничья путем привлечения сюда колонистов. Большая часть территории этого нового мира обладала восхитительным климатом и живописным ландшафтом, богатыми природными ресурсами и обширными незаселенными землями. Штаб-квартира Флота располагалась совсем близко — на Ифрае; там были сосредоточены вполне достаточные силы, чтобы обеспечить безопасность столичной планеты. К тому же не все варвары были враждебны, так что существовали прекрасные предпосылки для развития торговли с рядом рас, особенно с теми, которые еще не обзавелись космическими кораблями, а также с имперскими планетами.

Таковыми виделись дела в теории. Три или четыре сменявших друг друга поколения доказали, что практика и теория — вещи разные. Люди, видимо, утратили страсть к освоению космических далей. Нашлось совсем немного желающих покинуть знакомую и приятную обстановку, чтобы отправиться куда-то к черту на кулички и оказаться в местах, слишком удаленных, чтобы государство могло обеспечить вам безопасность, и от современных забав и развлечений. Да и с ближних, уже давно заселенных планет, вроде Энея, уехать стремились немногие. Эти люди тоже успели обзавестись глубокими местными корнями.

Катавраяннис превратился в приличный город. Два миллиона жителей, если считать вместе с временными, место средоточия гражданской власти, довольно оживленный торговый центр, хотя большая часть торговли находилась в руках негуманоидов; город-курорт, а также региональный центр связи. Вот и все. А в глубинке латифундии, шахты, фабрики быстро сменялись лесами, горами, морями, по которым не ходили торговые суда, неоглядными пустошами, дикими зарослями, где ночью огонька не увидишь, где тьма непроглядна и глуха.

«Конечно, в том, что планета не превратилась в сплошную выгребную яму, есть свои преимущества», — подумал Флэндри. Представившись начальству, он переоделся в гражданскую одежду и несколько дней провел инкогнито. Пообщался с местными торговцами, с прислугой, но наибольшее внимание уделил весьма шумному и обильно усащенному развлекательными заведениями Нижнему Городу.

«А вот сейчас я чувствую себя таким респектабельным, что чуть не лопаюсь от важности, — продолжал он свои размышления. — В чем дело — в контрасте, что ли? Нет, об этом думать не следует, особенно сейчас, когда я иду на прием к Аарону Снелунду». Его сердце забилось сильнее. Надо держаться, лицо не должно выражать никаких эмоций. Этим искусством он обязан не столько своей профессиональной подготовке, сколько сотням сыгранных партий в покер.

Подъем по пандусу привел его к внушительному портику. Флэндри поглядел вниз. Губернаторский дворец венчал высокий холм. Это было обширное, окрашенное в пастельные тона здание в колоннадно-купольном стиле архитектуры прошлого века. Ниже пояса садов губернаторской резиденции находились весьма утилитарно-официального вида постройки для чиновников, которые террасами спускались к подножию. Холм окружали дома богатей. А за ними шли дома менее состоятельных людей, которые на западе сменялись полями, а на востоке — собственно городом. Высокие торговые «башни» возвышались на берегу реки Луаны, а на другом ее берегу лежали городские трущобы. Сегодня туманная дымка затягивала горизонт, дул прохладный ветер, неся запахи весны. По улицам и по небу, подобно мошкам, сновали экипажи, шум которых сюда доносился лишь в виде слабого шепота. Тут — на вершине холма — трудно было поверить, что Катавраяннис кипит, готовясь к войне, что он на грани истерии, что он охвачен страхом... И вдруг медлительный гром пронёсся от горизонта до горизонта: космический корабль рвался в небо, направляясь на неизвестное задание...

Двое морских пехотинцев стояли на карауле возле главного входа.

— Сообщите ваше имя и по какому делу вы явились, сэр, — потребовал один из них. Он не направил на Флэндри свой ручной пулемет, но его пальцы, сжимавшие приклад и ствол, побелели.

— Коммандер Доминик Флэндри, командир эсминца «Азисна», прибыл на аудиенцию к его превосходительству.

— Минуту, пожалуйста, — другой морской пехотинец занялся проверкой. Он не только позвонил в секретариат, но и направил на посетителя сканер. — Все в порядке.

— Оставьте мне ваше оружие, сэр, — сказал первый, — и... хм... разрешите обыскать вас.

— Что такое? — не поверил своим ушам Флэндри.

— Приказ губернатора, сэр. Никто, не имеющий пропуска с полной физической идентификацией, не может войти сюда вооруженным и необысканным. — Морской пехотинец, совсем еще юный, нервно облизал губы. — Поймите, сэр, когда целые подразделения Флота совершили измену... мы... кому же мы теперь можем верить...

Флэндри посмотрел на испуганное лицо часового, передал ему свой бластер и позволил ощупать себя руками.

Появился лакей, поклонился, провел его по коридору ко входу в гравелифт. Обстановка была роскошная, дурной вкус сказывался скорее в излишней пышности, чем кричащих красках и нелепых пропорциях. То же самое относилось и к залу, куда ввели Флэндри. Ковер из живого меха под ногами становился то черным, то золотым; радуги вспыхивали на стенах; динамоскульптуры шевелились в каждом углу; благоухание и тихая музыка, казалось, придавали воздуху особый привкус; вместо ландшафта за окном целую сцену занимало движущееся изображение маскарадного бала в Императорском дворце. За тронным креслом красовался трехмерный, в натуральную величину, невероятно лстивый портрет императора Джосипа с приторно-сладким посвящением.

Караул несли четыре наемника: это были не люди, а гиганты — горзуни. Они были столь же неподвижны, как их шлемы, латы и оружие.

Флэндри вытянулся по стойке «смирно» и отдал честь. Сне-лунд вовсе не выглядел адским отродьем. Он купил себе почти девичью красоту: огненно-рыжие длинные волосы, сливочно-белая кожа, слегка раскосые фиолетовые глаза, вздернутый носик и пухлые, будто от пчелиного укуса, губы. Хотя он был невысок, а теперь еще стал и толстоват, бывшее изящество танцора он все же умудрился сохранить. Его богатый, расшитый золотом мундир, на диво скроенные брюки, туфли в виде лепестков и золотое ожерелье заставили даже Флэндри побелеть от зависти.

Кольца блеснули на его пальцах, когда он нажал кнопку ручного мемо, встроенного в подлокотник кресла.

— Ах да... Добрый день, капитан, — голос был очень приятный. — Могу отвести вам только пятнадцать минут. — Он улыбнулся. — Приношу свои извинения по поводу столь короткой аудиенции и за то, что вам пришлось ожидать ее так долго. Но вы должны понять, что у нас тут очень горячие деньки. Если бы адмирал Пиккенс не проинформировал меня, что вы прибыли

непосредственно по поручению штаба Разведывательного управления, я уверен, что вам не удалось бы пробиться сквозь заслон моих секретарей. — Он хмыкнул. — Иногда мне кажется, что они перебарщивают в своих заботах обо мне. Конечно, мне следует высоко оценить их деятельность по отсеву всяких зануд и глупцов, хотя вы удивились бы, командер, узнав, от скольких подобных мне так и не удастся избавиться. Но иногда, к сожалению, нежелательная волокита распространяется и на людей, у которых есть весьма важные поводы искать аудиенции.

— Да, ваше превосходительство, и чтобы не терять времени, я...

— Садитесь, пожалуйста. Так приятно встретиться с кем-то, кто прибыл прямехонько с нашей общей праматери! Ведь письма доходят до нас крайне редко, знаете ли... Ну и как там старушка Терра?

— Что ж, ваше превосходительство, я провел там всего лишь несколько дней, и это были чертовски занятые дни. — Флэндри сел и наклонился вперед. — И все из-за моего назначения.

— Понимаю, понимаю, — отозвался Снелунд. — Но сначала уделите мне чуть-чуть времени... — Его добродушие вдруг сменилось выражением горечи. — У вас есть свежие новости о ситуации с Мерсейей? Мы волнуемся по этому поводу ничуть не меньше других в Империи, несмотря на свои собственные неприятности. Переброска подразделений Флота к той границе серьезно ослабляет нашу... Если война с Мерсейей все же грянет и нас будут обескровливать и дальше... это послужит просто пригласительным билетом для варваров. Вот почему мятеж Мак-Кормака должен быть подавлен немедленно и любой ценой.

Флэндри понял: губернатор тянет резину.

— Я не знаю ничего, кроме того, что общеизвестно, — сказал он очень легкомысленно. — Уверен, что штаб на Ифрае регулярно получает донесения с курьерами прямо из болот Бетельгейзе. Информационный провал лежит в другом направлении: если вы разрешите мне воспользоваться метафорой, то я бы сказал, что не все дыры изотропны...

Снелунд расхохотался:

— Отлично сказано, капитан! Нам тут редко приходится слышать хорошую шутку. Пограничные районы традиционно славятся энергией, а не остроумием.

— Благодарю вас, ваше превосходительство, — ответил Флэндри. — Но, может быть, вы разрешите мне изложить мое дело? Прошу господина губернатора извинить меня, если мои рассуждения покажутся ему необоснованными. Необходимо понимание местной обстановки... особенно в моем случае, когда сама

миссия несколько неопределенна и заключается в том, чтобы составить доклад, основанный на том, что удастся выяснить...

Снелунд откинулся на спинку кресла.

— Продолжайте.

— Будучи новичком в этих краях, — мямлил Флэндри, — я прибыл сюда, чтобы изучить мнения и опросить довольно широкий круг людей. Я не стал бы просить у вас аудиенции, если бы в ней не было нужды. Я прекрасно понимаю, что вы с головой погружены в этот кризис... Но вышло так, что у меня возникла просьба к вам. К счастью, дело очень простое. Одно лишь ваше распоряжение...

— Какое? — осведомился Снелунд.

«Он явно расслабился, — решил Флэндри. — Принял меня за самовлюбленного племянника какого-нибудь фаворита, который путается в интригах, дабы заработать повод для дальнейшего продвижения по службе».

— Я хотел бы поговорить с леди Мак-Кормак.

Снелунд так и подскочил в своем кресле.

— Согласно моей информации, она была арестована вместе со своим мужем и находится сейчас в распоряжении лично вашего превосходительства. — Это Флэндри произнес с игривой улыбкой. — Я полагаю, что она может обладать многими ценными сведениями. И еще я подумал, что ее можно использовать в качестве посредника. Переговорный процесс с ее супругом...

— Никаких переговоров с предателями! — Кулак Снелунда опустил на подлокотник кресла.

«Какая театральщина», — подумал Флэндри. И громко возразил:

— Извините меня, сэр, я вовсе не имел в виду, что ему удастся выйти из этой переделки чистеньким. Я просто... что ж... ну, в общем, меня удивило, что никто не позаботился допросить леди Мак-Кормак.

Снелунд возмущенно воскликнул:

— Знаю я, о чем вы слышали! Тут все сплетничают, вся эта свора похотливых гнусных старух! Я уже сообщил все нужные факты офицеру адмирала Пиккенса по разведке и готов изложить их и вам. У нее оказалась очень неустойчивая психика, пожалуй, даже хуже, чем у ее супруга. Арест привел ее в состояние полной истерии. Психический срыв — даже такой термин будет не слишком большим преувеличением. Сделав гуманный жест, я предложил поместить ее в обычную комнату, а не в камеру. Улик против нее куда меньше, чем против ее супруга. Она находится в жилом крыле моего дворца, ибо это единственное место, где я могу гарантировать, что ее покой не будет нарушен грубым вмешательством. Мои агенты готовились подвергнуть

Мак-Кормака строгому допросу как раз в тот момент, когда его преступные сообщники освободили его. Его жена узнала об этом и тут же совершила попытку самоубийства. С тех пор мои врачи держат ее под воздействием сильных успокоительных средств.

Флэндри слышал совсем другое, хотя никто не осмеливался привести ему более веские улики, нежели слухи.

— Прошу у губернатора прощения, — сказал он, — но штаб адмирала Пиккенса считает, что я, имея специальное поручение, могу быть допущен туда, куда другие доступа не получили.

— Их люди встречались с ней дважды, командер. В обоих случаях она была неконтактна.

«Еще бы, разве трудно сделать заключенной укол или слегка «промыть мозги», когда вам часа за полтора-два известно о грядущем визите».

— Понимаю, ваше превосходительство. И с тех пор ей ни разу не становилось лучше?

— Ей хуже. По совету моих врачей я запретил дальнейшие посещения. Да и о чем может рассказать эта несчастная женщина?

— Вероятно, ни о чем, ваше превосходительство. Однако, как вы понимаете, сэр, от меня ожидают *полного доклада*, и поскольку мой корабль вскоре уходит вместе со всем Флотом (*если я не предъявлю свой приказ о праве на независимые действия*), то сегодня может быть мой последний шанс. Не мог бы я получить свидание всего лишь на несколько минут, чтобы удовлетворить их... ну тех, которые на Терре?

Снелунд почти взорвался:

— Вы сомневаетесь в моих словах, капитан?

— О нет, нет, ваше превосходительство! Ни в коем случае! Это чистая формальность! Чтобы спасти мою... хм... репутацию, сэр, ибо меня могут спросить: почему я не проверил этот факт. Я могу отправиться прямо сейчас, сэр, и ваши врачи будут там присутствовать, чтобы удержать меня от малейшего вреда, который я мог бы причинить!

Снелунд покачал головой:

— Я уверен, что вы его все же причините. Нет, я запрещаю это.

Флэндри с укором смотрел на него.

Снелунд помассировал подбородок.

— Я, конечно, сочувствую вам и понимаю ваше положение, — сказал он, сменяя оскал на слабую улыбку. — Терра так далеко, что реалии нашей жизни доходят до нее исключительно в виде слов, фотографий, чертежей... хм... Дайте мне номер вашего телефона, по которому вас всегда можно разыскать. Мой лич-

ный врач известит вас, когда вы сможете ее повидать. В некоторые дни она бывает несколько оживленной, чем в другие, хотя, вообще говоря, она всегда неконтактна. Годится?

— Ваше превосходительство очень добры, — расплылся в улыбке Флэндри.

— Но я не обещаю, что это произойдет обязательно до вашего отбытия, — подстраховался Снелунд. — Ведь времени осталось так мало. Что ж, в таком случае вы, конечно, увидите ее по возвращении. Хотя к тому времени необходимость такого свидания может вообще отпасть, ведь Мак-Кормак будет тогда уже раздавлен.

— Формальность, ваше превосходительство, — повторил Флэндри.

Губернатор продиктовал автоматической записной книжке все, вплоть до номера, по которому можно передать поручение на «Азиенну», и Флэндри, после уверений во взаимном почтении, отбыл.

Около дворца он взял такси и постарался, чтобы охранники услышали его приказ ехать в космопорт. Ни для кого не было секретом, что все эти дни он провел в городе — того требовала работа. Но то впечатление лентяя, которое он хотел закрепить, требовало, чтобы он при первом удобном случае снова вернулся на корабль. Как бы ни была аскетична его каюта, она все же куда лучше того убогого ночлега, который планета сейчас могла ему предоставить. Катавраяннис был переполнен космонавтами и морскими пехотинцами, а корабли прибывали один за другим.

— Почему они собираются именно здесь? — спросил он капитана Леклерка из штаба адмирала Пиккенса, к которому явился. — Штаб-квартира ведь на Ифрае.

Леклерк пожал плечами:

— Так было угодно губернатору.

— Но не может же он...

— Может, Флэндри. Я знаю, что флотские и гражданские власти по идее должны лишь координировать свои действия. Но губернатор — непосредственный представитель Императора. И как таковой, он в случае, если у него возникнет такое желание, может действовать от его имени. Возможно, потом на Терре он получит кучу неприятностей, но ведь это потом. А здесь Флоту лучше подчиняться его желаниям.

— Но почему такой приказ? На Ифрае имеются необходимые службы обеспечения. Это наш естественный центр и место старта.

— Да, конечно. Зато у Ллинатавра нет таких средств защиты, какие есть на Ифрае. Самим фактом своего присутствия здесь мы охраняем его от рейдов, которые, возможно, планирует

мстительный Мак-Кормак. Так что, пожалуй, здоровое зерно тут есть. Расколошматить столицу сектора, а еще лучше захватить ее. Это здорово продвинуло бы адмирала на пути к успеху и установлению контроля над всем сектором. А к тому времени когда мы стартуем отсюда, адмирал будет слишком занят, хотя мы, так и быть, тоже оставим тут кое-какое прикрытие. — Леклерк цинично добавил: — А пока ожидание длится, наши свободные от вахт ребята от пуза могут наслаждаться приличными, хоть и дорогими бардаками за счет губернатора. Снелунд старается поддерживать в Катавраннисе свою популярность.

— Неужели вы полагаете, что нам придется прямо отсюда броситься в жерло кровавой схватки?

— Это опять-таки директива самого губернатора, как я слышал. Решение это, конечно, не соответствует нраву адмирала Пиккенса. Если б он действовал самостоятельно, я убежден, он сначала бы посмотрел, чего можно достичь небольшими рейдами и стычками патрулей... А превращение целых миров, входящих в Империю, в груды радиоактивных развалин, это, знаете ли... Но есть приказ — мы должны выжечь заразу задолго до того, как она распространится дальше. — Леклерк скорчил гримасу. — А вы коварный собеседник, я не должен был так распускать с вами язык. Давайте-ка займемся вашими бумагами.

Когда Флэндри вышел из такси у терминала, он сейчас же узнал, что ему придется ждать два часа отправки шаттла на Восьмой спутник, где его подберет капитанская шлюпка. Он позвонил в общежитие и попросил доставить ему сюда его багаж. Поскольку весь багаж состоял из одной сумки, Флэндри не стал его сдавать, а взял с собой в кабинку туалета. Оттуда он вышел развалистой походкой, в поношенной одежде, с надвинутым на лицо капюшоном плаща и с вывернутой наизнанку сумкой, которая теперь стала совсем другого цвета. У Флэндри не было причин считать, что за ним следят, но он полагал, что подстраховаться никогда не мешает. Он взял такси, которое привезло его к дешевому отелю, там пересел в другое, на котором добрался до Нижнего Города. Еще несколько кварталов он прошел пешком.

Ровиан отыскал мебелишки, чья клиентура состояла преимущественно из негуманоидов, и к тому же невзыскательных. Свою конуру Ровиан делил с огромным субъектом, обладателем множества щупальцев, название планеты которого произнести было практически невозможно. От субъекта воняло переработанным сернистым ангидридом, но тем не менее он был довольно приличным парнем. Среди его бесценных качеств было и то, что он не владел языком эрио. Он заколыхался в своей койке, когда

вошел Флэндри, пробормотал приветствие на англике и вернулся к созерцанию того, что он созерцал перед этим.

Ровиан потянулся всеми своими шестью конечностями и устрашающе зевнул.

— Наконец-то, — произнес он. — Я уж думал, что сгнию тут заживо.

Флэндри сел на пол, ибо стульев не было, и закурил сигарету не столько потому, что хотел курить, а скорее из-за страшного зловония.

— Как там, на корабле? — спросил он на главном мерзейском языке.

— Удовлетворительно, — на нем же ответил Ровиан. — Кое-кто удивился, почему это зам уходит в отгул до того, как вернулся капитан. Но я объяснил, что дело идет о нашем снабжении, и оставил Валенсию за главного. Да и ничего не может случиться, пока мы будем болтаться на орбите, так что никаких особых комментариев не последовало.

Флэндри встретил взгляд глаз с узкими как щелочки зрачками. *«Ты, видимо, знаешь о том, что думают твои приятели на корабле, больше, чем следовало бы знать негуманоиду. Не стану притворяться, будто понимаю, как у тебя шевелятся мозговые извилины. Но... должен же я иметь кого-то, на кого можно положиться. Я прощупал тебя, пока мы летели, и решил, что ты достаточно надежен».*

— Я просил тебя найти такое логово и сказать мне, где оно находится, не ради развлечения, — объявил он с ясностью, которой требует грамматика языка эрио. — Моя цель заключалась в том, чтобы можно было обсудить планы в полной тайне. Ты это сделал.

Ровиан насторожил уши.

Флэндри описал ему встречу с губернатором. Кончил он так:

— Нет никаких серьезных оснований сомневаться, что Снелунд врет о состоянии леди Мак-Кормак. Через стражу и слуг наружу просочились слухи из частных апартаментов. Всем это дело безразлично, ничего, кроме язвительного любопытства, оно не порождает. Весь двор, вся стража, все чиновничество буквально нашпигованы людьми Снелунда. Я там побродил вокруг, попытался кое с кем подружиться — ну, с теми, кто кончил работу, так что они мне что-то сболтнули. Двое или трое набрались будь здоров, прежде чем заговорили о том, о чем умолчали бы в трезвом виде. — О некоторых добавках, брошенных в их выпивку, Флэндри умолчал.

— А почему же кадровые работники разведки ничего такого не заподозрили? — спросил Ровиан.

— Думаю, заподозрили. Но у них множество других дел, которые, по их мнению, гораздо важнее. И они не думали, что она сможет сказать что-то важное. Так зачем идти на столкновение с губернатором, рискуя своей карьерой ради жены главного мятежника?

— Но ты же собираешься это сделать? — вызверился Ровиан.

— Храйх! — Флэндри закашлялся в дыму, которым заполнил всю комнату. Дым клубился серо-голубыми нитями в лучах солнца, пробившихся сквозь окно, чья грязь копилась тут несколько геологических эпох. Газ, пахнувший тухлыми яйцами, вызывал головную боль, хотя вполне возможно, что пахло тут всего лишь обыкновенной местной гнилью. Снаружи слабо доносился шум транспорта, а время от времени чьи-то сильные вопли.

— Понимаешь, — объяснил Флэндри, — я нахожусь в свободном поиске. Сохранность моего носа не зависит от множества жерновов, которые необходимо привести в действие, чтобы флотские могли начать действовать по своему выбору. И об Аароне Снелунде и его прошлом я знаю куда больше местных офицеров и даже больше офицеров в моем собственном подразделении; даже больше того, что хранится в архиве самого Снелунда. Я свободен от других забот, у меня есть время остановиться и подумать. Вот я и пришел к выводу, что вряд ли логично предполагать, что он держит Кэтрин Мак-Кормак взаперти только по той причине, о которой все шепчутся при дворе. В штабе адмирала тоже могут думать так, а поэтому и беспокоиться. Но я глубоко сомневаюсь, что Снелунд может подняться выше мимолетного влечения к любому человеческому существу. Но почему же тогда он не желает отдать ее для допроса? Значит, она что-то знает, а? А кроме того, ее ведь можно использовать и при переговорах с ее собственным мужем.

— Ну, это вряд ли, — отозвался Ровиан. — Его жизнь сейчас гроша ломаного не стоит.

— Хм... Именно поэтому мои прыткие коллеги дальше и не пошли. Но... Не берусь предсказывать, однако думаю, если ее отдать, можно было бы выторговать у него кое-какие уступки... отдать ее, чтобы он стал... Что ж, полагаю, нужно быть хладнокровным подонком вроде меня, чтобы увидеть ряд подобных возможностей. Дело в том, что мы ничего не теряем, пытаясь ее вытащить, а выиграть кое-что можем. А следовательно — и должны этим заняться. Но все-таки почему Снелунд прячет ее, прикрываясь этой дурацкой выдумкой о болезни? Почему? Что такое она представляет для него, если отвлечься от вопроса о ее теле? Его сектор разваливается. Так почему же в этом пустяковом деле он отказывается идти на уступки?

— Ну этого я не знаю, — буркнул Ровиан.

— А я вот подумываю, не знает ли она чего-то такого, что он предпочитает держать под крепким запором, — сказал Флэндри. — Все, например, считают, что Снелунд дерьмовый губернатор, но лояльный, а Мак-Кормак — враг. Но и то и другое — просто предположения.

— Так не лучше ли тебе воспользоваться властью, которой ты облечен согласно секретному приказу, и потребовать ее выдачи?

Флэндри скорчил ему рожу:

— А ну-ка потише! Тогда, если они хотя бы на пять минут задержат меня у ворот, я получу лишь ее холодный труп. А если на десять — то ловкий укол в мозг даст мне лишенную памяти идиотку. Именно поэтому я играл свою роль без всякого педалирования. Но я все равно не жду, чтобы меня вызвали к ней до ухода Флота.

— А после его возвращения...

— Она вполне может отдать концы еще до конца операции. Ровиан насторожился. Койка под ним жалобно заскрипела.

— А ведь ты мне это говоришь не зря, капитан, — сказал он. Флэндри кивнул:

— И как ты об этом догадался?

Ровиан опять ничего не ответил, так что Флэндри вздохнул и продолжил:

— Мне кажется, мы сумеем ее освободить, если спланируем точно и проведем операцию с точностью до... Ты останешься тут в городе с несколькими парнями из команды, которых сам подберешь, и с воздушным такси под рукой. Час спустя или около, после того как армада наберет скорость, я предъявлю свой тайный приказ адмиралу и официально выйду из его подчинения. Можно поручиться, что все помыслы Снелунда в это время будут обращены к армаде, а не к его дворцу. Ты же возьмешь свое отделение, предъявишь приказ, который я тебе дам, и заберешь Кэтрин Мак-Кормак раньше, чем кто-нибудь сумеет отыскать губернатора и спросить его разрешения. При необходимости — стреляй; тот, кто попробует тебе противиться, — изменник Империи. Но я полагаю, этого не случится, если будешь действовать быстро. Неподалеку вас будет ждать моя шлюпка. Ты и твои ребята запихнете в нее леди Мак-Кормак, запустите антигравы для подъема в космос, выйдете в точку рандеву с «Азиенной», и мы немедленно дадим деру из этой системы.

— План представляется мне чертовски опасным, — сказал Ровиан, — а выигрыш весьма сомнительным.

— Но это все, что мне удалось придумать, — ответил ему Флэндри. — Я ведь понимаю, что именно тебе придется держаться

голой рукой за рабочую часть сверла. Так что, если считаешь меня за дурака, можешь отказаться.

Ровиан облизал свои сабельные клыки и раскрутил хвост.

— Я своим капитанам не отказываю. Я — член Братства Клятвы, — ответил он. — Полагаю, мы можем продолжить обсуждение. Мне кажется, есть такие тактические детали, которым можно придать большую элегантность.

•

Глава 5

Корабль за кораблем эскадра Пиккенса покидала орбиту и направлялась в глубины космоса. Когда солнце Ллинатавра превратилось в маленькую яркую точку, космические корабли выстроились в походный порядок и включили гипердвигатели. Космос вскипел от невообразимых вихрей энергии. Все как один, и боевые корабли, и корабли системы обеспечения, нацелились на звезду Вергилий, взяв на мушку человека, пожелавшего стать императором.

Кораблей было и не так уж много. Приказы, отданные с целью укрепить флоты, противостоявшие Мерсейе, сильно подорвали мощь эскадры сектора. Огорчительно большое число кораблей перешло на сторону Мак-Кормака. Из сохранивших верность многие остались, чтобы прикрыть, а вернее, держать в блокаде ключевые планеты. Предполагалось, что силы мятежников равны трем четвертям сил адмирала Пиккенса, двигавшихся на Вергилий. С учетом ракет с ядерными боеголовками и боевых лучей подобные расчеты имеют меньше смысла, чем кажется невеждам. Прорыв всего лишь одной ракеты сквозь линии защиты способен вывести из строя или уничтожить целый космический корабль.

По этой причине Пиккенс вел свой флот осторожно, фланги его главных сил охранялись роем разведывательных судов. Его самые быстрые корабли могли прибыть к месту назначения через полтора дня, а самые медлительные — за вдвое больший срок. Он же отвел на сближение пять суток, ибо не забыл ловушку, подстроенную его бывшим начальником для валдотарианских корсаров.

А на мостике «Азиенны» Доминик Флэндри, сидя в своем капитанском кресле, наклонился вперед и приказал пилоту:

— Двадцать градусов по оси икс, четыре градуса по оси игрек, значение зет — три тысячи. Достичь крейсерской псевдоскорости.

— Есть, сэр. — Пилот повторил приказ и ввел программу в компьютер, контролировавший действия гипердвигателя.

Флэндри внимательно всматривался в консоль, находившуюся перед ним, где шла обработка гораздо более сложных данных, чем у пилота, и наконец решился задать вопрос:

— Ты можешь держать этот курс, гражданин Ровиан?

На самом же деле он спрашивал своего первого помощника, выполняется ли тот маневр, который они спланировали раньше, — тащиться за флотом, чтобы вибрации двигателя эсминца тонули в волне излучений двигателей остальной эскадры; это в свою очередь должно было затруднить действия преследователей. Оба знали, оба прекрасно знали, что ритуал, демонстрирующий непогрешимость капитана, должен быть обязательно соблюден. Ровиан бегло оглядел приборную доску и совершенно спокойно ответил:

— Конечно, сэр.

Тогда Флэндри включил канал общей связи.

— Слушать всем, — произнес он негромко. — Капитан обращается к офицерам и команде. Вы все знаете, что наш корабль выполняет особое задание, в высшей степени секретное и исключительно важное. Мы почти завершили его. Для окончательного успеха нам требуется соблюдать полное молчание коммуникационных систем. Никакие сообщения извне не могут быть приняты никем, кроме лейтенанта-коммандер Ровиана и меня, и ни одно не может быть передано без моего личного письменного разрешения. В условиях, когда измена проникла даже во Флот его величества, необходимо быть настороже в ожидании провокационных выпадов и обманных маневров. — (Хорошенький образчик казуистики? — внутренне ухмыльнулся он.) — Приказываю офицеру-связисту произвести соответствующее переключение каналов связи. Выполняйте.

Флэндри отключился. Его взгляд скользнул по изображению неба на экранах рубки. На них не было видно ни единого корабля. Самые крупные из них уже исчезли в необозримости космоса и их можно было отыскать лишь с помощью специальных инструментов или совершенно эзотерических вычислений. Звезды их игнорировали — отчужденные от войн и болезней жизни, они были бессмертны... Нет, даже не то... Их подстерегала в будущем своя собственная Долгая Ночь.

— Внешняя связь переключена, сэр, — сообщил Ровиан, взглянув на главную консоль. Флэндри надел наушники. Каждый входящий сигнал теперь поступал прямо к нему, и только к нему.

— Прими командование. — Флэндри встал. — Я пойду допрашивать арестованную. Когда наступит время менять вектор, немедленно известить меня, но при срочной необходимости меня не ждать.

На самом же деле он сказал Ровиану совсем другое: следите за передачами; Снелунд обязательно взвост, как только узнает о том, что произошло. Если к этому времени мы уже будем в гиперпространственном прыжке, он, возможно, пошлет за нами погоню. Так или иначе, он потребует нашего возвращения, и, боюсь, адмирал Пиккенс может ему подчиниться. Возникнет весьма пикантная ситуация. И в тот момент, когда нам покажется, что она наступает, нам следует рвать когти и удирать ко всем чертям. Мне легче доказать, предъявив корабельный журнал, что мы не получали приказа Пиккенса, нежели пытаться убедить военный суд, что я был вправе его игнорировать.

Этот код был известен только им двоим. Возможно, что парни, ходившие с первым помощником во дворец, тоже кой о чем догадались, но это значения не имело. Ребята были крутые и рот на замке держать умели. А после всего, чего они насмотрелись за время путешествия с Терры, они с радостью сделали бы посильную пакость его превосходительству.

— Есть, сэр, — отозвался Ровиан.

Флэндри спустился по трапу и прошел гулким коридором к своей каюте. Звонка на двери не было, и он постучал.

— Кто там?

Голос, донесшийся через тонкую переборку, был хрипловатым контральто с легким акцентом, страшно усталым и начисто лишенным эмоциональной окраски.

— Капитан, миледи. Разрешите войти?

— Помешать вам не могу.

Флэндри ступил через порог и прикрыл за собой дверь. В его каюте хватало места для койки, письменного стола, стула, шкафа, нескольких полок и ящиков. За занавеской находились раковина, туалет и душ. Притащить сюда какие-то личные пожитки у него возможностей не было. Шум, вибрации и масляно-электрический запах заметно украшали атмосферу.

Флэндри никогда не видел фотографий Кэтрин Мак-Кормак. Поэтому все в каюте внезапно перестало для него существовать. Позже он предположил, что, должно быть, отвесил ей глубокий придворный поклон, так как фуражка оказалась у него в руке, но наверняка ничего вспомнить не смог.

Она была старше Флэндри на пять стандартных лет, это он знал, как знал и то, что по меркам Терры красоткой она не считалась. Ее фигура казалась слишком высокой, слишком широкоплечей, грудь слишком пышной, а мышцы под еще сохранившейся, несмотря на длительное заключение, загар кожей слишком твердыми. Лицо было широкоовальное: большое расстояние между высокими скулами, между пылающими глазами (испещ-

ренные золотыми брызгами зеленые глаза под черными густыми бровями), широкий крепкий нос, пышный рот и сильный подбородок. Волосы, подстриженные ниже ушей, густые и волнистые, цветом напоминали янтарь с отсветами золота и меди. Кэтрин была одета в короткое перламутрового оттенка платье и почти хрустально-прозрачные туфельки, в которых ее взяли из дворца.

«Мама чем-то была похожа на нее», — подумал Флэндри.

Ему наконец удалось собраться с мыслями.

— Приветствую вас на борту, миледи. — Он чувствовал, что его улыбка выглядит не совсем уместной. — Разрешите мне представиться. — Он тут же это и сделал. — Всецело к вашим услугам, — закончил он и протянул руку.

Она свою не протянула — ни для пожатия, ни для поцелуя. Даже со стула не поднялась. Он видел черные круги вокруг глаз и черную глубину в глазах, видел провалы на щеках и легкую пыль веснушек.

— Добрый день, капитан. — Тон не был ни холодным, ни теплым. Он был никаким.

Флэндри опустил койку и сел на нее.

— Что я могу вам предложить? — спросил он. — У нас обычный набор напитков и наркотиков. — Он протянул ей свой портсигар. — А может быть, вам угодно перекусить?

— Ничего.

Он внимательно посмотрел на нее. «Перестань, сынок, валять дурака. Слишком уж долго ты хранил свое целомудрие. Она, конечно, красива и... — Тут он наконец сообразил, в чем заключается истина... — Ты, небось, думаешь о ее возможной доступности... после того, что с ней недавно было. Забудь. Оставь свои хищные замашки для врагов».

Он медленно выговорил:

— Вы не хотите принять гостеприимство от Империи? Я прав? Пожалуйста, будьте благоразумны, миледи. Вы же знаете, что для того, чтобы жить, надо питаться, что вы и делали в доме Снелунда. Почему бы не поесть и сейчас? Мои намерения отнюдь не обязательно противоречат вашим интересам. Я доставил вас сюда, несмотря на сопряженный с этим риск, чтобы обсудить с вами ряд серьезных вопросов.

Она повернула к нему лицо. Их взгляды скрестились. После молчания, которое, казалось, длилось чуть ли не бесконечно, он увидел, что ее напряженность чуть ослабла.

— Спасибо, — сказала она. *(Неужели ему показалось, что ее губы дрогнули и в уголках рта показался намек на улыбку?)* — Кофе и сэндвич были бы вполне уместны, сказать по правде.

Флэндри передал по интеркому распоряжение на камбуз. Кэтрин отказалась от сигареты, но разрешила ему курить. Он сделал несколько глубоких затяжек, а потом быстро сказал:

— Боюсь, удобства на эсминце оставляют желать лучшего. Конечно, вы останетесь в этой каюте. Я переселюсь к помощникам. Но мне придется оставить свою одежду и личные вещи там, где они находятся сейчас. Надеюсь, что стюард и я не доставим вам чрезмерного беспокойства тем, что время от времени будем появляться в этой каюте, быстро исчезая из нее. Питаться вы можете или здесь, или в столовой, как вам будет угодно. Я позабочусь, чтобы вы получили комбинезон... Извините, я не подумал о том, что может понадобиться женская одежда. И я очищу вам ящик для ваших вещей. Кстати, о ящике... — он встал и выдвинул один из ящиков стола. — Я его не закрываю. В нем нет ничего секретного, в том числе и в этом сувенире. — Он вынул из ящика мерсейский боевой нож. — Знаете, как обращаться с этим дешевым, но очень славным резакom? Могу продемонстрировать. Конечно, перед пулей, бластером или нейролучом станера он не устоит. Но вы не поверите, как удобен он в рукопашной. — Флэндри снова поймал ее взгляд. — Будьте осторожны с ним, миледи, — произнес он очень тихо. — Вам нечего бояться на моем корабле. Но ведь ситуация может и измениться. Однако мне не хотелось бы, чтобы вы с моим сувениром обращались легкомысленно и ушли бы из этой вселенной, когда в том нет никакой реальной необходимости.

Сквозь ее зубы со свистом вырвалось дыхание. Красная и белая краска сменяли друг друга на ее лице. Протянутая за ножом рука дрожала. Сначала она уронила руку, потом поднесла ее к глазам, сжав в кулак и стараясь изо всех сил не разрыдаться.

Флэндри повернулся к ней спиной и зарылся в аутентично изданный экземпляр перевода «Гэндзи-Моногатори», который взял с собой для того, чтобы в полете разогнать скуку. Принесли еду. Когда Флэндри закрыл дверь за коком и поставил поднос на стол, Кэтрин Мак-Кормак уже успела полностью овладеть собой.

— А вы страйдер, сэр, — сказала она. Он поднял бровь. — Это энейское слово, — объяснила женщина. — Сильный, хороший человек... я бы перевела — джентльмен.

Он погладил усики.

— Скажем, не состоявшийся джентльмен. — Флэндри сел на койку. Их колени соприкасались. — Никаких разговоров за едой. Это отвратительное извращение. — Она вздрогнула. — А как насчет музыки? — быстро переменял он тему. — У меня плебейские вкусы, но я искренне пытался постигнуть то, что называется

ся высоким искусством. — Флэндри повозился с селектором. Раздалась радостная мелодия Eine Kleine Nachtmusik*.

— Как это прекрасно, — сказала Кэтрин, когда они кончили есть. — Это Терра?

— Да, еще до эры космических полетов. В наши дни в ядре Империи очень высоко ценится антиквариат — в широком смысле. Возрождается все — от фехтования до аллеманды... хм... от спортивных соревнований со шпагами до классических танцев. Тоска по прошлому, конечно, не дает в полной мере увидеть его красочность, жестокость, сложность. Впрочем, я не уверен, что все это было в действительности. Сами же прошлые проблемы уже похоронены.

— А наши еще не в могиле. — Кэтрин быстро допила свою чашку кофе и со звоном поставила ее на пустую тарелку. — Если только они не похоронят нас. Давайте поговорим, Доминик Флэндри.

— Если вы готовы. — Он закурил новую сигарету.

— Я бы предпочла сделать это сейчас. Может, у нас не так уж много времени для того, чтобы вы могли решить, что делать со мной. — Русая головка поднялась. — Я чувствую себя возрожденной. Доброта пробуждает мои печали сильнее, чем удар.

— Как уютно, миледи. — *Ах, почему у меня нет такого очаровательного местного акцента!*

— Зачем вы спасли меня? — спросила она тихо.

Флэндри долго и внимательно изучал горящий кончик сигареты.

— Вряд ли это можно назвать спасением, — произнес он наконец.

Кровь с ее лица снова схлынула.

— Избавление от Аарона Снелунда, — сказала Кэтрин, — это всегда спасение.

— Так плохо?

— Я бы покончила с собой, если б у меня была возможность. К сожалению, ее не было. Тогда я попыталась спасти свой рассудок, выдумывая способы убийства Снелунда. — Она беззвучно ломала пальцы, пока наконец не поняла, что делает. — Привычка, заимствованная у Хью, — пробормотала она и опустила руки с крепко сжатыми кулаками.

— Вы можете частично отомстить Снелунду, — сказал Флэндри, выпрямившись на койке. — Выслушайте меня, миледи. Я — оперативный агент разведки. Меня отправили изучить обстановку в секторе альфы Креста. Мне показалось, что вы можете

* «Маленькая ночная серенада» Шуберта.

рассказать мне о таких вещах, о которых больше никто не знает. Вот почему вы здесь. Учтите, что официально я не могу полагаться на ваши ничем не подкрепленные показания и что я не желаю прибегать к таким методам, как гипноз, для того, чтобы вырвать у вас эти показания против вашей воли. Но если вы солжете мне, это будет хуже для дела, чем если бы вы просто молчали. Хуже для нас обоих, поскольку я искренне намереваюсь вам помочь.

К ней уже вернулось спокойствие. Видно, она происходила из крутой семьи.

— Лгать я не стану, — пообещала она. — Что же касается показаний... то это зависит от обстоятельств. Верно ли то, что я слышала — будто мой муж поднял мятеж?

— Да. Мы следуем за эскадрой, чья задача — подавить мятеж, захватить и оккупировать планеты, которые поддержали восставших, среди которых и ваша родная планета, миледи.

— И вы находитесь на стороне имперцев?

— Я офицер Терранской Империи, это так.

— Но и Хью — тоже. Он... никогда не хотел... ничего, кроме добра своему народу, вернее всем народам, где бы они ни обитали. Если б вы сами тщательнее продумали ситуацию... Вы, я думаю...

— На это не следует рассчитывать, миледи. Но я выслушаю все, что вам заблагорассудится мне сообщить.

Она кивнула:

— Я расскажу все, что знаю. Потом, когда я окрепну, вы можете воспользоваться допросом под гипнозом, чтобы убедиться, что я не лгу. Я считаю, что могу вам довериться и что гипноз будет применен только для получения подтверждения моих слов, а не для глубокого зондажа памяти.

— Да, можете.

Несмотря на бедственное положение Кэтрин, Флэндри чувствовал возбуждение, все бушующие в нем чувства обострились. *«Клянусь ледяным шаром Юпитера, я вышел на свежий след!»*

Кэтрин выбирала слова тщательно и произносила их ровным тоном, нимало не колеблясь. За время всего последовавшего разговора с ее лица не сходила маска спокойствия.

— Хью никогда не замыслил предательства. Иначе я бы знала. Он добился для меня допуска к делам высшего уровня секретности, чтобы мы могли вместе обсуждать его служебные проблемы. Иногда мне даже удавалось подать ему интересную мысль. Мы оба были просто в бешенстве от тех бесчинств, которые творили бандиты Снелунда. Цивилизованные миры, подобные Энею, поначалу страдали лишь от несправедливых налогов.

Потом, конечно, появились и штрафы, и конфискации, и политические аресты — все больше и больше — а уж когда политическая полиция была создана официально... Но все это пустяки по сравнению с тем, что творилось на многих отсталых мирах. У нас были связи и знакомства, в конце концов мы могли поднять на Терре шум, даже невзирая на то что Снелунд — любимчик Императора. Но эти несчастные дикари...

Хью написал на Терру. Для начала он получил выговор за вмешательство в дела гражданской администрации. Но постепенно весомость его обвинений стала производить впечатление на бюрократическую систему. Он начал получать ответы от Адмиралтейства, требующие предоставления дальнейшей информации. Подобные документы доставлялись флотскими курьерами. Почте мы больше не доверяли. Хью и я целый год собирали факты — показания под присягой, фотографии, материалы аудиторских проверок, — которые не могли быть опровергнуты. Мы собирались лично отправиться на Терру, чтобы отвезти туда свои микрофильмированные досье.

Снелунд почувствовал грозу. Мы предпринимали меры предосторожности, но в конспирации слежки мы были новичками, а вам и во сне не увидеть, как жутко и бессмысленно жить под колпаком у тайных агентов, когда даже словом обменяться и то нельзя... Снелунд официально потребовал, чтобы Хью явился к нему обсудить планы обороны наших передовых постов. Что ж, там действительно было тревожно, а Хью — не такой человек, чтобы оставить их без помощи. Я больше, чем он, опасалась ловушки, но все же последовала за ним. Мы в последние дни старались держаться вместе. Однако я предупредила старшего адъютанта Хью и старинного друга моей семьи капитана Олифанта. Он должен был быть наготове в случае предательства. Мы остановились во дворце. Это нормальная процедура при визитах гостей высокого ранга. На вторую ночь, когда мы готовились ложиться спать, нас арестовал отряд стражи.

Меня отвели в личные покои Снелунда. Неважно, что было потом. Но через некоторое время я заметила, что он склонен к бахвальству. Притворяться, что я изменила к нему отношение, смысла не было. Наоборот, он был в восторге, когда получал возможность еще чем-то помучить меня. Это доставляло ему наслаждение — было приятным развлечением. Нанести болезненный удар в правильно выбранный момент. Я, конечно, не думала, что когда-нибудь смогу передать кому-то то, что он мне говорил. Ведь он сказал, что от него я уйду с начисто промытыми мозгами, с вымытым сознанием. Но надежда... И как же я

счастлива сейчас: есть хоть один процент вероятности, что эта надежда осуществится.

Она остановилась. Глаза были сухи, как у рептилии. Они, казалось, смотрели сквозь Флэндри.

— Никогда не предполагал, что губернаторские доходы предназначались только для обеспечения его пожизненной карьеры, — сказал еле слышно Флэндри. — Что же он задумал?

— Возвращение. Назад к трону. Быть кукловодом, прячущимся в складках императорской мантии.

— Хм. А его величеству это известно?

— Снелунд похвалялся, что они задумали это вместе, еще до того как он отбыл сюда; он утверждал, что они с Императором находились в непрерывном прямом контакте.

Флэндри ощутил острую боль. Догоревшая сигарета обожгла ему пальцы. Он швырнул ее в утилизатор и закурил новую.

— Вообще говоря, я никогда не верил, что в мозгах нашего Джосипа есть хоть три извилины, способные как-то взаимодействовать друг с другом. Но, разумеется, братишка Снелунд дал Императору возможность ощущать себя почти гением. Такие приемчики входят в систему манипулирования личностью.

Теперь Кэтрин снова увидела собеседника.

— И вы говорите такие вещи?!

— Если вы об этом сообщите, я буду уничтожен за *lese majeste**, — признался Флэндри. — Но я почему-то сомневаюсь, что вы захотите это сделать.

— Конечно, нет! Потому, что вы... — Она вовремя спохватилась.

Он подумал: *«Я вовсе не пытался вводить ее в заблуждение. Но видно, это получилось само собой, раз она рассчитывает, что я присоединюсь к жалкому мятежу ее мужа. Что ж, это склонит ее к сотрудничеству, что пойдет на пользу делу, а также на несколько дней сделает ее счастливой»*.

— Частично техническая сторона заговора мне ясна, — сказал он. — Император хочет получить своего Аарона обратно. Дорогой Аарончик указывает ему, что для этого из сектора альфа Креста придется выдоить колоссальные суммы. Имея их, он купит на корню избирателей, средства массовой информации, сможет манипулировать событиями, возможно, организовать несколько политических убийств... пока большинство в Политическом Совете не переметнется на его сторону.

Следовательно, от трона идут распоряжения к некоторому числу могущественных, тщательно отобранных людей. Факты,

* Оскорбление величества (фр.).

касающиеся губернаторства Снелунда, кладутся под сукно, распоряжения об их расследовании отправляются в долгий ящик или же дела затягиваются с помощью различных ухищрений, если они все же начаты. Именно так. Я это испытал на собственной шкуре.

Он нахмурился:

— Но скандал таких масштабов не может вечно оставаться тайной. Ведь все основано на том, что огромное число людей должно встать на сторону Снелунда, счесть его за всесильного серого кардинала... при условии, что они не понимают, что он тут творит. А если понимают, то могут принять собственные меры, хотя бы из боязни, что он потом расправится с ними.

Снелунд, к сожалению, не дурак. Возможно, ни один важный и могучий военачальник, ни один видный государственный деятель не может сбросить его с пьедестала. Но рой мелких дрянных бухгалтеришек и шпииков — этих одолеть труднее. Наверняка у него должен быть план, как с ними совладать. Так какой же?

— Гражданская война, — ответила ему Кэтрин.

— Как? — Флэндри выронил сигарету.

— Снелунд вовсе не желает, чтобы эта армада одержала легкую и скорую победу. Ему нужна долгая кампания, где планеты одна за другой будут подвергаться атакам; в этом случае руки у него будут развязаны. Но предположим (хотя я в этом и сомневаюсь), что ваш адмирал разобьет Хью одним ударом. Тогда у Снелунда останется процесс умиротворения, которым будут веждать его наемники, а они уже сейчас получили указания, как и что им надлежит делать.

А потом он их распустит, вместе со своими личными войсками. Набирал же он их из отбросов общества по всей Империи, и они расплзутся по своим норам, тем самым навсегда исчезнув из виду. Ответственность за мятеж он возложит на подрывные элементы, а сам предстанет героем, лидером и спасителем Пограничья.

Кэтрин вздохнула:

— О да, конечно, он понимает, что какие-то концы останутся неподрубленными. Но он не считает их опасными, тем более что некоторые он оставит умышленно.

— Риск есть, и значительный, — задумчиво сказал Флэндри. — Но, о Кришна, и ставки в этой игре будь здоров!

— Мерсейский кризис оказался ему в высшей степени на руку, — сказала Кэтрин Мак-Кормак. — Все внимание приковано к тому региону, большая часть Космофлота ушла туда же. Снелунд хотел убрать Хью с дороги и потому, что тот представлял для него опасность, и из-за того, что это давало ему

возможность мучить энейцев, пока те не восстанут и подожгут тем самым запал для гражданской войны. Для сектора Хью был больше чем просто командующий флотом. Он еще Архонт Илиона, что ставит его на планете выше всех, кроме резидента. Наш кабинет смог ему по закону присвоить лишь должность советника-эксперта, но он фактически стал спикером во всем, кроме титула, а по сути возглавлял сопротивление клеветам Снелунда. Как известно, энейцы традиционно задают тон всем планетам-колониям терран в этом секторе и многим негуманоидным тоже.

К Кэтрин возвращалась жизнь. Ее ноздри трепетали.

— Но Снелунд никогда не думал, что Хью возьмется за оружие.

Флэндри раздавил уроненный окурочка каблуком и сказал:

— Боюсь, Империя не сможет позволить мятежникам победить, какими бы благородными целями они ни руководствовались.

— Но ведь они узнают истину, — запротестовала Кэтрин.

— В лучшем случае они получают ваши показания, — ответил он. — А вы перенесли множество тягот. Вас долго держали на наркотиках, вам, среди всего прочего, промывали мозги, верно? — Он видел, как она прикусила губу. — К сожалению, я должен напомнить вам об этом, миледи, ибо с моей стороны было бы подло оставить вас во власти сладких сновидений, которые неминуемо должны развеяться. Сам факт, что вы искренне верите, будто Снелунд излагал вам свои планы, ровным счетом ничего не доказывает. Так — путаница в голове, паранойя, намеренное навязывание фальшивых представлений агентами, решившими дискредитировать губернатора... Любой хитрый адвокат или ловкий психиатр разорвут ваши показания в клочки. Вы не пройдете даже барьера в виде первого следователя, отбирающего свидетелей для судебного разбирательства.

Она смотрела на него так, будто получила пощечину.

— И вы мне тоже не верите?

— Хочу верить, — ответил Флэндри. — И среди прочего потому, что ваши показания намекают, где и как надо искать доказательства, которые не смогут быть отброшены или опровергнуты. Да, я отправлю капсулы с вашими закодированными сообщениями в различные, стратегически важные инстанции и места.

— Вы не собираетесь возвращаться домой?

— А зачем, если слова, написанные мной, могут иметь больший вес, чем сказанные вами? Хотя разница в весе у них и не так уж велика, чтобы на этом строить расчеты. — Флэндри еще раз выстроил боевые порядки своих доводов. Они выглядели не

такими уж надежными и убедительными. — Понимаете, — скадал он, — голословные обвинения стоят недорого. Значит, нужны улики. Горы улик, если вы хотите взять за шкирку любимчика Императора и тех шишкарей, что хотят стать еще важнее, оказав ему поддержку. И... Снелунд прав... планета, которая испытала удары современного оружия, вряд ли может представить весомые доказательства... их там просто не останется. Нет, я думаю, что следующая остановка этого корабля будет на Энее.

— Что такое?

— Я попробую побеседовать с вашим супругом, миледи. Я надеюсь, что вам удастся уговорить его сложить оружие. А уж тогда мы, возможно, сможем предъявить нечто такое, с помощью чего Аарона Снелунда можно будет поджарить по всем правилам юриспруденции.

Глава 6

Звезда Вергилий относится к типу F7; ее масса слегка больше, чем у Сола, по светимости она превосходит его в полтора раза и в ее излучении гораздо выше доля ультрафиолетовых лучей. Эней — четвертая планета. Она совершает оборот вокруг своей звезды за 1,73 стандартных года на среднем расстоянии от нее, равном 1,50 астрономических единиц, благодаря чему получает на треть меньше излучения, чем Земля. Средний диаметр планеты 10 700 километров, масса 0,45 массы Терры, благодаря чему сила тяжести у поверхности составляет 0,635g. Этого достаточно, чтобы удержать пригодную для дыхания человека атмосферу, сравнимую на равнинах с атмосферой Денверского Комплекса, а в горах — с Альтиплано в Перу. Вы должны при этом помнить, что замедленное вращение создает пониженный градиент плотности, а это определяет и слабость горообразовательных процессов, вследствие чего высоких гор на Энее нет. Бесчисленные века молекулы воды оседали в разреженной атмосфере и подвергались воздействию квантов энергии. Водород уходил в космос, а кислород не обнаруживал тенденции окислять минералы. Поэтому от океанов мало что осталось, а площадь пустынь все росла.

Сначала главной причиной колонизации Энея был научный интерес: удивительные расы, обитавшие на соседней планете, Дидоне, которая сама по себе не являлась тем миром, где бы хотел поселиться человек со своей семьей. Конечно, на Энее селились разные люди, но доминировал исследовательско-интеллектуальный контингент. Затем настали Смутные Времена, и

энейцам пришлось бороться за выживание, ибо они на несколько поколений были отрезаны от Терры. Они адаптировались.

В результате сформировалось население более энергичное и одаренное, общество, отмеченное сильным чувством патриотизма и уважения к науке, чем в большинстве других миров. Когда цивилизация вернулась в сектор альфы Креста, Эней стал местным лидером. И до настоящего времени Университет Вергилия в Новом Риме привлекает студентов и ученых с таких отдаленных миров, какие только можно вообразить.

В конце концов Империя решила, что правильная организация этого важнейшего сектора требует, чтобы независимости Энея был положен конец. Интриги и сила убеждения привели этот процесс к желанному концу. Сотню лет спустя какое-то недовольство еще тлело, хотя общество согласилось с тем, что инкорпорирование Энея в Империю в целом желательно и что планетаставляет Терре множество талантливых ученых и военачальников.

Военно-интеллектуальные традиции существуют и теперь. Каждый энеец тренируется во владении оружием, включая и женщин, которые воспользовались преимуществами низкой силы тяжести. Старинные баронские семьи все еще задают тон. Их титулы, возможно, и не признаются аристократией Терры, но они признаны собственным народом. Все они владеют крепостями и огромными землями. Из этих семей вышло очень много офицеров и профессоров Университета. Отчасти это связано с тем, что они выбирали себе жен и мужей независимо от социального статуса последних. На самых верхних уровнях энейское общество сурово и аскетично, хотя и там занимаются спортом, находят время для развлечений и других форм отдыха. На нижних же этажах общества веселья больше, но манеры все равно несравненно лучше, чем на Терре.

Данное описание содержит много фактов, но опускает самый важный: для четырехсот миллионов человек Эней был Домом.

Солнце почти зашло. Золотые лучи ложились поперек равнины Антонина — бывшего морского дна, — превращая рощи и плантации в мозаику теней и зеленовато-голубых пятен, вспыхивая на зеркалах каналов и зажигая огнем туманную дымку, поднимавшуюся над солеными болотами. На востоке лучи солнца высвечивали пропасти и утесы — там древний Илионский шельф вздымал многоярусные, изъеденные ветровой эрозией лабиринты пурпурных, розовых, охряных, желто-коричневых утесов к королевской мантии ярко-синего неба. Дальняя луна —

Лавиния — выглядела как холодный небольшой рожок, подвешенный над этим горным массивом.

Ветер тоже был холоден. Его свист сливался с отдаленным шумом водопада, со стуком копыт, звоном и поскрипыванием упряжи коней, осторожно ступавших по крутой каменистой тропе. Это были лошади энейской породы — косматые, поджарые. Их побежка, выработанная в условиях сравнительно невысокой силы тяжести, казалась более медленной, чем была на самом деле.

На передней ехал Хью Мак-Кормак. Его сопровождали трое сыновей от первой жены. Предлогом для их поездки служила охота на волкопауков, но добычи не было, что никак не отражалось на настроении всадников. На самом же деле им просто хотелось побыть вместе и поскакать по этим обширным пространствам, которые издавна находились во владении их рода. Другого такого шанса у них могло и не быть.

Небо прочертили широко распахнутые крылья вулча. Джон вскинул ружье. Отец повернул к нему лицо.

— Не надо, — сказал он. — Пусть живет.

— Прибережем смерть для терран, а? — спросил Боб. В свои девять (шестнадцать стандартных) лет он был поражен внезапным открытием, что его Вселенная далеко не так проста, как преподавали в школе.

«Ничего он быстро повзрослеет, — подумал Мак-Кормак. — Он хороший мальчуган. И остальные — тоже. Да и сестры не хуже. Иначе и быть не может, если их матерью была Рамона».

— Я вообще не люблю убивать кого-либо без нужды, — сказал он. — Даже война не для этого.

— Ну, не знаю, — вмешался Колин — самый старший. Так как в дальнейшем он должен был стать Архонтом Илиона, семейный обычай мешал ему пойти на военную службу. Сам Хью Мак-Кормак унаследовал этот титул после смерти старшего брата, который попал в песчаную бурю и умер бездетным. Возможно, планетологические исследования Колина в системе Вергилия не удовлетворяли его врожденной любознательности. — Тебя не было тут, отец, когда волна революции докатилась до Нового Рима. Но я видел толпы самых добродушных обыкновенных граждан, которые охотились на прихвостней Снелунда из политической полиции, хватали их, подвешивали за руки и забивали до смерти. И все считали, что так и надо. Мне и сейчас так кажется, как вспомню, что они тут творили.

— И сам Снелунд подойдет так же, если я его поймаю! — с пылом заявил Джон.

— Нет! — рявкнул Мак-Кормак. — Вы не должны опускаться до его уровня. Он будет убит так же просто, как мы убиваем бешеных собак. А его прислужников мы станем судить справедливым судом. Существуют же разные степени виновности!

— Если, конечно, нам удастся выловить этих вшей, — пробормотал Боб.

Мак-Кормак невольно подумал о том множестве солнц и миров, среди которых прошла его жизнь, и сказал:

— Вполне возможно, что большинству удастся бежать. Ну и что? У нас найдутся дела поважнее, нежели месть.

Некоторое время они ехали молча. Тропа вывела их на одно из степных плато, где и слилась с мощеной дорогой, ведущей к Виндхоуму. Почвы тут были мощные, смытые с окружающих высот, и растительность процветала, резко контрастируя с редкими карликовыми кустарниками на эродированных склонах. Трава одевала землю почти так же плотно, как культурные растения на бывшем морском дне. Это преимущественно была огненная трава, чьи зазубренные листья окаймлялись алой полосой. Кое-где блестели и листья кинжалника, а иногда ветер клонил кисточки перо-травы. Стебли растений к ночи, когда температура падала, скручивались и принакивали к земле, образуя пружинистую, сохраняющую тепло подстилку. Кое-где росли и деревья, и не только низкие, твердые как железо местные виды, но и ввезенные с других планет дубы, кедры, расмин. Ветер доносил их ароматы. Справа поднимался к небу столб дыма из трубы каменного фермерского дома. Помещичьи латифундии, обрабатываемые роботами, на Энее считались невыгодными, что очень радовало Мак-Кормака. Он всем нутром чувствовал, что здоровое общество нуждается в йомедах.

Колин прищепил лошадь и поравнялся с отцом. В четких юношеских чертах ясно читалась тревога.

— Отец... — начал он и умолк.

— Ну, говори же, — ответил Мак-Кормак.

— Отец, ты не думаешь... Ты и в самом деле думаешь, что мы это осилим?

— Не знаю, — сказал Мак-Кормак. — Мы будем действовать, как положено мужчинам, вот и все.

— Но... сделать тебя Императором...

Мак-Кормак снова ощутил, как ничтожно мало шансов он имел, чтобы поговорить со своими близкими с тех пор, как его освободители доставили его на Эней. Слишком много дел, и какой-нибудь жалкий час, когда наконец ничто не требует внимания адмирала, необходимо отдавать сну. Нынешний день он буквально украл у дел.

— Пожалуйста, не воображай, что мне нравится эта работенка, — сказал он. — Вы же не были на Терре. А я был. И мне она отвратительна. Я никогда не был счастливее, чем в тот раз, когда меня перевели с Терры сюда — в родные мне места.

«Имперская рутина, — промелькнуло у него в уме. — Переводить карьеристов из одного региона в другой. А в конце концов, если это возможно, возвращать их в те сектора, откуда они родом. Теория: они будут защищать свои родные пепелища свирепей, нежели защищали бы чужие. Практика: когда назревает мятеж, то многие офицеры Флота, равно как и гражданские чиновники, осознают, что их родина для них важнее Терры, которую кое-кто из них и в глаза не видал. Проблема: если я одержу победу, то поломаю ли я эту практику, как это безусловно делает Джосип, если победу одержит его адмирал?»

— Но тогда зачем? — спросил Колин.

— А что я мог еще предпринять? — ответил ему Мак-Кормак вопросом на вопрос.

— Ну... свобода...

— Нет, Империя еще не настолько обветшала, чтобы позволить себе развалиться на части. А если бы позволила она, то не позволю я. Разве ты не видишь, что она — единственная преграда между Цивилизацией... нашей цивилизацией... и Долгой Ночью?

Что касается протеста военных, то он может стимулировать политические изменения, но Империя никогда не сможет позволить себе простить вожakov. Это было бы все равно что предложить всем недовольным поднять пальбу и только приблизило бы тот конец, который начнется с распада Империи. А кроме того... — Костяшки пальцев адмирала побелели — с такой силой он сжал поводья. — Это не вернуло бы Кэтрин, если у нас есть хоть капля надежды на ее спасение.

— Значит, ты собираешься сохранить Империю и хочешь лишь захватить в ней власть, — быстро произнес Колин. Его стремление увести мысли отца от мачехи, находящейся в заточении, было столь очевидно, что сердце Мак-Кормака пронзила острая боль. — Я на твоей стороне. Ты это знаешь. Я уверен, ты вдохнешь в Империю новую жизнь и будешь самым лучшим императором со времен Исаму Великого, может быть, и самого Мануэля Первого, и я принесу ради этого в жертву не только себя, но и свою жену и своего сына. Но... достижима ли эта цель? — Он повел рукой, охватывая горизонт. — Империя так огромна!

И будто в ответ на эти слова Вергилий закатился за горизонт. В атмосфере Энея сумерек как таковых не бывало. Альфа и бета

Креста ослепительно засверкали, тут же вспыхнули еще тысячи звезд и морозный иней Млечного Пути. Обрыв шельфа справа стал бархатно-черным, но Лавиния продолжала серебрить дно моря под утесами, громоздившимися слева. Колочий ветер пискнул, как испуганный мышонок.

Мак-Кормак ответил:

— Революции необходим лидер, и выбор пал на меня. Зачем нам ложная скромность? Я контролирую правительство на главной планете этого сектора. Мой послужной список доказывает, что я — лучший стратег, которого имеет Империя. Мои люди знают, что я сурово отношусь к крупным промахам, снисходителен к мелочам и во всех случаях стараюсь действовать справедливо. То же самое известно еще сотням планет, населенных людьми и негуманоидами. Если бы я считал иначе, то никому пользы этим не принес бы.

— Но как... — голос Колина прервался. Лунный свет дрожал на его кожаной куртке и окованной серебром луке седла.

— Мы захватим контроль над этим сектором, — ответил ему Мак-Кормак. — Тут главная проблема — разбить силы Джосипа. Как только мы это совершим, как только это будет сделано, каждый более или менее значимый мир в радиусе десяти световых лет перейдет на нашу сторону. После этого... Мне эта идея самому не слишком по душе, но я знаю, где и как обрести союзников-варваров. Я говорю не о тех нескольких кораблях с Дартана, которые я уже нанял. Нет, речь идет о настоящих диких воинах из глубинных варварских регионов. Не беспокойся, я не дам им разбойничать и не позволю поселиться здесь, даже если они принесут клятву верности. Это будут просто наемники, которым мы будем платить из налоговых сумм.

Весь имперский Флот выйти против нас не сможет. У него слишком много других неотложных дел. Если мы будем действовать быстро и твердо, мы сумеем отразить те силы, которые попытаются нас атаковать.

А потом... Я не могу загадывать так далеко. Надеюсь, нам удастся создать хорошо управляемый сектор, который послужит своего рода образцом. Это, как я считаю, может подкрепить наше требование: покончить с коррупцией и тиранией, попытаться начать все сначала с новой династией и под флагом давно ожидаемых реформ... Империи нужен толчок, нам необходим тот снежный ком, который повлечет за собой лавину. А тогда уже никакие пушки нас не остановят, хотя бы потому, что большая часть их будет на нашей стороне.

«Почему я говорю о лавине? — возмущился его разум. — Кто видел снег на Энее? Разве что тот тонкий покров, который сметает ветер в полярные зимы?»

Они объехали рошу деревьев и увидели замок. Виндхоум стоял на том месте, которое когда-то было высоким мысом, а теперь стало огромной скалой, обрывающейся в головокружительную пропасть. В черной массе замка желтыми огнями светились окна, обрисовывая очертания стен и башен. Река Вилдфосс глухо ревела на порогах.

Однако глаза Мак-Кормака не сразу привлекло это зрелище. Его взор не мог оторваться от плоско уходящей к горизонту равнины Антонина прямо под их ногами. Над последним чуть зеленоватым отблеском заката, над бледным отсветом короткой вечерней зари чистым белым огнем полыхала Дидона — вечерняя звезда.

«Это там работала ксенологом Кэтрин, в тамошних джунглях она занималась исследованиями до того часа, когда мы встретились с ней пять лет назад. Нет, прошло три энейских года. Неужели я так долго прожил в Империи, что стал забывать счет времени на родной планете? И мы полюбили друг друга и поженились. Ты всегда мечтала о собственных детях, Кэтрин, дорогая, и мы собирались их завести, но всегда подворачивались какие-то дела, и вот теперь...»

И он вознес благодарность своему Железному Богу за то, что в этих широтах нельзя наблюдать солнце Ллинатавра. Горло сжимала петля непролитых слез. Мак-Кормак погнал лошадь галопом.

Прежде чем достичь ворот замка, дорога пересекала обработанные поля. На лужайке перед самым входом разбил лагерь караван бродячих актеров. Повозки сгрудились в стороне, сумрак почти скрывал их. Свет из окон замка падал только на ярко раскрашенные полосатые полотнища шатров, плещущиеся в воздухе флаги и еще незаконченные большие палатки. Мужчины, женщины и дети сновали вокруг костров. Музыка и топот пляшущих ног смолкли, как только господин замка подъехал, и они почтительно склонились перед ним. Завтра эти бродячие бедняки откроют свой цирк... и он соберет всех бездельников в радиусе ста километров. И это несмотря на то, что бронированный кулак Империи уже занесен.

«Не понимаю я этого», — подумал Мак-Кормак.

Копыта коней звонко процокали по плитам двора. Грум принял поводья. Мак-Кормак спрыгнул на землю. Повсюду видна стража — преимущественно флотские последнего набора и слуги семьи Мак-Кормака, которые подозрительно поглядывали друг

на друга. Из башни поспешно вышел капитан Эдгар Олифант. Хотя Мак-Кормак в роли Императора произвел его в адмиралы, он до сих пор даже не подумал о том, что пора сменить капитанские звезды на погонах. Он только добавил нарукавную повязку цветов Илиона.

— С возвращением, сэр! — воскликнул он. — А я уже собирался послать за вами поисковую группу.

Мак-Кормак с трудом усмехнулся:

— Клянусь космосом, неужто вы полагаете, будто я или мои мальчишки можем заблудиться в собственных наследственных владениях?

— Н-н-нет. Нет, сэр. Но если вы разрешите мне быть откровенным, то разумно ли ездить так вот — даже без всякого эскорта?

Мак-Кормак пожал плечами:

— Со всем этим мне придется мириться позже — на Терре. А пока оставьте мне хоть немного свободы. — Приглядевшись к офицеру, он добавил: — У вас какие-то новости?

— Да, сэр. Известие пришло только два часа назад. Не пожелает ли адмирал... э-э-э... Император следовать за мной?

Мак-Кормак постарался послать сыновьям как можно более горестный взгляд. В душе же он вовсе не жалел, что та ответственность, которую он взвалил на свои плечи еще на орбите, снова зовет к нему.

Старинная, исполненная достоинства обстановка кабинета Архонта Илиона за последние несколько недель полностью исчезла под напором новых предметов: аппаратуры связи, компьютеров, электронных файлов и сканеров. Мак-Кормак погрузился в кресло, стоявшее у старого облезлого стола. По крайней мере оно было его старым знакомым.

— Ну? — спросил он.

Олифант прикрыл дверь.

— Первое сообщение было проверено и подтверждено двумя разведывательными кораблями, — сказал он. — Имперская армада приближается. Она будет здесь примерно через три дня. — В общем, было безразлично, что имел в виду Олифант — стандартные сутки или двадцатичасовой оборот Энея.

Мак-Кормак кивнул.

— Я не сомневался в правильности первого сообщения, — сказал он. — Наши планы остаются прежними. Завтра в 6.00 по времени Нового Рима я поднимусь на борт флагмана. Через два часа после этого наши силы уйдут в поход.

— Но вы уверены, сэр, что неприятель не оккупирует Эней?

— Нет. Но я был бы очень удивлен, если бы он на это пошел. Какой смысл? Ни меня, ни моих родных, которых можно было

бы захватить в плен, тут не будет. Я принял меры, чтобы это стало известным неприятелю, как только он сюда заявится. А какую еще добычу он сможет добыть на Эннее до того, как закончится битва в космосе? Тот, кто одержит победу в космосе, может очень быстро прибрать к рукам любые планеты. А до того... нужно ли тратить силы, которые остро нужны в другом месте, на то, чтоб захватить такое осиное гнездо, как этот мир? Уж если оккупировать, так всерьез. Я полагаю, что неприятель уйдет из системы Вергилия в ту же минуту, как узнает, что мы не собираемся тут защищаться, что мы ушли, чтоб захватить истинное сокровище — Сатану.

— Но наши силы прикрытия, сэр... — начал с сомнением в голосе Олифант.

— Вы имеете в виду защиту внепланетных баз типа Порт-Фредериксена? Там всего по одному легковооруженному кораблю, главным образом, чтобы предотвращать случайные разрушения.

— Нет, сэр, я думаю о наших межпланетных патрулях. Какое им придется значение?

— Это всего лишь наемники из Дартана. У них нет другого назначения, кроме как отвлечь внимание неприятеля и выиграть время для нашего флота, — ответил Мак-Кормак. — *(Неужели же я в самом деле не сказал ему обо всем этом? Что же еще я успел проморгать с тех пор, как лавина подхватила меня? Нет, все правильно, Олифант слишком погряз во всевозможных административных мелочах на планете.)* — Несколько кораблей оставлены в космосе с приказом атаковать любое судно Джосипа, которое им попадется. Это будут, конечно, слабовооруженные разведчики, которых уничтожить нетрудно. Те, что спасутся, сообщат об этом по начальству. Я хорошо изучил образ мыслей Пиккенса. Он решит, что мы хотим обороняться где-то в окрестностях Вергилия, и с сугубой осторожностью станет пробираться вперед, благодаря чему и не заметит нашего полета к бете Креста. — *Ох, добрый старина Пиккенс, всегда приносивший цветы Кэтрин, когда мы приглашали его на обед! Неужели же мне придется использовать против тебя то, что я узнал о твоём характере во времена нашей дружбы?*

— Что ж... Император — вы, сэр. — Олифант указал на аппаратуру, гудящую на разные голоса. — Дел, как всегда, невпроворот. Мы тут в штабе делали все, что могли, но ряд вопросов требуют вашего внимания.

— Займусь ими еще до ужина, — сказал Мак-Кормак. — Но потом будьте под рукой, на случай, если мне понадобится ваша консультация.

— Есть, сэр! — Олифант отдал честь и вышел.

Мак-Кормак не сразу занялся аппаратурой связи. Сначала он вышел на балкон. С балкона открывался вид на скалы и на обширные богатые земли к востоку от них. Креуса — ближняя из лун — должна была вот-вот взойти. Адмирал наполнил легкие прохладным сухим воздухом и стал ждать.

Почти полный диск спутника внезапно выскользнул из-за горизонта. Порожденные им тени двигались с доступной глазу быстротой. Луна восходила так поспешно, что скоро должна была перейти в следующую фазу. Затопленный этим живым белым светом океан Антонины, казалось, вновь обрел свои испарившиеся воды. И вот уже по просторам моря бежит волна, и снова прибой обрушивается на подножие мыса Виндхоум...

«Ты часто вспоминала об этом. Ты любила эти минуты сильнее всего в тот год, что мы провели здесь вместе. Кэтрин, дорогая, придется ли тебе любоваться этим еще хоть раз?..»

Глава 7

Когда Вергилий превратился в отчетливо видимый невооруженным глазом яркий кружок, «Азиенна» выключила гиперпривод и пошла на одних антигравах. Каждый датчик был установлен на режим повышенной чувствительности, но ни один не уловил ничего, кроме бесконечного шепота энергетических потоков космоса.

— Даже радиопередач нет? — спросил Флэндри.

— Пока нет, — ответил голос Ровиана.

Флэндри выключил интерком.

— Надо бы мне самому быть на мостике, — пробормотал он. — И чего я торчу тут в моей... прошу прощения, в вашей каюте?

— Собираете разведданные, — с легкой улыбкой сказала женщина.

— Ну, если б это! Но почему такая полная тишина? Неужели вся система эвакуирована?

— Вряд ли. Но, надо полагать, им известно, что неприятель дня через два-три будет здесь. Хью совершенно гениально оперирует разведывательными кораблями. Впрочем, он хорош и во всем остальном.

Флэндри бросил на нее острый взгляд. Слишком встревоженный, чтобы сидеть на месте, слишком смущенный, чтобы ходить, он стоял у притолоки и выстукивал пальцами дробь на филенке. Кэтрин Мак-Кормак сидела на единственном стуле. Она выглядела совершенно спокойной.

И не удивительно. Ей же не оставалось ничего другого, как спать все то время, что истекло между их первым разговором и

этим. По-видимому, сон неплохо залечил ущерб, причиненный ее плоти, а возможно, и ее разуму. Зато ему в это время пришлось иметь дело с множеством всяких хлопот. Даже принять решение обогнать флот, идя все время на квазискорости, чтобы доставить пленницу к главарю мятежников, было делом отнюдь не легким. У Флэндри не было даже намека на право ведения переговоров. Его действия можно было бы хоть как-то оправдать лишь невообразимо свободным толкованием полученных им распоряжений. Разве прощупывание руководителя восстания не представляет интереса, и разве присутствие его жены не создает для этого совершенно исключительной возможности?

«Но почему же чувство любви, прозвучавшее в ее голосе, так волнует меня?» — удивился Флэндри.

Вместо этого он сказал:

— Моя гениальность заключается в красноречии, но она не спасет мою корму от порки, если наш маневр не принесет хоть каких-то дивидендов.

Ее глаза цвета медной зелени под янтарными прядями волос твердо глянули ему в лицо.

— Вы не заставите Хью сдаться, — предупредила она. — Мне никогда не удавалось заставить его отступить, о чем бы ни шла речь. Его расстреляют, правда?

Флэндри слегка изменил позу. Под мышками выступил горячий пот.

— Ну... просьба о помиловании...

Ему еще никогда не приходилось слышать такой мрачный смех.

— Пожалуйста, командер, избавьте нас обоих от подобных выражений. Я, конечно, всего лишь уроженка колонии и юношеские годы вплоть до замужества провела, изучая живых существ, которые интересуются людьми еще меньше, чем имириты, но все же я учила историю и политику, а в бытность мою первой леди Флота мне довелось многое повидать. Империя просто не может пощадить Хью. — На мгновение ее голос дрогнул. — И я... скорее предпочла бы, чтобы он умер, нежели видеть его рабом с промытым мозгом или пожизненным заключенным... такого гордого бизона, как он...

Флэндри взял новую сигарету, хотя во рту было горько от табачного дыма.

— Моя идея, миледи, состоит в том, чтобы вы рассказали ему о том, что вам известно. Как минимум, он, возможно, не захочет подыгрывать Снелунду. Он может отказаться от решения дать бой вблизи тех планет, которые Снелунд очень хотел бы подвергнуть бомбардировке.

— Но без баз, без источников снабжения... — Она прерывисто вздохнула. Вздох приподнял на пышной груди надетый на ней простой комбинезон так, что Флэндри опять бросило в дрожь.

— Что ж, поговорить, конечно, можно, — сказала она грустно. Напускная уверенность покинула ее. Она чуть не протянула к Флэндри руки. — Коммандер... вот если б вы отпустили меня...

Флэндри отвернулся и покачал головой:

— Извините, миледи. Против вас выдвинуты серьезные обвинения, вы не оправданы и не прощены. Единственная причина, по которой я могу вас отпустить, — это то, что в обмен ваш муж сложит оружие, однако вы говорите, что об этом и думать нечего. Поймите, я никогда не отдам вас Снелунду. Я скорее присоединюсь к мятежникам, чем сделаю это. Вы отправитесь со мной на Терру. Вы расскажете там о мучениях, которые терпели по вине Снелунда, и о том, чем он перед вами бахвалился... Это может создать для него определенные трудности. Как минимум эти рассказы привлекут к вам симпатии людей, достаточно могущественных, чтобы защитить вас...

Случайно взглянув на нее, он поразился, увидев, что вся кровь отхлынула от ее лица. Ее глаза были пусты, на коже выступили крупные капли пота.

— Миледи! — Он отшвырнул сигарету, сделал к ней два быстрых шага и тут же остановился. — Что случилось? — Он положил ей ладонь на лоб. Тот был холоден как лед. Такими же были и руки, когда его ладони сами собой скользнули по ее плечам и рукам. Флэндри сжал их и стал массировать. — Миледи!

Кэтрин Мак-Кормак едва заметно шевельнулась.

— Стимулирующую таблетку, — еле слышно пробормотала она.

Флэндри было подумал, не обратиться ли к судовому врачу, потом отказался от этого и подал ей таблетку вместе со стаканом воды. Она проглотила все одним глотком. Когда он увидел, что трупная бледность уходит, а дыхание выравнивается, бурная радость охватила Флэндри.

— Извините меня, — сказала она еле слышно. Ее слова почти заглушались шумом двигателей. — Все вспомнилось так внезапно...

— Я сказал то, чего не надо было говорить, — с трудом выговорил он, глубоко потрясенный случившимся.

— Это не ваша вина. — Ее глаза не могли оторваться от палубы. Даже сейчас он не мог не заметить, как четко вырисовываются длинные ресницы на ее бронзовой коже. — Нравы Терры отличны от наших. Для вас то, что произошло со мной... это несчастье, очень тяжелое, да, но не какое-то там омерзитель-

ное, от которого я никогда уже не смогу очиститься, не такое, которое заставляет меня думать, захочу ли я когда-нибудь снова увидеть своего Хью... Возможно, вы поняли бы лучше, если бы я рассказала вам, сколько раз он прибежал к наркотикам и мозговому зондажу... Снова и снова я погружалась в кошмары, теряла способность мыслить, теряла возможность понимать, я это или не я. Лишалась воли, превращалась в животное, выполняющее его капризы, чтобы избежать боли...

«Я не должен это слушать, — думал Флэндри. — Она не стала бы говорить такое, владей она собой. Надо уходить».

— Миледи, — предпринял он попытку. — Вы совершенно правильно сказали, что это были не вы. Вот так и следует к этому относиться. И если ваш муж хотя бы наполовину таков, как вы говорите, он именно так и поступит.

Какое-то время она сидела как каменная. Стимулол действовал на нее быстрее, чем на других; по-видимому, у нее не было привычки к возбуждающим препаратам. Наконец она подняла голову. Лицо еще горело, но крупное тело, казалось, стало терять былую напряженность. Она улыбнулась:

— Вы действительно страйдер.

— Хм... Теперь вам хорошо?

— Во всяком случае лучше. Можем мы говорить о делах?

Флэндри незаметно облегченно вздохнул. У него все еще тряслись поджилки, когда он уселся на койку и закурил новую сигарету.

— Да, мне бы этого очень хотелось, — сказал он. — Начнем с того, что у нас в определенном смысле есть общие интересы, а информация, которой вы владеете, может помочь нам продолжить нашу миссию, вместо того чтобы спрятаться, как испуганные ребятишки к маме под фартук.

— Что вы хотите знать? Только помните, что на некоторые вопросы я не смогу ответить, а на другие — не захочу.

— Согласен. Но все равно попытаемся. Мы не заметили в этой системе никакой активности. Флот таких размеров, как у Хью Мак-Кормака, должен так или иначе обнаружить свое присутствие. Ну хотя бы эмиссией нейтрино из силовых установок. Так где же он? Он может находиться где-то возле вашего солнца, прячась за ним и присматриваясь к нашим действиям. Или же затаиться где-то на огромном расстоянии отсюда, скажем, в половине светового года. Или же адмирал увел флот в неизвестном нам направлении. Или... У вас есть какие-нибудь соображения?

— Нет.

— Вы уверены?

Она закусила губу.

— Да если б и были, неужели вы думаете, что я их вам выложила бы?

— Остыньте. Один эсминец не ровня целому флоту. Скажем иначе: каким образом мы могли бы вступить с ним в контакт до того, как развернутся военные действия?

Она сдалась:

— Я не знаю, и это правда, — сказала Кэтрин, отвечая на его взгляд честным и прямым взглядом. — Могу сказать вот что: любой план, разработанный Хью, будет смелым и неожиданным.

— Чудненько, — простонал Флэндри. — Ладно, но как насчет радио?

— О, это объяснить легче, мне кажется. У нас мало станций, обладающих достаточной мощностью, чтобы работать на волнах, которые можно обнаружить издалека. Вергилий все равно их глушит своими солнечными бурями. Мы посылаем их через подстанции, расположенные на спутниках. Чаше всего мы пользуемся радиофонами — в далеких деревушках и поместьях... Но они, разумеется, работают на частотах, не способных преодолеть ионосферу. Благодаря Вергилию ионосфера у Энея⁷ очень мощная. Короче, мы вообще можем обходиться без радиостанций межпланетной связи, и я догадываюсь, что это затруднит действия вражеских крейсеров, которым будет вдвойне трудно рассчитывать свои позиции в системе.

«Ты тоже применяешь этот принцип — никогда добровольно не сообщать своих догадок, никогда не упускать шанса затруднить для врага ситуацию, — подумал Флэндри с уважением. — Я знаю множество гражданских, включая жен офицеров — больших мастеров в этом искусстве».

— А как же межпланетные связи? — спросил он. — Как я понимаю, вы добываете руды и ведете научные исследования на других планетах вашей системы. Вы даже упомянули, что сами занимались этим. Думаете, эти базы эвакуированы?

— Н-нет. Во всяком случае, не главная из них — на Дидоне. Это почти самодостаточная колония, и в нее вложено слишком много — и в аппаратуру, и в архивы, и в отношения с туземцами. — В ее голосе зазвучала гордость. — Я знаю своих прежних коллег. Они не покинут свой пост из-за какого-то там вторжения.

— Но ваши люди могут прекратить связь между планетами на время чрезвычайного положения?

— Да, это вполне возможно. Особенно потому, что сторонники Джосипа наверняка не имеют сведений о том, где и что

находится в нашей системе. А то, чего они не знают, то и разрушить им не удастся.

— Да они и не стали бы, — запротестовал Флэндри, — делать такое из чистой злобы.

— Откуда вам знать, что мог его превосходительство прика-
зать своему адмиралу? — ядовито спросила она.

Жужжание интеркома спасло Флэндри от необходимости при-
думывать достойный ответ. Он щелкнул переключателем.

— Рубка рапортует капитану, — раздался низкий шипящий
голос Ровиана. — На предельной дальности обнаружен корабль.
По-видимому, идет на высокой скорости наперерез нашему курсу.

— Сейчас приду, — ответил Флэндри. — Вы слышали, миледи?

Она кивнула. Он подумал о том, с каким, должно быть,
усилием ей удастся сохранять видимое спокойствие.

— Если будет объявлена тревога, явитесь на третий пост, —
распорядился Флэндри. — Пусть дежурный старшина выдаст вам
боевой скафандр и объяснит процедуру поведения во время
боевых действий. Когда мы сблизимся с тем кораблем, все
должны быть одеты и вооружены соответственно. Третий пост —
ваш. Он находится примерно в середине корабля и считается
наиболее безопасным местом, хотя, конечно, безопасность —
понятие относительное. Скажите старшине, что я приказал ваш
переговорник, встроенный в шлем, связать напрямую с мости-
ком и рубкой связи. А пока оставайтесь в каюте и постарайтесь
не путаться под ногами.

— Вы полагаете, нам грозит опасность? — спросила она тихо.

— Считаю, что лучше уж ждать ее, чем чего-нибудь другого, —
ответил он.

Экраны на мостике показывали Вергилий заметно увеличив-
шимся. «Азиенна» шла на весьма высокой истинной скорости.
Ускорение размазало бы ее команду по стенкам, если б не ком-
пенсационное действие внутреннего поля тяготения. Звезда
четко выделялась на экранах на фоне короны и зодиакального
света.

Флэндри сел в командирское кресло. Ровиан отрапортовал:

— Предполагаю, корабль противника находился на орбите, с
работавшими на минимуме генераторами, до тех пор, пока не
засек нас. Если мы намерены встретиться с ним вблизи Энея, —
когтистая лапа указала на крошечное пятнышко в правой чет-
верти экрана, — то нам следует сбросить скорость.

— М-м-м... думаю, нет. — Флэндри потер подбородок. — Будь
я на месте того шкипера, мне очень не понравился бы враже-
ский корабль поблизости от моей родной планеты, независимо
от того, мал он или велик, даже если он заявляет, будто готов к

переговорам. Он может даже предположить, что разговор записан на пленку и что на борту нет никого, кроме машин. — Флэндри не было необходимости разъяснять, какие разрушения могут быть вызваны ракетами с ядерными боеголовками или самоубийственным ударом многотонного корабля на скорости, превышающей сто километров в секунду. — Когда у вас на планете есть всего один важный город, опасность появления камикадзе всегда следует учитывать. Так что у него будут основания считать весьма импульсивным.

— И что же тогда намерен делать капитан?

Флэндри вызвал на экран астрономическую схему. Пятнышки планет, крути орбит, стрелки векторов дали ему общее представление о взаимосвязях внутри системы, а точные расчеты должен был сделать штурманский отдел.

— Посмотрим. Следующая планета ближе к светилу — Дидона, как ее тут именуют, — отстоит от Энея достаточно далеко, чтобы сомнения в том, что мы идем именно туда, у командира корабля полностью улеглись. И еще там есть научная база... а у ученых холодные умы... Да, я думаю, противник еще больше укрепитесь во мнении, что наши намерения чисты и благородны, если мы ляжем там на околопланетную орбиту. Прокладывай курс к третьей планете, гражданин Терры Ровиан!

— Есть, сэр. — Приказ был передан по интеркому, машины запели на басах, когда их мощь была снова переведена на больший ход.

Флэндри подготовил магнитофонную запись, в которой разъяснялась цель прибытия корабля.

«Если переговоры желательно начать до того, как мы достигнем стационарной орбиты, будьте добры сообщить об этом. Наш приемник работает непрерывно в стандартном диапазоне».

Этим Флэндри закончил запись и отдал приказ о ее непрерывной трансляции.

Время тянулось невыносимо медленно.

— А что, если они потом не разрешат нам покинуть эту систему? — спросил Ровиан на эрио.

— Конечно, мы рискуем, — ответил ему Флэндри. — Но не слишком сильно, учитывая, какая у нас заложница. Кроме того, несмотря на то что жену мы ему отдавать не собираемся, я все же верю, что наш приятель Мак-Кормак должен быть нам благодарен за избавление его супруги от этой свиньи Снелунда... Нет, не стоит зря оскорблять свинячий род. Его по ошибке зачали родные братья.

— И чего же вы рассчитываете достичь?

— Один Бог знает, но Он, видимо, не расположен рассекретивать имеющуюся у Него информацию. Возможно, что ничего.

А может, откроется какой-нибудь узенький проток, пользуясь которым удастся смягчить военные действия, если не прекратить их совсем. Побудь на мостике минут десять, ладно? Если я не выйду на перекур, то наверняка лопну.

— А почему бы не покурить тут?

— Предполагается, что капитан корабля, принадлежащего людям, не подвержен человеческим порокам — это вдолбили в меня еще в мою бытность кадетом. Мне и без того придется держать ответ перед начальством за множество прегрешений.

Ровиан издал звук, который, возможно, означал короткий смехок.

Шли часы. На экранах Вергилий распухал все больше. Ровиан снова доложил:

— Последние данные по тому кораблю говорят, что он учел перемену нашего курса на Дидону и планирует прибыть туда практически одновременно с нами. Связи с ним пока нет, хотя к этому времени он уже должен был бы получить наше сообщение.

— Странно. А еще какие-нибудь характеристики его известны?

— Судя по характеру излучения и данным радаров, он примерно равен нам по размерам и мощности, но остальные его параметры не соответствуют тем, что существуют в нашем флоте.

— Без сомнения, энейцы включили в состав своего флота все, что может летать, — от ведьминских метел до ступы бабы-яги. Ладно, это облегчает ситуацию. Вряд ли у него хватит нахальства атаковать настоящий боевой корабль.

— Если, конечно, его компаньон... — Ровиан имел в виду второй корабль, замеченный недавно, когда он вышел из-за солнца.

— Ты же говорил, что до Дидоны он доберется в лучшем случае несколькими часами позже нас, если не прибегнет к гипердвигателю. А я предполагаю, что капитан корабля вряд ли станет так горячиться из-за Дидоны, тем более в столь мощном гравитационном поле. Нет, должно быть, это еще один разведчик, вызванный на подмогу по принципу «на-всякий-такой-эдакий-случай».

Тем не менее, когда «Азиенна» стала приближаться к третьей планете, Флэндри отдал приказ о готовности первой степени постам, ведавшим оборонительным и наступательным оружием.

Планета громоздилась перед ним — огромный, в фазе между тремя четвертями и полнолунием — скользящий в пространстве шар, снежно-белый из-за окутывающих его облаков. «Справочник пилота с приложением астрономических таблиц» для данного региона приводил данные об умеренном эксцентриситете орбиты, радиус которой в среднем составлял около стандартной

астрономической единицы. Масса, диаметр и сила тяжести на поверхности были чуть меньше, чем у Терры. Зато период вращения вокруг оси равнялся всего лишь 8 часам и 47 минутам, а наклон оси к плоскости эклиптики был невероятно большим — 38 градусов. Атмосфера состояла из кислорода и азота, была для человека слишком жаркой и плотной, но для дыхания все же годилась. Биохимия основывалась на наборе аминокислот, который делал ее для человека не ядовитой, но и не подходящей... Вот, собственно, и все, о чем говорилось в справочнике. Миров было такое множество, что даже книга с записью на молекулярном уровне и то не могла содержать много информации — только самую основную. Когда Флэндри надел свой боевой космический скафандр, кроме рукавиц и щитка, защищающего лицо, он вызвал Кэтрин Мак-Кормак по системе личной связи. Ее лицо, возникшее перед ним на экране, выглядело из шлема, напоминая Флэндри дев-воительниц, о которых он читал в старинных книгах.

— Ну? — спросила она.

— Я хотел бы связаться с вашей научной базой, — ответил он, — но как мне разыскать ее в этой чечевичной похлебке?

— Они могут не отвечать на ваши вызовы.

— Но ведь могут и ответить? А это случится тем вернее, если я буду вести передачу по лучу и они решат, что я их обнаружил. Корабль, который идет на сближение с нами, хранит гордое молчание, и... Что ж, раз на поверхности планеты есть ваши старые друзья, то они ответят *вам*.

Она задумалась.

— Ладно. Я вам верю, Доминик Флэндри. Эта база — Порт-Фредериксен, — на ее лице выступила легкая улыбка, — основана одним из моих предков. Она находится на самом западном выступе Барки — как мы называем тамошний самый крупный континент. 34 градуса 5 минут 18 секунд северной широты. Думаю, вы можете их нащупать отсюда вашим радаром.

— А также тепловой, магнитной и всякой другой аппаратурой. Спасибо. Готовьтесь вступить в разговор... скажем, через полчаса или час.

Взгляд Кэтрин посуровел:

— Я буду говорить им правду.

— Сойдет и это до тех пор, пока мы не найдем чего-нибудь получше и подешевле. — Флэндри отключился, хотя ее лицо все еще заполняло экран. Он повернулся к Ровиану: — Мы выйдем примерно на стомильную орбиту, пока не свяжемся с базой, а затем уравниваем нашу скорость с планетарной.

Помощник взмахнул своим защищенным броней хвостом.

— Сэр, это означает, что мятежный корабль обнаружит нас чуть ли не на верхней границе атмосферы...

— Тогда как нам лучше бы находиться вне гравитационного поля планеты. Но разве ты не говорил мне, что тот корабль идет со слишком большой скоростью, так что сможет выйти лишь на гиперболическую орбиту?

— Да, сэр, разве что он может тормозить куда резче нас.

— Капитан корабля, видно, здорово нервничает. Он, должно быть, намеревается пролететь над Дидоной с большой скоростью, чтобы мы не смогли атаковать его. Я бы и сам боялся вражеских эсминцев, если б сидел в переделанном торгаше или в чем-то подобном. Когда он увидит, что мы миролюбивы, он перейдет на орбиту, а мы — при удаче — к этому времени уже будем разговаривать с ученой публикой где-то в десяти—пятнадцати тысячах километров от него.

— Есть, сэр. Не разрешит ли капитан включить защитные поля на полную мощность?

— Только после того, как мы свяжемся с Порт-Фредериксеном. Они помешают работе приборов. Но на остальных постах и в детекторной группе — полная боевая готовность, разумеется.

«А прав ли я? Ведь если ошибаюсь, то...» Командирское одиночество навалилось на плечи Флэндри. Чтобы хоть немного избавиться от него, он занялся расчетами маневров при подходе к планете.

Теперь «Азиенна» свободно падала на Дидону. Прекращение рева двигателей и вибрации было похоже на наступление полной глухоты. Планета полностью заняла экран по правому борту. Ее дневное полушарие излучало ослепительный свет, но, когда корабль сделал пол-оборота, Флэндри увидел лишь тьму, где только молнии плели свою пряжу да слегка светились слабые отблески зари. Эта штормовая атмосфера сильно затрудняла навигацию. Флэндри обнаружил, что сидит в пилотском кресле, так крепко вцепившись в подлокотники, что кончики пальцев совершенно побелели.

— Теперь, сэр, если бы не этот диск, мы могли бы с помощью самой простой оптики увидеть корабль, идущий нам навстречу.

— Возможно, — отозвался Флэндри. Тревога старшего помощника начала передаваться и ему.

Голос по интеркому произнес:

— Мне кажется, мы их обнаружили, сэр. Широта подходящая, изображение в инфракрасном диапазоне показывает сушу к востоку и океан к западу, радар выявил строения, и, по-видимому, мы обнаружили вспышки нейтрино от работающей атомной

станции. Хотя, конечно, возможность ошибок велика из-за проклятушей высокой отражательной способности атмосферы. Повторить наблюдения на следующем витке, сэр?

— Не надо, — ответил Флэндри, обнаруживая, что все время говорил слишком громко и взволнованно. С усилием он вернул голосу прежний спокойный тон. — Ведите корабль по радарному лучу. Пилот, начиная с этой точки ведите по лучу, одновременно производя постепенное снижение. Мы синхронизируем орбиты и тогда засечем новые координаты. — *Я хочу сохранить скорость к тому моменту, когда этот клоун, продолжая прикидываться глухонемым, прибудет к планете. И... ах да...* — Защитное поле установите на предельную мощность, гражданин Терры Ровиан.

Радость офицера была очевидна, когда он прошипел приказ в интерком. Корабль ожил. Изменившийся характер гравитационных полей поднял его по кривой, которая походила скорее на прямую, нежели на спираль. Полумесец планеты, полыхающий бурями, стал уменьшаться.

— Дайте мне сразу же изображение идущего на сближение корабля, как только он окажется в пределах видимости, — сказал Флэндри. (*Я почувствую себя куда лучше, когда увижу его своими глазами.*) Он заставил себя спокойно откинуться на спинку кресла и стал ждать.

Неожиданно на экране возникло изображение. Кто-то вскрикнул. Ровиан громко зашипел.

Тот стройный корпус, который с ревом преодолевал последние километры, никогда не предназначался для мирного использования. Просто они обманулись, ибо корабль не имел никакого отношения к имперскому военному Флоту. Вооружение его было столь же мощным, как у «Азиенны», и точно так же не нарушало обтекаемость корпуса. Похожий на иглу нос и небольшие закрылки говорили, что этот тип кораблей пронзал атмосферу планет куда чаще, чем соответствующий тип терранских... Ну, например, при нападении на города, отданные на разграбление.

«Варвары! — мелькнуло в голове Флэндри. — Из каких-нибудь диких стран на далеких диких планетах, где еще сто лет назад воевали с помощью закаленных клинков, пока кто-то не счел возможным — по политическим или экономическим соображениям — обучить их принципам космической навигации, дать им машины и кое-какое образование... Неудивительно, что они нам не ответили! Наверняка на борту нет никого, знающего англик».

— Белую ракету! — рявкнул он. — И непрерывно радировать «Рах» — должны же они знать сигнал мира! Хью Мак-Кормак не мог бы нанять их, поскольку ясно, что это дело его рук, не находишь они в каком-то контакте с цивилизацией Энея.

Приказ бы выполнен немедленно.

Наемник метнул в них бело-голубой поток энергии. Вслед за ним появились ракеты. Флэндри услышал скрежет рвущегося металла. Он нажал кнопку боевой тревоги. Ответ «Азиенны» был мгновенен. И новая атака чужого корабля — такой же. На таких близких расстояниях человеческая плоть не могла уследить за последовательностью событий, не говоря уж о том, чтобы реагировать с соответствующей быстротой. Бластерные пушки дали залп. Ракеты-перехватчики вырвались наружу, чтобы встретить то, что было уже послано против корабля. Секундой позже открылись дюзы, чтобы спустить на противника «птичек» крупного калибра.

Безумствовали ядерные взрывы. Электромагнитные защитные поля могли преградить путь потокам ионов, но не спасали от тепловой радиации, от икс-излучения, ударов энергетических таранов и тупого давления металла торпед. Неагравитационные силы могли замедлить продвижение последних, но остановить не могли. Это было только во власти ракет-перехватчиков, если они имели нужное время.

У варваров было преимущество в скорости и в высоте над планетой. К их кораблю было труднее приблизиться для точного прицела, труднее поразить в случае попадания в цель.

Тем не менее многолетний опыт Ровиана принес свои плоды. Внезапно огненная пелена заволочла корабль варваров. Раскаленные добела обломки шрапнелю полетели во все стороны от того места, где только что был могучий броневой лист. Разорванные, скрученные, обожженные, наполовину расплавленные обломки, превращенные в комету, обогнули планету и унеслись в глубины космоса.

Но и терранскому кораблю не было дано уйти целым и невредимым. Знатоки тактики боя определили бы возможную продолжительность жизни корабля, попавшего в такую ситуацию, не больше чем в три минуты. Огненные лучи нащупали и разорвали внутренности «Азиенны». И хотя ни одна боеголовка не попала непосредственно в эсминец, чтобы уничтожить его на месте, три взрыва произошли так близко от него, что острые обломки снарядов врезались в корпус, разрывая, сжигая, ломая машины, будто это был хрупкий фарфор, расшвыривая людей, отрывая у них руки и ноги, как у окровавленных тряпичных кукол.

Флэндри увидел, как вскрывается, точно консервная банка, стена рубки. Кусок зазубренной стали прошел сквозь Ровиана подобно циркулярной пиле, надвое кромсающей ствол дерева. Кровь хлынула потоком под влиянием невесомости, вызванной

внезапным падением давления, тут же превратившись в туман из мельчайших капелек. Туман тут же исчез, оставив лишь несколько сухих кровавых пятен. Оглушенный, почти теряющий сознание, со ртом и носом, заполненными собственной кровью, Флэндри еле успел опустить защитный щиток шлема и натянуть рукавицы, прежде чем последний воздух с воем вырвался наружу.

А потом пришла тишина. Эсминец с мертвыми двигателями, достигнув максимальной высоты, куда вознесла его бывшая скорость, падал к поверхности планеты.

Глава 8

Ни одна из шлюпок не осталась в исправности. Там, где разрушения не были полными, в негодность пришли важнейшие системы. Времени на ремонт или на замену агрегатов в одних механизмах из других не оставалось. Только одна из четырех еще подавала слабую надежду. Хотя индуктор не работал, но аккумуляторы могли дать достаточно энергии для двух сопел, казавшихся неповрежденными. Приборы и система управления тоже вроде были в порядке. В общем, аэродинамическая посадка выглядела вполне возможной. Все пилоты были или убиты, или ранены, но Флэндри доводилось водить боевые воздушные машины, прежде чем уйти в разведку.

Инженеры еле-еле успели сделать свои выводы, как возникла срочная необходимость покинуть корабль. Вскоре он должен был войти в атмосферу, что закономерно завершило бы разрушение его корпуса. Продираясь по лишенным воздуха темным проходам, где царила невесомость, космонавты тащили раненых товарищей в отсек для шлюпок. Для всех этих тел в шлюпке не хватило бы места, останься они в бронированных скафандрах. Флэндри наполнял их кислородом из баллонов, а после того как каждого члена экипажа протаскивали через воздушный шлюз в шлюпку, с него сдирали громоздкое снаряжение, а скафандры выбрасывали через люк наружу. Флэндри все же удалось найти место для трех скафандров, включая свой... хотя он тут же вспомнил, что не может надеть его, раз его люди не защищены. Взял эти скафандры только ради вделанных в них индивидуальных антигравов.

Наиболее сильно пострадавших поместили в кресла, снабженные ремнями безопасности. Жизнь остальных, битком набившихся в проход между креслами, зависела только от работы гравитационного поля. Флэндри увидел, что Кэтрин заняла место среди них. Ему страстно хотелось посадить ее в кресло второго пилота — ведь цепи, формирующие поле, вполне могли не

выдержать под воздействием тех перегрузок, которые им еще предстояло перенести. Но мичман Хэвлок проходил тренировку примерно в сходных ситуациях. Его помощь могла быть тем решающим фактором, который спас бы Кэтрин и остальных.

Дрожь прошла по шлюпке и телам экипажа — результат первого соприкосновения со стратосферой Дидоны. Флэндри вышвырнул шлюпку в пространство.

Дальнейшее описанию не поддается. Превращение в раскаленный добела метеорит. Дикая тряска. Рвущий уши гром. Штормовой ветер. Ночь. Горы и пропасти облачного покрова. Дождь, автоматными очередями стучащий по бортам. Безумные пируэты и наклоны. И все время оглушительный шум, рев, вибрации, сотрясающие мозг, дьявольская пляска тревожных огней на панели управления.

Каким-то чудом Флэндри и Хэвлоку удавалось удерживать подобие контроля над движением шлюпки. Они сумели погасить опасную скорость еще до того, как шлюпка достигла уровня, где скорость могла стать причиной их верной гибели. Они не завертелись беспомощно при переходе через тропопаузу, не покатались кубарем, гонимые могучими воздушными потоками, когда попали в низкие слои атмосферы. Им удалось избежать столкновения с вершинами гор, жадно тянущими к ним свои острые скалы, чтобы погубить. Они ушли от чудовишного тайфуна, не сравнимого с самыми страшными тайфунами Терры, который мог подхватить их лодку как пушинку и унести ее в океан. И, сгибаясь над приборами и дисплеями, нажимая дрожащими пальцами на клавиши управления на приборной доске, с бешеным вжимая ногами педали, вслушиваясь в свирепую какофонию звуков, задыхаясь от жары и дрожа, они думали об одном — сохранить заданное направление полета.

Теперь единственной их целью было добраться до Порт-Фредриксена. А долгий спуск мотал их чуть ли не по всему северному полушарию. Определив, где должен был находиться самый крупный континент, они яростно сражались за то, чтобы сохранить курс на те широты, которые были им нужны, и не терять западного направления.

Возможно, им бы и удалось добраться до своей цели, или во всяком случае подойти к ней поближе, если бы начальный импульс послал их в нужном направлении. Последняя инструментальная разведка проводилась перед переходом «Азиенны» на посадочную орбиту — с движением с востока на запад. Теперь вращение планеты работало против них, заставляя расходовать уйму энергии на ранних стадиях торможения. К тому времени когда шлюпка уже почти достигла порога безопасности, аккумуляторы

оказались истощенными. Перегруженность шлюпки не давала никаких шансов совершить пологий планирующий спуск с выключенными двигателями. Другого выхода не было — приходилось тратить последний резерв джоулей на почти вертикальную посадку.

Хвостовые дюзы тоже помочь не могли. Люди без поясов безопасности были бы с силой брошены на своих товарищей в случае отказа гравитационных компенсаторов. Флэндри выбрал для посадки открытое пространство, со всех сторон окруженное лесом. Между кочками и кустами осоки посверкивала вода. Уж лучше болото, нежели вершины деревьев. Килевые полозья громко зашипели, соприкоснувшись с болотной жижей одновременно с последним выхлопом двигателя. Шлюпку бросало из стороны в сторону, опасно кренило, крутило вокруг своей оси, и наконец она замерла, наклонившись под опасным углом. Тысячи летучих существ, шелестя крыльями, взметнулись вверх. И наступила тишина.

На мгновение сознание Флэндри погрузилось куда-то во тьму. Под еле слышные ему крики радости, он с трудом стряхнул ее с себя.

— Вс-с-се ли целы? — заикаясь, еле выдавил он. Его пальцы тряслись, пока он расстегивал ремни безопасности.

— Новых раненых нет, — отозвался кто-то.

— Новых, может, и нет, — проворчал другой, — а вот О'Брайен отдал концы при посадке.

Флэндри зажмурился. «Это был мой подчиненный, — пронзила его мысль. — Мои люди. Мой корабль. Сколько их осталось? Я считал... Двадцать три легкораненых плюс Кэтрин и я. Семнадцать, нет, теперь шестнадцать тяжелых. А остальные... Те, жизни которых я держал в руках...»

Хэвлок сказал нерешительно:

— Наше радио вышло из строя. На помощь позвать нельзя. Каковы будут распоряжения капитана?

«Ровиан, это мне полагалось получить тот железный обломок, а не тебе. И теперь эти жизни снова находятся в моих слабых, но смертоносных руках».

Флэндри с трудом поднял тяжелые веки. Звон в ушах стоял такой, что он не слышал собственных слов, но ему почему-то показалось, что они должны звучать без всякого выражения, механически.

— Мы не сможем долго поддерживать внутреннее силовое поле. На исходе последние эрги энергии. Давайте выносить раненых, пока наклон шлюпки не стал слишком опасным. — Он встал и повернулся лицом к своей команде. Еще никогда в жизни

ему не приходилось вкладывать в такое простое движение столько усилий. — Леди Мак-Кормак, — сказал он. — Вы знаете эту планету. Что вы можете нам посоветовать?

Она была скрыта от глаз Флэндри телами тех, кто окружал ее. Ее чуть хрипловатый голос прозвучал обыденно просто:

— Постепенно уравнийте давление с наружным. Если мы находимся на высоте уровня моря, то атмосфера тут в полтора раза плотнее, чем на Terre. Вам известно, где мы сделали посадку?

— Общее направление было на энейскую базу.

— Если я правильно помню, то в это время в северном полушарии самое начало весны. Можно предположить, что мы не слишком далеко от полярного круга, так что дни тут длиннее ночи, но пока разница не слишком велика. Надо помнить еще об очень коротком периоде суточного вращения. Так что на длительную освещенность рассчитывать не приходится.

— Благодарю вас. — Флэндри отдал необходимые распоряжения.

Сааведра — офицер-связист — отыскал кое-какие инструменты, снял панель с передатчика и принялся осматривать повреждения.

— Пожалуй, я смогу что-то сварганить из него, чтобы передать сигнал на базу.

— И сколько это займет времени? — спросил Флэндри. Его мышцы уже начали отходить, к ним возвращалась сила, да и в голове вроде как просветлело.

— Несколько часов, сэр. Придется ведь изворачиваться и придумывать всякие фокусы, чтобы выйти на стандартный диапазон.

— И тогда окажется, что там в это время никто радио не слушает. А когда они услышат, то появится необходимость в триангуляции, чтобы найти нас и... Хм-хм... — Флэндри покачал головой. — Мы не можем ждать. Сюда идет другой вражеский корабль. Когда он обнаружит обломки шлюпки, то сразу откроет сезон охоты на нас. А шансы, что мы будем обнаружены, велики — всего-то и нужно, что прочесать эту примитивную планету детектором металла. Мне не хотелось бы находиться вблизи шлюпки. Очень велика вероятность, что нас трахнут ракетой.

— Так что же нам делать, сэр? — спросил Хэвлок.

— Как вы думаете, миледи, — обратился к Кэтрин Флэндри, — у нас есть шансы добраться до базы пешком?

— Это зависит от того, где мы сейчас находимся, — ответила Кэтрин. — Местная топография, местные культуры, все это варьирует на Дидоне так же, как и в большинстве других миров. Продовольствия у нас достаточно?

— Да, полагаю, достаточно. Обычно такие шлюпки несут на себе большое количество мороженных и сухих продуктов. Надо думать, тут найдется пригодная для питья вода?

— Она есть. Может, вонючая и мутная, но пока еще ни один дидонский микроб не вызвал заболеваний у человека. Все дело в различиях биохимического порядка.

Когда шлюз был полностью открыт, атмосфера в шлюпке превратилась в подобие горячей бани. Их окружили странные запахи — ядовитые, ароматные, резкие, гнилостные, пряные, неизвестно какие. Люди задыхались, исходили потом. Кто-то из рядовых начал сдирать с себя рубашку. Кэтрин коснулась его руки.

— Не надо, — предупредила она. — Несмотря на облачность, поверхность получает достаточно ультрафиолета, чтобы обжечь вам кожу.

Флэндри первым спустился по трапу на землю. Изменения в весе были почти неощутимы. Ему показалось, что он чувствует привкус озона в болотном зловонии, и он подумал, что увеличение содержания кислорода было бы тут весьма кстати. Его сапоги хлопали по болотной жиже, доходившей до колен. Постепенно до него стали доноситься звуки местной жизни: стрекотание, карканье, свист, хлопанье крыльев. В плотном воздухе они звучали неправдоподобно громко, особенно сейчас, когда слух стал только возвращаться к нему. Мелкая живность перепархивала в листве деревьев.

Этот лес не был похож на дождевые леса планет истинно земного типа. Разнообразие видов деревьев просто невероятное — начиная от корявых и колючих кустарников до могучих и стройных гигантов. Лианы и грибы покрывали стволы. Листва тоже отличалась многообразием форм. Зеленый цвет почти отсутствовал, преобладали бурые и красные тона, хотя кое-где они оттенялись пурпуром и золотом. То же самое относилось и к пористому и пружинящему наземному покрову. Создавался странный эффект какого-то угрюмого богатства. Настоящих теней не было, но взгляд Флэндри тонул в сумраке, царившем под кронами. Он видел густые кустарниковые заросли, и ему становилось страшно от мысли, как они будут продвигаться через эту путаницу ветвей.

Вверху виднелось жемчужно-серое небо. Нижний слой облаков медленно струился над головой, не создавая сколько-нибудь отчетливых форм. Какое-то более яркое пятно, должно быть, означало скрывающийся за облаками Вергилий. Вспомнив, где проходила линия терминатора, Флэндри понял, что сейчас еще утро. Если поднапрячься, они уйдут отсюда до заката.

Он тут же включился в работу. Она была физически очень тяжела, за что он ей был глубоко благодарен. Она избавляла его от воспоминаний о мертвых и о погибшем корабле.

Прежде всего надо было вынести раненых на более высокий и сухой участок. Повреждения состояли преимущественно из ушибов и переломов костей. Ведь если ваш скафандр в космосе разорвется, вам тут же конец. У двух человек были жуткие ранения в живот, нанесенные металлическими осколками, оставившими столь маленькие входные отверстия, что либо сами раненые, либо их товарищи сумели зажать дыры в скафандре ладонями и предотвратить фатальную утечку воздуха. Один человек был без сознания, его кожа была холодной и липкой, дыхание еле слышным, а пульс нитевидным. И О'Брайен умер.

К счастью, судовой врач не пострадал. Он тут же занялся своим делом. Проходя мимо с охапкой всякого оборудования, Флэндри увидел, что врачу с полным знанием дела помогает Кэтрин. С тупым удивлением он припомнил, что она куда-то исчезала. На нее было не похоже лодырничать где-то в сторонке.

Ко времени когда последний предмет был вынесен из шлюпки, Кэтрин уже завершила свою деятельность в качестве сестры милосердия и теперь возглавляла похоронную команду. Флэндри мельком видел, что она и сама работала лопатой. Когда он дотащился до могилы, О'Брайен уже лежал в ней. Со дна траншеи, пузырясь, поднималась вода. Гроба не было. Кэтрин укрыла мертвеца имперским флагом.

— Капитан прочтет похоронную молитву? — спросила она.

Он поднял глаза. Кэтрин была такой же грязной и измученной, как и Флэндри, но стояла выпрямившись. Мокрые волосы липли к голове и щекам, но они все равно были единственным ярким пятном в этом мире. Из ножен, висевших на ремне, подпоясывавшем комбинезон, торчала рукоятка-кастет его собственного мерсейского боевого кинжала.

Отупев от усталости, Флэндри пробурчал:

— И *вы* хотите, чтобы я это сделал?

— Он не был врагом, — сказала она. — Он служил вместе с Хью. Мы должны оказать ему последние почести.

Она вручила Флэндри молитвенник. «Я? — подумал он. — Но я ведь никогда не верил...» Кэтрин смотрела на него. И остальные тоже смотрели. Его пальцы оставляли грязные следы на страницах, когда он читал величественные слова молитвы. Пошел мелкий дождь. Когда железо лопаты лязгнуло последний раз, Кэтрин потянула Флэндри за рукав.

— На одну минуту, будьте добры, — попросила она. Они отошли в сторону. — Я немножко побродила тут одна, — продолжала

Кэтрин. — Посмотрела на растительность, влезла на дерево и видела горы на западе... Если бы мы находились к востоку от хребта, то вряд ли в это время я увидела бы столько птероподов, поэтому увиденные мной горы, должно быть, Маурузийские... Так что приблизительно я представляю себе наше местонахождение.

Флэндри затаил дыхание.

— А о самой территории тоже знаете?

— Меньше, чем хотелось бы. Я ведь работала преимущественно на Гетулии. Однако свой первый полевой сезон я провела примерно в этих краях... Скорее это была тренировка, чем исследовательская работа. Самое главное — то, что у нас есть шанс встретить дидонцев, которые знакомы с людьми, и что местная культура стоит на довольно высоком уровне развития. И если мы набредем на существо, которому знаком один из наших пиджинов, а мне они тоже почти все известны, то после некоторой практики я смогу понять его речь. — Темные брови Кэтрин почти сошлись. — Я не стану от вас скрывать, было бы гораздо лучше, если бы мы совершили посадку западнее Маурузианских гор, и не только потому, что это сильно сократило бы нам путь. В горах могут оказаться дикие и злобные племена. Однако возможно, что мне удастся сторговаться и получить эскорт для прохода на ту сторону гряды.

— Это здорово. А может, вы и тропу для нас разыскали?

— А как же! Я ведь главным образом ее и разыскивала. Нам до заката не одолеть и километра из-за мхов и колючего кустарника, даже если мы опустошим все наши бластеры, прожигая себе дорогу. Я нашла тропу, которая начинается буквально в нескольких ярдах от берега болота и ведет примерно в нужном нам направлении.

— Ладно, пробьемся, — сказал Флэндри. — Но главное, чего мне хотелось бы, — это чтобы мы были по одну сторону баррикад — вы и я.

— А оно так и есть, — улыбнулась Кэтрин. — Вам же ничего другого, кроме как сдаться в Порт-Фредериксене, не остается.

Воспоминание о его поражении вызвало во рту омерзительный вкус блевотины.

— Конечно, ничего. Сейчас будем грузиться и — вперед.

Он круто повернулся на каблуках и ушел, хотя не мог не заметить того взгляда, который она бросила на него и который, казалось, прожигал ему дыру между лопаток.

Груз из шлюпки лег тяжелым бременем на плечи людей, которым к тому же приходилось еще по очереди нести раненых на самодельных носилках. Кроме продовольствия, смены белья, утвари, ручного оружия, боеприпасов, рулонов пластиковой плен-

ки для сооружения палаток и прочих необходимых вещей, Флэндри настоял на том, чтобы взять с собой три скафандра. Хэвлок осмелился выразить протест.

— С разрешения капитана, может быть, мы их выкинем? Гравитаторы еще могли бы пригодиться, чтобы посылать разведчиков, но в плотной атмосфере планеты они не могут пролететь больше нескольких километров, а встроенные в скафандры переговорники действуют лишь на очень малые расстояния. И я не думаю, что мы встретимся с какими-нибудь типами, для драки с которыми потребуются тяжелая броня.

— Мы могли бы их бросить, — ответил капитан, — но я рассчитываю получить туземцев-носильщиков. А на какое-то расстояние мы их и сами донесем.

— Сэр, у наших людей и без того ноги подламываются от усталости.

Флэндри посмотрел в бледное лицо юноши.

— Тогда уж пусть заодно и спина ломается, — рявкнул он. Его глаза бежали строй измученных, грязных, согбенных людей, за которых он нес всю ответственность. — Грузите их. И помогите мне взвалить на плечи мешок, гражданин Терры Хэвлок. Я не собираюсь нести груз меньше, чем кто-то из вас.

Сквозь изматывающую морось до него донесся общий вздох, но все повиновались.

Тропа оказалась настоящим Божьим даром. В густую грязь были накинаны камни и сучья. По словам Кэтрин, это сделали дидонцы. Получилась плотная широкая поверхность, петляющая в окружившем их со всех сторон лесу, но все же идущая в направлении горного массива.

Пластами наваливался сумрак. Флэндри приказал своему отряду продолжать движение, пользуясь фонариками, чтобы освещать дорогу. Он притворился будто не слышит *sotto voce** замечаний, отпускаемых за его спиной, хотя они и больно ранили его гордость.

Наступила ночь, вряд ли более прохладная, чем день, черная как могила, полная кваканья и отдаленных воплей, а люди все еще шли, спотыкаясь на каждом шагу.

Прошел еще один кошмарный час, и Флэндри приказал остановиться. Тропу пересекал маленький ручеек. Высокие деревья окружали маленькую лужайку, прикрывая ее сверху своими почти смыкающимися кронами. Фонарик Флэндри, шаривший по лужайке, вырывал из мрака то листву, то глаза человека.

— Вода и прикрытие, — сказал он. — Как вы думаете, миледи?

* Вполголоса (*ит.*).

— Хорошо, — ответила Кэтрин.

— Понимаете, — попытался он объяснить, — нам нужен отдых, а рассвет уже близок. Я не хочу, чтобы нас обнаружили с воздуха.

Она не ответила. «Я даже ответа не заслуживаю... Ведь я человек, потерявший корабль», — подумал он.

Люди сбрасывали свой груз. Кое-кто успевал сгрызть питательный брикет, прежде чем рухнуть рядом с уже спящими товарищами. Врач — Филип Капунян — сказал Флэндри:

— Без сомнения, капитан считает, что он должен отстоять первую вахту. Но я еще час или два буду занят своими больными. Нужно переменить повязки, раздать энзимы, сделать противорадиационные уколы, дать болеутоляющие таблетки, словом, обычная рутина, без которой обойтись нельзя. Вы пока можете отдохнуть, сэр. Я разбужу вас, как только кончу.

Последнюю фразу Флэндри вряд ли услышал. Он уже летел куда-то — все глубже и глубже, прямо в блаженное Ничто. Его последним ощущением было то, что трава, покрывающая землю, которую Кэтрин называла ковровым сорняком, хотя и похожа на тонкую губку, представляет собой мокрый, но все равно удобный матрас.

Врач разбудил его, как и обещал, и предложил стимулирующую таблетку. Флэндри тут же ее проглотил. Хорошо бы глотнуть кофейку, но он запретил разжигать костры. Флэндри обошел поляну, нашел местечко между двумя огромными корнями и позволил себе расслабиться, привалившись спиной к стволу. Дождь прекратился.

Рассвет на Дидоне подкрадывается медленно. Свет как бы конденсируется в жарком вонючем воздухе — капля за каплей, как туман, чьи шупальца тянулись к спящим. Кроме журчания ручья и шороха капель, срывающихся с листьев, над всей округой лежала огромная тишина.

Послышались шаги. Флэндри привстал, наполовину вытащил из кобуры бластер. Когда он увидел Кэтрин, то тут же убрал оружие и поклонился, с трудом удерживая колотящееся в ребра сердце.

— Миледи... Что... Что разбудило вас в такую рань?

— Не могла заснуть. Слишком много мыслей. Не возражаете, если я посижу с вами?

— Буду только рад.

Они сели рядом. Флэндри немного изменил положение так, чтобы все время видеть ее. Она же упорно глядела в джунгли. Усталость обвела черным ее глаза и обескровила губы.

Внезапно она повернула к нему лицо.

— Поговорите со мной, Доминик Флэндри, — молила она. — Я думала о Хью, о том, смею ли я надеяться когда-нибудь увидеться с ним хотя бы еще раз... Смогу ли остаться с ним? Неужели прошлое всегда будет стоять между нами?

— Я уже говорил (*как же невероятно давно это было!*), что если он... ну.. оттолкнет от себя по какой бы то ни было причине такую девушку, как вы, значит, он невиданный идиот!

— Спасибо. — Она наклонилась и коснулась его руки. Еще долго потом он чувствовал это прикосновение. — Давайте будем друзьями. Такими, которые обращаются друг к другу по имени.

— С восторгом.

— Нам следовало бы провести эту церемонию по обычаю Энея. — На ее губах появилась мечтательная улыбка. — Надо произнести тост и... Но это потом, потом... — Она запнулась. — Для вас во всяком случае эта война кончилась. Вас интернируют. Не в тюрьме. Хватит и комнаты в Новом Риме. Я стану навещать вас каждый раз, как найдется время, я приведу с собой Хью, когда он будет свободен. Может, мы уговорим вас присоединиться к нам. Я бы так хотела этого...

— Давайте для начала доберемся до Порт-Фредериксена, — сказал он, не отваживаясь на что-нибудь более банальное.

— Да! — Кэтрин наклонилась вперед. — Давайте обсуждать это! Я же сказала вам, что мне необходимо выговориться. Бедный Доминик, вы сначала спасли меня от плена, потом от смерти, а теперь принуждены спасать от моих ночных кошмаров. Пожалуйста, поговорим о чем-то простом и практичном.

— Совершенно безумная планета, не так ли?

Она кивнула.

— Считается, что первоначально это должна была быть планета типа Венеры, но ей довелось столкнуться с гигантским астероидом. В результате удара большая часть ее атмосферы улетела в космос, оставив лишь тонкий слой, достаточный для того, чтобы биохимическая эволюция могла продолжаться, причем довольно сходно с Террой — фотосинтез и все прочее, хотя аминокислоты, которые тут появились, имеют цепи, преимущественно закрученные вправо, а не влево. Вероятно, то же самое столкновение вызвало и огромный угол наклона оси вращения, а также и быстрое вращение планеты. В результате последних факторов океаны тут не так спокойны, как должно быть на безлунной планете, а штормы прямо ужасные. Очень высока тектоническая активность, что не удивительно. По этой причине, как считается, мы тут не находим следов оледенений, но обнаруживаем геологические эры с очень сухим климатом и высокими температурами. Впрочем, все это еще слабо изучено.

За время, равное тысяче человеческих жизней, мы лишь слегка приоткрыли краешек покрова тайны. Это же целый мир, Доминик.

— Это я усвоил, — сказал он. — Хм... а есть ли тут участки, пригодные для жизни человека?

— Очень мало. Слишком влажно и слишком жарко. Территории в высоких и приполярных широтах лучше этих, а Порт-Фредериксен наслаждается ветрами, несущими прохладу с холодных течений. Тропики же убивают вас за несколько дней, если вы не защищены. Нет, эта планета нам самим не нужна. Но она необходима науке. Да она, кстати, и принадлежит местным жителям. — Ее настроение вдруг изменилось. — Когда Хью станет императором, он позаботится, чтобы к местным культурам относились справедливо.

— Едва ли он когда-нибудь станет... — Казалось, кто-то чужой сел у пульта, управляющего мозгом Флэндри, и заставил его спросить: — Зачем он призвал варваров?

— Наверное, он куда-то отбыл и должен был оставить их, чтобы охранять Вергилий. — Она отвела взгляд в сторону. — Я опросила нескольких ваших людей, которые видели на экране тот корабль. По их описанию, это корабль с Дартана. Это не очень злой народ.

— Ну да, до тех пор, пока они не получают шанса проявить свою злость! Я предложил им мир, но они предпочли открыть стрельбу.

— Они... Люди Дартана часто так поступают. Их культура не позволяет им верить, что призыв к переговорам честен. Хью пришлось брать то, что было под руками, — он торопился. После всех этих событий разве он мог предположить, что кто-то явится сюда для переговоров? Он же смертный все-таки! Он не может думать обо всем!

Флэндри сдался:

— Думаю, нет, миледи.

В джунглях прозвучало что-то напоминавшее пение флейты. Кэтрин подождала несколько минут, а потом тихо спросила:

— Вы заметили, что еще ни разу не назвали меня по имени?

Его ответ прозвучал глухо и пусто:

— Я не смею. Ведь из-за меня погибли люди.

— О, Доминик! — По ее щекам лились слезы. Флэндри с трудом удержал свои.

И вдруг они обнаружили, что стоят на коленях, что его лицо прижимается к ее груди, его руки обвивают ее стан, ее левая рука обнимает его за шею, а правая рука гладит волосы Доминика, сотрясающегося от рыданий.

— Доминик, Доминик, — шептала она. — Я знаю. О как хорошо мне это известно! Мой муж тоже капитан. Только на его плечах больше кораблей и больше жизней, чем ты мог бы сосчитать! Сколько раз я видела его читающим донесения о потерях! Я говорю тебе, он приходил ко мне и закрывал дверь, чтобы дать волю слезам. Он допускал ошибки, которые обрекали людей на гибель. А какой командир не совершал их? Но должен же кто-то командовать? Это был и твой долг. Ты взвешивал факты по своему лучшему разумению, а затем действовал, исходя из этого. А когда действуешь, нельзя оглядываться назад. В этом нет нужды, и у тебя нет на это права.

Доминик, не мы сотворили эту кровавую вселенную! Мы только живем в ней и стараемся победить ее.

Кто сказал, что ты наделал ошибок? Твои оценки были совершенно разумны. Я не допускаю мысли, что какая-нибудь комиссия по расследованию нашла бы тебя виновным хоть в мелочах! Если Хью не мог предвидеть, что ты явишься сюда со мной, так как же ты мог предвидеть... Доминик, подними глаза, стань прежним...

И в это мгновение адское пламя сверкнуло сквозь листву на востоке. Через секунду воздух заревел, а почву сотрясала безумная вибрация.

Полусонные люди вскакивали на ноги. Флэндри и Кэтрин отшатнулись друг от друга.

— Что случилось? — вопил Сааведра.

— Это, — заорал Флэндри, стараясь перекрыть завывания ветра, — это был второй корабль варваров, который взял на себя заботы о нашей шлюпке.

А еще минуту спустя они услышали приближение в громовых раскатах огромного тела, идущего на сверхзвуковой скорости. Гром постепенно стихал, потом превратился в свист, а затем исчез. Шквал тоже умчался, а испуганная живность с шумом летала вокруг деревьев.

— Мощная боеголовка, — оценил Флэндри. — Они намеревались уничтожить все живое в радиусе нескольких километров. — Он подставил мокрый палец слабому утреннему бризу. — Радиационные осадки отнесет к востоку. Нам нет нужды волноваться. Чертовски рад, что вчера мы прошли так много.

Кэтрин схватила его за руки.

— Это только ваша заслуга, Доминик! — воскликнула она. — Может, это утишит ваше горе?

Нет, горе никуда не делось. Но Флэндри обрел смелость подумать: «Ладно, интеллигентскими переживаниями ничего не добьешься. Мертвые мертвы. Моя работа — спасти живых... а уж

потом, если это самое «потом» состоится, мне придется выкинуть кое-какие фокусы, чтобы мои начальнички не осудили меня слишком сурово.

Наверняка за них это сделает моя совесть... Но, может быть, я научусь, как от нее избавиться. Офицер Империи будет действовать куда эффективнее, если ее у него не окажется».

— Вольно, парни, — приказал он. — Следующий период обращения планеты мы проведем здесь, чтоб набраться силенок, а потом двинем дальше.

Глава 9

Лес резко оборвался у границы расчищенного поля. Выйдя на расчистку, Флэндри увидел ровные ряды кустов. С трех сторон поле было окаймлено джунглями, а с четвертой — спускалось к долине. Все шесть дидонских суток отряд шел по постепенно повышающейся местности.

Флэндри даже не сразу понял, что земля обработана.

— Стой! — крикнул он. В его руке появился бластер. *(Что это — стадо носорогов?)*

Нет... Быть того не может... Африканский заповедник Лорда-Советника Мулеле лежит отсюда в 200 световых годах. Полдюжины животных, находившихся перед ним, по размерам и общему облику соответствовали носорогам, хотя их безволосые голубовато-черные шкуры были гладкими, а не морщинистыми, а хвосты начисто отсутствовали. Зато их плоские плечи выступали вбок, образуя что-то вроде платформ. Уши большие, похожие на веера. Череп поднимался горбом над парой хитрых глаз, а на носу торчал рог. Вытянутое рыло кончалось удивительно мягкими и подвижными губами. Рог, разумеется, особенно привлекал внимание — большой черный клинок с зубцами, как у пилы, на тыльной стороне «лезвия».

— Доминик, подождите! — Кэтрин быстро подбежала к нему. — Это же ногасы!

— Хм? — Он опустил оружие.

— Это наше слово. Люди не могут воспроизводить речь дидонцев ни на одном из известных нам диалектов.

— Вы хотите сказать, что это... — Флэндри приходилось видеть немало инопланетян удивительных форм, но он еще не встречал таких, у которых не было бы эквивалента рук. Какую цену может иметь разум, если ему нечем активно преобразовывать свою среду обитания? Приглядевшись повнимательнее, он заметил, что эти животные вовсе не пасутся. Двое из них находились в одном углу поля, выкорчевывая пни, тогда как третий

катил срубленный ствол в направлении здания, чья крыша выступала над склоном холма. Четвертый тащил грубый деревянный плуг по только что расчищенной земле. Пятый шел за плугом; надетая на нем сбруя позволяла ему управлять рукоятками плуга. Этот участок поля находился вдалеке, и отдельные детали было трудно разобрать сквозь туманный влажный воздух. Шестое животное стояло к Флэндри поближе; оно не столько кормилось, сколько вырывало сорняки между кустами.

— Пошли! — Кэтрин бросилась вперед. Движения ее были легки, несмотря на тяжелую ношу за спиной.

Последний их переход длился безостановочно целые дидонские сутки. В лагере и Кэтрин, и Флэндри были слишком заняты — только у них и был опыт пребывания в джунглях, так что времени на разговоры перед сном у них не оставалось. И тем не менее они были вознаграждены — на скорбь тоже времени не хватало, так что настроение у них стало улучшаться. Сейчас Кэтрин так была воодушевлена, что Флэндри от счастья забыл обо всем. Она ведь стала для него центром вселенной, солнцем — таким близким и так надежно укрытым облаками.

— Хелло! — Она остановилась и стала махать руками. Нога тоже остановился и стал близоруко присматриваться к ней. Его уши и нос подергивались, прощупывая пронизанный моросью жаркий воздух. Флэндри внезапно вернулся к действительности. Эти скотины могли напасть на Кэтрин!

— В цепь! — крикнул он тем своим парням, у которых было оружие. — Полукольцом за мной! Остальным стоять у конца тропы! — Он подбежал к Кэтрин.

Раздалось хлопанье крыльев. Какое-то существо пикировало к ним, почти невидимое из-за низкой облачности. Оно опустилось прямо около шестого ногаса.

— Это крылос! — Кэтрин схватила руку Флэндри. — Мне надо было предупредить вас заранее. Смотрите! Это безумно интересно!

Ногасы по первому впечатлению были чем-то вроде млекопитающих. Об этом говорили первичные половые признаки: у самок имелось вымя. Крылос же походил на птицу. Но была ли это действительно птица? Его тело напоминало тушку очень крупного гуся с серо-бурыми перьями на спине, светло-серыми на животе и чуть голубоватыми на горле и на концах крыльев и большого треугольного хвоста. Сильные когтистые лапы предназначались для хватания, на них можно было также висеть. Шея была довольно длинная, а на ней сидела голова с далеко выступающим назад черепом. Переднюю часть головы занимали главным образом два больших, похожих на крупные топазы

глаза. А клюв вообще отсутствовал, его заменяла красная хрящеватая трубка.

Крылос сел на правое плечо ногаса. Он высунул из трубки длинный, похожий на скрученную веревку язык(?). На боках ногаса Флэндри заметил нечто вроде узлов, расположенных чуть ниже «платформ». Правый из них развернулся и превратился в орган, похожий на щупальце, в вытянутом виде доходившее до двух метров.

Эквивалент этого органа у крылоса — «язык» соединился с помощью своеобразного сфинктера с щупальцем. Соединенные таким образом животные рысцей двинулись к людям.

— Нам все еще не хватает рукаса, — сказала Кэтрин. — Нет, подождите! — Ногас, который шел за плутом, вдруг заревел. — Вон то существо зовет его. Собственный рукас хиша должен сначала снять с него сбрую, чтобы хиш мог подойти к нам.

— Но остальные... — Флэндри показал рукой. Четыре ногаса просто стояли там же, где были и раньше.

— Естественно, — отозвалась Кэтрин. — Без своих партнеров это просто тупые животные. Они не могут действовать самостоятельно, если не считать выполнения черной работы, которой они будут заниматься, пока не услышат сигнала от полностью укомплектованного дидонца. Ну а вот и оно!

Новое существо соскочило с одного из деревьев и помчалось, перескакивая через канавки. Оно немного меньше походило на человекообразную обезьяну, чем ногас на носорога или крылос на гуся. Однако любой терранин подумал бы о нем именно как об обезьяне. Ростом около метра, когда он стоял выпрямившись, он, должно быть, пользовался своими короткими кривыми ногами главным образом для лазанья по деревьям, так как бежал он на четвереньках, а каждая ступня оканчивалась тремя хорошо развитыми хватательными придатками. Хвост тоже выполнял хватательные функции. Грудь, плечи и руки были непропорционально велики в сравнении с телом — они были крупнее, чем у рослого мужчины. Помимо трех хватательных отростков, каждая рука имела еще настоящий большой палец. Голова тоже была массивной, круглой, с ушами, похожими на плоски, и с большими карими глазами. Подобно крылосу, этот зверь не имел ни носа, ни рта, а лишь трубочку с ноздрями. Черный мех покрывал его целиком и только на ушах, ладонях и зобе виднелась голубоватая кожа. Оно... Он был самцом. Его талию охватывал ремень, на котором висели сумка и металлический нож.

— Это и есть дидонец? — спросил Флэндри.

— Это рукас — одна треть дидонца.

Рукас бежал к ногасу, стоявшему ближе к людям. Он вспрыгнул на его левое плечо, сел рядом с крылосом и высунул «язык», который тут же соединился со вторым щупальцем.

— Понимаете, — говорила быстро Кэтрин, — нам надо было их как-то обозначить. На большинстве дидонских диалектов названия всех трех частей приблизительно соответствуют понятиям «рука», «нога» и «крылья». Но тут возникла возможность возникновения путаницы с английским языком, а так как некоторые диалекты на Энее содержат русский элемент, мы и взяли русские слова, «нога», «рука» и «крыло». — Набор из трех элементов дидонца остановился в нескольких метрах. — Оставьте бластер в покое. Хииш нас не тронет.

Она подошла к дидонцу вплотную. Флэндри шел за нею, чувствуя, как у него ум заходит за разум. Отношения симбиоза не были для него полной новостью. До сих пор самым удивительным случаем он считал симбиоз Торгу-Кон-Танах на Ван-риджне. Там гориллоподобное существо давало силу и руки, а маленький одетый роговым панцирем партнер — ум и острое зрение; органы, скреплявшие их, содержали особые клетки, которые объединяли их нервные системы в одно целое. Видимо, эволюция на Дидоне пошла по сходному пути.

«Но как далеко она зашла! — думал Флэндри. — До той точки, где оба более мелких партнера даже не едят самостоятельно, а получают пищу от самого крупного. Бог мой, это же просто ужасно. Никогда не попробовать самому жаркого под соусом или мороженого!»

Они с Кэтрин остановились перед аборигеном. Легкий, почти не охлаждающий воздуха бриз донес до них запах лошадиного пота — отнюдь не противный. Флэндри недоумевал — в какую именно пару глаз он должен смотреть.

Ногас хрюкнул. Крылос издал трель; его носоглотка внутри, видимо, имела нечто вроде струн и резонансную камеру. Рукас надул зоб и произвел удивительно сложный набор звуков.

Кэтрин внимательно вслушивалась.

— Я в их языке не эксперт, — сказала она наконец, — но в окрестностях Порт-Фредериксена говорят на сходном диалекте, так что смысл я улавливаю. Имя этого хииша Повелитель Песен, хотя слово «имя» тут не совсем годится. — Она издала несколько звуков. Флэндри показалось, что он разобрал искаженные слова англика, но понять ничего не смог. «Думаю, дидонцы слишком чужды нам, чтобы овладеть человеческим языком. Ксенологи должны были выработать нечто вроде собственного пиджина для разных языковых семей, где сочетаются звуки, которые надгортанники землян могут воспроизвести, и семантические ряды,

доступные для понимания дидонцев. — Он посмотрел на Кэтрин чуть ли не с преклонением. — Какой же ум требуется для этого!»

Ей ответили сразу три голоса. Невозможность для человека говорить на дидонском языке, думал Флэндри, должно быть, происходит не только от голосовых связок. Вокалайзер еще как-нибудь справился бы с этим, но тут, видимо, сами речевые структуры контрапунктны.

— Хииш не знает пиджина, — сказала Кэтрин. — Но Открыватель Пещер его знает. Они соберут для нас новый хииш.

— Хииш?

Она усмехнулась:

— Личные местоимения в подобной ситуации ничего не значат. Некоторые культуры дидонцев настаивают на определенном соблюдении полового признака при образовании единства. Но для большинства пол не так важен, важны лишь индивидуальные качества отдельных составных частей; поэтому они формируют единства в комбинациях, которые кажутся наилучшими для достижения данной цели. Мы называем партнерство — полное или частичное — словом «хииш». Какого-либо жесткого значения оно не имеет.

Крылос снялся с места, громко хлопая крыльями. Рукас остался на платформе ногаса. Но, казалось, в них погас какой-то внутренний свет. Оба постояли, рассматривая людей, затем рукас почесался, а ногас принялся снова выпалывать сорняки.

— Для высокой результативности, должно быть, нужны все три части, — решил Флэндри.

Кэтрин кивнула:

— Наиболее развитым передним мозгом обладают рукасы. В одиночку они примерно равны шимпанзе. Кажется, так называются самые сообразительные человекообразные обезьяны на Терре? А ногасы в одиночку — просто тупицы. Но соединенные по трое, они думают не хуже, чем вы или я. А может, и лучше, если подобные сравнения вообще возможны. Мы все еще пытаемся найти тесты и единицы измерения, которые дали бы нам сколько-нибудь объективные показатели. — Она вдруг нахмурилась. — Пусть ваши люди уберут оружие. Мы среди доброго народа.

Флэндри подчинился, но своих солдат оставил там, где они были. Если что-либо пойдет наперекосяк, они будут удерживать тропу. Сзади на носилках лежали раненые.

Другое содружество кончило отделять себя... нет, отделять хииша от сбруи на плуге. Земля загудела от галопа ногаса этого хииша. Крылосу и рукасу, должно быть, приходилось изо всех сил цепляться за платформу. Кэтрин обратилась и к этому дидон-

цу, когда он поравнялся с нею, но тоже без толку, хотя он ей и ответил. Ответ она перевела так:

— Познакомьтесь с Великим Знатоком Почв, который знаком с вашим народом, но ни одна из частей этого хиша не знает пиджина.

Флэндри потер подбородок. Последняя порция энзима, прекращающего рост бороды, еще действовала — кожа была совсем гладкой, но приходилось пожалеть, что средство, которое должно было придать его усам мужественную красоту, не сработало — усы росли клочками.

— Я так понимаю, что инди... хм-м... отдельные части могут переходить от одного единства к другому, чтобы единство стало оптимальным для решения определенной задачи?

— Да. В большинстве культур, с которыми мы знакомы, это так. Великий Знатока Почв, по-видимому, является выдающимся фермером. В других комбинациях части хиша могут дать выдающегося охотника, художника, музыканта — что угодно. Вот почему здесь не существует потребности в многочисленном населении, дабы иметь множество специалистов, в которых нуждается коммуна.

— Вы сказали — коммуна?

— Мне кажется, это слово более точно, нежели община.

— Но почему же не все воспринимают то, что умеет один из них?

— Что ж, нашей расе обучение действительно многое дает, но оно требует времени. Кроме того, память необходимо упражнять, иначе она выветривается; опыт и умение приобретаются в процессе практики. Конечно, мозг кое-что усваивает, в том числе и воспоминания и опыт, которые он складывает. Например, у ногасов есть знания ботаники, потому что ногасы питаются травами. Рукасы помнят кое-какие виды физических работ — у них есть руки и пальцы. Крылосы хранят некоторые данные из области географии и метеорологии... Действительность всегда сложнее теоретических построений. Все типы частей хишей хранят разную информацию... так, во всяком случае, считаем мы... в том числе языковую. В общем, вы, наверное, понимаете, что я хочу сказать.

— И тем не менее...

— Дайте мне кончить, Доминик. — Кэтрин прямо пылала энтузиазмом. Флэндри такого еще не приходилось наблюдать. — Вопрос упирается в проблемы культуры. Дидонские общины варьируют так же сильно, как когда-то варьировали племена на Терре. В некоторых культурах отдельным частям позволяется формировать хиши неупорядоченно. В результате единства способны

почерпнуть от других меньше, чем могли бы, из-за недостатка специального руководства и внимания. Эмоциональная и интеллектуальная жизнь там мельчает, вся община застревает где-то на стадии дикости. Другие культуры, напротив, очень ограничивают возможности образования единств. Например, считается, что части целого должны принадлежать друг другу долго, пока смерть их не разлучит. Исключением являются временные связи с молодым, необходимые для его обучения. В области технологии такие общества продвинуты дальше, но не выше уровня каменного века. В них наблюдается определенное эмоциональное оскудение. Ни тот, ни другой типы сообществ не реализуют своего потенциала.

— Понятно, — протянул Флэндри. — Плейбой и пуритане.

Она моргнула, потом засмеялась:

— Если угодно. Тем не менее большинство культур, в том числе, очевидно, и наши знакомцы, поступают иначе. Каждая часть входит в круг определенных стабильных единств, причем проводит в каждом из них примерно равное время. Таким образом, единства или хищники приобретают личностные черты, обладают широким набором знаний и навыков, но при этом каждое обладает талантом в области определенной специализации. Кроме того, время от времени создаются единства, соединение которых производится в случае определенной необходимости.

Кэтрин подняла глаза вверх.

— Я думаю, для нас вот-вот возникнет Открыватель Пещер, — сказала она.

Два крылоса крутами снижались к ним. Один, по-видимому, принадлежал Повелителю Песен, а другой — Открывателю Пещер, хотя Флэндри и не видел между ними никаких различий. Видимо, Повелитель Песен и Открыватель Пещер состояли из одних и тех же рукасов и ногасов.

Крылос, летевший впереди, опустился на платформу ногаса. Его спутник покружил еще немного, видимо, отыскивая для себя подходящего ногаса. Над деревьями появились еще крылосы, а то ли из леса, то ли из дома выбежали новые рукасы. «Через минуту у нас тут соберется целый городской митинг», — подумал Флэндри.

Теперь его внимание полностью сосредоточилось на Кэтрин и Открывателе Пещер. Между ними завязался разговор. Сначала он шел как бы с запинками; видимо, ни одна из сторон уже несколько лет не упражнялась в употреблении пиджина, да и диалект этой общины был не совсем тот, на котором говорили дидонцы вблизи Порт-Фредериксена. Но постепенно беседа стала более оживленной.

Остальные члены общины появились явно для того, чтобы смотреть, слушать и обдумывать то, что им сейчас переводилось. Тут собрались все, кроме тех, кто сейчас охотились или собирали еду в джунглях, как после узнал Флэндри. Один хиш приблизился к нему. Его рука соскочил с «платформы» и подбежал вплотную, таща на плече толстый соединительный «шланг» от ногаса. Голубые пальцы ощупали одежду Флэндри и попробовали вытащить из его кобуры бластер, видимо, чтобы лучше ознакомиться с ним. Флэндри не решился отдать ему оружие, хотя оно и стояло на предохранителе, но Кэтрин могла рассердиться, если б он отказал хишу наотрез. Сняв со спины самодельный мешок, он высыпал его содержимое прямо на землю. Это сразу привлекло к нему внимание нескольких свободных рукасов. Поняв, что они не собираются ничего красть или ломать, Флэндри уселся на землю и позволил себе расслабиться. Мысли его разбежались, но затем сосредоточились на Кэтрин, как это теперь чаще всего и бывало. Так прошло около часа. Короткий день уже близился к вечеру, когда Кэтрин сделала Флэндри знак.

— Они рады встретиться с нами и с удовольствием предлагают свое гостеприимство, — сказала она, — но сомневаются, что в состоянии помочь пересечь горы. Тамошние обитатели очень опасны. Кроме того, сейчас много работы как в лесу, так и в полях. В то же время эта община была бы рада получить обещанное мной вознаграждение — такие вещи, как хорошие стальные инструменты или огнестрельное оружие. Они соберут хиш Многомудрого и поручат ему обдумать проблему. Пока же нам предлагают отдохнуть.

Лейтенант Капунян был особенно рад такой возможности. До сих пор все его силы уходили на то, чтобы раненым не стало еще хуже — тяготы пути не позволяли им выздоравливать. Если он вместе с больными останется тут, пока остальные пойдут за помощью... Флэндри согласился. Их поход мог сопровождаться появлением новых раненых, а раз так, надо постараться, чтобы их общее число не стало чрезмерным.

Все пошли к дому. Людям казалось, что они стали вдруг меньше ростом — следствие того, что со всех сторон их окружали такие громадины. И только одна Кэтрин всю дорогу смеялась и весело болтала.

— Я чувствую себя так, будто вернулась домой, — говорила она своим спутникам. — Я ведь почти забыла, как ведутся на Дидоне полевые работы и как я... ну... люблю их.

«Как велики у тебя запасы любви», — сказал про себя Флэндри. Он подумал, что эта фраза, скажи он ее другой девушке, могла бы звучать как комплимент, но он постеснялся бы сделать его Кэтрин.

Когда они поднялись на вершину холма, то увидели противоположный склон. Он плавно спускался вниз, а потом снова поднимался, образуя отличное укрытие для жилья. Искусственные каналы вели к ручью; они должны были предотвращать затопление местности. Вдали над деревьями торчал голый каменный отрог, чья вершина уходила в низкие облака. Оттуда доносился грохот большого водопада. Кэтрин указала в ту сторону:

— Они называют это место Ревущий Камень, — сказала она. — Правда, у него есть и другие имена. Названия местностей у них более реально отражают действительность, нежели имена самих дидонцев.

Поселок состоял из нескольких бревенчатых зданий, с крышами из торфа, и грубого забора, огораживающего большой двор, который был замощен из-за частых дождей, превращавших землю в жидкую грязь. Большая часть зданий представляла собой амбары и сараи. Самым большим было одноэтажное барачного вида здание, отличавшееся тщательностью отделки и очень красивой резьбой. Оно поражало своими огромными размерами. Флэндри вначале больше заинтересовал крааль. Там находился молодняк всех трех видов плюс по четыре взрослых особи каждого вида. Взрослые образовывали различные комбинации по две особи, а третьей был кто-то из молодняка. Что касается остальной молодежи, то она бродила по двору, дремала или кормилась. Самки-ногасы кормили своих телят. Из четырех взрослых двое были молочные самки, одна яловая, а последний — самец. Время от времени к ним — покормиться — подбегали юные мохнатые рукасы и подлетали крылосы.

— Школа? — спросил Флэндри.

— Можно назвать и так, — ответила Кэтрин. — Ранняя стадия обучения и развития. Это очень важное дело, и мы не должны им мешать. Нет, эти некомплектные единства на нас внимания не обратят. Пока они растут, молодежь находит себе молодых же партнеров. Но потом, как правило, они пополняют собой те единства, где какая-то из частей умерла.

— Ха! «Если бы молодость знала, если бы старость могла!» А ведь дидонцам, видимо, удалось решить эту проблему?

— И в каком-то смысле победить смерть. Конечно, через несколько поколений данное единство полностью станет совершенно иным и большая часть прежней памяти будет утеряна. И все же продолжительность совместного существования... Теперь вы понимаете, чем они нас привлекают?

— Еще бы! У меня нет темперамента, необходимого для исследователя, но из-за вас я остро ощущаю этот недостаток.

Кэтрин серьезно поглядела на Флэндри:

— В своем роде вы, Доминик, куда больший философ, нежели все, кого я до сих пор встречала.

«Мои парни — смелые ребята, — думал он, — и они заслужили мою преданность и те силы, которые я отдаю руководству отрядом, но в эти минуты я предпочел бы, чтобы они вместе со своими похожими на лопухи ушами оказались где-нибудь в десяти парсеках отсюда».

Двери и ставни на окнах большого дома были открыты, и его внутренность выглядела гораздо более светлой и прохладной, чем Флэндри мог предположить. Пол был выложен обожженным глиняным кирпичом, на который набросали сверху множество свежих веток. Украшенные фантастической резьбой столбы и балки поддерживали крышу. На стенах висели шкуры, грубо связанные занавеси, инструменты, оружие и какие-то предметы, которые Кэтрин посчитала священными. Среди всего этого богатства находились пристроенные к стенам стойла для ногасов, насесты для крылосов и скамьи для рукасов. Еще выше на стенах были укреплены скобы для факелов, предназначенных для ночного освещения. В специальных углублениях горели костры. Экраны из кожи, натянутой на деревянные рамы, направляли дым к вентиляционным отверстиям. Детеныши, телята и птенцы — слишком юные для обучения — шмыгали под ногами, подобно домашним животным, какими они, собственно, и являлись. Дидонцы, слишком старые или больные, чтобы работать, занимали середину зала. Уединение явно принадлежало к числу тех идей, о которых дидонцы и понятия не имели. Но зато сколько у них было других идей, о которых людям не дано даже догадываться?

Флэндри покосился на шкуру.

— Если эти здоровенные ребята травоядные, то зачем же они охотятся?

— Из-за продуктов животного происхождения — шкур, костей, жил, жира... Ш-ш-ш...

Процессия остановилась перед насестом, на котором сидел очень старый крылос. Согбенный, с одним поврежденным крылом, он почему-то все же напомнил Флэндри орла. Каждый ногас, проходя мимо, почтительно преклонял перед ним свой рог. Птица, принадлежавшая Открывателю Пещер, взлетела и опустилась на собственное (ее? его?) место. Ногас предложил свое освободившееся шупальце древней птице, которая тут же соединилась с ним. Ее глаза остановились на гостях и вдруг ярко вспыхнули.

— Многомудрый, — шепнула Кэтрин. — Самый умный из них. Этому хищнику потребуется всего мгновение, чтобы усвоить то, что ему скажут остальные.

— А партнеры этой пичужки тоже принадлежат к числу уважаемых граждан?

— Ш-ш-ш... не так громко... Я не знаю местных обычаев, но они, по-видимому, глубоко почитают Многомудрого. Что ж, вы же тоже считаете, что существа с наилучшими наследственными данными должны занимать и наиболее важные места, не так ли? Я думаю, что Открыватель Пещер — исследователь и искатель приключений. Его хииш впервые познакомился с людьми, наткнувшись на лагерь ксенологов в 200 километрах отсюда. Многомудрый черпает силу и смелость у тех же ногаса и рукаса, но сейчас приключения этого хииша — это приключения духа и мысли... Ну, кажется, он уже готов. Мне придется повторить ему всю информацию, которая улетела куда-то вместе с прежним крылом.

Разговор затянулся до ночи. Зажгли факелы, подбросили дров в очаги, в каменных горшках поставили вариться еду. Хотя ногасы могли питаться одной сырой зеленью, они все же предпочитали более вкусную и питательную пищу, если могли ее получить. Из джунглей вернулись еще несколько дидонцев, освещавших себе дорогу домой светящимися грибами. Они притащили корзины съедобных корней. Без сомнения, охотникам и сборщикам дикорастущих растений приходилось скитаться по джунглям по несколько дней подряд. Помещение наполнилось щелбечущими, кашляющими и хрюкающими звуками, Флэндри и его людям пришлось ограждать своих раненых от любопытства охотников, стараясь делать это предельно дружелюбно.

Наконец Кэтрин, постаравшаяся как можно точнее скопировать жест уважения, отозвала в сторону своих товарищей-терран. В красном колеблющемся свете факелов ее глаза и волосы сверкали.

— Это было нелегко, — говорила она возбужденно. — Но мне удалось убедить его. Мы получим эскорт — довольно скромный, проводников и носильщиков. Я думаю, уже через часов сорок—пятьдесят мы сможем выступить... домой!

— Это для вас дом, — пробурчал кто-то.

— Заткни пасть! — рявкнул на него Флэндри.

Глава 10

Столетиями раньше бродячая планета прошла мимо беты Креста. Планеты, не имеющие своих солнц, не такая уж редкость, но в астрономически безбрежных просторах натолкнуться на такую планету — почти чудо. Этот шар пролетел мимо и перешел на гиперболическую орбиту. Приблизительно равная

Терре по величине, планета еще во времена своей пылкой юности успела отравить свою атмосферу ядовитыми газами. Затем, когда ее внутренний жар улетучился в космическое пространство, эта атмосфера замерзла. Огромное голубое солнце, мимо которого она прошла, вскипятило ее океаны и расплатило атмосферу. Несколько лет на планете безумствовали штормы. В конце концов космический холод снова вернул себе свои владения, и этот короткий инцидент не имел бы никакого значения, если бы случайно не имел места в старые добрые дни Торгово-технической Лиги и не был замечен теми, кто понял, какие колоссальные прибыли можно из этого извлечь. Синтез изотопов в тех гигантских количествах, которые требовались цивилизации, основанной на космических перелетах, был узким местом тогдашней экономики. Моря и атмосфера использовались для охлаждения, континенты — для свалок радиоактивных отходов. Если небесное тело было безжизненным, оно, как правило, оказывалось слишком холодным или слишком раскаленным для использования. И вдруг появляется Сатана с идеальной температурой с точки зрения производства расщепляющихся материалов. И как только штормы и землетрясения утихли, на планету хлынули орды предпринимателей.

В Темные Времена собственность, легальная принадлежность, инвестиции и доходы, каждый аспект взаимоотношений с обжитой частью Вселенной менялись для Сатаны так же, как и для всех остальных миров. На какое-то время ее забросили. Но ведь там и раньше никто не жил. Ни одно живое существо не могло жить в этой ядовитой атмосфере и в условиях убийственного радиоактивного фона. Роботы, компьютеры и автоматика — вот обитатели Сатаны. И они продолжали функционировать, даже когда цивилизации распадались, сражались друг с другом и снова поднимались из руин. Когда же какой-то имперский аристократ направил туда автоматически пилотируемый грузовик, автоматы доверху нагроузили его сокровищами.

Защита Сатаны стала главной причиной создания системы гарнизонов и колонизации планет в секторе альфы Креста.

Диск Сатаны темнел на фоне созвездий, видимых на экранах командной рубки Хью Мак-Кормака. Бета уже давно уменьшилась и превратилась всего лишь в самую яркую из звезд среди прочих. Но машины не нуждаются в естественном солнечном свете. На экранах был виден шар, окутанный дрожащими газовыми испарениями, слабое свечение облаков и океанов, с черными пятнами — надо полагать, сушей. Это была унылая пустыня, особенно если вы выводили на экран изображение ее поверхности: безжизненные горы, бездонные провалы, голые каменные

равнины, холодные мертвые моря, окутанные вечной тьмой, нарушаемой лишь светом редкого фонаря или голубым свечением радиоактивных горных пород. И ни звука, кроме воя ветра или наката стерильных вод океана на берег, и никаких событий в течение многих веков, кроме бездушной, бессмысленной работы машин.

Но для Хью Мак-Кормака Сатана означала Победу!

Он отвел глаза от этой планеты и дал им возможность отдохнуть, направив взгляд в открытый космос. Туда, где сверкали созвездия. Туда, где сейчас гибли люди.

— Мне надо было быть там, — сказал он. — Надо было настоять на своем.

— Вы там ничего бы не сделали, сэр, — ответил ему Эдгар Олифант. — Раз тактические диспозиции разработаны и вручены, игра идет сама собой. А вас могли убить.

— Вот то-то и отвратительно, — буркнул Мак-Кормак, изо всех сил стискивая руки. — Мы сидим тут на орбите в уюте и безопасности, а там идет битва, чтобы сделать *меня* императором!

— Но вы же еще и Главнокомандующий, сэр. — Сигара во рту Олифанта дергалась и дымила, пока он говорил. — Вам надлежит быть там, куда стекается вся информация, и принимать решения в тех случаях, когда происходит нечто непредвиденное.

— Да знаю я, знаю! — Мак-Кормак почти бегал взад и вперед из одного конца балкончика, на котором они стояли, в другой. Под ними лежал шелестящий комплекс компьютеров; люди, согнувшиеся над письменными столами и консолями, посыльные, которые на цыпочках входили в зал и выходили из него. Никто — начиная от адмирала — не был озабочен такой чепухой, как соблюдение внешних признаков субординации. У них были гораздо более важные дела по координации сражения против флотилии адмирала Пиккенса. О том, где они находятся, Пиккенс узнал от герцогской стражи, разбитой и изгнанной из этих краев, и вот теперь флот Мак-Кормака был обнаружен. Даже понимание взаиморасположения кораблей и их энергетических возможностей было не по силам человеческому уму.

Адмирал же проклинал себя за то, что «Персей» стоит тут на приколе, тогда как каждая лишняя пушка — дело жизни и смерти для его флота, сражающегося против превосходящих сил противника. Ведь этот корабль — один из двух дредноутов класса «новая», которыми он располагал. Но никакое другое судно не имело всего необходимого оборудования.

— Мы могли бы поучаствовать в драке, помимо своих функций, — сказал он. — Мне приходилось действовать так в прошлом.

— Но это было до того, как вы стали Императором, — ответил Олифант.

Мак-Кормак остановился и с гневом поглядел на него. Толстяк продолжал жевать свою сигару и спокойно закончил мысль:

— Сэр, у нас очень мало по-настоящему деятельных союзников. Большинство из них способны только возносить молитвы, чтобы не принять участия в борьбе ни на той, ни на другой стороне. Зачем им рисковать всем, что у них есть, ради революции, когда они не уверены, что вы подарите им счастливое будущее? Мы, конечно, могли бы рискнуть своим центром управления. Но вами мы рисковать не можем. Без вас революция заглотнет еще до того, как сюда придут подкрепления с Терры, чтобы подавить ее.

Мак-Кормак сжал кулаки и перевел взгляд на Сатану.

— Извините меня, — пробормотал он. — Я вел себя как ребенок.

— Вполне простительно, — откликнулся Олифант, — ведь двое ваших сыновей сейчас участвуют в бою.

— А сколько там чьих-то еще сыновей? Человеческих или инопланетянских... они умирают, их калечат... Ладно! — Мак-Кормак оперся о поручень балкончика и стал всматриваться в большой дисплей, расположенный прямо под ними. Его разноцветные огоньки передавали лишь часть информации — в свою очередь ненадежной и неполной, — которая обрабатывалась множеством компьютеров. Но подобные трехмерные изображения нередко стимулировали возникновение гениальной мысли, чего ни одной цивилизации еще ни разу не удалось извлечь из электронных мозгов.

Если верить этому изображению, тактика адмирала была обоснованной. Он постулировал, что разрушение заводов на Сатане осторожный Дейв Пиккенс сочтет катастрофически большой экономической потерей. А поэтому сторонники Джосипа будут строго придерживаться тактики — ни в коем случае не приближаться к самой планете. А стало быть, у сил Мак-Кормака окажется надежное убежище, что сделает для них возможными такие действия, которые в других условиях были бы сочтены безумными. Конечно, Пиккенс мог бы и с ходу рвануться в атаку, отбросив соображения осторожности. Такая возможность тоже была предусмотрена. Если бы так случилось, то Мак-Кормак должен был бы без сожаления воспользоваться Сатаной как щитом. Будет ли Сатана уничтожена или же станет добычей его флота, все равно продукция этой планеты не попадет в руки врага. И в свое время это неизбежно вызовет нехватку расщепляющихся материалов и последующее ослабление Империи.

Но было похоже, что Пиккенс решил не рисковать, а следовательно, будет разбит.

— Ну а если мы победим, — спросил Олифант, — то что будет дальше? — Эта тема обсуждалась многократно, часами, но Мак-Кормак был рад отвлечься от мыслей о сражении.

— Это будет зависеть от того, какие силы окажутся у противника. Мы хотим установить контроль над возможно большим объемом пространства, но так, чтобы не слишком сильно растянуть свои коммуникации и не рассредоточить свои силы. Снабжение и материально-техническое обеспечение — для нас проблемы более тяжелые, нежели собственно военные действия. Пока мы еще слишком плохо организованы, чтобы восполнить свои потери или просто обеспечить нормальные потребности.

— Мы будем атаковать Ифри?

— Нет. Это слишком опасно. Если нам удастся отрезать их, мы выполним ту же задачу, но более экономными средствами. Кроме того, эта база скоро понадобится нам самим.

— А Ллинатавр? Я хочу сказать... Ведь у нас есть информация, что ваша супруга была взята под охрану каким-то имперским агентом... — Олифант смолк, увидев, к каким результатам привела его речь, вместо того чтобы успокоить Мак-Кормака.

Мак-Кормак, словно окаменев, долго молча стоял, глядя на Сатану. Наконец он с трудом выговорил:

— Нет, они будут защищать его всеми наличными силами. Что же до Катавраянниса, то он будет уничтожен. А о Кэтрин забудьте. Мало ли их — таких Кэтрин.

«Может ли Император позволить себе другие мысли?»

Экран пискнул и включился. На нем появилось чье-то радостное лицо.

— Сэр!.. Ваше величество... Мы победили!

— Что? — Мак-Кормаку потребовалась целая секунда, чтобы понять смысл сказанного.

— Точно, Ваше величество! Донесения отовсюду, непрерывным потоком! Конечно, окончательные подсчеты еще не сделаны, но... хм... у нас нет никаких сомнений. Все ясно, будто мы читаем их собственные коды...

Какая-то часть расщепленного сознания Мак-Кормака зацепилась за эти слова. Имелись в виду не передачи от человека к человеку, а от машины к машине. Коды теперь не просто менялись. Ключевые компьютеры получили задание составить уже не новые коды, а избрести совершенно новый язык, который другие компьютеры должны были выучить и использовать. Поскольку базовые элементы этого языка определялись случайными факторами, то дешифровка противником исключалась. Она была

если не невозможна, то настолько трудоемка, что не могла уложиться во время действия данного кода. Поэтому разговоры в космосе между судами, входившими в состав флота, был для неприятеля неразрешимой загадкой, а для самого флота — безотказным средством сообщения. Шансы на дешифровку кода служили оправданием для множества попыток захвата кораблей, но такие попытки редко бывали результативными. Как правило, они вели лишь к появлению еще более изощренных кодов. Вот если бы узнать сам язык, на котором говорили враждебные машины...

Нет. Все это мечты среди белого дня... Мак-Кормак снова обратился к экрану.

— Потеря «Дзеты Ориона» доконала их. Бегут во всех направлениях. — *Надо бы что-то делать. Надо бы преследовать их, пока они бегут, но не слишком далеко. Нужны новые тактические импровизации.* — Хм... мы получили подтверждение, что «Лисица» цела. — *Корабль Джона...* — Пока нет донесения с «Нового Фобоса», но особых опасений за его судьбу не возникает. — *Корабль Колина. Боб со мной.* — Одну минуту, сэр, поступило важное сообщение... Сэр, подтверждается, что «Ахилл» получил серьезные повреждения. А ведь это почти наверняка их флагман. Теперь им от нас не уйти. Мы слопаем их поодиночке. — *Действуй, жив ли ты?*

— Отлично, капитан, — сказал Мак-Кормак. — Я сейчас присоединюсь к вам в командной рубке.

Снелунд позволил адмиралу в его расшитой золотом синей форме простоять навтыжку еще некоторое время, дабы тот ощутил свое полное ничтожество, а сам пока небрежно вынул сигарету из украшенного драгоценными камнями портсигара, размял ее пальцами, вдохнул аромат настоящей, выращенной на Терре Королевской марихуаны, поднес к сигарете зажигалку, изящно раскинувшись на троне и глубоко втянул дым. Больше в зале не было никого, кроме неподвижных горзуни. Динамики были выключены. Живая картина работала, но музыку отключили, так что лорды и леди в полумасках двигались по залу беззвучно, в двухстах световых годах отсюда и полстолетия назад.

— Как это очаровательно, — протянул Снелунд, кончив курить. Он кивнул крупному седовласому мужчине, который молча дожидался все это время. — Вольно!

Это не слишком подбодрило Пиккенса.

— Сэр... — Его голос звучал теперь тоньше, чем раньше. Он постарел за одну ночь.

Снелунд прервал его мановением руки.

— Не вибрируйте, адмирал. Я прочел ваш доклад. Знаком и с ситуацией, возникшей после вашего поражения. Я ведь не совсем безграмотен, даже если речь идет о вашей пошлой флотской прозе, хоть и являюсь губернатором. Не так ли, адмирал?

— Так точно, ваше превосходительство...

Снелунд откинулся на спинку, скрестил лодыжки, опустил веки.

— Я вызвал вас сюда не для того, чтоб вы *viva voce** повторили мне то, что я уже прочел, — продолжал он мягко. — Нет, я хотел поговорить с вами откровенно, поскольку беседа будет протекать с глазу на глаз. Скажите, адмирал, что вы мне посоветуете?

— Это... в моем докладе... сэр...

Снелунд изогнул брови. По щекам Пиккенса струями бежал пот.

— Слушаюсь, сэр, — выдавил он из себя. — Оставшиеся у нас силы не так уж сильно уступают силам... силам врага. Если считать вместе с теми кораблями, которые к Сатане не ходили. Мы можем сконцентрировать войска в небольшом пространстве космоса и удерживать его, отдав противнику все остальное. Мерсейский кризис не будет продолжаться вечно. Когда мы получим подкрепления, тогда мы пойдем в решающий бой...

— Ваш последний и решительный бой меня несколько разочаровал, адмирал.

Тик передернул угол рта Пиккенса.

— У губернатора есть мое прошение об отставке.

— И он ее не принял. И не примет.

— Сэр?... — Челюсть адмирала отвисла.

— Успокойтесь. — Снелунд сменил тон с язвительного сарказма на добродушный, в его голосе вместо ленивого юмора теперь звучали четкость и прозорливость. — Вы не опозорили себя, адмирал. Вы просто вступили в схватку с более талантливым человеком. Вы оказались менее умелы, и ничто не могло избавить вас от поражения. И все же вам удалось спасти половину своих сил. У вас мало воображения, но у вас есть опыт. В эти времена всеобщей деградации опыт — великая драгоценность. Нет, мне не нужна ваша отставка. Я хочу, чтоб вы продолжали командовать.

Пиккенс весь дрожал. В его глазах стояли невыплаканные слезы.

— Садитесь, — предложил Снелунд. Адмирал забился в самый уголок мягкого кресла. Снелунд, продолжая играть, при-

* Вслух (*ит.*).

двинул к себе сигареты и табак, но позволил Пиккенсу обрести некоторое равновесие, после чего продолжил:

— Компетентность, профессионализм, отличная организованность и прекрасное руководство — все это обеспечите вы. Я же дам вам воображение. Другими словами, с этой минуты я буду ставить вам стратегические задачи, которые вы будете неуклонно выполнять. Вам ясно?

Его вопрос прозвучал как свист бича. Пиккенс сглотнул слюну и хрипло каркнул:

— Да, сэр.

Для Снелунда это была ювелирная работа — все последние дни он последовательно превращал этого офицера в желе, насколько не умаляя при этом его профессиональной пригодности. Это было восхитительное и возбуждающее занятие.

— Ладно, ладно. Кстати, можете закурить, если угодно, — сказал губернатор. — И давайте я изложу вам свои планы. Первоначально я намеревался оказать кое-какое давление на Мак-Кормака с помощью леди Мак-Кормак. Но затем этот болван Флэндри исчез вместе с ней. — Злоба кипела в Снелунде, как жидкий гелий. — У вас есть какие-либо сведения о том, что с ними произошло?

— Нет, сэр, — ответил Пиккенс. — Наш разведывательный отдел пока еще не успел проникнуть в штаб противника. На это нужно время... Э-э... из очень обрывочной информации следует, что она, по-видимому, не воссоединилась с мужем. Но мы ни слова не слышали о ее прибытии куда-то еще, например на Терру.

— Ладно, — оборвал его Снелунд. — Не завидую гражданину Флэндри, когда я вернусь обратно на Терру. — Он молча курил некоторое время, пока не остыл. — Впрочем, это не так уж важно. Вся картина изменилась. Мне придется продумать все ходы заново. То, что предлагаете вы: разрешить Мак-Кормаку захватить большую часть сектора без сопротивления, а потом сидеть и ждать помощи, представляется мне консервативным курсом. А потому — смертельно опасным. Мак-Кормак будет рассчитывать именно на него. Дайте ему объявить себя императором на нескольких десятках миров, дайте ему воспользоваться их ресурсами и организовать их защиту с той проклятушей энергией, которой он обладает, и вполне возможно, что, когда сюда явятся силы Терры, они уже не смогут его сместить. Оцените его короткие коммуникационные линии, популярность, энтузиазм, который всячески возбуждают его пропагандисты и ксенологи. Оцените вероятность все новых и новых предательств и перехода на его сторону, если его дела пойдут хорошо. Оцените вирус, который распространится за границы этого сектора по

всей Империи, и вы поймете, что может случиться и так, что в один прекрасный день он с триумфом въедет в Аргополис.

Пиккенс, заикаясь, произнес:

— Я-я-я думал об этом, ваше превосходительство.

Снелунд только расхохотался.

— Далее. Если принять, что Империя может раздолбать его, как вы думаете, что произойдет с вами, и что еще более важно, со мной, если мы встанем на вашу точку зрения? Нам вряд ли принесет награды то, что мы сначала допустили мятеж, а потом не сумели его подавить. Досужие языки поднимут крик. Умники начнут качать головами. Соперники воспользуются возможностью очернить нас. И наоборот, если мы сумеем сломить Мак-Кормака сами, без помощи, проложив дорогу моему ополчению, чтоб оно выкорчевало измену на планетах... Что ж, победные трофеи — универсальная валюта. Она поможет нам обрести многое, если мы потратим ее с умом. Рыцарское звание и новые чины вам, возвращение ко двору его величества — мне. Я прав?

Пиккенс облизал пересохшие губы.

— Интересы личностей не следует учитывать. Во всяком случае не тогда, когда миллионы и миллионы жизней...

— Но они-то тоже личности, не так ли? И если мы будем служить своим интересам, то тем самым будем служить и Империи, то есть будем выполнять то, что поклялись делать. Давайте-ка позабудем всякие прекраснодушные сопли и вопли. Будем заниматься делом, и мы подавим этот мятеж.

— И что же предлагает губернатор?

— Не предлагает, адмирал. Приказывает. Детали отработаем потом. Но в общем ваша миссия будет состоять в том, чтобы поддерживать пламя войны. Правда, нам необходимо наладить надежную охрану главных коммуникаций. Но и тогда у вас останутся значительные силы, чтобы действовать немедленно. Избегайте новых генеральных сражений. Вместо них — рейды, налеты, укусы и немедленные отступления, никаких нападений на группы кораблей, если они не заведомо слабее наших. Ваша главная цель — промышленность и торговля.

— Сэр? Но ведь это же наши люди!

— А Мак-Кормак объявил их своими. И из того, что я слышал о нем, тот факт, что он станет причиной их страданий от наших рук, будет угнетать его и, надеюсь, сделает его куда менее энергичным. Заметьте, я вовсе не говорю о поголовном истреблении. Напротив, у нас будут хорошо продуманные причины для ударов по важным гражданским объектам. Эти решения вы предоставите мне. Главная мысль — подрыв сил мятежников.

Снелунд выпрямился. Одна его рука вцепилась в подлокотник трона. Его волосы сверкали, как венчик победителя.

— Снабжение и пополнение людьми, — звенел его голос, — вот что станет для Мак-Кормака Немезидой. Возможно, он способен сломить нас в открытом сражении, но в войне на истощение он победить не сможет. Пища, одежда, медикаменты, оружие, приборы, запчасти, новые компьютеры, все это необходимо флоту, причем все должно поступать бесперебойно, иначе Мак-Кормак обречен. Ваша задача — уничтожить источники получения и перекрыть каналы поступления всего этого.

— Можно ли этого достичь надежно и быстро? — спросил Пиккенс. — Он ведь станет защищаться, будет организовывать конвои, совершать контррейды...

— Да, да, я знаю. Но пока у вас будет лишь одна линия поведения. Хотя и важная. Остальное — не дать Мак-Кормаку создать эффективное гражданское управление.

— Я... хм... не понял, сэр.

— И многие другие не понимают, — сказал Снелунд. — Но подумайте о той армии бюрократов и функционеров, которая составляет основу любого правительства. Безразлично от того, платят ли им из кармана государства или какой-то номинально частной организации. Именно на них лежит тяжесть каждодневной работы. Они управляют космопортами и транспортными путями, они разносят письма, они поддерживают в рабочем состоянии каналы электронной связи, они собирают и распределяют важнейшие данные, они отвечают за здоровье людей, они удерживают в узде преступность, они подготавливают решение важнейших вопросов, они ведают распределением ограниченных ресурсов. Надо ли продолжать?

Он улыбнулся еще шире.

— Между нами говоря, — продолжал он, — именно этот вывод я извлек из опыта, полученного здесь. Как вам должно быть известно, я задумал ряд изменений в политике и в административных процедурах, которые хотел воплотить в жизнь. Но мне это удалось лишь отчасти, главным образом на отсталых планетах, где не было автохтонной административной службы. В других местах бюрократия не пожелала даже приподнять задницу. Это ведь совсем не то, что на флоте, адмирал. Представьте себе, что я нажал бы там на кнопку интеркома, отдал бы приказ — аллур три креста — и... ничего бы не случилось! Дела путешествуют месяцами от одного стола к другому. Технические задержки из-за споров о том, там ли стоит запятая. Бесчисленные запросы о необходимости уточнений и разъяснений, направляющиеся ко мне тем же черепашьям ходом. Доклады, подшитые

в дело и забытые там. Похоже, что ты дерешься на дуэли с туманом. И большинство чиновников нельзя даже уволить. Не будем говорить об отсутствии для этого законных оснований — они были мне просто необходимы. Их нечем было заменить.

Я хочу, чтоб Мак-Кормак теперь лично испытал вкус этого лекарства.

Пиккенс заерзал на месте.

— Как именно, сэр?

— Это и есть вопрос, который я хочу обсудить сегодня днем. Нам надо донести до всех планет *слово*. Мелкие функционеры должны убедиться, что не в их собственных интересах усердствовать на службе у мятежников. Присущие им медлительность и лень должны стать нашими союзниками. Если к тому же мы подкупим часть из них, другую часть напугаем и даже организуем несколько удачных убийств и взрывов, то... вы понимаете? Мы должны разослать своих агентов по всему миру, который потенциально Мак-Кормак считает своим, и сделать это до того, как он захватит его или разместит там свои гарнизоны. А затем мы станем давить по нарастающей: наладим контрабандную доставку агентуры, пропаганду, перережем космические трассы рейдерами... Да, я верю, что мы можем заставить гражданскую администрацию Мак-Кормака еле-еле плестись и буксовать. А без нее его флот сохнет с голоду. Вы на моей стороне, адмирал?

Пиккенс с трудом проглотил комок в горле:

— Да, сэр. Разумеется.

— Отлично! — Снелунд встал. — Пошли в конференц-зал. Мой штаб уже ждет. Нам надо разработать специальные планы. Не хотите ли принять стимулирующую таблетку? Заседание, вероятно, продлится до ночи.

Они узнали его — сначала на Венере, потом на Терре, а затем в секторе альфы Креста; он был сластолюбцем, но когда чувствовал приближение опасности, то работал как двадцать чертей, запряженных в одну упряжку.

Глава 11

Кэтрин оценивала расстояние от Ревущего Камня до Порт-Фредериксена примерно в 2000 километров. Но то было расстояние на карте, которое флайер по прямой мог бы покрыть за пару часов, космический корабль — за несколько минут или даже секунд, ну а пешком, да еще с обходами, путешествие должно было занять несколько недель.

И дело не только в том, что рельеф местности был пересеченным; важнее, что дидонцы очень плохо знали окрестности.

Подобно большинству примитивных культур, они редко уходили далеко от границ территории своего племени. Предметы торговли обычно странствовали от одной деревни к другой, а не через всю страну одним и тем же караваном. Поэтому три дидонца, сопровождавшие людей, шли почти что ошупью. В первую очередь это относилось к горам — там продвижение должно было быть особенно медленным и сопровождаться частыми и возможно ошибочными обходами.

Больше того. Короткий период обращения планеты вокруг своей оси вообще делал путешествие чрезвычайно медленным. Туземцы отказывались идти после наступления темноты, и Флэндри пришлось согласиться с этим, ибо места были почти неизвестные. По мере наступления весны дни удлинялись, и к середине лета они могли бы располагать почти семью часами светлого времени для путешествия. Но более четырех-пяти часов дидонцы идти не могли. Причина тоже была веская: в пути, вдалеке от ферм, где выращивалась питательная пища, ногасам приходилось есть за троих и только подножный корм. Растительная же пища куда менее питательна, чем мясная. Туземцам нужно было много времени на то, чтобы обеспечить энергией свои тела.

— В поход нас уходит 24 человека, — считал Флэндри. — Еще 16 мы оставляем вместе с хорошим врачом. Не знаю, хватит ли нам наших рационов при таких темпах.

— Мы можем частично использовать местную пищу, — успокаивала его Кэтрин. — В некоторых местных растениях и животных ДНК закручена влево, так же как на Земле есть организмы, у которых она закручена вправо. Я покажу вам и остальным, как выглядят такие плоды и дичь.

— Что ж, полагаю, мы вполне можем заняться их поисками, раз уж нам столько времени придется устричать в лагере.

— Устричать?

— Поступать подобно устрицам. Сидеть сиднем на месте. — Флэндри встопорщил усы. — Они тут, черт бы их побрал, растут, будто какие-то треклятые грибы! Две вещи я забыл спасти при крушении — ножницы и зеркало.

Кэтрин расхохоталась:

— Чего ж вы молчали? У аборигенов есть ножницы, грубые, тупые, но волосы они, пожалуй, состригут. Разрешите мне быть вашим брабобрем?

Прикосновение рук Кэтрин вызвало головокружение. Он очень обрадовался, когда остальным его людям Кэтрин предоставила пользоваться услугами друг друга.

Она их всех приворожила. И Флэндри не думал, что это потому, что она тут единственная женщина. Все стремились

чем-то порадовать ее, все были до отвращения вежливы с ней. Он хотел это прекратить, но никак не мог найти подходящей формы. Отношения и так складывались напряженные.

Теперь он уже не был для них капитаном, а всего лишь старшим по званию. Его временное звание как бы противопоставлялось потерянному посту шкипера. Они слушались его, но дисциплина все же расшаталась даже среди младших командиров и офицеров. Он чувствовал, что должен требовать соблюдения прежних форм обращения, и это приводило к известной... нет, не к враждебности, а к холодку в отношениях, к корректному обособлению его от того содружества остальных, которое постепенно складывалось.

Однажды ночью, когда он не спал, лежа с закрытыми глазами, он случайно подслушал разговор нескольких рядовых. Двое из них высказали намерение не только не противиться интернированию, но даже перейти к Мак-Кормаку, если к моменту их появления на базе его шансы покажутся им достаточно благоприятными. Они уговаривали своих товарищей поступить так же. Те отказались, во всяком случае на данное время, но добродушно, со смешками. Вот это больше всего обеспокоило Флэндри: ни одного из них разговор не возмутил. После этого он принял-ся подслушивать всерьез. Флэндри никому не собирался жаловаться, но ему было необходимо знать настроения каждого человека из своего отряда. Правда, в особых моральных оправданиях своего поведения он не нуждался — выслеживать было так забавно!

Это случилось довольно много времени спустя после того, как они покинули Ревущий Камень. Три дидонца, сопровождавшие их, были названы Кэтрин Открывателем Пещер, Подателем Благ и, ко всеобщему удовольствию, Смитом. Было более чем сомнительно, что эти существа, думая о себе, именовались именно так. Эти названия были удобными кличками, основанными на каких-то личных качествах, воспоминанием о событиях, имевших место давно. Что касается отдельных частей этих трех единств, то у них имен вообще не было — одни личные сигналы.

Часто аборигены обменивались составными частями, образуя новые единства, которые именовались Знающим Руды, Хранителем Северных Врат, Молнией, Которая Ударил в Дом. Кэтрин уверяла, что это делается отчасти ради разнообразия, отчасти потому, что освежает в памяти какие-то события, присущие всем единствам, а частично как квазирелигиозный обряд.

— Единство — в этой культуре идеал, как я понимаю, равно как и в ряде других культур, — говорила Кэтрин Флэндри. — Они рассматривают весь мир как потенциальное Единство. С по-

мощью церемоний, мистических размышлений, галлюциногенной пищи и тому подобного они пытаются достичь слияния с этим Единством. А каждодневный способ достижения этого — как можно чаще обретать новые связи. Брачный сезон, который приходится на период вблизи Осеннего Равноденствия, является у них наивысшей точкой года, главным образом благодаря экстатическим, трансцендентальным переживаниям, которые становятся возможными только в это время.

— Да, я думаю, такая странная раса должна отличаться весьма интересным сексуальным поведением, — сказал Флэндри. Кэтрин вспыхнула и отвернулась. Почему она так реагирует, она, которая смотрит на мир глазами ученого? Может быть, возникают какие-то ассоциации со временем ее плена? Нет, подумал он. В ней слишком много жизненной силы, чтобы это могло искалечить ее надолго. Шрамы останутся навсегда, но уже сейчас она вернула себе жизнелюбность. Тогда почему такая застенчивость?

Они шли вдоль гряды. Земли эти принадлежали другой общине, которая, будучи родственной Ревущему Камню, легко согласилась дать разрешение на проход по своей территории. Отряд уже поднялся выше зоны джунглей. Атмосфера тут еще была тропической — по стандартам Терры, — но здесь дул более сухой ветер, который овеивал лица, ласково ворошил волосы и почему-то разносил запах имбиря. Земля была одета бурым губчатым ковровым сорняком, массой цветов самых разных окрасок, отдельными кустами стрелолиста и фонарными деревьями. Слева поднималась вершина массива сухопутных кораллов, чьи синие и красные тона ярко выделялись на вечно серебристо-сером фоне неба.

Ни один из дидонцев не был в комплекте. Один хииш состоял из рукаса и ногаса, два рукаса отправились собирать ягоды, три крылоса взмыли в воздух — на разведку. Отдельные части единств могли выполнять простые задачи и хорошо понимали необходимость объединения, когда таковая наступала.

Ногасы легко несли на себе, помимо того, что было произведено рукасами — копий, луков и боевых топоров, — еще и грузы из космической шлюпки. Освобожденные от такой тяжести люди легко обгоняли пасущихся четвероногих. Отсутствие опасности и невозможность заблудиться позволили Флэндри дать своим людям распоряжение помочь рукасам в сборе продовольствия. Теперь они рассыпались где-то по склону холма.

Оставив его тем самым наедине с Кэтрин.

Он ощущал ее присутствие всем телом. Изгиб груди и бедер под комбинезоном; свободную, покачивающуюся походку; локоны, то развеваемые ветром, то липнувшие к загорелой

бронзовой коже; большие зелено-золотые глаза; запах теплой плоти... Он немедленно переменял тему разговора:

— А присуща ли дидонцам... хм... естественная пантеистическая концепция?

— Не более, чем людям присуща естественная монотеистическая концепция, — ответила Кэтрин. — Некоторые почитают самую коммуну как Единство, отличное от всего остального мира, включая в него и прочие коммуны. Их обряды напоминают мне о человеческих толпах, прославляющих свои государства и их вождей. Подобный культ связан с воинственностью и жестокостью. — Она показала на горные пики, смутно рисующиеся в вышине. — Боюсь, что нам предстоит переход именно по территории такого общества. Именно поэтому в Ревущем Камне так настороженно отнеслись к нашему путешествию. Слухи-то путешествуют независимо от странствий самих хищней. Мне пришлось напомнить Многоумудрому о нашем огнестрельном оружии.

— Народ, который не боится смерти, — опасный противник, — сказал Флэндри. — Однако я сомневаюсь, чтобы дидонцам нравилось терять свои части. Кроме того, хищникам должно быть присуще желание избежать боли.

Кэтрин улыбнулась:

— Вы быстро обучаетесь. Из вас получился бы первоклассный ксенолог.

Он пожал плечами:

— Мне по своим делам приходилось немало контактировать с другими расами. И я убедился, что мы — люди — самый странный народ. Впрочем, ваши дидонцы нам почти не уступают. Вам что-нибудь известно о их происхождении?

— Да. Проводились кое-какие палеонтологические изыскания. Но очень скромные. Почему-то всегда получается, что на войну деньги находятся, а на все остальное — нет. Может быть, первое обуславливает второе?

— Сомневаюсь. Думаю, люди просто любят воевать.

— Когда-нибудь они об этом пожалеют.

— В вас говорит слабость веры в блистательное качество мужчин — игнорировать то, что история кричит им во весь голос, — ответил Флэндри. И немедленно, пока мысли Кэтрин не обратились к Хью Мак-Кормаку, который возжелал реформировать Империю, он продолжил: — Впрочем, ископаемые остатки куда более жизнерадостная проблема. Так как же насчет эволюции на Дидоне?

— Насколько можно судить, имел место очень длительный жаркий период — возможно, в несколько миллионов лет. Предки ногасов кормились сочными растениями, которых из-за засухи

стало мало. Предполагается, что ногасы стали собираться вблизи еще оставшихся деревьев, чтобы собирать листву, которую бросали на землю древние рукасы, очищая сорванные плоды. Примерно тогда же у ногасов установились контакты с пракрылосами, примерно того же типа, который возникает у птиц, выбирающих насекомых из шкур млекопитающих. Деревья тоже стали вымирать. Крылосы же были способны издалека выискивать зелень и направляли туда ногасов. Следовавшие за ними по пятам рукасы получали защиту, за которую платили тем, что обрывали листву и бросали ее на землю.

В конце концов некоторые из этих животных добрались до восточных пределов континента Барка. Их миграции были вызваны отвратительным паразитом — гигантским клещом, который не только сосал кровь, но и заражал ее вирусом, из-за которого раны не заживали днями и даже неделями. Древние ногасы были ростом меньше современных и имели гораздо более тонкую шкуру. Они сильно страдали от клещей. Вполне возможно, что рукасы и крылосы помогали им освободиться от паразитов, вылавливая и поедая последних. Но тогда же, вероятно, они научились и сами сосать кровь ногасов, чтобы хоть как-то обогатить свою скудную диету.

— Откуда я могу и сам домыслить все остальное, — прервал ее Флэндри, — включая обмен гормонами, выгодный для всех и спленировавшийся создавшееся сообщество. Еще счастье, что какой-нибудь одиночный организм в те ранние времена не развил в себе сознания, иначе он наверняка бы уничтожил это неуклюжее трехчленное симбиотическое сообщество еще на начальных стадиях существования. Но теперь симбиоз явно работает. Заманчивые возможности для цивилизации.

— Мы их почти не знакомили с достижениями нашей, — ответила Кэтрин. — И не только потому, что хотим изучать их такими, какие они есть. Мы просто не знаем, что для них хорошо, а что может закончиться катастрофой.

— Боюсь, такие вещи познаются только методом проб и ошибок, — задумчиво сказал Флэндри. — Хотелось бы мне наблюдать процесс воспитания дидонцев, начиная со дня рождения, в технологическом обществе...

— А почему бы не попробовать воспитывать наших детей среди дидонцев? — вспыхнула Кэтрин.

— Извините. — *Ты и в негодовании прекрасна.* — Я просто неудачно сболтнул. На практике я такого ни за какие коврижки не сделал бы. Сам нагляделся на печальные результаты сходных опытов. А кроме того, я забыл, что они ваши друзья.

«Но какая мысль!»

— Я тоже хотел бы стать их другом, — продолжал Флэндри. — Нам предстоит идти вместе с ними еще два-три месяца, а в лагере свободное время просто некуда девать. Почему бы вам не поучить меня их языку?

Она поглядела на него в изумлении.

— Вы это серьезно, Доминик?

— Еще как! Только я не обещаю сохранить эти знания на всю жизнь. Моя голова и без того забита как паутиной всякого рода информацией. Но сейчас мне бы очень хотелось научиться разговаривать с ними напрямую. В какой-то степени это нас подстрахует. И кто знает, а вдруг я выдам какую-нибудь хилую гипотезу насчет аборигенов, слишком заумную, чтоб она могла родиться в голове энейца?

Кэтрин положила руку на плечо Флэндри. Жест был типичен для нее. Она любила касаться тех, кто ей нравился.

— Вы не похожи на имперца, Доминик, — сказала она. — Вы наш.

— Даже если и так... — начал он смущенно.

— Ну почему вы на стороне Джосипа? Вы же знаете, каков он есть? Вы же видели его приятелей вроде Снелунда, который вскоре подменит его во всем, только что не будет именоваться императором. Почему же вы не присоединитесь к нам, кто той же породы, что и вы?

Он-то знал почему, начиная хотя бы с того, что он не верил в успех революции; было множество и других причин. Но не говорить же ей об этом в такой восхитительно волшебный день!

— Возможно, вам и удалось бы обратить меня, — ответил он. — А пока — как насчет уроков?

— Разумеется, разумеется.

Флэндри не мог запретить своим людям слушать, поскольку некоторые из них проявили большой интерес к занятиям. Используя все свои немалые способности, он быстро опередил их, вызвав тем самым скуку, так что слушатели вскоре разошлись. После этого он на целые часы овладел вниманием Кэтрин... Теперь он игнорировал ревнивые взгляды, но и сам не чувствовал ревности, когда она оживленно болтала с кем-то из рядовых или присоединялась к кружку любителей попеть возле костра.

Не взволновало его и то, что сержант Роббинс вернулся с экскурсии, в которую отправился вместе с Кэтрин, чтобы поискать съедобные растения, с большим фингалом под глазом и чрезвычайно глупым видом. Она вернулась немного позже, совершенно спокойная, и обращалась с Роббинсом так, будто

между ними ничего не произошло. Должно быть, это событие широко обсуждалось, так как никакие новые инциденты такого рода места не имели.

Успехи Флэндри в языке поражали Кэтрин. Помимо того что он имел нужные для этого гены, Флэндри в свое время прошел предельно крутые курсы в разведывательных подразделениях по лингвистике и металингвистике, семантике и метасемантике и усвоил массу фокусов по части концентрации внимания и умения запоминать. Тогда его обучили тому, как надо учиться. Вряд ли многие гражданские ученые имели подобную подготовку. У них просто не было нужды в том, в чем постоянно нуждались оперативные агенты. Через неделю Флэндри уже освоил структуру языка общины Ревущего Камня и человеческого пиджина... положив на это немало труда, ибо разум дидонцев был ему совершенно чужд. А может, все-таки не совсем чужд? Изучив основы грамматики и накопив некоторый словарный запас, Флэндри подкрепил уроки Кэтрин беседами с Открывателем Пешер. Сначала получалось нечто чудовищное, но через несколько недель он достиг уже такой стадии, когда мог вести настоящий разговор. Дидонец тоже заинтересовался им и Кэтрин, поскольку рассматривал их как хииш. Она с удовольствием принимала участие в их разговорах, что Флэндри нисколько не стесняло. Открыватель Пешер обладал более авантюрным складом характера, чем остальные. И личность этого хииша тоже была куда ярче, чем у тех единств, которые комплектовались из остальных ногасов, рукасов и крылосов, имевшихся в отряде дидонцев. Дома — в Ревущем Камне — Открыватель Пешер охотился, рубил деревья, а когда других дел не было, отправлялся в свои отважные вылазки. Ежегодно хииш бывал на озере, именовавшемся Золотым, где менее продвинутые общины устраивали что-то вроде ярмарки. Там он выменивал металлические изделия на меха и сушеные фрукты. Там же его ногас привык встречаться с рукасом из хииша из одних мест и крылосом из других, образуя единство по имени Плотогон. В Ревущем Камне, помимо Многомудрого, ногас и рукас Открывателя Пешер входили в состав Великого Песнопевца, а крылос (она) — в Водителя Хороводов; рукас же хииша — в состав Пивовара. Кроме того, все они время от времени включались в случайные единства, созданные по какому-то особому случаю.

Никто из них не соединялся (кроме как в экстренных ситуациях) с кем попало. Зачем терять время какой-то части хииша, соединяясь с менее одаренными, если она может находиться в составе выдающегося единства? Качественные различия в хиишах, возможно и не очень большие, все же реально существовали

в Ревущем Камне в виде «первых семей» и «пролей». При этом там нет ни зависти, ни снобизма. В таких отношениях правит прагматика. А альтруизм настолько встроен в жизнь общины, что как особая концепция даже не существует.

Во всяком случае, таковы были впечатления Кэтрин и Флэндри. Она считала, что может и ошибаться. Как можно проникнуть в психику создания, у которого три мозга, каждый из которых хранит какие-то воспоминания многих других личностей, да еще кое-какие события, случившиеся за много поколений до рождения этого создания?

Если говорить об отдельных элементах хииншей, то ногасы в целом были миролюбивы, хотя Кэтрин утверждала, что они легко возбуждаются и впадают в бешенство. Крылосы легко приходили в волнение и обладали музыкальными способностями: они издавали удивительно чистые музыкальные ноты, сплетая их в дивные узоры. Рукасы — народ беспокойный, любопытный и игривый. Впрочем, все это не больше чем обобщение. Индивидуальные различия очень велики, как и у всех животных с хорошо развитой нервной системой.

Открыватель Пещер обожал исследовать свою вселенную. Сейчас он с трепетом предвкушал волнующее событие — знакомство с Порт-Фредериксеном, и его занимала мысль о возможности путешествия на космическом корабле. После того как этот хиинш получил в свое распоряжение кое-какие факты, касающиеся астрономии, ксенологии, галактической политики, его вопросы стали столь глубокими, что Флэндри задумался над тем, не являются ли дидонцы по своим генетическим данным более разумными, чем люди. Возможно, их технологическая отсталость связана с какими-то случайными факторами, которые перестанут действовать, когда обнаружится возможность твердо ступить на путь систематического прогресса?

«Будущее может стать их будущим, а не нашим, — думал Флэндри. — А Кэтрин сказала бы: ну а почему бы ему не стать всеобщим будущим?»

А тем временем отряд шел вперед сквозь дожди и штормы, сквозь туманы и жару, через земли, населенные странными, но не враждебными племенами, пока наконец не вошел в горы, где люди могли насладиться прохладой. Однако дидонцам было зябко и голодно в этой стране скудной растительности, и, несмотря на то что крылосы все время вылетали на разведку, они часто натывались на непроходимые места, из-за чего всем пришлось возвращаться назад и искать новых путей.

Именно в высокогорной Маурузии их и поджидала засада.

Глава 12

Самый легкий путь к перевалу шел через каньон. За тысячелетия река, вздувающаяся от зимних дождей, прорезала это глубокое ущелье; летом она сильно мелела. Высокие стены каньона создавали защиту от ветра и отражали часть иссушающих лучей. В таких условиях вегетация растений продолжалась тут и в сухой сезон, особенно вдоль русла реки, где наносная почва была и для ног приятней, нежели голый камень в других местах. Соответственно, берег реки, несмотря на многочисленные валуны и извилистость, казался вполне приемлемым путем.

Пейзажи тут были красивые, хотя и мрачные. Река текла по левую руку отряда — широкая, бурая, шумная и опасная, хотя уровень воды уже заметно упал. Ковер однолетних трав покрывал берег; его приглушенные тона оживлялись белыми и красными цветами. Здесь и там были разбросаны искривленные деревья, глубоко запустившие корни в землю и привычные к периодическим наводнениям. Дальше от реки дно каньона становилось голым и бесплодным — черные мрачные скалы, фантастически изгрызенные ветром замки и шпили, возвышающиеся на покрытых осыпями склонах, отдельные базальтовые столбы — палисады. Серое небо, рассеянный свет, не дающий тени и скрывающий от глаза краски и отдельные детали. Вид был ошеломляющий, но воздух для легких землян был приятнее, суше, живительнее.

Два крылоса вились над головами, ведя разведку. Податель Благ был в полном комплекте, все остальные рукасы на своих местах. Люди шли сзади, кроме Кэтрин, Флэндри и Хэвлока. Она двигалась правее, явно глубоко погруженная в какие-то глубоко личные мысли. Этот ландшафт почему-то заставлял ее еще острее тосковать по родному Энею. Командир и мичман старались держаться вне слышимости ушей своих подчиненных.

— Черт побери, сэр, откуда вы взяли, что мы сдадимся в Порт-Фредериксене без драки? — протестовал Хэвлок. — Такие представления делают нашу затею безнадежной и даже рожают изменнические мысли.

Флэндри воздержался от того, чтобы рассказать об известных ему благодаря подслушиванию разговорах. Хэвлок держался с ним менее отстраненно, чем другие, но барьер все же существовал, и Флэндри всячески старался наладить с ним отношения, пока наконец ему не удалось добиться вот такой степени доверительности. Он знал, что на Терре у Хэвлока есть девушка.

— Что ж, мичман, — ответил он, — я не могу ничего обещать по причине того, что никогда не собирался вести вас на верную смерть. Но как вы сами сказали, нас не обязательно ожидает

неудача. Почему бы вам не прошупать наших ребят? Я вовсе не требую, чтобы мне кого-то выдавали (*потому что и сам кое-что знаю*), но вы могли бы выяснить, кто именно... не будем говорить ненадежен — надежны все, но кто, скажем, относится к делу с прохладцей. Вы могли бы деликатно настроить их так, чтобы они поддержали меня, если я приму решение прорываться. Мы обговорим это — вы и я — еще неоднократно на виду у всех или наедине — предпочтительно последнее, чтобы не вызывать подозрений. Мы устроим так, чтобы Кэтрин рассказала подробно о Порт-Фредериксене — всякие мелочи могут оказаться для нас жизненно важными в том деле, которое я надеюсь предпринять.

«Ты, Кэтрин, все равно останешься важнее всего».

— Отлично, сэр, — сказал Хэвлок, — я надеюсь...

Тут-то и началась схватка.

Отряд был атакован из-за горного отрога, чье подножие было изрезано множеством пустот. Из них выплеснулась толпа дидонцев. Флэндри только успел подумать: «Ах, черт побери, они, должно быть, прятались в пещере». И тут же густо запели стрелы.

— В цепь! — заорал он. — Огонь! Кэтрин, ложись!

Копье со свистом пронеслось мимо его уха. Какой-то ногас закричал, какой-то рукас взвизгнул. Лежа на животе, Флэндри через прицел бластера глядел на атакующих врагов. Они все были в варварских украшениях — в шкурах, перьевых накидках, ожерельях из зубов, а тела их горели боевой раскраской. Оружие относилось к эпохе неолита — топоры из сланца, стрелы с наконечниками из костей, копья... Впрочем, в бою это оружие убивало не хуже другого, а сама засада была организована отлично.

Флэндри посмотрел сначала налево, потом направо. Во время похода он не раз проводил учения со своими людьми по технике наземного боя. Сегодня он пожинал плоды своей предусмотрительности. Парни залегли широким полукругом по обеим сторонам от него. Каждого, у кого был бластер — ведь на борту космических кораблей легкого стрелкового оружия много не бывает, — прикрывали с тыла двое-трое товарищей, с копьями и кинжалами, готовые драться или забрать оружие у раненого.

Огненные лучи вспыхивали и крушили неприятелей. Бухали гранатометы, жужжали нейростанеры. Рев ногасов и стук копыт заглушили шум реки. Какой-то крылос мгновенно превратился в огненный комок, какой-то рукас рухнул на землю, какой-то ногас умчался прочь, ревя от боли. Краем глаза Флэндри видел еще нескольких раненых дидонцев.

Но то ли из-за презрения к смерти, то ли по чистой инерции атака не прекратилась. Расстояние, которое надо было преодо-

леть нападающим, было невелико, но Флэндри даже не думал, что ногасы способны развивать такую скорость. Выжившие дидонцы-нападающие, оказавшись рядом с отрядом, набросились на троицу из Ревущего Ручья, прежде чем Флэндри понял, что случилось. Одному из терран еле-еле удалось откатиться в сторону от огромного сине-черного тела. У летавших крылосов едва нашлось время, чтобы соединиться со своими партнерами.

— Кэтрин! — кричал Флэндри, пытаясь преодолеть шум битвы. Он вскочил на ноги и круто повернулся. Между ним и Кэтрин мчались атакующие. Какую-то секунду он смотрел, как сражаются дидонцы. Ногасы, почти неуязвимые для режущего и колющего оружия, кидались друг на друга, пытаясь пронзить противника рогом. Рукасы кололи и рубили. Крылосы старались лучше укрыться, упорно цеплялись, чтоб не потерять связь с хищником, и отбивались крыльями. Цель боя была одна — поразить противника, уничтожив его «верхние этажи». Некоторые ногасы горцев, уже искалеченные огнем, бесцельно метались по берегу. Несколько двучленных единств стояли в резерве на тот случай, если крылос или рукас погибали в битве. Восемь или девять полностью укомплектованных единств окружили трех дидонцев из Ревущего Камня, построившихся треугольником.

Нет, теперь уже двух с половиной. За время похода Флэндри хорошо научился отличать своих дидонцев друг от друга. Крылос Подателя Благ был убит стрелой, выпущенной из лука. Его пронзенное тело, удивительно маленькое, с перьями, шевелящимися от легкого ветерка, лежало на земле, пока какой-то ногас не превратил его в кровавое месиво. Его партнеры продолжали драться автоматически, но уже не с тем искусством, как раньше.

— Бей проклятых подонков! — кричал кто-то. Люди осторожно приближались к сражающейся, хрюкающей, орущей массе уничтожающих друг друга дидонцев. Было совершенно непонятно, почему атакующие игнорируют людей, которые нанесли им главный урон. Может быть, из-за их странного вида, который просто не давал возможности понять и оценить, кто они такие?

Флэндри обежал эту сражающуюся массу, чтоб посмотреть, цела ли Кэтрин. «Я же не дал ей бластера», — в ужасе повторял он.

Вот наконец в его поле зрения возникла ее высокая фигура. Она отошла подальше, чтобы оказаться под деревом, на которое могла взобраться в случае чего. Ее мерсейский кинжал сверкал в кулаке. Держала она его со знанием дела. Рот крепко сжат, взгляд внимательный и твердый.

Флэндри с облегчением перевел дух. Круто развернувшись, он двинулся к месту сражения.

Каменный топор рассек череп рукасу Смита. Рукас Открывателя Пещер отомстил за его смерть двумя ловкими ударами, но не сумел уберечь спину от окруживших его врагов. Копье сразило его. Он упал на рог дикого ногаса, который подкинул его вверх и растер по земле, когда тот упал вниз.

Люди открыли огонь.

Началась бойня.

Горстка уцелевших горцев мчалась вниз по ущелью. У них не осталось ни одного целого хииша. Молодой терранин стоял над ногасом, который был наполовину изжарен лучом, но все же еще подавал признаки жизни. Он нанес ногасу *coup de grace**, но тут же залился слезами и стал блевать. Дидонцы из Ревущего Камня сумели собрать только одно полное единство. Из всех возможных комбинаций они выбрали Стража Северных Врат, который теперь методично лишал раненых жизни.

Все сражение от начала до конца заняло меньше десяти минут.

Прибежала Кэтрин. Она тоже рыдала.

— Столько смертей, столько раненых... неужели мы им не поможем?

Какой-то варвар-рукас шевельнулся. На нем не было ран, видимо, он попал под удар луча станера, и луч подействовал на него так же, как на человека. Страж Северных Врат приближался. Кэтрин закрыла рукаса своим телом.

— Нет, я запрещаю тебе!

Дидонец не понял ее пиджина, так как только ногас в этом хиише входил раньше в единство Открывателя Пещер. Но ее намерения были совершенно очевидны. Через секунду, чуть ли не пожимая плечами, Страж Северных Врат приказал оставшимся рукасам связать пленника.

Затем вместе с людьми, помогавшими чем можно, хииш занялся теми из частей дидонцев Ревущего Камня, которые остались в живых. Боль они переносили терпеливо. У одного крылоса была сломана лапа, другие отделались ранами или ушибами, но, судя по всему, все они были готовы продолжать путь. Никто не высказал вслух желания поскорее покинуть место боя. Никто вообще ничего не говорил. Просто они прошли два-три километра, прежде чем остановились.

В высоких широтах Дидоны ночи в середине лета не только коротки, но и очень светлы. Флэндри шел под сине-черным небом, чуть-чуть подкрашенным серебром — слабыми отблесками зари там, где ионные потоки Вергилия прорывались сквозь

* Удар милосердия (*фр.*), которым добивают смертельно раненного противника.

верхний слой облачной атмосферы планеты. Света было достаточно, чтобы не спотыкаться. Еще дальше овраги и утесы создавали глубокие тени, которые постепенно растворялись в царившем здесь сумраке. Взобравшись на вершину утеса, нависшего над лагерем, он мог видеть костер, похожий на то разгоравшуюся, то затухавшую искру или на умирающего красного карлика. Звон речных струй доносился сквозь прохладный воздух приглушенно, но чисто. Сапоги Флэндри скрипели по гравию, иногда он оступался на более крупном камне, попавшем под каблук. Какая-то неизвестная пичуга издавала трели в кустах.

Из тени появилась Кэтрин. Он видел, как она пошла в этом направлении, отказавшись от ужина, и догадывался, что найдет ее здесь. Когда он подошел ближе, он различил ее лицо — просто белое пятно.

— Ох, Доминик, — только и сказала она. Жизнь под открытым небом приучила ее доверять не только зрению, но и другим чувствам.

— Не следует одной заходить так далеко. — Доминик остановился прямо перед ней.

— Надо было.

— Тогда как минимум берите с собой пистолет. Вы же наверняка уместе с ним обращаться?

— Да. Конечно. Но вряд ли захочу после сегодняшнего дня.

— Но вам приходилось встречаться с насильственной смертью?

— Да, несколько раз. Но сама я не была виновницей этих смертей.

— Мы не спровоцировали эту атаку. Если говорить правду, то я ни о чем не сожалею, кроме как о собственных потерях, но даже их мы не должны оплакивать.

— И все же мы шли по земле дикарей, — сказала она. — Возможно, им это не понравилось. У дидонцев чувство территориальной принадлежности развито не меньше, чем у людей. Ну а может, им понравилась наша кладь. Не было бы ни бойни, ни ран, если б не наш поход.

— Вам придется смириться с последствиями войны, — резко ответила ей его боль. — Ведь сегодняшняя стычка была результатом вашей драгоценной революции!

Он услышал, как у нее перехватило дыхание. Раскаяние пронзило его.

— Я... я сожалею, Кэтрин, — сказал он. — Не к месту сорвалось. Оставляю вас в одиночестве. Но, пожалуйста, возвращайтесь в лагерь.

— Нет. — Впервые ее голос звучал так тихо, что слов почти нельзя было разобрать. — Я хочу сказать... Позвольте мне остаться здесь еще немного. — Она взяла его за руку. — Но хотя бы

из вежливости не покидайте меня. Я рада, что вы пришли, Доминик. У вас есть способность понимать.

Неужели... В небе, казалось, заиграли радуги.

Они стояли, все еще держась за руки, а потом она, неуверенно засмеявшись, сказала:

— На меня опять нашло. Давайте поговорим о чем-нибудь повседневном.

«Ты достаточно смела, чтобы жить со своими невзгодами, — подумал он. — И так сильна и мудра, что можешь повернуться к ним спиной при первом же случае, если надо будет бороться с нашим врагом — Вселенной».

Он ждал чего-то. Ему очень пригодилась бы одна из немногих оставшихся у него сигарет, но он не мог достать портсигар, не потревожив Кэтрин, а тогда она отпустила бы его руку.

— Что ж, — сказал он, чтобы нарушить неловкость молчания, — я думаю, послезавтра мы сможем двинуться в путь. Они составили, когда вы ушли, Молнию, Которая Ударила в Дом — все части этого хищника когда-то комбинировались с теми, которые в свое время входили в состав Открывателя Пещер. Среди прочих причин была и та, что этот хищник сохранил хоть какие-то следы знания пиджина.

Мы обсудили кое-что. Теперь на возвращение ушло бы больше времени, чем на преодоление остатка пути, и те дидонцы, которые лишились своих частей, могут выполнять простейшие обязанности. Что же до наших парней, то они приобрели недурной опыт пешего хождения. Мы учтем сегодняшние события и будем избегать мест, где засаду нельзя обнаружить сверху. Поэтому я думаю, мы сможем оставшийся путь осилить.

— Я сомневаюсь, что нас еще раз потревожат, — сказала Кэтрин, к которой, видимо, начинала возвращаться прежняя энергия. — Слухи разносятся быстро.

— Теперь о том хищнике, которого мы взяли в плен.

— Да? А почему бы не отпустить беднягу на свободу?

— Потому что... Ну, Молнии не очень нравится, что мы не можем собрать еще хоть одно полное единство. Есть много работ, например, спуск грузов на крутых склонах, которые куда легче и безопасней производить, если таких единств хотя бы двое, особенно учитывая, что рукасы — это руки. Кроме того, большую часть времени мы можем иметь в воздухе только одного крылоса. Другой же должен все время оставаться в составе троицы, чтобы вести некомплектных куда надо и принимать решения в тех случаях, когда мы находимся в сложных горных условиях. Одна пара глаз в воздухе — это дьявольски мало.

— Верно, — Кэтрин кивнула, и Флэндри показалось, что он слышит слабый шорох ее волос, которые уже сильно отросли. — Я не подумала об этом раньше — уж очень силен был шок, но вы правы. — Она опять сжала его руку. — Доминик, уж не думаете ли вы использовать пленника?

— А почему бы и нет? Молнии мысль понравилась. Хииш говорит, что так иногда делалось.

— В экстремальных ситуациях. Но... конфликт... жестокость...

— Выслушайте меня. Я довольно много думал об этом, — сказал Флэндри. — Проверьте мою логику и самые факты. Мы заставим дикого рукаса войти в контакт с ногасом и крылосом, которые входили в состав Открывателя Пещер — то есть с частями самого сильного и опытного хииша. Под дулом пистолета он согласится. Кроме того, он должен кормиться или же умереть от голода, верно? Один из моих ребят всегда будет сторожить его, чтобы предотвратить нежелательные выходки. Но надо думать, что две трети против одной и так должны пересилить. Мы сделаем этот союз постоянным или почти постоянным — на время путешествия. Таким образом, эмоциональный настрой Ревущего Камня войдет в рукаса быстро и должен держаться крепко. Рискуно предположить, что новая личность будет не слишком умна сначала и даже враждебна, но все равно хиишу придется взаимодействовать с нами, пусть даже и без особой охоты.

— Что ж...

— Нам необходим еще один полностью укомплектованный хииш, Кэтрин! И я вовсе не предлагаю рабства. Рукаса не поглотят. Он будет отдавать, но будет и получать... Он научится чему-то, что принесет в свою общину. Возможно, это будет призыв к дружбе, предложение установить постоянные связи... и дары, когда мы отпустим его здесь же — на обратном пути к Ревущему Камню.

Она молчала до тех пор, пока у нее не вырвалось:

— Хитроумен, но честен. В этом вы весь, Доминик! Вы гораздо больше заөлуживаете рыцарского титула, чем все, кого я знаю, ставящие словечко «сэр» перед своим именем.

— О, Кэтрин!

И вдруг Флэндри обнаружил, что обнимает ее, что целует, что она отвечает на его поцелуи, что небо горит фейерверками, и трубы победно поют, и карусели кружатся, и на всем лежит благодать.

— Я люблю тебя, Кэтрин! О Боже, как я люблю тебя!

Она вырвалась из его рук и отскочила назад.

— Нет! — А когда он снова протянул к ней руки, Кэтрин оттолкнула его. — Нет, пожалуйста... Не надо! Остановись. Я не знаю, что на меня нашло...

— Но я же люблю тебя! — вскричал Флэндри.

— Доминик, нет, мы слишком долго были рядом в этом безумном походе! Я отношусь к вам куда серьезнее, чем думала... Но я принадлежу Хью.

Он опустил руки. Возбуждение уходило от него, пока он молча смотрел на нее.

— Кэтрин, — сказал он, — ради тебя я мог бы перейти на вашу сторону.

— Ради меня? — Она снова придвинулась ближе, положила руки ему на плечи и полуплача, полусмеясь прошептала: — Ты и представить себе не можешь, как я счастлива.

Он стоял, вдыхая ее аромат и сжимая кулаки. Потом ответил:

— Нет, не ради тебя. За тебя.

— Как ты сказал? — прошептала она и отпустила Флэндри.

— Ты назвала меня рыцарем. Ошиблась. Я никогда не смогу играть роль друга дома, отвергнутого поклонника. Не мой это стиль. Я хочу быть твоим мужчиной во всех смыслах, которые подобают мужчине.

Выл ветер, грохотала река.

— Ладно, — мрачно сказал Флэндри, обращаясь к тени Кэтрин. — Пусть так будет до тех пор, пока мы не достигнем Порт-Фредериксена. Пусть не дольше. Он ни о чем не узнает. Я буду служить его делу и жить воспоминаниями.

Она села на землю и разрыдалась. Когда он попытался успокоить ее, Кэтрин снова оттолкнула его — не сильно, но и не шуточно. Он отошел на несколько метров и одну за другой выкурил три сигареты.

Наконец она произнесла:

— Я понимаю, о чем ты думаешь, Доминик. Если Снелунду можно, то почему же нельзя тебе. Но разве ты не видишь разницы? Начать хотя бы с того, что ты мне очень нравишься.

Он ответил, с трудом приводя в порядок голосовые связки:

— Я вижу, ты верна идеалу, который выбрала для себя в условиях, больше не существующих.

Она снова заплакала. Это был плач без слез; их она уже, видимо, успела выплакать.

— Прости меня, — сказал Флэндри. — Я не хотел причинить тебе боль. Скорее откусил бы себе язык. Не будем больше говорить об этом, разве что ты сама захочешь. Если ты передумаешь, завтра или через сто лет, если я все еще буду жив, то буду ждать.

«И это святая истина, — усмехнулась какая-то часть его эго. — Хотя и признаю, что речь была состряпана неплохо, я до сих пор питаю надежду, что мое благородство перевесит ее тягу к этому пустоголовому массовому убийце — Хью Мак-Кормаку».

Он вытащил бластер и сунул его в холодную безвольную руку Кэтрин.

— Можете оставаться тут, — сказал он. — А это держите. Вернете мне, когда придете в лагерь. Спокойной ночи.

Он повернулся и ушел. А в голове звучало: «Отлично! Если у меня нет причин отречься от его величества Джосипа II, то мне предстоит выполнить план, который я разработал, чтобы доставить некоторым из его мерзких подданных побольше неудобств».

Глава 13

Весь следующий день и ночь отряд провел, отсыпаясь. Затем Флэндри объявил, что есть необходимость идти быстрее и дальше, чем раньше. Оставшийся дидонец (дидонцы?) последовательно образовал несколько неполных хищей, согласно обычаю, соблюдавшемуся в тех случаях, когда надо было принимать важные решения. Он согласился с Флэндри. Для них в горах было слишком холодно и тут им грозил голод. А впереди лежали самые тяжелые переходы, особенно если принять во внимание раны и потери. Лучше уж как можно скорее пройти через горы и побыстрее спуститься на приморскую равнину.

Это был потрясающий подвиг. Люди проводили большую часть времени, собирая по пути пищу для ногасов. Когда усталость заставляла их останавливаться на ночевку, они были способны только на одно — завалиться спать. Хотя Кэтрин была очень спортивна, но и ей — тридцатилетней женщине — было трудно угнаться в ходьбе и работе за парнями, недавно вступившими во второй или третий десяток. У нее не было никаких шансов поговорить ни с Флэндри, ни с кем бы то ни было еще — ни в пути, ни на привале.

Наверное, только Флэндри был способен на такое. Его отряд балансировал на грани мятежа, когда он вдруг объявил, что должен быть освобожден от большей части черной работы, чтобы установить контакт с новым единством. Однако Хэвлоку удалось успокоить возмущенных и даже, рассмешив, вывести их из мрачного состояния.

— Слушайте, вы же видели Старика в деле. Вы можете его недолюбливать, но он не истерик и не дурак. Кто-то же должен наладить контакт с этим инопланетянином. Если сами ничего

придумать не можете, то подумайте хотя бы о том, как нам нужен проводник через эту дерьмовую страну... Почему не Кэтрин? Ну хотя бы потому, что она *жена* того парня, который отправил нас на ту свалку, где мы сейчас и находимся. Нас, знаете ли, не погладят по головке, если мы будем полностью полагаться на нее в столь важном деле... Так что советую подумать о своих головках... я имею в виду тех, кто намерен вернуться домой.

Флэндри провел с ним предварительное собеседование на-счет ситуации.

Сначала разговор между человеком и дидонцем оказался невозможным. Личность хииша раздиралась противоречиями, пленный рукас изливал ненависть и страх всего своего племени в кровь ногаса и крылоса, которым это самое племя было просто отвратительно. И языки, и привычки, и вкусы, и образ мышления, и весь *Weltanschauungen** были странными и с обеих сторон взаимно противоречащими. Соединенное почти что насильно «единство» еле передвигало ноги, иногда приходило в неистовство, иногда удивлялось и всегда было готово взорваться по первому попавшемуся дурацкому поводу. Дважды Флэндри приходилось вмешиваться; однажды рог ногаса прошел всего лишь в паре сантиметров от его кожи. Но Флэндри был дьявольски настойчив. Такими же были и двое животных, входивших когда-то в состав Открывателя Пещер. К тому же у ногаса был опыт обращения с партнерами из чужой общины, парочка которых ежегодно соединялась с ним, чтоб составить Плотогона. Флэндри пытался представить себе, как выглядит вся ситуация с их точки зрения, но не смог. Шизофрения? Острый конфликт противоположных стремлений, сходный с тем, который он сам испытывает, когда думает о Кэтрин Мак-Кормак и Терранской Империи? Сомнительно. Существо, с которым он имел дело, было слишком чуждым ему.

Он пытался ускорить процесс установления взаимопонимания сначала своими поступками, потом словами. Когда нервная система дикого рукаса несколько успокоилась благодаря исчезновению угрозы неминуемой пытки или смерти, появилась известная степень доверия. Затем появилась речь. Часть словаря Ревущего Камня умерла вместе с рукасом Открывателя Пещер. Но кое-что удержалось, а кое-что запомнилось вновь, когда на некоторое время крылос единства был заменен вторым рукасом. Дикий рукас страшно сопротивлялся этому. Выяснилось, что его культура рассматривает хииш из трех частей, где две части оди-

* Мировоззрение (нем.).

наковы, как своего рода извращение, но выбора-то у него не было. Контакт нейронов, а также кровеносных сосудов происходил автоматически, когда «щупальца» соединялись. Флэндри пустил в ход весь свой талант лингвиста, проведя эту комбинацию через множество речевых упражнений. Получив толчок науки, свойственная дидонцам способность к адаптации дала быстрые положительные результаты.

К тому времени когда отряд преодолел перевалы и вышел на западный склон гор, Флэндри уже мог беседовать с разумом, который он, можно сказать, создал лично.

Это новое единство явно не слишком нравилось самому себе. Названием, которое принял хищ, скорее в силу частого употребления, нежели по согласованному выбору, было хрюканье, по словам Кэтрин, переводившееся как «Исполненный Печали». С этим хищом Кэтрин возилась мало. Ей, во-первых, мешало эмоциональное напряжение, а во-вторых, общая накопившаяся усталость. Это вполне устраивало Флэндри. Разговаривая с Исполненным Печали один на один, если не считать часового, который ровно ничего из их разговора не понимал, Флэндри мог использовать в своих интересах и частичную амнезию, и затаенный гнев рукаса, чтобы сделать из дидонца то, что ему хотелось.

— Ты должен мне верно служить, — повторял он снова и снова. — Возможно, нам предстоит бой, и тогда тебе придется заменить собой тот хищ, которого не станет. Никому не верь и не повинуйся, кроме меня. Я один могу освободить тебя потом, освободить с богатыми дарами для тебя и для твоей общины. У меня тоже есть враги, даже среди моих подчиненных.

Флэндри мог бы сочинить куда более сложную и похожую на правду байку, если бы она потребовалась. Но он быстро обнаружил, что в этом нет нужды и что, напротив, чрезмерная сложность была бы даже вредна. Исполненный Печали был куда менее умен и во много раз менее любознателен, чем Открыватель Пещер. Для хища все люди были фигурами сверхъестественными. Флэндри, который, ясное дело, был их вождем и который играл роль повивальной бабки и учителя для пробудившегося сознания хища, являлся средоточием *маны*. Какие-то обрывки воспоминаний о том, что рассказывали Флэндри и Кэтрин Открывателю Пещер, подкрепляли сегодняшние слова Флэндри о конфликте среди Высших Сил. Мозг прежнего рукаса — самый развитый из трех частей хища — добавил свой менталитет к личности Исполненного Печали, чью подозрительность в отношении остальных ногасов, рукасов и крылосов в отряде Флэндри ни в коей мере не собирался ослаблять.

Когда они добрались до предгорий, Исполненный Печали стал слепым орудием в руках Флэндри. Под влиянием ногаса и крылоса дидонец всерьез готовился принять участие в грядущих приключениях на службе у Флэндри.

Как он использует этот инструмент, Флэндри еще не знал, как не знал и того, будет ли он его применять вообще. Все зависит от той ситуации, которая сложится к концу похода.

Однажды вечером Кэтрин отозвала Флэндри в сторону. Влажная жара и густые переплетения ветвей окружали их, отгораживая от мира. Однако местность здесь была гораздо плодороднее, и кости дидонцев быстро покрывались новым слоем жира. Флэндри и Кэтрин стояли в зарослях камыша, стеной отделявшего их от остальных, и пристально всматриваясь друг в друга.

— Почему мы теперь никогда не говорим наедине, Доминик? — спросила она. Ее взгляд был серьезен, а руки сжали обе его ладони.

Он пожал плечами:

— Слишком много дел.

— Нет, тут что-то другое. Мы не осмеливаемся. Каждый раз, когда я вижу вас, я думаю о... Кроме Хью, вы единственный человек на свете, которого я ни за что не хотела бы обидеть.

— После Хью, значит.

— Вы же возвращаете мне его! Никакой Бог не смог бы сделать больше, чем вы!

— Из этого я делаю вывод, — сказал он, сжимая зубы, — что вы не переменили своего решения в том, что касается нас?

— Нет. Но вы заставили меня желать этого. Но... ах, мне так жаль... Я так надеюсь, что вы найдете себе наконец нужную вам женщину.

— Уже нашел, — ответил он. Она поморщилась. Только тогда он понял, что с такой силой сжимает ее руки, что Кэтрин с трудом удерживается от стоны, и тут же ослабил хватку. — Кэтрин, любимая, мы уже вышли на финишную прямую, но мое предложение все еще в силе. Мы с тобой... отсюда и до Порт-Фредериксена... а потом я перехожу на вашу сторону.

— Это недостойно вас, — ответила она, бледнея.

— Я это знаю, — ощерился он. — Обыкновенная измена. Но за тебя я продам и душу. Впрочем, она и без того — твоя.

— Как вы смеете произносить такие слова... измена? — воскликнула Кэтрин, как будто он ее ударил.

— Еще как смею! Измена, измена, измена! Слышите? А ваш мятеж не только зло, он еще и глупость! Вы...

Она вырвалась из его рук и убежала. Он долго стоял в одиночестве — пока тьма не укутала его. «Ну, Флэндри, — подумал он, —

и как это ты посмел когда-то предположить, что весь космос создан специально для твоих развлечений?»

После этого Кэтрин не то чтобы избегала его. В их ситуации такое было бы просто невозможно. Да, пожалуй, она к этому не очень стремилась. Напротив, она часто улыбалась ему с застенчивостью, которая глубоко ранила его, а в ее голосе звучала теплота, когда им случалось о чем-то заговорить. Он старался отвечать ей тем же. Но теперь они никогда не оставались наедине.

А спутники их были вполне довольны таким исходом. Они прямо вились вокруг Кэтрин при каждом удобном случае, а эта плоская равнина создавала для этого массу возможностей. Нет сомнения, Кэтрин в глубине души искренне сожалела, что она обидела Флэндри, но что она могла сделать, если с каждым километром, пройденным на запад, в ней поднималась радость, которая вырывалась наружу смехом, изяществом жестов, готовностью с охотой отозваться на каждое доброе слово. Хэвлок с легкостью выяснил у нее все, что она знала об энейской базе, причем она даже не заподозрила, зачем ему нужны эти сведения.

— Черт побери, мне просто отвратительно использовать ее таким образом, — сказал тот своему командиру, оставшись с ним наедине и докладывая ему о результатах разговора.

— Вы делаете это ради ее собственного счастливого будущего, — ответил Флэндри.

— Ничего себе возмещение за ту жестокость и предательство, с которыми ей пришлось встретиться в прошлом!

— А возможно, придется и в будущем. Да. Но тем не менее... Том, мы же только собираем информацию. А будем ли мы действовать на ее основе, зависит исключительно от того, какова будет обстановка, которая сложится в Порт-Фредериксене к моменту нашего прихода. Я уже говорил вам, что не собираюсь пытаться совершить невозможное. Вполне вероятно, что мы спокойно отдадимся в руки властей.

— А если нет, то...

— Тогда мы постараемся нанести этой с самого начала обреченной затее такой удар, чтобы она рухнула чуть пораньше, что даст нам возможность спасти какое-то количество жизней. И мы очень постараемся, чтобы среди этих жизней была и жизнь Кэтрин. — Флэндри хлопнул мичмана по спине. — Не вешай нос, сынок! Все это, так сказать, образные выражения. Я был бы большим дураком, чем есть на самом деле, если бы имел в виду именно это. И тем не менее не вешай нос, сынок. Помни о девушке, которая ждет тебя.

Хэвлок ухмыльнулся и удалился, расправив плечи. Флэндри остался один. «Для меня никогда не найдется нужной девушки, — думал он, — если Хью Мак-Кормак не будет столь любезен и не нарвется на пулю. Может быть, тогда...

А не смогу ли я это как-нибудь организовать? Но если она о том узнает... А мог бы я? Да нет, все это всего лишь пустые мечтания... Однако если предположить, что случай подвернулся... Мог бы? По чести говоря, не знаю.

•

Подобно Тихоокеанскому побережью Америки (на Терре, на матушке Терре), западный берег Барки весь состоял из возвышенностей, круто обрывающихся в океан. Когда Кэтрин увидела блеск Великих вод, она вскарабкалась на самое высокое дерево, которое ей удалось отыскать. Ее голос, казалось, падал к ним с ветки на ветку, подобно солнечному лучу.

— Бирса-Хед! Точно! Мы находимся менее чем в пятидесяти километрах от Порт-Фредериксена!

Она спустилась, вся светясь от счастья. А Доминик Флэндри не нашел ничего лучшего, как сказать:

— Отсюда я пойду один.

— Как это?..

— Порхать буду. В одном из скафандров. Сначала мы разобьем лагерь в каком-нибудь приятном и легко узнаваемом местечке. Затем я разужаю, не смогут ли местные одолжить нам что-то вроде летающего аппарата. Летать-то скорее, чем переть пешедралом.

— Возьмите меня с собой, — попросила она, дрожа от нетерпения.

«Со мной ты можешь идти, пока не погаснет последняя звезда во вселенной. Только вряд ли захочешь».

— Очень сожалею, нет. И не пытайтесь связываться по радио. Слушать — пожалуйста, передавать — нет. Откуда нам знать, какая там ситуация? Может, плохая. Например, варвары могли воспользоваться нашей семейной перебранкой и оккупировать базу. Я все проверю. Если я не вернусь через... э-э... двое этих маленьких и дешевеньких суток... — *Всегда криляешься, шут!* — Тогда лейтенант Валенсия примет команду и будет действовать по своему разумению. Я бы предпочел Хэвлока, Валенсия симпатизирует мятежникам. И все же приходится учитывать субординацию, раз уж я лгу даже тебе, моя дорогая, и если хочу получить шанс повредить твоему Делу, моя вечная любовь.

Его распоряжение вылило ведро холодной воды на возбуждение Кэтрин. Отряд расположился лагерем на берегу ручья, под сенью укрывавших его деревьев. Костров не жгли. Флэндри

натянул скафандр. Он ничего не сказал ни Исполненному Печали, ни своим единомышленникам среди команды. Они договорились еще несколько ночевок назад о системе сигналов.

— Будьте осторожны, Доминик, — сказала Кэтрин. Ее заботливость была ему острее ножа. — Не рискуйте собой. Ради нас всех.

— Не буду, — пообещал он. — Я люблю жить. — *О да, и я надеюсь, что еще буду наслаждаться жизнью, независимо от того, добавишь ты к ней радости или нет.* — Держитесь!

Он активизировал антигравы. Через минуту или две он потерял из виду Кэтрин, все еще машущую ему рукой.

Флэндри летел медленно, с открытым забралом шлема, наслаждаясь ветром и соленым привкусом в воздухе. Он направлялся на север, следуя очертаниям береговой линии. Океан безлунной Дидоны не имел настоящего прибойя. Он лежал безбрежным серым покрывалом под серой пеленой неба, но как в каждом большом водном пространстве, в нем присутствовало и движение, и таинственность. Флэндри любовался сложным рисунком океанской ряби, видел пену, огромные полосы водорослей, стаи плывущих куда-то морских животных, дождь, прошедший на самом горизонте. Справа от него суша круто поднималась от широких пляжей, представляя собой мозаику лесов и полей, где паслись стада травоядных и кормились косяки птиц. «В общем, — думал он, — планеты процветают, если человек оставляет их в покое».

При всем при том пульс Флэндри заметно ускорился, когда вдаль показался Порт-Фредериксен. Это была его первоочередная цель. База занимала небольшой, четко очерченный мыс. Она была довольно старой и успела превратиться в симпатичный поселок. Складские помещения и лаборатории, построенные из готовых деталей, и жилые дома носили на себе следы пережитых штормов, обросли лозами винограда и стали неотъемлемой частью ландшафта. Были тут и дома, сооруженные из местных материалов — дерева и камня, — особого архитектурного стиля, разработанного специально для Дидоны и обеспечивающего постоянные легкие сквозняки в помещении. Кое-где виднелись сады и даже парк. Кэтрин говорила, что население обычно составляет здесь около тысячи человек, но в нынешние тяжелые времена, надо думать, гораздо меньше. На улицах Флэндри никого не увидел.

Его внимание было приковано к космодрому. Если бы на нем оказался всего лишь корабль для межпланетных полетов, то оптимальным решением стала бы сдача в плен. Но нет! Хью Мак-Кормак оставил на этом ценном для него форпосте настоящий военный корабль с гиперпространственным двигателем.

Корабль не слишком большой — класса «Завоеватель» — канонерку, вооруженную бластерной пушкой, обладающую приличной скоростью и маневренностью и с экипажем из 25 человек. Канонерка стояла гордо, готовая к полету, и сердце Флэндри гулко застучало.

«Вот ты где, моя крошка!» Флэндри приблизился. Вряд ли на посту находится больше двух-трех вахтенных, положенных по уставу, если судить по окружающему покою и запустению. Почему бы и нет? Учитывая систему управления, приборы, компьютеры, даже один человек и тот мог бы довести этот корабль куда угодно. Порт-Фредериксен о приближении опасности узнал бы загодя, так что команда быстро успела бы явиться на борт. Пока же, разумеется, они чем могли помогали гражданамским.

Над серийным номером было написано имя корабля — «Эрвин Роммель». Кто, во имя всех чертей, этот Роммель? Германиец, что ли? Нет, скорее всего откуда-то с Терры, извлеченный из пыльных архивных папок, согласно программе подбора имен для десяти тысяч новых «Завоевателей».

Из зданий стали появляться люди. Они тут же разглядели Флэндри. Он приземлился в парке.

— Хелло! — сказал он. — У меня тут что-то вроде кораблекрушения.

В течение ближайшего часа Флэндри много чего узнал о Порт-Фредериксене. Себя он тоже постарался не обременять ложью. Он вступил в бой с неприятельским кораблем, потерпел крушение при посадке и прошел пешком весь континент. То, что он не был сторонником Мак-Кормака, Флэндри тактично опустил.

Если его план не сработает, энейцы, конечно, будут возмущены, когда узнают всю правду. Однако они вряд ли расстреляют его за попытку прибегнуть к военной хитрости.

В основном оставшиеся сейчас здесь жители играли роль сторожей, если исключить из них команду «Роммеля», нескольких ученых и техников. Главной заботой их было поддерживать добрые отношения с соседями — дидонцами, а также держать базу в порядке. Ну а поскольку ученые — всегда ученые, они понемножку занимались и своими исследованиями.

Практически они были оторваны от всего мира. Межпланетное радио молчало, так как корабли Джосипа несколько раз устраивали набеги на систему Вергилия. Каждый месяц или около того корабль с Энея привозил сюда продовольствие, почту и новости. Последний визит грузовика имел место несколько

дней назад. Таким образом, Флэндри получил самый свежий отчет о событиях.

Энейцам казалось, что они находятся в катастрофическом положении. Промышленность, снабжение, коммуникации, все это при Мак-Кормаке стало разваливаться. Он потерял надежду удерживать под своим контролем хоть сколько-нибудь значительный объем космоса. Вместо этого он занялся защитой отдельных миров, перешедших на его сторону. Однако его военные силы были невелики. Они сражались отважно, но предотвратить наглые атаки эскадр Снелунда не могли. Обычная сильная флотилия могла бы легко их уничтожить поодиночке. Чтобы такого не произошло, Мак-Кормак держал свои основные силы возле Сатаны. Если бы сторонники Джосипа собрали все свои корабли в один мощный кулак, адмирал узнал бы об этом от разведчиков и, встретив армаду, приложил бы все свои таланты, чтобы уничтожить ее.

— Но они понимают это, — сказал директор Джоветт, поглаживая белую бороду дрожащей рукой. — Они не дают нашему Императору возможности вступить в открытый бой, который ему так нужен. Я думаю, Снелунд не будет просить подкреплений с Терры, даже когда она сможет ему их предложить. Он просто истощит нас. Я убежден, что он извлекает массу удовольствия из нашей долгой агонии.

— Вы думаете, нам придется сдаться? — спросил Флэндри.

Старик гордо вскинул голову:

— Никогда, доколе жив Император!

Народ на базе истосковался по гостям. У Флэндри не было ни малейших трудностей с получением информации, ее было даже больше чем надо. Все тут же согласилось со сделанным им предложением: чем посылать флайеры за его товарищами, почему бы не воспользоваться «Роммелем»? Никакие инструментальные наблюдения или сигналы с Энея не давали оснований считать, что корабль должен находиться в состоянии полной боевой готовности. С этим были согласны и Джоветт, и капитан «Роммеля». Конечно, спасенным не хватит места, если брать всю команду, а потому большую часть ее придется оставить на базе. Впрочем, для тех немногих, кто полетит, это будет неплохая практика.

У Флэндри были подготовлены и альтернативные планы, однако этот очень упрощал задачу.

Он повел корабль на юг. Еще в пути вызвал свой лагерь по радио. Кто-нибудь должен был все это время дежурить у рации в шлемофоне.

— Все отлично, — сказал Флэндри. — Мы сядем на берегу чуть восточнее лагеря и будем вас ждать там. Дайте мне погово-

речь с мичманом Хэвлоком... Том? Готовься. Лучше пусть Хуан и Кристофер поторапливаются.

Это означало, что космонавты должны надеть оставшиеся скафандры.

Корабль сел. Его команда доверчиво вышла на песок пляжа. Когда они увидели, что потерпевшие кораблекрушение выходят из лесу, последовала буря приветственных восклицаний — люди кричали, стараясь преодолеть встречный ветер.

Вдруг два блестящих металлических объекта возникли над верхушками деревьев. Секундой позже они уже зависли над кораблем, держа команду под прицелом бластеров.

— Поднимите руки вверх, пожалуйста, — произнес Флэндри.

— Что такое! — завопил капитан. Кто-то из его команды потянулся к оружию, но луч сверху со свистом взрезал землю у самых его ног.

— Повторяю, руки вверх, — рявкнул Флэндри. — Вы умрете раньше, чем ваши пули вылетят из стволов.

Еще не оправившись от шока, команда корабля повиновалась.

— Вы взяты на abordаж, — продолжал Флэндри. — Поэтому вам лучше сразу же отправиться баиньки домой. Это займет у вас несколько часов, ежели идти пешедралом.

— Иуда! — смачно плюнул капитан.

Флэндри утерся и ответил:

— А вот это зависит от точки зрения. Ну, пошли! — Хуан с бластером некоторое время сопровождал уходящих.

И в тот же момент несколько выхваченных бластеров сделали пленниками тех, чья лояльность была под вопросом. Более удивленный, чем рассерженный, Молния, Которая Ударила в Дом, провел на борт остальные части дидонцев. Исполненный Печали втащил туда же Кэтрин. Когда Флэндри увидел ее, он тут же подыскал себе занятие в другом конце корабля.

Когда вся его команда оказалась на борту и были сделаны назначения на посты, Флэндри включил гравитаторы. Зависнув над Порт-Фредериксеном, он вывел из строя межпланетный узел связи, сбив выстрелом его антенну. Затем передал по радио предупреждение, дал людям время эвакуироваться и разрушил еще несколько важных устройств.

У энейцев есть пища, крыша над головой, медикаменты и даже наземные оборонительные сооружения. Но добраться куда-нибудь, чтоб передать на Эней информацию, они не смогут до прихода очередного космического грузовика, а это произойдет только через месяц.

— Ведите корабль на восток, гражданин Хэвлок, — сказал Флэндри. — Заберем наших ребят у Ревущего Камня и отпустим лишних жвачных. И... да... погрузим запас пищи для нашего нового дидонца. Я думаю, мне этот хищник еще понадобится.

— Где же, сэр?

— В Ллинатавре. Мы на цыпочках покинем эту систему, постаравшись, чтоб нас не засекли. А когда окажемся в открытом космосе, то на максимальном гипердрайве рванем к Ллина-тавру.

— Сэр? — На лице Хэвлока обожание сменилось удивлением. — Прошу у капитана извинения, но я не понимаю. Я хочу сказать, что вы катастрофу превратили в триумф, что мы получили секретные коды противника, о чем он и не подозревает, так не лучше ли нам идти на Ифрай? Особенно когда Кэтрин...

— У меня есть свои причины, — сказал Флэндри. — Не бойтесь, она к Снелунду не вернется. — Его лицо было столь мрачно, что никому и в голову не пришло задавать ему какие-нибудь вопросы.

Глава 14

И снова тесная металлическая коробка, снова приправленный химией воздух, непрерывный шум моторов, но, кроме того, снова и холодное чудо звезд, и неуклонное усиление блеска одной из этих сверкающих точек. От Вергилия до Ллинатавра перелет в этой коробке занял меньше двух стандартных дней.

Флэндри сидел на капитанском мостике. Кубрик был слишком забит, чтобы вместить еще хоть одного человека, а потому был оборудован аудиовизуальным интеркомом. Команда видела Флэндри, сидящего в белом мундире, не слишком подходящим ему по размерам, но зато соответствующем его рангу. Как и все остальные, он сильно исхудал, на обтянутом кожей лице выступали кости, глаза ярко горели на фоне кожи, загоревшей почти дочерна. В отличие от остальной команды, он никаких восторгов по поводу победы не выражал.

— Слушайте меня внимательно, — сказал Флэндри. — В столь неординарных ситуациях, как наша, совершенно необходимо соблюдать некоторые формальности. — И он прочел распоряжения, которые, будучи введены в корабельный журнал, легализовали бы захват «Роммеля» и статус Флэндри как капитана этого корабля.

— Некоторые из вас были взяты под арест, — продолжал он. — Это была необходимая мера предосторожности. В гражданской войне никто не может доверять другому, не имея надежных

доказательств, и совершенно очевидно, что я не мог планировать проведение внезапной атаки всей нашей группой. Поэтому арест с этой минуты прекращает свое действие, и те, кто был задержан, свободны. Я специально отмечу и внесу в журнал, что их временное задержание ни в малейшей степени не бросает тени на их лояльность и компетентность и что я представляю каждого члена нашего экипажа на повышение в должности и награждение орденом.

Он даже не улыбнулся, когда они все закричали от восторга. Все тем же твердым и монотонным голосом он продолжал:

— Согласно полномочиям, возложенным на меня, и в соответствии с уставами Космофлота, касающимися рекрутирования в экстремальных ситуациях, я привел к присяге инопланетянина по имени Исполненный Печали для службы в военных силах его величества на временной основе в ранге простого космолетчика. Ввиду особого характера этого существа, в реестре экипажа будут указаны три новых его члена.

Ответом явился всеобщий хохот. Они думали, что эта шуточка последняя, но ошиблись.

— Все бортовые системы обнаружения будут работать, — сказал Флэндри после короткого молчания. — Немедленно после встречи с первым же имперским кораблем офицер-связист подаст сигнал о сдаче и потребует эскорта. Я предполагаю, что все мы можем быть арестованы, когда они взойдут на борт, и пробудем в этом состоянии некоторое время, пока наши добрые намерения не будут установлены. Однако я абсолютно уверен, что к тому времени, когда мы выйдем на орбиту вокруг Ллина-тавра, мы безусловно уже будем очищены от всяких подозрений.

И последний пункт. У нас на борту есть важная пленница. Я приказал мичману Хэвлоку, который должен был сообщить это всем остальным, что леди Мак-Кормак не будет передана в руки губернатора сектора Снелунда. Теперь я хочу дать обоснования для официального, хотя и секретного приказа, иначе наши действия могут стать причиной отдачи нас под трибунал.

В обязанности флотских офицеров не входит принятие политических решений. В силу обстоятельств, связанных с леди Мак-Кормак, включая сомнения в законности ее первоначального задержания, я принял решение, что передача ее его превосходительству была бы *политическим решением*, чреватая многими непредсказуемыми последствиями. Поэтому мой долг передать ее флотским властям, которые могут рассмотреть ее дело наиболее справедливо. В то же время мы не можем законно отвергнуть требования его превосходительства о выдаче леди Кэтрин.

Поэтому, как капитан этого корабля и как офицер Императорского разведывательного корпуса, которому доверена миссия по сбору информации и дано право решать, кому передавать эту информацию, а кому — нет, я классифицирую информацию о присутствии у нас на борту леди Мак-Кормак как государственную тайну. Она будет спрятана еще до того, как к нам придут официальные власти. Никто не должен упоминать о ее присутствии ни тогда, ни в будущем, пока не придет время публично объявить об этом соответствующим государственным учреждениям. Нарушение этого пункта будет приравнено к нарушению закона и правил соблюдения секретности и сделает вас объектами судебного преследования и наказания. Если вас спросят, можете говорить, что она исчезла как раз перед тем, как мы покинули Дидону. Понятно?

Ответом были оглушительные крики.

Флэндри откинулся на спинку кресла.

— Ладно, — сказал он устало. — Всем вернуться на свои посты. Приведите сюда леди Мак-Кормак.

Флэндри выключил интерком. Люди разошлись. «Теперь они у меня в кармане, — подумал он. — Теперь они всей командой завербуются на корабль, идущий в ад, если я буду на нем шкипером. — Восторга он не ощущал. — А я никогда больше не захочу командовать кораблями».

Он открыл новую пачку сигарет, которую нашел среди неприкосновенных запасов. Каюта угнетала его своей нищетой и неприглядностью. Под гул моторов и шум шагов в коридоре молчание каюты становилось невыносимым.

Сердце Флэндри бурно забилось, когда вошла Кэтрин. Он встал.

Она закрыла дверь и молча взглянула на него. Ее глаза были на всем корабле единственными, которые смотрели на него с презрением. На бедре висел его кинжал.

Кэтрин все еще хранила молчание, когда Флэндри промямлил:

— Я... Я надеюсь, капитанская каюта... не слишком неудобна?

— Куда вы намерены спрятать меня? — спросила она. В ее голосе слышалась только привычная хрипотца, и больше ничего.

— Митсуи и Петрович вынут всю начинку из капсулы для отправки сообщений. Мы выложим ее внутренность мягким и просверлим дыры для поступления воздуха так, чтобы их нельзя было заметить снаружи. Туда мы доставим воду и еду, и... хм... что еще понадобится. Там будет уныло и утомительно. Лежать придется в темноте, но не больше 20—30 часов.

— И что же потом?

— Если все пойдет так, как я спланировал, нам предстоит занять парковочную орбиту вокруг Ллинатавра, — сказал Флэндри. — Группе кодирования не понадобится много времени, чтобы сделать расшифровку того, что хранится в наших компьютерах. Нас же в это время будут допрашивать, и те люди, которые не приписаны к базе Катавраянниса, получают продленный отпуск. Процедура допросов сухая, формальная и ничего необычного в ней нет. Космофлот заинтересован в том, что мы добыли, а не в каких-то там приключениях или в том, как именно мы достали эту информацию. Все это может подождать до тех пор, пока не будет создана комиссия по изучению причин гибели «Азиенны». А сейчас самое важное — нанести удар мятежникам, пока они не успели изменить свои коды.

Я объяснил себя капитаном «Роммеля», выполняющим особое поручение. Мой статус может быть оспорен, но я очень сомневаюсь, чтобы какой-нибудь бюрократ в суматохе подготовки нападения на мятежников принял за проверку все параграфы уставов. Они будут рады-радешеньки возможности спихнуть на меня ответственность за этот корабль, тем более что мои полномочия бродить в одиночку по смыслу включают и требование помогать мне в этом бродяжничестве.

Как капитан, я обязан держать на борту минимум двух вахтенных. На парковочной орбите это, конечно, формальность, но я ее предусмотрел и зачислил в реестр команды Исполненного Печали как трех космолетчиков. Я имею основания считать, что сумею отбиться от любых возражений по поводу хишиа в таком ерундовом деле. Суть заключается в том, что благодаря этому варианту освобождаются два опытных космонавта, которые могут быть с успехом использованы в других местах.

А когда мы останемся одни, хиши вас выпустит.

Флэндри иссяк. Его лекция произвела на Кэтрин такое же впечатление, как если б он стучал голыми кулаками по стальной перегородке.

— Почему? — спросила она.

— Почему что? — Он раздавил окуроч в пепельнице и потянулся за другой сигаретой.

— Я могу понять... может быть... почему вы сделали то, что сделали с Хью... Я не считала вас способным на такое, я ведь видела вас сильным и добрым, способным стать на защиту правого дела, хотя и думаю, что где-то, в самой глубине, ваша душа в чем-то мелковата.

Но чего я не могу понять, во что не могу поверить, — вздохнула Кэтрин, — так это в то, как после всего, что у нас было, вы снова ввергнете меня в неволю. Если бы вы не отдали

Исполненному Печали приказ схватить меня, любой из ваших людей только отвернулся, дав мне возможность убежать в лес.

У него больше не было сил смотреть на нее.

— Вы нужны... — пробормотал он.

— Зачем? Чтобы выжать из меня какую-то бесполезную малость, которая мне может быть известна? Чтобы использовать в качестве приманки для Хью, в надежде довести его до безумия? Чтобы дать достойный пример другим? Ведь каково бы ни было имперское правосудие или имперская милость, я умру сразу же, когда они убьют Хью. — Кэтрин не плакала, не стыдила Флэндри. Краем глаза он видел, как она медленно, как бы не веря, качает головой. — Да, этого я понять не могу.

— Я не могу сказать вам сейчас всего, — молил он. — Слишком много неизвестных в этом уравнении. Но...

Она прервала его:

— Я сыграю в вашу игру, раз это единственная возможность избавиться хотя бы от Снелунда. Но лучше бы на вас глаза мои не смотрели. — Ее голос был тих. — И мне было бы приятней, если б вас не было рядом, когда меня будут класть в этот гроб.

Он кивнул. Кэтрин вышла. За ней тяжело протопали копыта Исполненного Печали.

Каковы бы ни были недостатки губернатора сектора альфа Креста Снелунда, он держал великолепный стол. Более того, он был очаровательным хозяином, обладавшим редким даром не только слушать собеседника, но делать тонкие и остроумные замечания по поводу услышанного. Хотя большая часть Флэндри, несмотря на улыбки, чувствовала себя пантерой, припавшей за кустом, зато другая часть его наслаждалась первым за многие месяцы отличным обедом.

Он завершил свое повествование о приключениях на Дидоне к тому времени, когда настоящие живые слуги уже убирали последние золотые тарелки и, поставив на стол сигары и коньяк, удалились.

— Потрясающе! — аплодировал Снелунд. — Изумительно интересная раса. Вы сказали, что привезли одного из них? Я бы с удовольствием поглядел на него.

— Это можно легко организовать, ваше превосходительство, — отозвался Флэндри. — Может быть, даже легче, чем вы полагаете.

Брови Снелунда слегка поднялись, а пальцы на мгновение сжали тонкую ножку коньячного бокала. Флэндри расслабился, вдохнул аромат своего питья, взболтал круговым движением, чтобы насладиться цветом напитка, и пригубил, как бы создавая

контрапункт нежному музыкальному фону. Они сидели на верхнем этаже дворца. Зал был невелик, но удивительно пропорционален и великолепно отделан. Стеклопанная стена широко распахнута навстречу летнему вечеру. Из сада свободно вливался воздух, насыщенный ароматами роз, жасмина и каких-то незнакомых цветов. Внизу сверкали огни города, светились созвездия фонарей и цветных фонтанов, а выше горели огни на башнях космопорта и в аэрокарах. Шум транспорта сюда почти не доходил, разве что как отдаленное мурлыканье. Трудно было поверить, что вокруг, а ввысь так до самых звезд, все ревело от судорог готоящейся войны.

Снелунд не оказал на Флэндри ни малейшего давления. Может, Флэндри когда-то и забрал отсюда Кэтрин Мак-Кормак для специального допроса, казавшегося тогда важным для успеха его миссии, поддавшись внезапному приступу необузданности. Может, он и потерял свой корабль и свою пленницу благодаря своей потрясающей небрежности. Но потом он вернулся с добычей, которая давала адмиралу Пиккенсу возможность уверенно нанести мятежу один-единственный, но смертельный удар без всякой помощи Терры и без последующих утомительных проверок действий губернаторского ополчения. Губернатору ничего не оставалось, как быть вежливым с человеком, который, так сказать, спас его сильно подгоревшую яичницу с беконом.

Тем не менее, когда Флэндри попросил о конфиденциальном разговоре, Снелунд, по-видимому, никак не ожидал такого поворота.

— Вот как, — выдохнул Снелунд.

Флэндри внимательно оглядел его через стол. Выющиеся огненные волосы, женственное лицо, великолепная мантия — пурпур с золотом, — звон и блеск драгоценностей. А за всем этим, подумал Флэндри, кишки с дерьмом и оскал черепа.

— Дело в том, сэр, — сказал он, — что мне предстоит принять решение по очень деликатному вопросу.

Снелунд кивнул, улыбаясь, но глаза у него превратились вдруг в плоские серые камешки.

— Я подозревал это, командер. Некоторые детали вашего доклада и поведения, кое-какие приказы, отданные вами, не ускользнули от моего внимания. Вы должны быть мне признательны за намек, что мне не желательно, чтобы вас допрашивали слишком подробно. Мне было бы любопытно... хм... любопытно узнать, что именно вы имели в виду?

— Я действительно признателен вашему превосходительству, — тут Флэндри закурил сигару, — но это дело имеет чрезвычайную важность и для вас, сэр. Разрешите мне напомнить вам о моей

дилемме на Дидоне. Леди Мак-Кормак стала исключительно популярна среди моих людей.

— Без сомнения, — расхохотался Снелунд. — Я лично обучил ее кое-каким малоизвестным штучкам.

«У меня нет оружия под этой синей с белым формой, Аарон Снелунд. У меня нет ничего, кроме рук и ног. И черного пояса каратэ плюс еще кое-каких навыков и умений. Если бы не некоторые незавершенные дела, я бы с радостью пошел на казнь за удовольствие самому разобрать тебя на кусочки».

Но так как этой твари еще предстояло припомнить, как выглядит ее душа, ежели ее вскрыть и распластать, то Флэндри только кисло улыбнулся.

— Увы, сэр, все гораздо хуже. Она отвергла мое предложение, каковой факт я прошу вас считать делом наивысшей государственной тайны. Но... Так вот, она была у нас единственной женщиной — красивой, здоровой, умной. К концу похода мои парни были хоть чуточку, но все без исключения влюблены в нее. Она дала понять, что ее пребывание у вас было... весьма незавидным. Если по правде, сэр, то я боялся, что может вспыхнуть мятеж, если команда подумает, что я хочу вернуть ее вам. А поскольку я вез секретные коды, то такой риск я взять на себя не мог.

— И тогда вы организовали ее бегство? — Снелунд отпил глоток коньяка. — В общем, все об этом догадались, хотя тактично и промолчали, командер. Очень мудрое решение, независимо от того, было оно внесено в корабельный журнал или нет. Мы сможем ее выследить позже.

— Но, сэр! Я ничего подобного не делал!

— Что? — Снелунд выпрямился как стрела.

Теперь Флэндри говорил куда быстрее, чем раньше.

— Давайте оставим эвфемизмы, сэр. Она выдвинула против вас ряд очень серьезных обвинений. Некоторые из них таковы, что могут найтись люди, которые нагло заявят, будто именно ваши действия вызвали мятеж. Я этого не хочу. Если вы знакомы с историей, то должны помнить, что ничто не срывает так, как Боадия*... Нет, мученица, особенно прекрасная мученица, могла бы потрясти Империю... А моя обязанность — содействовать ее укреплению. Чтобы получить согласие моих людей, мне надо было убедить их, что леди Мак-Кормак не будет вам возвращена. Она будет отдана под юрисдикцию Космофлота,

* Боадия — королева британцев, захваченная римлянами и в цепях проведенная по Риму.

где уставы гарантируют жизнь пленникам, а их показания не могут быть положены под сукно.

Лицо Снелунда не выражало ничего.

— Продолжайте, — сказал он.

Флэндри кратко обрисовал средства, с помощью которых Кэтрин была доставлена сюда.

— Космофлот готовится к срочному старту к Сатане, примерно через три дня, — закончил он. — Теперь, когда разведчики установили, что неприятель все еще пользуется теми кодами, которые я привез, я надеюсь, что могу и не сопровождать эти силы. Но от меня ждут — мои парни, — что я получу приказ для себя, который позволит доставить «Роммель» на Ифрай, на Терру или в другое место, где леди Мак-Кормак будет в безопасности. У них есть возможность выяснить, сделал ли я это. Вы же знаете, с какой скоростью циркулируют слухи в любых учреждениях. Если я этого не сделаю, то... то я не уверен, что секретность помешает кому-нибудь из моих парней... А если детали этой истории станут известны, она доставит вам довольно много неприятностей в это весьма критическое время.

Снелунд осушил стакан бренди и налил новый. Булькающий звук наливаемой жидкости гулко прозвучал на фоне тихой музыки.

— Зачем вы мне все это рассказываете?

— Я уже сказал почему. Как патриот я не стану способствовать тому, что может подлить масла в огонь восстания.

Снелунд молча разглядывал его.

— Так она, значит, вам так и не дала? — спросил он наконец.

Омерзение придало остроту ответу Флэндри.

— Мне это не понравилось со стороны шлюхи, полученной из третьих рук. — И тут же рассмеялся: — Но дело не в этом. Мой долг по отношению к вам, ваше превосходительство, а также долг в отношении Империи...

— Ах да, — подколот его Снелунд, — приятно иметь должника, карьера которого на подъеме, не так ли?

Флэндри выглядел смущенным.

— Д-д-да, — задумчиво продолжал Снелунд. — Я думаю, у нас одинаковый настрой. Ваши предложения?

— Н-ну, — ответил Флэндри, — с официальной точки зрения «Роммель» сейчас пуст, если не считать моего многочисленного дидонца. А говорить этот хийш не умест. Если мне сегодня же будет выдан приказ о вылете, без точного упоминания о месте назначения, скажем, на разведку с последующим секретным докладом о ее результатах, причем с использованием минимального числа членов экипажа... по телефонному звонку вашего превосходительства кому-нибудь из штаба адмирала Пиккенса...

то этого будет достаточно. Я бы отправился на борт и стартовал. Мои ребята успокоились бы насчет леди Мак-Кормак. Ну а если о ней ничего не будет слышно год-два... К тому времени новые назначения разбросают их, да и чувства их поохладятся... Забвение — очень ценный помощник, сэр.

— Похожий на вас, — усмехнулся Снелунд. — Я полагаю, что наши карьеры могут тесно переплестись, командер. Если вам можно верить...

— Приходите и убедитесь, — предложил Флэндри.

— А?

— Вы же говорили, что интересуетесь моим дидонцем. Это можно сделать, никого не ставя в известность. Я сообщу вам параметры орбиты «Роммеля», и вы отправитесь одни на личном флиттере, не сообщив никому, куда именно. — Флэндри выпустил кольцо дыма. — Вы примете на себя руководство казнью. И проследите, чтобы наказание соответствовало преступлению. Этому делу можно посвятить несколько приятных часов.

И стал ждать.

Ждал, пока на лбу у Снелунда не выступил пот и сдавленный голос не произнес:

— Да...

Флэндри даже не осмеливался надеяться, что поймает ту рыбу, которую так ловко приваживал. Ведь если б не получилось, ему пришлось бы выполнять главную миссию своей жизни другими методами. Удача так подействовала на него, что он внезапно обмяк, голова закружилась и пришла мысль: а хватит ли у него сил выйти отсюда? Но он все же вышел, когда они обговорили все детали и произвели нужные действия. Губернаторский автомобиль доставил его на базу Катавраянниса, где Флэндри переоделся в рабочую форму, получил приказ и взял флиттер для полета «Роммелю».

А дальше — время, нужное для запуска флиттера, да еще с расчетом, чтобы он не встретился с другой, только очень нарядной машиной, летящей по тому же курсу. Флэндри сидел в рубке, погруженный в свои мысли. Весь экран занимала планета и звезды, купавшиеся в своей спокойной и неодолимой красоте.

Раздались щелчки, означавшие, что шлюзы обоих кораблей соединились и магнитные защелки прочно закрепили их положение. Флэндри вышел, чтобы встретить гостя.

Снелунд появился из воздушного шлюза, тяжело дыша. В руке он нес чемоданчик хирурга.

— Где она? — спросил он суетливо.

— Сюда, сэр. — Флэндри пропустил его вперед. Снелунд даже не заметил на поясе хозяина бластер, который тот захватил

на случай появления телохранителей. Их не было. Чтоб не сплетничали.

Исполненный Печали стоял на посту перед дверью капитанской каюты. Интересовали ли инопланетяне губернатора или нет, но Снелунд еле взглянул на хийша и тут же отвернулся, тогда как Флэндри успел сказать на пиджине:

— Что бы ты ни услышал, стой на месте, пока я не отдам тебе другой приказ.

Рог ногаса склонился в знак понимания. Рукас дотронулся до топора, висевшего на его боку. Крылос напрягся, будто хищная птица.

Флэндри открыл дверь.

— Я привел к вам гостя, Кэтрин.

Она испустила вопль, который ему суждено было вспоминать в своих ночных кошмарах. В руке Кэтрин сверкнул мерсейский клинок.

Флэндри вырвал из рук Снелунда чемоданчик и обхватил губернатора с такой силой, что тот и пошевелиться не мог. Захлопнув дверь ударом каблука, сказал:

— Любым способом, каким захочешь, Кэтрин. Буквально любым.

Вот тут-то Снелунд и заверещал.

Глава 15

Сидя в кресле пилота космической шлюпки, Флэндри нажал кнопку, открывающую двери ангара, и одновременно включил экран. Космос прыгнул на него, как хищный зверь.

Мрак Сатаны и сверкание звезд медленно ушли в сторону, когда «Роммель» делал оборот вокруг планеты, ложась на орбиту, соответствующую неизменной плоскости вращения Сатаны. Дважды он заметил серебристый блеск, пересекающий созвездия и Млечный Путь — это приближался боевой корабль. Кроме этого, ничто не свидетельствовало о том, что он находится в самой середине боевых порядков флота мятежников.

Зато приборы подтверждали это по мере его продвижения вперед, равно как и несколько подслушанных переговоров между кораблями, когда он оказывался на нужном расстоянии от них. Даже когда Кэтрин напрямую разговаривала с Хью Мак-Кормаком, между ними стояло недоверие. Предупрежденный своим офицером-связистом о том, с кем ему предстоит говорить, адмирал имел время, чтобы надеть маску непроницаемости. Откуда ему знать, не хитрость ли это? Но если даже он действительно говорит с женой, а не с электронным устройством, то она

все равно могла находиться под гипнозом или наркотиками и произносить слова, которые ей нашептывал оператор. Ее собственные, лишённые эмоциональной окраски фразы, в сочетании со странным отсутствующим выражением лица, ее подавленность — все это могло лишь укрепить его подозрения. Даже Флэндри был удивлен. Он был уверен, что Кэтрин зарыдает от счастья.

Может, все это происходило от слишком острого желания встретиться впервые наедине, а может, именно в этот момент она пыталась подавить сильнейший стресс и ей приходилось сдерживать себя, чтобы не рухнуть в истерику? Случая спросить ее об этом как-то не выдалось. Она подчинялась указаниям Флэндри, а он так и не раскрыл перед ней все свои карты, настаивая на том, что оба мужчины должны сначала поговорить друг с другом с глазу на глаз, а уж потом предпринимать какие-то действия. Мак-Кормак на это пошел. Его тон был резок, но не слишком тверд. А потом события стали происходить одно за другим, причем как-то невероятно быстро: взаимное уведомление о координатах, сверка расчетов, согласование маневров при подходе, уравнивание скоростей, — Флэндри так и не удалось ничего узнать об истинных чувствах Кэтрин.

Но пока он готовился стартовать на своей космической шлюпке, она вышла к нему из каюты, куда удалилась после беседы с мужем. Она взяла руки Флэндри в свои, долго смотрела ему в глаза и наконец сказала:

— Доминик, я буду молиться за вас обоих.

Ее губы коснулись его губ. Они были холодны, как и кончики ее пальцев, и почему-то казались солеными. Прежде чем Флэндри успел опомниться, она повернулась и вышла.

За время перелета сюда между ними установилась странная близость. Этому способствовало многое. Кровавый дар, преподнесенный им Кэтрин; план, разработанный им, который она помогла довести до совершенства; обмен увлекательными воспоминаниями о прошлом и далеких странах; приключения на Дидоне... Флэндри не раз думал: а могут ли годы, прожитые в браке, что-то добавить к такой близости? В определенном-то смысле, конечно. Но эту тему они оба, не сговариваясь, исключили из разговоров.

И вот появился «Персей». С его появлением так или иначе все былое кончилось. Флагман был велик, как луна, его покрывал термостатический узор, на нем холмами торчали лодочные гондолы и пушечные башни, откуда высывались пушки, датчики и антенны, чем-то напоминая лес сталактитов. Рядом крутился корабельный спутник. Цветные огоньки индикаторов

заплясали на панели управления, а динамик четко произнес: «Мы ведем вас. Вперед!»

Флэндри включил свои гравитаторы. Шлюпка покинула «Роммель» и передала управление «Персею». Это было коротенькое путешествие, но по обеим сторонам бездны царило предельное напряжение. Мак-Кормак не мог быть уверен, что это не уловка, имеющая цель внести водородную бомбу внутрь его флагмана и взорвать его. «А как же иначе, — думал Флэндри. — Особенно после того, как я не разрешил никому прибыть на мой корабль, чтобы доставить меня на “Персей”. Конечно, мой отказ мог быть вызван страхом быть захваченным в плен абордажным отрядом (что частично и имело место). Но... все же он смельчак, этот Мак-Кормак! Я ненавижу его всеми фибрами души, но он смельчак».

Перед его глазами возник люк, в который и ввели шлюпку Флэндри. Он подождал с минуту, слушая, как с шипением поступает воздух в ангар. Сработали клапаны. Флэндри вышел из шлюпки и увидел с полдюжины людей, ожидавших его. Они стояли утрюмо, не выкликая приветствий, не отдавая чести.

На их взгляды он ответил таким же суровым взглядом. Мятежники несли на себе приметы голода и усталости, как и Флэндри, но к тому же выглядели больными — лица у них были землисто-желтые и грязные.

— Можете расслабиться, — сказал он им. — Общитесь мою шлюпку, если угодно. Никаких адских машин, уверяю вас, нет. А впрочем, праздность — грех.

— Сюда... пожалуйста. — Лейтенант, возглавлявший наряд, пошел вперед быстрой пружинящей походкой. Часть его людей осталась сзади, чтобы проверить шлюпку. Те, что сопровождали Флэндри, были вооружены. Флэндри это не беспокоило. Ему предстоит встретиться с худшими опасностями, прежде чем он завалится на койку.

Они шли металлическими коридорами, стальными пещерами, они шли мимо сотен глаз, шли в молчании, которое вряд ли нарушалось чем-то, кроме биения сердца корабля и дыхания. Вот и конец пути — четыре морских пехотинца, охраняющих стальную дверь. Лейтенант что-то сказал и прошел внутрь. Отдав честь у входа, он произнес:

— Коммандер Флэндри, сэр.

— Впустите его, — ответил глубокий, лишенный выражения голос. — Оставьте нас одних, но будьте неподалеку.

— Слушаюсь, сэр. — Лейтенант отступил в сторону. Флэндри вошел. Дверь закрылась с легким шипением, говорившем о звукоизоляции.

В адмиральских покоях стояла тяжелая тишина. Главная комната была обставлена с пуританской простотой: стулья, стол, кушетка, неброский ковер, перегородки и потолок окрашены в светло-серый цвет. Никаких драпировок. Несколько картин и голограмм придавали каюте что-то личное — виды родной планеты, фотографии дикой природы. Ту же роль выполняли шахматная доска и книжная полка с печатными изданиями и катушками — классика и научные труды. Одна из двух дверей широко открыта — там кабинет, где адмирал работал после вахты. Спальня тоже, должно быть, монашеская. Камбуз и бар используются редко.

— Приветствую вас, — сказал Мак-Кормак. Флэндри он принял стоя — огромный, прямой, исхудавший, как и все его люди, но безукоризненно одетый, с орденом и звездами на плечах. Он сильно состарился, понял Флэндри: в темных волосах больше седины, чем показывали портреты, меньше мышц на костистом лице, больше морщин, глаза утонули глубже, нос и подбородок выдвинулись вперед.

— Добрый день.

Флэндри ощутил прилив уважения и даже отчасти почувствовал собственную второсортность. Он постарался избавиться от них с помощью свойственной ему холодной насмешливости.

— Вы могли бы отдать честь, командер, — совсем тихо сказал Мак-Кормак.

— Это было бы против устава, — ответил Флэндри. — Вы разжалованы и потеряли свое звание.

— Потерял? Что ж... — Мак-Кормак повел рукой. — Присядем? Не угодно ли выпить чего-нибудь?

— Нет, спасибо, — ответил Флэндри. — У нас нет времени на дипломатические штучки-дрючки. Флот Пиккенса нападет на вас меньше чем через семьдесят часов.

Мак-Кормак сел.

— Мне об этом известно, командер. Наши разведчики — ловкие ребята, знаете ли. Сбор такого мощного флота не может остаться незамеченным. Мы подготовились к встрече. Мы даже ждем ее с нетерпением. — Он взглянул на молодого человека и продолжил: — Вы заметили, что я обращаюсь к вам, называя ваш чин? Я — Император всех терранских подданных. После окончания войны я намерен дать амнистию всем, кто выступил против меня с оружием. Возможно, даже вам.

Флэндри тоже сел напротив адмирала, заложив ногу за ногу.

— Не слишком ли вы самоуверенны, а?

— Мерой отчаяния, испытываемого вашей стороной, может служить то, что вас послали вперед, чтобы попробовать торго-

ваться со мной, используя в качестве заложницы ту, которую вы называете моей женой. — Рот Мак-Кормака сжался в прямую линию. Гнев тут же вспыхнул в нем с новой силой, хотя говорить он продолжал столь же негромко. — Мне отвратителен каждый, кто позволил вовлечь себя в столь позорное дело. Неужели вы воображаете, что я предам всех, кто доверился мне, ради того, чтобы спасти одного человека, как бы он ни был мне дорог? Отправляйтесь же к Снелунду и его бандитам и скажите, что всем им не будет ни мира, ни пощады, даже если они сбегут на край Вселенной. Но есть разные способы умереть, и если они снова будут мучить мою Кэтрин, человечество на миллионы лет запомнит то, как они умрут.

— Пожалуй, мне не удастся передать им ваше послание, — сказал Флэндри, — поскольку Снелунд умер. — Мак-Кормак полупривстал с кресла. — Мы с Кэтрин явились сюда, чтобы сообщить вам, что если вы примете бой, то и вы, и ваши соратники будут покойниками, совсем как он.

Мак-Кормак вскочил и схватил Флэндри за плечи, причинив ему немалую боль.

— Это еще что такое? — крикнул он.

Флэндри разорвал его хватку простым приемом дзюдо.

— Не лапайте меня, Мак-Кормак!

Они оба вскочили на ноги — двое одинаково высоких мужчин, стоявших лицом к лицу. Кулаки Мак-Кормака были крепко сжаты, дыхание со свистом вырывалось из груди. У Флэндри кулаки разжаты, колени полусогнуты, тело готово уйти от удара в любую сторону или нанести удар в грудь противника. Молчаливая схватка воль продолжалась секунд тридцать.

Мак-Кормак взял себя в руки, круто повернулся, а затем снова встал лицом к Флэндри.

— Хорошо, — сказал он хриплым голосом, будто его душили. — Я впустил вас, чтобы выслушать. Продолжим.

— Так-то лучше. — Флэндри сел в свое кресло и вынул сигарету. Внутри он весь дрожал, его бросало то в жар, то в холод. — Дело в том, что у Пиккенса есть ваши секретные коды.

Мак-Кормак окаменел.

— В этом случае, — добивал его Флэндри, — если вы будете драться, он разорвет вас в клочки. Если вы отступите, он разобьет вас по частям, если же вы рассыплетесь, он захватит и вас, и ваши базы, прежде чем вы сумеете привести себя в порядок. Времени изменить коды у вас нет, и на то, чтобы успеть это сделать, нет ни единого шанса. Ваше дело — труба, Мак-Кормак.

Он провел черту сигаретой в воздухе.

— Кэтрин подтвердит вам это, — добавил он. — Она видела все, что случилось. Когда вы встретитесь с ней наедине, вы сразу же поймете, что она говорит правду и не находится под наркотическим или иным воздействием. Для этого вам не понадобятся никакие психологические тесты, я надеюсь. Разумеется, если вы действительно такая любящая пара, как заверяете.

Кроме того, когда вы поговорите со мной, вы можете послать группу, которая заберет мой главный компьютер. Там они найдут все записи вашего кода. Это убьет мой гиперпривод, но... что ж, придется подождать прибытия Пиккенса.

Мак-Кормак молчал, не отрывая глаз от палубы.

— Почему она не пришла вместе с вами?

— Она — моя страховка, — ответил Флэндри. — Она не понесет никакого ущерба, если ваши соратники не прибегнут к каким-либо диким выходкам, вроде стрельбы по моему кораблю. Но если я не уйду отсюда свободным, моя команда примет соответствующие меры.

«Что, мой дорогой Хью, я надеюсь, вы воспримете как намек: у меня опытные космолетчики, которые уведут отсюда корабль сразу же, как только вы проявите недружелюбие. Это естественное предположение, которое я, по мере своих слабых сил, постараюсь не ставить под сомнение. Факт, что моя команда состоит из Исполненного Печали, который даже игрушечный плот не проведет через бассейн для плавания, а кроме того, что хищник получил приказ не предпринимать ничего, что бы там ни случилось, вам все равно не удастся раскопать. А мне среди прочего предстоит сейчас сообщить вам кое-какие семейные новости».

Мак-Кормак поднял голову и внимательно взгляделся в лицо Флэндри.

— Ваша страховка? — Голос как будто шел откуда-то из живота.

Флэндри кивнул и закурил сигарету. Дым немного успокоил его.

— Угу. Длинная история. Кэтрин расскажет вам почти все. Но главное, что, хотя я служу Империи, здесь я нахожусь в неофициальном качестве и без ведома этой самой Империи.

— Почему?!

Флэндри говорил с той же холодной уверенностью, с какой он смотрел в глаза противника.

— По ряду причин, включая и ту, что я друг Кэтрин. Я тот, кто вырвал ее у Снелунда. Я взял ее с собой, когда отправился, чтобы посмотреть, нет ли шанса уговорить вас, что ваш мятеж — идиотская выдумка. Вы покинули систему Вергилия, но один из ваших очаровательных варваров, входящих в состав вспомогательных сил, атаковал нас и сбил. Нам удалось добраться до

Дилон и пешком дойти до Порт-Фредериксена. Там я захватил ваш боевой корабль с кодами — тот самый, которым сейчас командую. Когда я привел его к Ллинатавру, я и мои парни решили держать прибытие Кэтрин в тайне. Видите ли, они тоже дьявольски высоко ценили ее. Я заманил губернатора Снелунда на борт и держал его над сливом, пока Кэтрин перерезала ему глотку. Я бы поступил с ним куда хуже, и вы — тоже, но у Кэтрин больше достоинств в одной ДНК, чем у нас с вами во всем организме. Она помогла мне избавиться от улик, так как я все еще хочу вернуться домой на Терру. Мы вышвырнули его на метеоритную траекторию в атмосферу одной планетки. А потом отправились к Сатане.

Мак-Кормак вздрогнул:

— Вы хотите сказать, что она переметнулась на вашу сторону... К тебе? А может, вы оба уже...

Сигарета вылетела из губ Флэндри, сведенных страшной улыбкой Горгоны. Он вскочил, перемахнул через всю каюту, одной рукой схватил Мак-Кормака за отвороты мундира, а другой сбил поднятые для защиты руки адмирала двумя ударами ладони, после чего проскрипел, тряся противника с невероятной силой:

— Придержи язык! Лицемерный сукин сын! Если б дело касалось только меня, ты, проклятый боров, уже кропил бы космос своей кровью, летя по небу той же планетки! Но есть Кэтрин. Есть люди, которые пошли за тобой. На колени, Мак-Кормак, и благодари того грязного божка, которого ты взял себе в партнеры, что мне приходится искать способ спасти твою жизнь, потому что иначе причиненный тобой ущерб станет в десять раз больше!

Он отшвырнул Мак-Кормака. Тот ударился о переборку с такой силой, что она загудела. Наполовину оглушенный, тот уставился на олицетворение ярости, и его собственный гнев стал спадать.

Спустя несколько мгновений Флэндри снова обернулся к нему.

— Мне очень жаль, — сказал он глухо. — Прошу понять правильно, я не извиняюсь. Просто сожалею, что не сдержался. Весьма непрофессиональное поведение, особенно сейчас, когда времени так мало.

Мак-Кормак пожал плечами:

— Я уже сказал, что выслушаю вас. Может, мы сядем и попробуем начать сначала? — За это во Флэндри шевельнулось к адмиралу уважение. Они молча присели на самые красшки своих стульев. Флэндри достал новую сигарету.

— Ничего недостойного между Кэтрин и мной не случилось, — сообщил он, не спуская глаз с сигареты. — Не стану отрицать, что хотел этого, но... не произошло. Ее верность отдана вам и всегда будет вашей. Думаю, что мне удалось убедить ее в ошибочности ваших действий, но и то не полностью. И в любом случае она отправится только туда, где будете вы, чтобы помогать во всем, что будет угодно вам затеять. Разве это не стоит того, чтобы попытаться заслужить подобное отношение делом?

Мак-Кормак сглотнул слюну. Потом сказал:

— Вы удивительный человек, командер. Сколько вам лет?

— Вдвое моложе вас. И тем не менее мне приходится учить вас, как надо жить.

— А почему я должен слушать вас, — спросил Мак-Кормак, но уже вполне спокойно, — если вы служите этому мерзкому правительству? Да еще когда вы заявляете, что разрушили мое дело?

— Оно и без того было обречено. Я же знаю, как отлично работает выжидательная стратегия ваших противников. На что мы — я и Кэтрин — надеялись, так это на то, что вас можно убедить не тянуть за собой больше жизней, больше средств и больше имперской силы, когда вы неизбежно пойдете ко дну.

— Наши перспективы не были уж так плохи. Я разрабатывал план...

— Самым худшим вариантом была бы ваша победа.

— Что вы такое говорите! Флэндри, я — человек, и мне свойственно ошибаться, но кто угодно на троне был бы лучше этого Джосипа, который назначил сюда Снелунда!

Со слабой улыбкой, ибо его собственная ярость уже испарилась, а ее место заняло что-то вроде жалости, Флэндри ответил:

— Вот тут Кэтрин с вами полностью согласна. Она до сих пор уверена, что вы — тот идеал, который можно только вообразить для этой работы. Мне не удалось ее переубедить, хотя я и очень старался. Понимаете, права она или нет, совершенно ничего не значит. Дело в том, что даже если бы вы оказались самым блистательным императором в истории Терры, тем не менее ваша победа была бы катастрофой.

— Почему же?

— Вы нарушили бы принцип легитимности. Империя переживает Джосипа. Огромный масштаб ее интересов, осторожность ее бюрократов, ее величина и инерция не позволят Джосипу нанести ей непоправимый ущерб. Но если бы вы захватили трон силой, почему бы другому недовольному адмиралу не проделать то же самое в следующем поколении? И еще одному, и еще, пока гражданские войны не разорвут Империю на части. Пока

не придут мерсейцы, а за ними и варвары. Вы и сами уже наняли варваров, чтобы воевать с Террой, Мак-Кормак. И дело не в том, приняли ли вы меры предосторожности против них или нет, истина в том, что вы их привели, в том, что рано или поздно мы получим мятежника, который начнет делать им территориальные уступки. И тогда настанет Долгая Ночь.

— Вот с этим я никогда не соглашусь, — в бешенстве вскричал адмирал. — Перестроив декадентскую поли...

Флэндри резко оборвал его.

— Я вовсе не собираюсь вас перевербовывать. Я просто объясняю вам, почему сделал то, что сделал. — (*«Я не стану объяснять тебе, почему ради Кэтрин нарушил свой долг, теперь это уже не важно».*) Где-то внутри его прозвучал тихий смешок. — Вы не можете реформировать что-то, что реформированию не поддается, ибо безнадежно порочно в самой своей основе. Ваша революция сделала только одно — она погубила массу разумных существ, она уничтожила множество так остро необходимых космических судов и заварила такую кашу, что расхлебывать ее придется годы... и все это в пограничной области, имеющей критическое значение для Империи.

— А что же мне надо было делать, — яростно спорил Мак-Кормак, — встать с женой в сторонке? Да вы только подумайте, что уже сделал с сектором этот Снелунд! И еще подумайте, что бы он натворил, вернувшись на Терру! Да разве был какой-то другой выбор, кроме удара по самым корням грозящих нам бед?

— Корни... Истоки... Вы — радикалы — все одинаковы, — ответил Флэндри. — Вы полагаете, что сущность всех процессов сводится к одной-двум главным причинам и что ежели вы до них доберетесь, то мгновенно все станет как в раю. Но история так никогда не развивается. Почитайте ее и посмотрите, каков всегда бывает результат насилия, произведенного реформаторами.

— Ваши дурацкие теории! — в гневе почти заорал Мак-Кормак. — Я... мы встретились лицом к лицу с фактами!

Флэндри пожал плечами.

— Всегда возможны телодвижения разного рода, — ответил он. — Некоторые из них уже были произведены: жалобы на Терру, давление, чтобы убрать Снелунда или, во всяком случае, ограничить его полномочия... Если бы это не удалось, вы могли бы рассмотреть возможность его убийства. Я же не спорю, он представлял для Империи угрозу. Предположим, например, что после того как ваши друзья вас освободили, вы собрали небольшой, но очень профессионально-эффективный отряд и организовали бы нападение на дворец, поставив перед собой ограни-

ченную цель — освобождение Кэтрин и убийство Снелунда. Раз-
ве этого мало?

— А что делать потом?

— Вы бы поставили себя вне закона, — кивнул Флэндри. — Точно так же, как это сделал я, хотя и надеюсь поглубже запрятать улики своей вины, которой, кстати сказать, и не чувствую. Если оставить в стороне вопрос моего личного благополучия, это было бы дурным прецедентом, если б стало известно широким кругам. Ваше глубокое невежество, Мак-Кормак, приводит к тому, что вы не понимаете, сколь важной смазкой для функционирования общества является ханжество.

— Но нам пришлось бы прятаться!

— Нет. Вам пришлось бы немедленно сделать то, что придется сделать сейчас и вам, и многим вашим офицерам... бежать из Империи.

— Вы что — спятили? Куда это бежать?

Флэндри снова встал и поглядел на Мак-Кормака сверху вниз.

— Это вы сумасшедший, — сказал он. — Мне кажется, что все у нас гниет потому, что мы забыли об эмиграции. Лучше сидеть дома, думаем мы. И цепляемся за то, что у нас есть, за то, к чему привыкли, за свой комфорт, за свои привычки, за свои связи... И все это вместо того, чтобы затеряться в просторах этой неизмеримой вселенной!

Вы еще успеете исчезнуть, если стартуете через несколько часов. Имея преимущество во времени, вдобавок рассеявшись, ваши корабли успеют забрать членов семей и посадить тех, кто не захочет идти с вами. Им придется рискнуть и самим улаживать отношения с правительством, хотя, как я полагаю, ход событий заставит Империю отнестись к этим людям снисходительно. Назначьте randevu у какой-нибудь очень далекой звезды. Вряд ли даже отдельные ваши корабли будут преследоваться дальше границ сектора, если их случайно заметят.

Летите далеко, Мак-Кормак, так далеко, насколько это будет возможно. Найдите новую планету. Создайте новое общество. И не возвращайтесь никогда.

Адмирал тоже медленно поднялся.

— Я не могу отказаться от ответственности, — сказал он.

— Вы сделали это, подняв мятеж, — ответил Флэндри. — Ваш долг спасти всех, кого можно, и остаться жить, зная, что вы тут натворили. Может быть, то, что вы дадите людям новый жизненный старт, утешит вас. — *А я уверен, что так и будет. У тебя гигантский запас самовлюбленности.* — И Кэтрин. Она хочет лететь. Она очень, очень хочет этого. — Он поймал взгляд Мак-

Кормака. — И если у кого-нибудь существуют основания бежать из этой цивилизации, так это у нее.

Мак-Кормак крепко зажмурил глаза.

— Никогда не возвращайтесь, — повторил Флэндри. — И не вздумайте наwerben тучу варваров и вернуться. Тогда вы станете врагом. Настоящим врагом. Я потребую у вас слова чести. Если вы не дадите его мне и Кэтрин, я не позволю ей соединиться с вами, чего бы мне это ни стоило. Я лягу поперек дороги как труп. А если вы дадите слово и нарушите его, она вас никогда не простит.

Несмотря на ваше поведение, вы хороший лидер. Вы именно тот человек, который может возродить эмиграционный поток за такое короткое время. Вам ведь надо информировать, уговаривать, организовывать, действовать. Дайте мне слово, и Кэтрин будет доставлена к вам в моей шлюпке.

Мак-Кормак закрыл лицо руками.

— Слишком неожиданно. Я не могу...

— Ладно, тогда сначала решим несколько практических вопросов, если угодно. Главные детали я уже вам изложил.

— Но я... не могу...

— Кэтрин — ваша женщина, это так, — с горечью сказал Флэндри. — Так докажите же мне, что вы — ее мужчина.

Она ждала у шлюза. Эти часы грызли ее, как стая волков. Флэндри очень хотелось, чтобы их прощание не было омрачено ни этой мукой, ни нервным срывом.

— Доминик? — прошептала она.

— Он согласился, — ответил Флэндри. — Можешь отправляться к нему.

Кэтрин покачнулась. Он подхватил ее и прижал к себе.

— Ну-ну, — неловко успокаивал он, сам на грани рыданий. — Ну-ну, все кончилось, мы победили — ты и я. — Она обмякла. Он еле успел удержать ее от падения.

Держа на руках этот драгоценный для него груз, он быстро отнес ее в больничку, уложил и сделал стимулирующий укол. Уже через несколько секунд на ее лице появилась краска, ресницы дрогнули, зеленые глаза отыскивали его лицо.

— Доминик! — крикнула она. Слезы придали ее голосу какую-то резкость. — Это правда?

— Сама увидишь. Эти... только поосторожнее... Я дал тебе минимальную дозу... Нужно, чтобы обмен веществ восстановился.

Она бросилась к нему, все еще измученная и потрясенная. Их руки соединились. Последовал долгий поцелуй.

— Как бы я хотела... — произнесла она ломким голосом. — Я и в самом деле хотела бы...

— Не надо. — Он положил ее голову на свое плечо.

Она сделала шаг назад.

— Ладно. Желаю тебе всего самого лучшего в мире, начиная с девушки, которая будет предназначена только для тебя.

— Спасибо тебе, — отозвался он. — И не беспокойся обо мне. Ты стоила трудов, которые пришлось положить... *и тех неприятностей, которые еще предстоят.* Не тяни, Кэтрин. Иди к нему.

Она вышла. Флэндри нашел кнопку, которую надо было нажать, чтоб увидеть космическую шлюпку, ожидавшую ее, и встречающих ее техников Мак-Кормака.

Глава 16

Чужие солнца окружали «Персея». Темнота за кормой уже укрыла последние огоньки звезд Империи.

Мак-Кормака закрыл за собой дверь адмиральских покоев. Кэтрин встала. Отдых сначала под действием снотворного, потом с транквилизаторами и лекарствами, хорошее питание снова сделали ее прелестной. Она носила серый мерцающий халат, который кто-то одолжил ей, оставлявший открытыми шею и ноги, туго перевязанный поясом и чувственно обтягивающий тугие формы.

Адмирал встал как вкопанный.

— Я не ожидал увидеть тебя тут, — пробурчал он.

— Врачи отпустили меня, — ответила Кэтрин, — видя, в каком хорошем состоянии я встречаю счастливые новости. — Улыбка дрожала на ее лице.

— Что ж... Да, — продолжал он деревянным голосом, — мы действительно стряхнули их разведчиков, которые травили нас, весьма ловким маневром, предпринятым в этой туманности. Теперь, в этом неизученном космическом пространстве им никогда нас не отыскать. Да они и сами не захотят, я уверен. Было бы слишком рискованно посылать силы, которые нужны им самим, чтобы разобраться с нами в этих далеких-далеких краях. Нет, мы покончили с ними навсегда. Разве... если решим вернуться.

Пораженная, Кэтрин воскликнула:

— Ты не можешь! Ты дал слово!

— Я знаю. Не скажу, что не мог бы... если... Нет, не бойся. Я не вернусь. Флэндри был прав, черт бы его побрал, мне понадобились бы союзники, а им пришлось бы пообещать нечто, из-за чего Империя может рухнуть. Будем надеяться, что

одна угроза моего возвращения заставит их управлять Империей лучше... Там, у них...

Ее резкая реакция заставила его понять, сколько еще нужно ждать, чтобы вернулась ее прежняя сила.

— Дорогой, неужели даже в такой час ты можешь думать только о политике и сражениях?

— Прошу прощения, — ответил он. — Никто ведь не предупредил меня, что ты придешь. А я был страшно занят.

Она потянулась к нему, но объятие не состоялось.

— Так занят? — спросила она.

— Что? Что ты хочешь этим сказать? Слушай, тебе не следует так долго быть на ногах. Давай сядем. И... э-э... нам следует решить, как переделать нашу спальню...

Она на мгновение прикрыла глаза. Когда она их открыла, то уже овладела собой.

— Бедный Хью, — сказала она. — Ты же тоже боишься до полусмерти. Я даже не предполагала, что это может нанести тебе такую глубокую рану.

— Что за чушь, — бормотал он, увлекая ее к кушетке. Кэтрин сопротивлялась, так что его руки невольно сомкнулись на ее талии. Обняв его рукой за шею и прижавшись лицом к груди, она сказала:

— Погоди. Мы пытаемся убежать от мыслей о том, что с нами случилось. О том, чем я могу быть для тебя после всего, что со мной было. О том, что осталось несказанным между мной и Домиником, даже если б это включало... но я клянусь, этого не было.

— Я не сомневаюсь в тебе, — бормотал он, прижимаясь к ней губами.

— Нет, ты слишком честен, чтоб не заставить себя поверить мне и попытаться восстановить то, что у нас было прежде. Бедняга Хью, ты боишься, что не осилишь этого.

— Ну... ассоциации всякие, и все такое... — Обнимавшие ее руки, казалось, закаменели.

— Я помогу тебе, если ты поможешь мне. Мне это необходимо не меньше, чем тебе.

— Я понял, — сказал он, уже гораздо мягче.

— Нет, ты не понял, Хью, — ответила она серьезно. — Я поняла правду, когда поправлялась — одна, без всякого дела, не делая ничего, только думая, думая, пока наконец не засыпала и ко мне не приходили сны. Я почти изжила то, что было со мной во дворце, и стала почти прежней. И я сумею излечить тебя *от этого*. Но ты должен помочь мне излечиться от Доминика, Хью.

— О, Кэтрин, — шепнул он ей прямо в волосы.

— Мы попробуем, — тоже шепотом ответила она. — И мы добьемся. Хотя бы частично, хотя бы для того, чтобы жить. Мы просто обречены это сделать.

Вице-адмирал сэр Илья Херасков разворошил бумаги, завалившие его стол. Их шестест разнесся по всему кабинету. Висевший за столом экран сегодня изображал Сатурн.

— Так, — сказал он. — Я занимался вашим отчетом и другими относящимися к нему документами весьма интенсивно с тех пор, как вы изволили прибыть домой. Вы весьма занятный молодой человек, командер.

— Да, сэр, — ответил Флэндри. Он воспользовался стулом, но почел за лучшее сидеть на самом краешке, чтобы это походило на сидение по стойке «смирно».

— Сожалею, что вам отказали в отпуске и две недели вы провели на Луне-Первой. Должно быть, весьма огорчительно видеть у себя прямо над головой все публичные дома Терры, не так ли?

— Так точно, сэр.

Херасков хмыкнул:

— Можете не волноваться. Мы были обязаны провести вас через довольно утомительные процедуры, но скажу по секрету, вас сняли с крючка, а ваш временный чин командера сделан постоянным. До тех пор, пока ваша следующая эскапада не заставит либо разжаловать вас, либо произвести в следующий чин. Я бы сказал, шансы тут пятьдесят на пятьдесят.

Флэндри откинулся на спинку кресла.

— Благодарю вас, сэр.

— Вы, кажется, несколько разочарованы? — спросил Херасков. — Ожидали большего?

— Что ж, сэр...

Херасков склонил голову набок и ухмыльнулся еще шире.

— Тогда можете излить ваше недовольство на меня. Это мне вы обязаны тем, что получили. И, должен признаться, работенка у меня была еще та! — Он еле перевел дыхание. — Правда, то, что вы доставили секретные коды противника, было достижением, позволившим на многое другое смотреть сквозь пальцы. Помимо потери «Азиенны» в предприятии, которое в лучшем случае можно назвать безрассудным, вы организовали еще несколько представлений, которые в лучшем случае можно счесть превышением власти, а в худшем — злостным злоупотреблением своими полномочиями. Таких, например, как самочинный захват пленницы губернатора, увоз этой пленницы в дальнюю экспедицию, сокрытие ее на борту по возвращении, передача ее

неприятелю... Боюсь, Флэндри, что какой бы чин вы в дальнейшем ни получили, кораблями вам не командовать.

«Тожe мне наказание!»

— Сэр, — сказал Флэндри, — мой доклад показывает, что все сделанное мной не противоречит уставу. Таковы же будут показания служивших со мной людей.

— При самой свободной интерпретации ваших полномочий тем инопланетянином и вашим бортовым компьютером... да, возможно. Но главное, учтите вы, пройдоха, почему я вас защищал и рыл землю носом — так это потому, что Разведывательные Силы нуждаются в вас.

— Еще раз выражаю свою признательность адмиралу.

Херасков придвинул ему ящичек с сигарами.

— Возьмите, — сказал он, — и докажите свою благодарность тем, что расскажете мне все, как оно было на самом деле.

Флэндри взял сигару.

— В моем докладе все сказано, сэр.

— Понятно, но я узнаю хорька, даже не видя его — по запаху. Например, я прочту вам небольшой отрывок из этого удивительного документа, который вы изволили написать... хм-хм... «Вскоре после того как я отбыл вместе с леди Мак-Кормак на Терру, имея на борту минимальную команду в целях увеличения скорости и секретности, согласно имевшимся у меня приказаниям, я, к сожалению, был замечен и задержан вражеским крейсером, который взял меня на абордаж. Доставленный к Сатане, я был удивлен, обнаружив, что мятежники напуганы известием о том, что адмирал Пиккенс располагает их кодами, а потому намерены бежать из пределов Империи. Леди Мак-Кормак уговорила их освободить меня и моего помощника — дидонца. Меня бросили в космосе на поврежденном корабле. После прибытия кораблей Империи я освободился, отвез на родину вышеозначенного дидонца вместе с обещанными ему дарами и, рассчитав курс на Терру...» Ладно, пожалуй, хватит. — Херасков перевернул страницу. — Ну а какова математическая вероятность того, что вы встретили в космосе сторожевой крейсер противника, чудом оказавшийся от вас на таком расстоянии, что смог опознать, чей это корабль?

— Что ж, сэр, — ответил Флэндри. — Невероятное иногда таки случается. Приходится только сожалеть, что мятежники стерли из компьютера мой судовой журнал, удаляя гиперпривод. Тогда бы у меня были доказательства. Впрочем, мой отчет должен сам быть достаточно убедителен.

— Да, вы наворотили целую гору непробиваемых, взаимно-увязанных построений, часть из которых не может быть прове-

рена, объясняющих, почему сделали то-то и то-то и почему не могли сделать ничего другого. Наверняка на это произведение у вас ушло все время полета от альфы Креста до Терры. Скажите правду. Вы ведь умышленно отыскиали Мак-Кормака и предупредили его насчет кодов, верно?

— Сэр, это была бы самая настоящая измена.

— Вполне под пару той, когда вы разделились с губернатором, чье поведение не одобряли. Странное дело — его в последний раз видели как раз перед тем, как вы запросили разрешение на старт.

— Там была такая суматоха, сэр, — ответил Флэндри. — Город ну прямо кипел. А у его превосходительства было множество личных врагов, из которых любой мог рискнуть и свести с ним счеты. Но если адмирал подозревает меня в каких-то позорящих честь офицера поступках, он может распорядиться, чтобы меня допросили под гипнозом.

Херасков вздохнул:

— Ладно, переберемся. Вы же знаете, что этого я не сделаю. Заодно уж скажу, что никто не собирается и свидетелей искать: они ведь наверняка предпочли бы не объявляться. Слишком много труда, а результатов никаких. До тех пор пока они носа не высунут, мы готовы разрешить им исчезнуть среди бесчисленного населения Империи. Так что вы свободны, Флэндри. Я просто надеялся... Но, возможно, даже лучше, если я не стану слишком глубоко вникать в эти дела. Закуривайте сигару. И мы можем распорядиться насчет настоящей выпивки. Шотландское потребляете?

— Обожаю, сэр. — Флэндри закурил сигару, с наслаждением вдыхая аромат табака.

Херасков отдал приказ по интеркому и наклонился к гостю, положив ладони на стол и выпуская густые облака дыма.

— Скажите мне только одну вещь, вы, блудный сын, — попросил он, — в обмен на мое заклятие множества жирных бычков со звездами на погонах и даже с туманностями орденов. Это обыкновенное и вполне простительное любопытство с моей стороны. Как только мы наведем порядок в документах, вы получите продолжительный отпуск. Где и как намечает его провести ваше причудливое воображение?

— В тех злых местах, о которых недавно упомянул адмирал, — с полной готовностью ответил Флэндри. — Вино, женщины, песни. И особенно женщины. Давненько мне с ними не приходилось встречаться.

«Не говоря уж о том, что это и развлечение, и средство забыть, — улыбаясь думал он. — И так оно и останется до конца моей жизни.

Но она сейчас счастлива. И этого довольно».

Я/мы вспоминаем.

Ноги уже стары. Они ходят медленно и часто болят, особенно когда туман клубится возле жилого дома, покоящегося на самом дне зимней ночи. Крылья, что остались от Многомудрого, совсем ослепли и сидят одиноко на своем насесте, разве что иногда приходит кто-то из молодых, чтобы поучиться. Те крылья, что входили раньше в состав Открывателя Пещер и Исполненного Печали, теперь живут в другом Ревущем Камне. Руки Многомудрого и Открывателя Пещер уже давно сложили кости в Западных горах, в тех самых, куда ушли руки Исполненного Печали. Но память жива. Слушайте же, юные руки, о тех, кто составлял единства еще до того, как я/мы пришли в этот мир.

Все это гораздо больше, чем просто материал для песен, танцев и обрядов. Теперь мы — из этой маленькой общины — больше не считаем, что наши крошечные земли — это весь Мир. Там — за джунглями и за горами — лежит громадная вселенная. А за небесами горят звезды, о которых мечтал Открыватель Пещер и которые лицезрел Исполненный Печали. И там живут чужеземцы с единым телом — те, что изредка посещают нас и о которых мы еще чаще слышим, когда в поисках просветленности бродим среди чужих племен. Их товары и их поступки будут воздействовать на нас все сильнее и сильнее, по мере того как идут годы, и они будут вызывать изменения не только в Ревущем Камне; эти изменения заставят время течь сквозь нас совсем иными потоками благодаря возросшей стабильности, которую мне/вам легче всего представить. А затем придет и большее. Ведь каким образом можем мы достигнуть единства с миром, если не сможем понять его?

А потому лягте и расслабьтесь, юные руки, старые ноги и крылья. Пусть ветер и река, свет и время текут сквозь вас. Отдыхайте, погружайтесь в меня/нас и копите силу, исходящую от мира, силу, чтобы помнить и искать мудрость.

И не бойтесь чужеземцев с одним телом. Ужасны их силы, но и эти силы когда-нибудь станут подвластны нам, мы научимся пользоваться ими по своему усмотрению. Жаль нам эту расу — они не животные, они умеют мыслить, а потому рано или поздно должны понять, что никогда им не достичь Единства.

Содержание

От издательства	7
Все круги ада, <i>перевод с английского К. Слепiana</i>	9
Мятежные миры, <i>перевод с английского В. Ковалевского, Н. Штуцер</i>	189

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том пятнадцатый

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *М. Катаева, А. Александрова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиришфелде*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Оформление шмуцтитилов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 3.03.97. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 18,48. Тираж 8 000 экз.

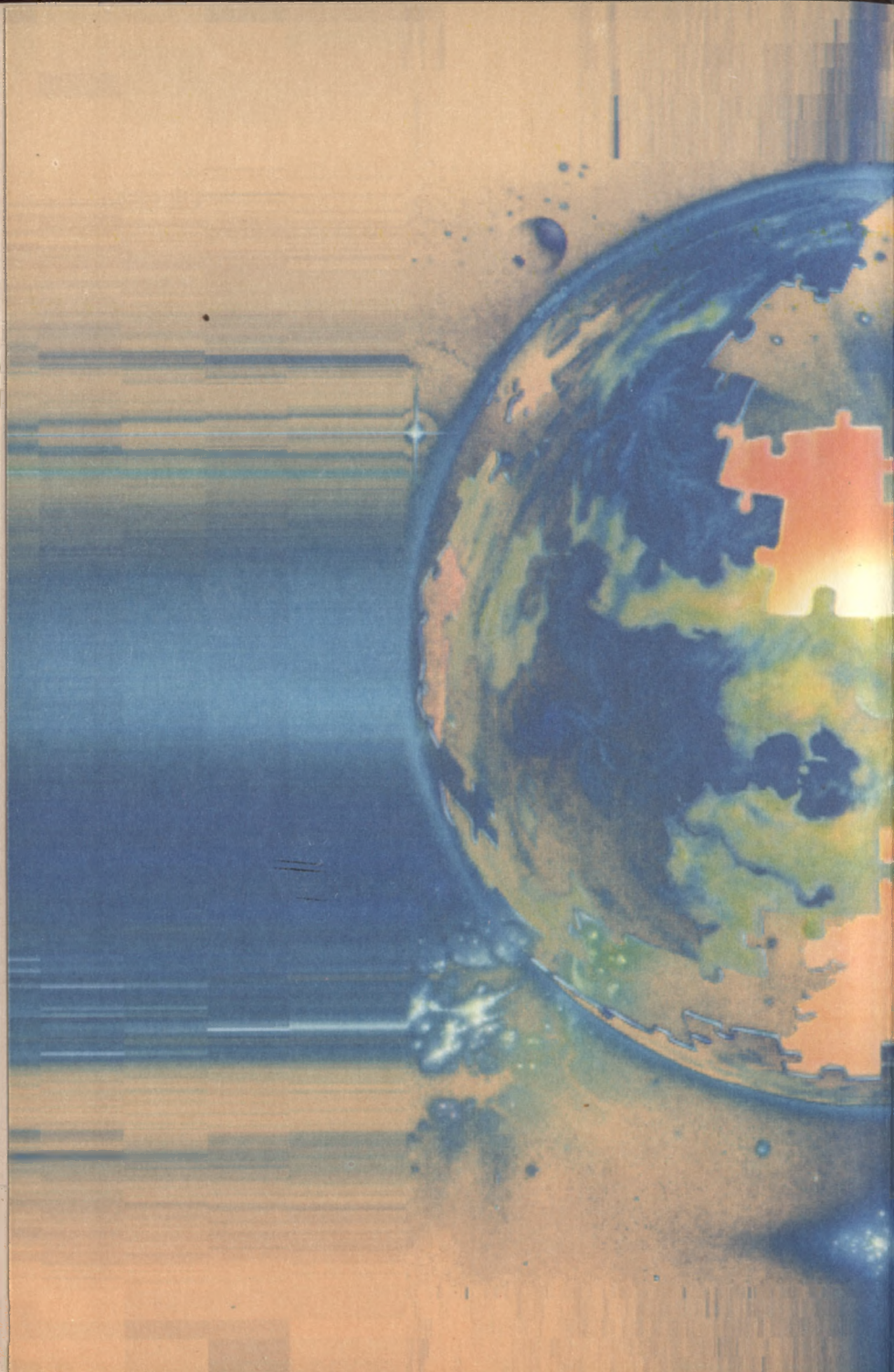
Заказ № 308.

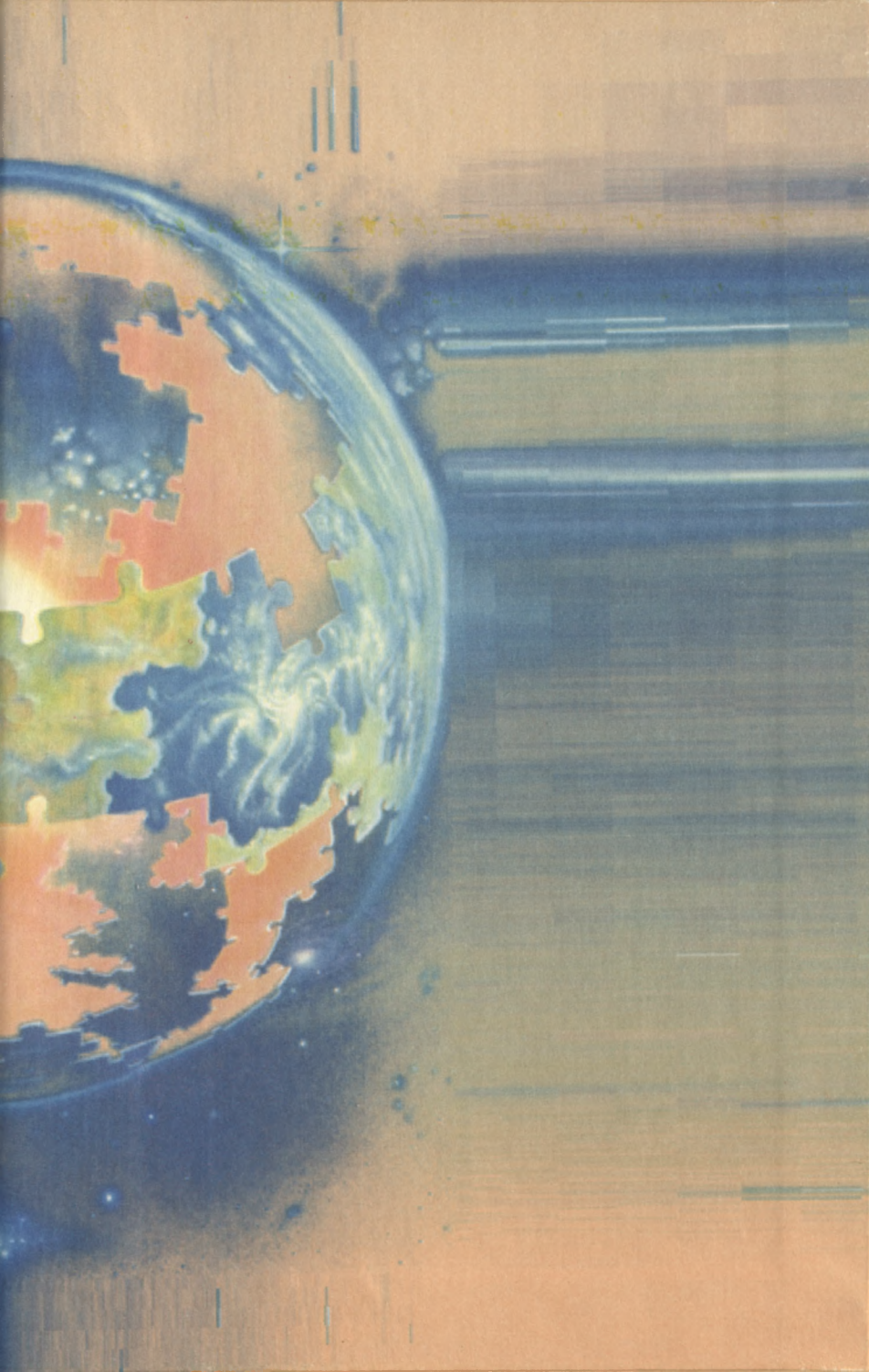
Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации
по печати. 170040, г. Тверь, проспект 50-летия
Октября, 46.

Все круги ада

Нанявшись на службу к главарю преступного мира, лейтенант Доминик Флэндри и помыслить не мог, что ему придется преодолевать опасности большие, чем взбесившиеся роботы Велунда. Но Мерсейя не дремлет...

Мятежные миры

Вновь Империи угрожает опасность — уже изнутри. В системе Вергилия поднимается мятеж против императорского фаворита, беспринципного и жестокого губернатора Снелунда. На чью сторону встанет Доминик Флэндри — мятежников, законной власти... или женщины, которую он любит безнадежно?

